РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ: НАРОДЫ И ИХ КУЛЬТУРА

Под общей редакцией Н.А. Дубовой
и Л.Т. Соловьевой

Москва, 2008

УДК 39+572
ББК 63.5
Э91

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Ю.Д. Анчабадзе*
кандидат исторических наук *Л.В. Остапенко*

Э91 **Этническая экология: народы и их культура**. / Под общ. ред. Н.А. Дубовой, Л.Т. Соловьевой. М.: Старый Сад, 2008.

ISBN 5-89930-117-1

Сборник статей охватывает различные аспекты исследования специфики взаимодействия этносов с природной и социальной средой. Один из разделов сборника посвящен анализу (дез)адаптивных изменений в культуре, системах жизнеобеспечения и расселения, демографических характеристиках и биолого-антропологических особенностях абхазов, произошедших в постсоветский период.

Затрагиваются также вопросы взаимодействия с окружающей средой древних тюрок, зависимость топонимии от природных условий обитания, процессы преемственности исторических традиции на примере «альбомной культуры» и состояние здоровья новорожденных в сложных условиях мощных антропогенных нагрузок на среду.

Для этнографов, антропологов, географов, экологов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами взаимодействия обществ с природной и культурной средой.

ISBN 5-89930-117-1 **ББК 63.5**

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2008 г.
© Коллектив авторов, 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ **5**

РАЗДЕЛ 1.
КОМПЛЕКСНЫЕ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ **9**

Дубова Н.А., Козлов В.И., Ямсков А.Н.
Вступительное слово 9

Дубова Н.А.
Динамика численности, движение населения и некоторые другие аспекты демографических процессов в современной Абхазии 27

Хашба А.Ш.
Современная абхазская сельская семья: демографический аспект 58

Соловьева Л.Т.
Семья и ее окружение в сельской Абхазии: система адаптационных механизмов в эпоху перемен 71

Година Е.З., Хомякова И.А., Задорожная Л.В., Прудникова А.С., Бацевич В.А.
Абхазия четверть века спустя: изменения показателей соматического развития в двух поколениях абхазских детей и подростков 86

Ямсков А.Н.
Экономическое положение и социально-демографические особенности сельских абхазов 122

Григулевич Н.И.
Застолье и культура винопития в Абхазии 164

Григулевич Н.И.
Система питания в Абхазии 196

Дубова Н.А.
Война 1992-1993 годов: некоторые свидетельства 228

Авидзба В.В.
Конфликты и конфликтные ситуации в традиционном правосознании абхазов 249

РАЗДЕЛ 2.
ПРИРОДНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА, ФОРМИРУЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ПОСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРУ 258

Губогло М.Н.
Предчувствие перемен (из воспоминаний о нравственном подъеме накануне «Оттепели») 258

Калуцков В.Н.
Топонимия северорусского культурного ландшафта (на примере Пинежья и Кенозерья) 316

Дробышев Ю.И.
Древние тюрки и окружающая среда. 329

Чернышева Ф.А., Исламова Н.М., Киамова Н.И.
Физическое развитие новорожденных детей г. Набережные Челны 363

Предисловие

Вопросам экологии человека посвящается в настоящее время огромная литература. То направление исследования, которое представлено данным собранием статей нескольких авторов, получило название этнической экологии. Разработки, которые велись сектором, а теперь группой этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН, базируются на концепции этической экологии,[1] разработанной крупнейшим российским демографом, автором многих фундаментальных работ, организатором нескольких крупномасштабных комплексных исследований, участником Великой Отечественной войны Виктором Ивановичем Козловым, которому в 2009 г. исполняется 85 лет и который до настоящего времени полон научной энергии и болеет душой как за состояние отечественной науки, так и за демографические проблемы нашей страны. Именно В.И. Козловым были изложены основополагающие принципы «научной дисциплины, расположенной на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией) и имеющей зоны перекрытия с этнической географией, этнодемографией и этнической антропологией».[2] Особое внимание российскими учеными в этой концепции уделяется теме адаптации и жизнеобеспечения этноса.

Представляемая вниманию читателей работа является второй частью книги, посвященной современным этноэкологическим проблемам. Первая часть выходит в настоящее время в Издательстве «Наука» в серии «Расы и народы» (Вып. 34). Включенные в том статьи сгруппированы в три раздела. В первом из них освещаются самые общие вопросы взаимодействия человека, природы и общества. Специальное внимание, учитывая специфику данного серийного издания, уделено проблеме расы, обоснованию позиций отечественных специалистов антропологов. Анализируются генетические и средовые факторы, определяющие разнообразие человеческих популяций, воздействие глобального изменения климата планеты на жизнь традиционных обществ. Рассмотрена методология этноэкологических исследований, в том числе в приложении к концепции этноэкосистемы, а также информативность различных источников информации для этноэкологических построений и объективная необходимость проведения этнологической экспертизы при законотворческой деятельности.

Второй раздел рассматривает более частные проблемы взаимодействия этнических образований со средой обитания, в том числе: зависимость пространственной структуры расселения от природных особенностей местности и ландшафта, роль системы питания, ее отдельных составляющих для успешности адаптации населения в меняющихся условиях среды. В небольшой третий раздел выделены работы, освещающие изменения культуры народов в процессе миграции. Здесь затрагиваются проблемы и современных трудовых миграций, и судьбы групп, сменивших места обитания столетия или даже тысячелетие назад.

К сожалению, формальные обстоятельства не позволили увеличить объем очередного тома серии, поэтому авторский коллектив счел возможным оставить в первой части труды более общего характера. Здесь, в этом самостоятельном издании, мы представляем, прежде всего, блок статей, подводящий итоги

работы коллектива над проектом РГНФ № 05-01-01069а «Медико-антропологические и демографические последствия социально-культурных изменений конца 1980-х – начала 2000-х гг. в сельской Абхазии» (2005-2007 гг.; руководитель – А.Н. Ямсков). В этом же разделе кратко представлена история формулировки концепции этнической экологии, основные разработки, которые коллектив имеет в этом направлении.

Во втором разделе сгруппированы разноплановые исследования. Прекрасно известный многим специалистам своими яркими этносоциологическими и этнологическими публикациями руководитель Центра межэтнических исследований ИЭА РАН М.Н. Губогло представил удачную и красочную попытку проследить судьбу важнейшей составляющей культуры жизнеобеспечения – элементов соционормативной культуры – в меняющемся мире на примере собственных воспоминаний. Географ из МГУ им. М.В. Ломоносова В.Н. Калуцков в своей оригинальной работе показывает, как топоним в компактной форме отражает своеобразие освоения окружающих природных комплексов местным сообществом. Ю.И. Дробышев, уделивший свое внимание взаимодействию коллективов древних тюрок с окружающей средой, сочетает свои биологические знания (старший научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН) с занятиями историей кочевых народов Центральной Азии и их экологией (научный сотрудник Института востоковедения РАН; преподаватель Института восточных культур и античности). Биологическую составляющую продолжает и антрополог-ауксолог из Камской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (г. Набережные Челны, Республика Татарстан) Ф.А. Чернышева, анализирующая красноречивые и вызывающие серьезную озабоченность данные о новорожденных города, в котором живет, совершенно справедливо отмечая, что «города стали ныне сосредоточением экономических, со-

циальных и особенно экологических проблем. Но кажущееся разнообразие тематики как в первом, так и во втором разделах издания объединяется именно многогранностью подхода к феномену человека, народа, их взаимодействию с окружающей природной и социальной средой.

---

1 Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография (СЭ). 1983. N 1. С. 8.

2 Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии; Он же. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его этнологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 14-43; Он же. Этническая экология. Становление дисциплины и история проблем. М., 1994; Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Ред. Веселкин Е.А., Тишков В.А. М.: Наука, 1989.

РАЗДЕЛ 1
Комплексные этноэкологические исследования в современной Абхазии[1]

Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Объяснение основных задач, особенностей организации работ по выявлению и интерпретации постсоветских трансформаций в этнографии, демографии и антропологии и некоторых итогов проведённых в 2003-2006 гг. экспедиционных исследований в Абхазии уместно предварить кратким экскурсом в их предысторию и научно-теоретическое обоснование.

Итак, без малого четверть века назад в широко известной статье В.И. Козлова, благодаря которой в отечественную науку вошёл сам термин «этническая экология» и понимание её основных исследовательских задач, было отмечено: «Стимулирующее значение для становления этнической экологии у нас в стране имело участие этнографов вместе с демографами, антропологами, медиками и специалистами других наук в начавшейся с 1978 г. разработке советско-американской темы «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей».[2] Указанная тема разрабатывалась тогда как раз на примере абхазов,[3] а позже, в первой по-

ловине – середине 1980-х гг. и уже без участия американских коллег, – азербайджанцев.[4]

Таким образом, в понимании нашей научной школы этноэкологических исследований, основанной В.И. Козловым, их комплексность и междисциплинарный синтез были изначально заложены в качестве приоритетов либо как минимум важных и весьма желательных аспектов данного подхода. Например, необходимость учёта демографических и некоторых медико-биологических характеристик изучаемой группы населения при исследовании её «системы жизнеобеспечения» и для оценки эффективности последней, то есть достигнутого благодаря ей уровня адаптации, прямо постулировалась уже при вводе и научном обосновании этого понятия.[5] Позднее, кстати говоря, оно стало весьма популярным в этнологических и этноэкологических исследованиях именно в этой расширенной трактовке В.И. Козлова. Впоследствии члены нашего творческого коллектива специально останавливались на обосновании роли и целей демографических[6] и биолого-антропологических[7]

Участники Российско-американской комплексной экспедиции РАН по изучению популяций с повышенным процентом долгожительства. с. Дурипш, 1980 г. Из архива В.И. Козлова

исследований, выполняемых в рамках научных программ этноэкологической направленности.

Поэтому сама идея проведения комплексного, междисциплинарного исследования с акцентом на изучение не только культуры, но также демографических и биолого-антропологических характеристик соответствующих групп населения, лежит вполне в русле нашего понимания методологии масштабных этноэкологических проектов.

Кроме того, из приведённой выше цитаты также следует, что именно изучение феномена популяционного долгожительства стало первым этапом комплексных этноэкологических исследований, выполненных при участии авторов этих строк.[8] При этом индекс популяционного (группового) долгожительства, то есть выражаемое в промилле отношение численности лиц в возрасте 90 лет и старше к числу всех людей, начиная от 60 лет и более, в данной группе населения (обычно в селе), рассматривался прежде всего как индикатор успешности адаптации данной группы к сложившимся социальным и природно-географическим условиям жизни. Впрочем, об упомянутом выше крупномасштабном проекте изучения популяционного долгожительства абхазов на рубеже 1970-х – 1980-х гг. мы ещё скажем несколько слов ниже. Сейчас же подчеркнём, что очень высокие, подтвержденные в ходе специальных тщательных проверок показатели индекса популяционного долгожительства абхазов в некоторых селениях Абхазской АССР рассматривались нами тогда как доказательство уникально высокого уровня их адаптированности к социальной и природной среде обитания. Иными словами, это свидетельствовало об особенной эффективности адаптивных функций абхазской сельской народной культуры в том её виде, который она приобрела в поздний советский период.

Комплексные этноэкологические исследования в Абхазии и Азербайджане в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. были призваны выявить сельские популяции с наиболее высокими индексами группового долгожительства, а также охарактеризовать обеспечившую эти уникальные уровни адаптированности специфику их бытовой культуры и образа жизни, соответствующие последним демографические и медико-биологические особенности населения. В следующем проекте во второй половине 1980-х гг. нами была уже предпринята попытка опре-

делить и объяснить взаимосвязанную историческую динамику в указанных областях культуры, демографии и биологии человека. Это была комплексная программа «Этническая экология переселенческих групп. Русские старожилы в Закавказье», осуществлявшаяся в ходе экспедиций 1986-1992 гг., которая предполагала взаимосвязанное исследование динамики расселения и численности, медико-демографических характеристик и биолого-антропологических особенностей, адаптивных изменений культуры у русских крестьян-старожилов Закавказья (молокан, духоборцев, субботников) на протяжении 1830-х – 1980-х гг. При этом сравнения закавказских старожильческих русских сельских групп, расселившихся преимущественно по территории Азербайджана, по их состоянию на вторую половину 1980-х гг. проводились как с соседними группами коренных народов Закавказья, так и с русским сельским населением в районах выхода переселенцев первой половины – середины XIX в., то есть в нескольких областях Центрально-Чернозёмной

Участники Комплексной экспедиции ИЭА РАН и АбИГИ АН Абхазии. пос. Гудаута, 2003 г. Из архива Н.А. Дубовой

России (в частности, наиболее подробно – в селе Пески Воронежской области).

Таким образом, в этом случае на первый план выходила уже задача выявить и оценить масштабы изменений в различных сферах русской крестьянской культуры и в первую очередь определить степень эффективности её адаптивных функций при переселении в регионы с принципиально иными природно-климатическими условиями и новым этнокультурным окружением. Оценка успешности адаптации русских крестьян в Закавказье в данном случае проводилась вновь по медико-демографическим и биолого-антропологическим особенностям этих сельских популяций и тенденциям их изменений во времени.[9] Кстати говоря, отмеченная установка на синтез этнографических, демографических и биолого-антропологических исследований в рамках масштабных этноэкологических проектов, а также анализ некоторых междисциплинарных результатов двух вышеупомянутых программ такого рода, впоследствии вошли в соответствующие тематические разделы разработанных нами программ учебных курсов для вузов по данной либо близкой проблематике.[10] Имея опыт такого рода масштабных экспедиционных проектов, мы в начале 2000-х гг. инициировали новую комплексную программу этноэкологических исследований в Абхазии. Как известно, после произошедшего в конце 1991 г. распада СССР Абхазия пережила абхазо-грузинский этнический конфликт, переросший в полномасштабную войну с Грузией в 1992-1993 гг., исход более половины её довоенного населения (преимущественно грузинского, а также представителей других нетитульных этнических групп), полную экономическую разруху и жёсткую блокаду со стороны России, продолжавшуюся фактически вплоть до начала 2000-х гг. Мы предположили, что столь драматичное ухудшение условий жизни не могло не повлечь за собой заметных изменений в культуре, демографии и биолого-антропологических особенностях сельских абхазов по сравнению тем, что было характерно для позднего советского периода. Выявить эти изменения, оценить их масштабы и объяснить ведущие причины, попытаться обосновать взаимосвязанность и/или взаимообусловленность отдельных изменений в указанных сферах жизни абхазов и стало задачей нашего нового междисциплинарного

повторного (по сути – лонгитюдного) проекта.[11] Начало наших работ в Абхазии стало возможным, благодаря определённой стабилизации общественно-политической ситуации в республике к началу 2000-х гг. и вследствие начавшегося тогда же восстановления профессиональных контактов с абхазскими коллегами. Первоначально мы планировали выезд в Абхазию ещё в 2002 г., но в тот год нам помешал срыв в финансировании экспедиций Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН. Лишь в 2003 г. Н.А. Дубова и А.Н. Ямсков за счёт бюджетного финансирования смогли совершить короткую рекогносцировочную поездку в Сухум, установить рабочие контакты с абхазскими этнологами и антропологами и вместе с ними проехать по некоторым «долгожительским» сёлам Абхазии.

Как выяснилось в ходе той поездки, по сравнению с началом 1980-х гг. индексы популяционного долгожительства в наиболее тщательно изученных в те годы «долгожительских» сёлах Дурипш, Лыхны, Члоу

Н.А. Дубова и А.Н. Ямсков во дворе дома главы администрации с. Джегрда Тома Сардионовича Логуа. 2003 г. Из архива Н.А. Дубовой

и Джгерда понизились в несколько раз.[12] Это заключение, полученное в ходе обработки записей в сельских похозяйственных книгах, можно без особого преувеличения считать подлинным этнографическим открытием. Именно оно и послужило главным побудительным мотивом к развертыванию в рамках данного проекта гораздо более детальных исследований серии взаимосвязанных вопросов о том, почему это произошло и какими сопровождалось изменениями в бытовой культуре и образе жизни, других демографических характеристиках и процессах взросления и старения сельских абхазов.

Таким образом, можно сказать, что в постсоветский период действительно произошли выраженные негативные изменения условий жизни сельских абхазов, так как только это могло привести к резкому (в 2-4 раза и более) снижению индекса популяционного долгожительства, а в некоторых ранее знаменитых своими долгожителями сёлах в мужской части абхазской популяции этот феномен вообще исчез (Джгерда в 2003 г., Дурипш в 2004 г.).[13] Динамика данного показателя свидетельствует о серьёзном сбое в былой уникально эффективной адаптации сельских абхазов к условиям их жизни, позволившей проявиться феномену популяционного долгожительства. Иными словами, в значительной мере традиционные либо органично выросшие из народных традиций система жизнеобеспечения и бытовая культура сельских абхазов, которые в поздний советский период обеспечили им удивительно высокий уровень адаптации к социальным и природным условиям среды обитания, не смогли помочь им столь же успешно справиться и с драматичными изменениями условий их жизни в 1990-е гг.

Кстати, подлинные масштабы изменения индексов популяционного долгожительства у сельских абхазов могут быть ещё более значительными, так как указанный вывод сделан на основе сопоставления верифицированных в ходе полевых исследований начала 1980-х гг. значений указанного индекса со сведениями о номинальных показателях 2003-2005 гг. В начале 1980-х гг. в Абхазии верификацию, то есть подтверждение реального возраста респондента в 90 лет и более в ходе его длительного интервьюирования об основных этапах биографии и важнейших событиях в жизни на фоне истории страны и ре-

гиона, проходили примерно 35% – 40% номинальных долгожителей[14] то есть тех лиц, чей возраст был официально указан в паспорте и похозяйственной книге в пределах 90 лет и более. Впрочем, к началу XXI в. доля верифицируемых долгожителей среди номинальных должна была очень существенно вырасти, ведь лица в возрасте 90-100 лет родились в 1900-е – 1910-е гг., когда статистический учёт населения в абхазских сёлах относительно наладился. Напротив, долгожители начала 1980-х гг. должны были появиться на свет в 1880-е – 1890-е гг. или даже ранее. Однако известно, что в 1877 г., во время русско-турецкой войны, российскими войсками было жестоко подавлено восстание абхазов и в результате имело место их массовое махаджирство (переселение в Турцию). В 1880-е гг. продолжалась затухающая эмиграция части абхазов в Турцию, сопровождавшаяся частичным возвращением некоторых абхазов-махаджиров обратно в Абхазию. В таких условиях точный учёт и документальная фиксация рождений сельского абхазского населения были практически невозможны.

Итак, современная ситуация в сельской Абхазии изучалась нами в 2003-2006 гг. во время полевых работ 6 экспедиционных отрядов, в

Участники экспедиции в с. Члоу. 2004 г. Фото А.Н. Ямскова

том числе 4 демографо-этнографических и 2 антропологических, работавших примерно по одному месяцу каждый.[15] Собранная в эти годы информация сопоставлялась с положением, описанным в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в ходе выполнения вышеупомянутой многолетней советско-американской исследовательской программы по изучению абхазского долгожительства «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с повышенным процентом долгожителей» (руководитель – В.И. Козлов). Кстати сказать, именно профессор В.И. Козлов был главным инициатором и нынешнего лонгитюдного проекта. Его вклад в данный проект трудно переоценить, так как он активно участвовал в составлении и постоянной коррекции программ полевых исследований 2003-2007 гг., а его опыт организации подобных междисциплинарных проектов в позднесоветский период оказался полностью востребованным и в наши дни.

Тогда, на рубеже 1970-х – 1980-х гг., были детально изучены антропологические (включая общую соматометрию, кефалометрию, одонтологию) параметры, ростовые процессы в детском и подростковом, во взрослом и старческом возрастах, возрастной оссеоморфный статус абхазского населения. Проведены генетические и цитогенетические исследования, всесторонне обследована система жизнеобеспечения (жилищно-бытовые условия, традиционные системы питания, занятость и особенности трудовой деятельности абхазов). С медицинской точки зрения обследованы сердечно-сосудистая, дыхательная, нервная системы организма, органы чувств. С разных позиций изучены психология, особенности характера долгожителей, психологическая ситуация в абхазском обществе, социальный статус старшего поколения. Тогда же был сформулирован целый ряд гипотез возникновения явления группового долгожительства, проанализированы разнообразные факторы, ведущие к индивидуальному долголетию и способствующие повышению и благополучию доли старших возрастных когорт в обществе.[16]

Данные любого лонгитюдного обследования весьма интересны с точки зрения фундаментальной науки. Информация об одной и той же группе населения (популяции) с разницей в 20–25 лет, полученная до и после сильного социального потрясения, вдвойне важна, так как поз-

воляет уловить, в какой степени и как социальный стресс воздействует на биологические и демографические характеристики популяции, ее социальные институты и культурные традиции. Не менее важны и данные об адаптивных либо дезадаптивных изменениях в различных блоках системы жизнеобеспечения народа.

Кроме того, актуальность и практическая значимость нашего современного исследования связаны не только с тем, что социально-этнографическое и медико-антропологическое изучение сельских населенных пунктов одного из непризнанных постсоветских государств восполняет явные лакуны в наших знаниях о направлениях и масштабах трансформации условий жизни населения стран СНГ в постсоветский период. Своеобразие современной социально-политической ситуации в Абхазии заключается и в том, что абсолютное большинство (более 80%) ее постоянного населения уже к середине 2005 г. приобрело российское гражданство.

Рис. 5. Мужчины с. Бармыш в ожидании привоза пенсии. 2006 г. Фото Н.А. Дубовой.

Ведущую роль в вышеупомянутой исследовательской программе конца 1970-х – начала 1980-х гг. по изучению популяционного долгожительства абхазов сыграли те же самые институты, что и в современных экспедиционных исследованиях 2003-2006 гг., причём в той программе участвовали и почти все ведущие исполнители современного проекта. Подобная прямая кадровая и научно-методологическая преемственность крайне важна для лонгитюдного проекта.

В частности, в этом проекте на всём его протяжении, то есть в 2003-2007 гг., участвовали сотрудники Группы этнической экологии[17] Центра междисциплинарных исследований ИЭА РАН (Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков), а также Л.Т. Соловьёва из Отдела Кавказа этого же института. С 2004 г. в проекте работали специалисты из Научно-исследовательского института и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина Биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (В.А. Бацевич, Е.З. Година, Л.В. Задорожная, О.М. Павловский, И.А. Хомякова). Все эти годы во время экспедиций мы самым тесным образом взаимодействовали как в полевых условиях, так и в текущей работе, обсуждая маршруты, делясь друг с другом собранными полевыми материалами, с учёными из Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии Наук Абхазии в г. Сухуме (Ю.Г. Аргуном, З.Д. Джапуа, П.К. Квициния, Д.А. Канделаки, О. Мааном, А.Ш. Хашба, А.Р. Гумба и др.). Директор этого института В.Ш. Авидзба постоянно оказывал нам всемерную поддержку,[18] а П.К. Квициния и З.Д. Джапуа не раз фактически выступали в роли соруководителя экспедиционных отрядов, организуя их пребывание и работу на территории Абхазии.

Поскольку на территории Республики Абхазия выделяются такие историко-этнографические районы, как Бзыбская Абхазия и Абжуйская Абхазия, которые примерно соответствуют современным Гудаутскому и Очамчирскому административным районам, выбранные для изучения сёла представляют оба названных ареала традиционного компактного расселения абхазов.

Наиболее подробно, в ходе неоднократных экспедиционных выездов, в 2003-2005 гг. нами были изучены селения Джгерда и Члоу в Очамчирском, а также Дурипш и Лыхны в Гудаутском районах. Имен-

но в этих сёлах у абхазов в начале 1980-х гг. были обнаружены наиболее высокие показатели индекса популяционного долгожительства, и там же в те годы работали стационарные комплексные экспедиции, оставившие особенно большой массив данных, в значительной своей части опубликованных.[19]

Для получения сравнительных материалов по абхазскому сельскому населению в 2006 г. группой сотрудников ИЭА РАН и АбИГИ были также обследованы по демографо-этнографической части проекта и «недолгожительские» горные и предгорные селения Хуап, Куланурхва и Бармыш в Гудаутском районе. Антропологи дополнительно провели в 2004-2005 гг. обследования школьников-абхазов в селе Атара Абхазская Очамчирского района и в г. Сухуме.

К сожалению, в силу ряда непредвиденных обстоятельств и по независящим от нас причинам не состоялся экспедиционный сезон

Аккумулятор сел… Объединенные усилия руководства АбИГИ, с. Калдахуара и сектора этнической экологии ИЭА РАН пытаются исправить ситуацию. с. Калдахуара, 2006 г. Фото Н.А. Дубовой

2007 г., последний из предусматривавшихся по проекту, во время которого планировались демографические и этнографические исследования в равнинных приморских сёлах Киндги и Адзюбжа Очамчирского района. Сюда и в некоторые другие приморские селения после войны 1992-1993 гг. переселилась часть абхазов из наиболее отдалённых и труднодоступных предгорных и горных селений, в том числе некоторых «долгожительских». Также не состоялся пока и планировавшийся на сентябрь 2006 г. выезд ещё одного антропологического отряда под руководством Е.З. Годиной. Это произошло в связи с резким обострением в конце лета 2006 г. военно-политической обстановки в Республике Абхазия после ввода, в нарушение мирных соглашений, подразделений армии и полиции Республики Грузии в верхнюю неконтролируемую абхазскими властями часть Кодорского ущелья.

Ещё одной досадной лакуной наших исследований середины 2000-х гг. в Абхазии стала невозможность получения сколько-нибудь представительных данных медицинской статистики и в особенности информации о структуре причин смертности населения в изученных селениях. Подобные сведения либо вообще отсутствуют, либо имеют крайне условный характер и потому фактически не пригодны для научного анализа.

К сожалению, в связи с дефицитом времени, финансовых ресурсов и исполнительских кадров мы не смогли приблизиться к тому уровню детальности и тематической широты исследований, который был характерен для программы изучения популяционного абхазского долгожительства в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Однако и в 2003-2006 гг. участники проекта в ходе полевых исследований изучали такие разнообразные и отчасти взаимосвязанные явления в абхазском селе, как: демографические особенности (численность и поло-возрастная структура, рождаемость и смертность, военные потери, уровень инвалидизации жителей села, индекс популяционного долгожительства), система расселения и её изменения (урбанизация и переселения в другие сёла и районы), временные трудовые миграции (в Россию и в курортную приморскую зону Абхазии), уровень и структура занятости на селе, социально-профессиональный состав, источники средств

существования и приносимые ими доходы, приусадебное хозяйство, производство и потребление основных продуктов питания в домохозяйстве, производство и потребление вина и чачи в домохозяйстве, семейные и родственные, соседские отношения, внутрифамильные (клановые) связи, семья и брак, отношение к детям и воспитание детей, религиозные ритуалы (семейные и сельские), положение православия и ислама, сохранность традиционных культов, соматическое развитие и процессы взросления детей и подростков, уровень физического развития и процессы старения взрослых.

При выполнении данного исследования нами использовались классические методы полевой этнографии (наблюдение, интервьюирование) и обработка статистических (демографических и социально-экономических) сведений из похозяйственных книг, а антропологи провели серию инструментальных измерений по достаточно репрезентативным выборкам либо по полным возрастным когортам.

Участники экспедиции перед отъездом из с. Хуап. 2006 г.
Фото А.Н. Ямскова

С целью обсуждения предварительных результатов экспедиционных работ 2003-2004 гг. и составления перспективного плана дальнейших полевых исследований, 18 ноября 2004 г. в Москве в ИЭА РАН был проведен рабочий симпозиум «Современная Абхазия: этнологические, антропологические, социально-демографические исследования», на котором выступили многие участники и организаторы прошедших экспедиций. По материалам этого симпозиума, дополненным результатами экспедиций 2005 г., был подготовлен тематический сборник.[20] Кроме того, значительный массив первичных данных и многие выводы содержатся в наших коллективных обзорных статьях.[21] Поэтому публикуемые в данном разделе статьи в основном дополняют и развивают различные положения наших коллег, частью представленные в указанных предшествовавших отдельных статьях и тематическом сборнике.

В заключение отметим, что, как уже говорилось выше, индекс популяционного долгожительства – один из самых ярких и убедительных индикаторов успешности либо неуспешности адаптации данной группы населения к сложившимся условиям жизни. Поэтому резкое его снижение у сельских абхазов после драматичных 1990-х гг. не является чем-то неожиданным – просто произошедшие изменения были столь сильными и негативными, что даже уникальные адаптивные возможности абхазской культуры оказались недостаточными для их компенсации. Тем не менее, в среднем даже в первой половине – середине 2000-х гг. индекс популяционного долгожительства у сельских абхазов оставался примерно на 1/3 более высоким, чем у сельского населения России, например. К тому же в Джгерде в 2003-2005 гг. и в Хуапе и Калдахваре в краткий промежуток времени начала – середины 2000-х гг. этот показатель немного вырос. Поэтому есть некоторые основания считать произошедшее резкое падении индекса популяционного долгожительства сельских абхазов временным и обратимым явлением.

Несомненно, наше исследование помогает понять и оценить произошедшие в постсоветский период изменения в культуре, демографии, биологии и условиях жизни сельских абхазов. Однако процесс этих изменений условий жизни продолжается и в наши дни, а в некоторых своих аспектах даже ускоряется. Поэтому было бы очень инте-

ресно и важно в научном отношении повторить подобное исследование ещё через 10-15 лет, с тем, чтобы узнать, как абхазская бытовая культура и система жизнеобеспечения в селе будут реагировать на явно наблюдающиеся с начала 2000-х гг. стабилизацию социально-политических и выраженное улучшение экономических условий жизни в Абхазии и какой облик они тогда примут, какие демографические показатели и особенности процессов роста и старения будут им соответствовать в этом уже довольно близком будущем.

---

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский проект № 05-01-01069а «Медико-антропологические и демографические последствия социально-культурных изменений конца 1980-х – начала 2000-х гг. в сельской Абхазии» (2005-2007 гг.; руководитель – А.Н. Ямсков). Часть полевых материалов была собрана в 2004 г. благодаря экспедиционному гранту РГНФ № 04-01-18033е «Современная сельская Абхазия: социально-культурные и медико-демографические проблемы» (руководитель – Н.А. Дубова). Рекогносцировочный выезд Н.А. Дубовой и А.Н. Ямскова в Абхазию в 2003 г. проходил в рамках бюджетного финансирования Института этнологии и антропологии РАН.

2 Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 7.

3 Абхазское долгожительство. Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1987, 295 с.; Феномен долгожительства: Антрополого-этнографический аспект исследования. Отв. ред. С.И. Брук. М.: Наука, 1982, 240 с.

4 Долгожительство в Азербайджане. Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1989, 184 с.

5 Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: Теория и практика. Ред.: Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. С. 25-26, 41.

6 Комарова О.Д. Демографические аспекты этнической экологии // Этническая экология: Теория и практика. С. 44-76.

7 Дубова Н.А. Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: Теория и практика. С. 77-99.

8 Весной 1978 г. в Институте этнографии (ИЭ) АН СССР была создана проблемная группа по изучению долгожительства для организации и проведения летом 1978 г. первого полевого сезона в Абхазии в рамках упомянутого совместного советско-американского проекта. В нём участвовали учёные из

Сухуми, Тбилиси, Киева, Ленинграда, а также из Института человека в г. Нью-Йорке (руководитель – проф. Вера Рубин), представители Кентуккского и Канзасского университетов США. С советской стороны в руководство Проблемной группы первоначально входили антрополог А.А. Зубов и этнограф и демограф В.И. Козлов (научная часть), а общее административное управление осуществлял С.И. Брук. В середине 1980 г. на основе Проблемной группы в ИЭ АН СССР была создана лаборатория по комплексному изучению явления долгожительства под руководством В.И. Козлова, которая 15 октября 1981 г. была преобразована в сектор этнической экологии. Об организации и задачах того проекта см. подробнее: Козлов В.И. Этнология и проблемы долгожительства (опыт исследования) // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. Ред.: Дубова Н.А., Козлов В.И., Ямсков А.Н. М.: ИЭА РАН, 2006. С.16-38.

9 Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Отв. ред.: В.И. Козлов, Н.А. Дубова. М.: ИЭ АН СССР, 1990. Ч. 1. 168 с.; Ч. 2. 155 с.; Духоборцы и молокане в Закавказье. Отв. ред.: В.И. Козлов, А.П. Павленко. М.: ИЭА РАН, 1992. 200 с.; Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. Отв. ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. 299 с.

10 Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Экология человека // Программы по экологическим дисциплинам. Географический факультет МГПУ. Ред.: Дмитриева В.Т., Воробьев А.Н., Ямсков А.Н. М.: Изд. МГПУ, 1999. С. 87-104; Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Антропологическая наука в высшей школе: Методические материалы к оригинальным авторским спецкурсам для специальности № 350100 – Социальная антропология. Сост. Ю.А. Артёмова. Отв. ред. О.Ю. Артёмова. М.: ИЭА РАН – РГГУ, 2006. С. 111-144.

11 О специфике повторных и в том числе лонгитюдных исследований см. подробнее: Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология: Учебник. М.: изд. ИНФРА-М, 2003. С. 188-190 (Серия МГУ «Классический университетский учебник»).

12 См. подробнее: Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 59-63.

13 См. подробнее: Там же. С. 60.

14 Большаков В.А., Комарова О.Д. Анализ демографической ситуации и демографических гипотез долгожительства // Абхазское долгожительство. С. 51.

15 Подробнее об их кадровом составе, районе работ и задачах см.: Дубова Н.А., Козлов В.И., Ямсков А.Н. Междисциплинарные исследования долгожительских абхазских сельских популяций на рубеже 1970-х – 1980-х и в начале 2000-х гг. (вместо Введения) // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 7-15.

16 Абхазское долгожительство.

17 В середине 2005 г. сектор этнической экологии ИЭА РАН был преобразован в группу с одноименным названием.

18 Проведённые исследования были бы невозможны и без всесторонней помощи со стороны местных жителей. В первую очередь нам хочется высказать слова искренней благодарности тем, кто предоставлял нам кров и стол во время экспедиций. Это, прежде всего, семьи наших коллег из АбИГИ Петра Камшишевича Квициния, Давида Автандиловича Канделаки, Виталия Бухутовича Гогия, а также семья Романа и Аиды Ласурия из Сухума. Во время работ в сёлах нам оказали гостеприимство Дыкран Джгуанатович Бебия (Хуап, 2006 г.), Сергей Максимович Шакрыл (Лыхны, 2005 г.), Авдения Тукович и Светлана Константиновна Ашуба, а также Дамей Иванович Ашуба (Джгерда, 2005 г. и 2003 г.), Руслан и Ирина Харазия (Дурипш, 2004 г.), Заур Бисултанович Адлейба (Члоу, 2003 г.). Всем им и многим другим жителям Абхазии мы выражаем свою самую искреннюю признательность.

19 Феномен долгожительства; Абхазское долгожительство.

20 Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования.

21 Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Соловьёва Л.Т., Ямсков А.Н. Социально-культурные и демографические особенности современного абхазского сельского населения // Полевые исследования ИЭА РАН. Отв. ред. З.П. Соколова. М.: Наука, 2006. С. 14-33; Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Соловьёва Л.Т., Ямсков А.Н. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов // Абхазы. Серия «Народы и культуры». Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М.: Наука, 2007. С. 476-526.

Н.А. Дубова

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ[1]

Вопрос об этнодемографической структуре населения Республики, абсолютной и относительной численности основных этнических групп (абхазы, грузины, армяне, русские) и участии их представителей во внешних миграциях приобрёл в современной Абхазии резко выраженный политизированный характер. Именно демографические данные активно использовались во время бурно протекавшей кампании по выборам Президента Республики в 2004 г.[2]

Официальная оценка как численности населения Республики, так и основных народов, живущих в ней дана в брошюре «Абхазия в цифрах»[3] – 215972 чел. Ее первоисточником является Учет населения 2003 г. (первая после Всесоюзной переписи 1989 г. попытка получения реальной информации о численности населения), а также текущая оценка численности населения, которая базируется на числе родившихся, умерших и выбывших на данной территории. Имеются специальные работы, анализирующие динамику этнического состава Абхазии, начиная с конца XIX в.[4] В 1886 г. по данным на Сухумский военный округ (без гг. Сухум, Гудаута и Очамчира) самыми многочисленными на этой территории были абхазы и самурзаканцы (табл. 1, рис. 1).[5] В общей форме изменение этнического состава населения Республики выглядит так, как это представлено в табл. 2 и на рис. 2.[6]

Таблица 1

Этнический состав Сухумского военного округа в 1886 г.

1886 г.	Все население	Абхазы	Самурзаканцы	Мегрелы	Грузины	Греки	Армяне	Русские	Эстонцы	Немцы
Сухумский военный округ	67,846	28,318	30,64	3,474	62	2,056	1,037	971	637	245
	100%	41,70%	45,20%	5,10%	0,10%	3,00%	1,50%	1,40%	0,90%	0,40%

Таблица 2

Динамика численности основных этносов Абхазии

	Все население	Абхазы	Грузины и мегрелы	Греки	Армяне	Русские
Сухумский военный округ, 1886 г.*	67846	28318	3536	205 6	1037	971
	100%	41,70%	5,21%	3,00%	1,50%	1,40%
ССР Абхазия, 1926	201016	55918	65577	14045	25677	12553
	100%	27,80%	32,62%	7,00%	12,80%	6,20%
Абхазская АССР, 1939	311885	56197	91967	34621	49705	60201
	100%	18%	29,50%	11,10%	15,90%	19,30%
Абхазская АССР, 1959	404738	61193	158221	9101	64425	86715
	100%	15,10%	39,10%	2,20%	15,90%	21,40%
Абхазская АССР, 1970	486959	77276	199595	13114	74850	92889
	100%	15,90%	41,00%	2,70%	15,40%	19,10%
Абхазская АССР, 1979	486082	83097	213322	13642	73350	79730
	100%	17,10%	43,90%	2,80%	15,10%	16,40%
Абхазская АССР, 1989	525061	93267	239872	14664	76541	74914
	100%	17,80%	45,70%	2,79%	14,60%	14,40%
Республика Абхазия, 2003 г.	215972	94606	45953	1486	44870	23420
	100%	43,80%	21,28%	0,70%	20,80%	10,80%

* – В данной таблице самурзаканцы, ввиду отсутствия данных по этому этносу в следующих переписях, не учтены.

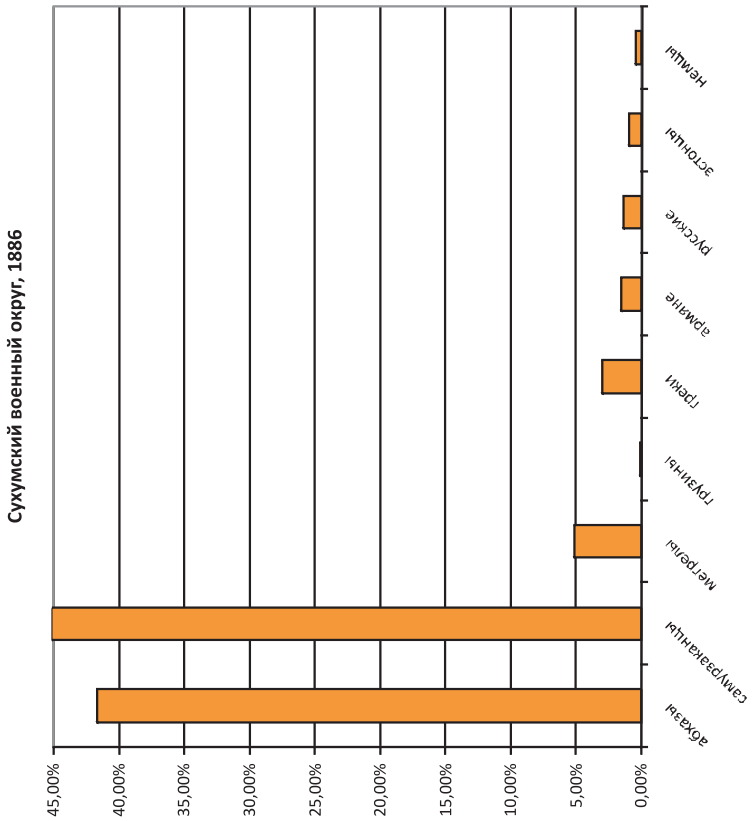

Рис. 1. Этнический состав населения Сухумского военного округа, 1886 г.

Приведенные данные показывают, что наибольшую долю населения и в современной Абхазии составляют абхазы. По данным Википедии – это основная часть абхазов. Правда это электронное издание не дает ссылки на какие-либо источники и приводит их численность в 135 тыс. чел. (или 73% от общего числа абхазов мира).[7] Вторыми по численности в Абхазии являются армяне (4489 чел. или 21,0%), затем следуют грузины (40443 чел. или 19,0%), а далее – русские (23420 чел. или 11,0%). Если включить в число грузин мегрелов (3598 чел. или 1,7%), то тогда по численности они почти сравняются с армянами (44041 чел. или 20,7%). В России, по переписи 2002 г., проживает 11 366 абхазов,[8] большинство которых поддерживает тесные связи с жителями Республики.

В материалах официальной статистики населения Абхазии на 2004 г. даётся ещё ряд сведений демографического характера по всем жителям Республики. Так, доля сельских жителей составляет 55,1%, а уровень младенческой смертности снизился с 6,4 промилле в 2002 г. до 3,6 в 2004 г.[9] Первое место среди причин смерти, как и в большинстве современных урбанизированных обществ, занимают болезни системы кровообращения, число умерших от которых с 2002 по 2004 гг. увеличилось на 20 чел. и составило 3,3 промилле (696 чел. и 716 чел. соответственно), а второе – новообразования. Последние заболевания унесли в 2002 г. жизни 173 чел., а в 2004 г. – 169 чел., что и в том и другом случаях составило 0,8‰. Небольшое понижение, укладывающееся в статистическую ошибку было зафиксировано в 2003 г. (130 чел. или 0,6‰). Третьими среди причин смерти оказались несчастные случаи, отравления и травмы, которые, хотя и составили всего 0,2‰ (50 чел. в 2002 г. и 41 чел. в 2004 г.), но настораживает то, что больше их половины (26 чел. в 2002 г. и 21 чел. в 2004 г.) составляют убийства и самоубийства. Конечно, здесь сказывается большое количество оружия и боеприпасов, которое осталось в республике после завершения боевых действий и нежелание населения расставаться с таковым по причине напряженности на границах с Грузией.

Отдельно стоит привести данные и о движении населения (табл. 3), хотя их точность тоже остаётся под большим вопросом, в первую очередь из-за густонаселённого грузинами-мегрелами и

при этом не вполне контролируемого властями Гальского района.[10] На первый взгляд, кажется парадоксальной инверсия демографических показателей городского и сельского населения, то есть более высокая рождаемость у горожан Абхазии, ведь для территорий с близкими пропорциями городского и сельского населения правилом обычно являются повышенные показатели рождаемости у сельского населения по сравнению с городским.

Таблица 3

Динамика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста населения Абхазии в 2002-2004 гг. (в промилле) (Абхазия в цифрах, 2005. С. 16)

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Всё население			
2002 г.	7,2	4,9	2,3
2004 г.	8,9	5,8	3,1
Сельское население			
2002 г.	2,8	0,9	2,0
2004 г.	3,3	1,8	1,5
Городское население			
2002 г.	4,4	4,0	0,3
2004 г.	5,6	4,0	1,5

Однако приведенные данные могут отражать сочетание действия двух факторов, специфических именно для современного положения в республике. Во-первых, быструю и далеко зашедшую в 1990-ые гг. урбанизацию абхазов, благодаря которой в сельской местности резко снизилась доля молодёжи и лиц среднего возраста, а в городском абхазском населении их пропорция, напротив, столь же сильно возросла. Во-вторых, большое значение имеет вклад в средние по республике демографические показатели довольно многочисленного и в большинстве своём сельского грузинского населения Абхазии: после войны оно оказалось в основном представленным либо не участвовавшими лично в боевых действиях лицами старшего и пожилого возраста и детьми, либо женщинами, состоящими в браках с абхазами.

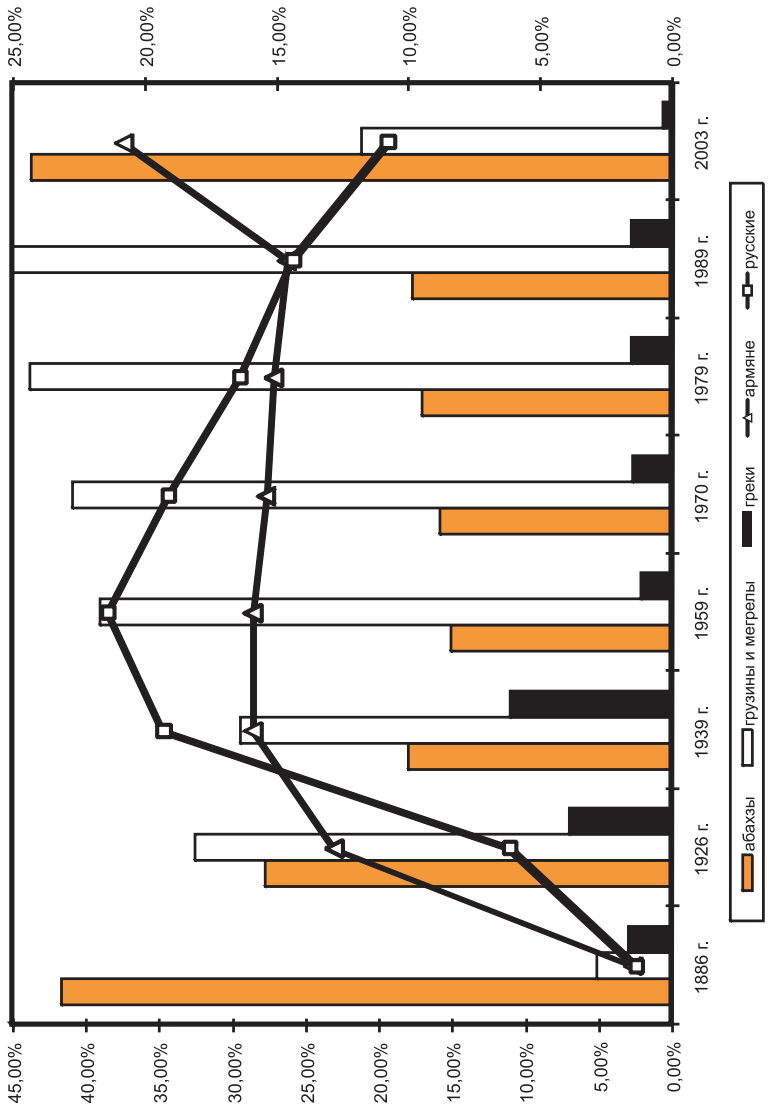

Рис. 2. Динамика этнического состава населения Абхазии

Поскольку любое обобщение в той или иной степени всегда затушевывает детали, а в отношении демографических процессов, в первую очередь данные о таковых среди разных народов, бесценные сведения можно получить, лишь анализируя данные первичного учета населения, т.е. постоянно обновляющиеся похозяйственные книги администраций. Именно поэтому, как было указано во введении, наши основные выводы базируются именно на этих материалах, и особо на таких, которые касаются тех сел, где в конце 1970-х в 1980-х гг. были проведены масштабные комплексные исследования феномена популяционного (группового) долгожительства.

Демографическая ситуация в отдельных абхазских селах

Во время рекогносцировочного выезда 2003 г. и экспедиций 2004-2006 гг. (сопоставление данных, представленных в похозяйственных книгах, с реальным положением дел) показали, что больших расхождений в основных параметрах (половозрастной, этнический, социально-профессиональный состав населения, имеющиеся у населения недвижимость и земельные участки) не наблюдается. Кроме того, следует специально подчеркнуть, что книги похозяйственного учета в обследованных селах, за исключением Дурипша, Калдахуары, Хуапа и Бармыша велись даже во время боевых действий 1992–1993 гг. В этих селах, кроме Бармыша, информация за 1992-1993 гг. также может считаться вполне достоверной, благодаря секретарям администрации, прекрасно знающим свои села и всех их жителей и оказавшим нам неоценимую помощь в сборе демографической и социологической информации. В Бармыше, к сожалению, сложилась в этом смысле самая сложная ситуация, т.к. за короткий промежуток времени там сменилось около 10 секретарей и глав администраций, что, несмотря на хорошие знания конкретных обстоятельств каждым их них, привело к тому, что книги похозяйственного учета в этом селе отражали условно обобщенные данные за многие годы. Но в целом, можно обоснованно полагать, что имеющиеся сведения поч-

ти по всем изученным селам близки к реальности и представляют собой достаточно точные демографические данные о послевоенном населении отдельных сел Абхазии.

Таблица 4

Численность населения в обследованных селах Абхазии (тыс. чел.).[11]

Район	Село	Годы		
		1979	1990-е годы	Начало – середина 2000-х
Очамчирский район	Джгерда	1,1	1,0 (1990 г.)	0,9 (2003 г.) 0,8 (2005 г.)
	Члоу	2,3	2,4 (1990 г.)	1,5 (2003 г.)
Гудаутский район	Дурипш	2,4	2,1 (1990 г.)	1,6 (2003 г.)
	Лыхны	7,2	н.д.	5,4 (2003 г.) 5,5 (2005 г.)
	Хуап	0,6*	0,5 (1997 г.)	0,5 (2004 и 2006 гг.)
	Калдахуара	1,2*	0,9 (1993 г.)	0,8 (2003 г.) 0,8 (2006 г.)
	Бармыш	0,5*	0,7 (1991 г.) 0,6 (1996 г.)	0,6? (2006 г.)

* – Данные взяты из работы: Крупник И.И., Членов М.А. Генеалогия в изучении абхазского долгожительства // Абхазское долгожительство \Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1987. С. 86, рис. 11.

Как видно из табл. 4, в большинстве изученных сел резко сократилась общая численность населения. Во всех селах, кроме Члоу, снижение численности началось еще в довоенный период. Однако это уменьшение произошло не только за счет отъезда грузинского населения, в обследованных селах составлявшего ранее значительное меньшинство. Наименее заметно снижение общей численности населения в небольших селах – Бармыш и Хуап, где изменения выражаются в единицах. Значительный урон населению нанесли безвозвратные потери во время военных действий 1992-1993 гг. (табл. 5). В число погибших включены и те, кто непосредственно участвовал в боях и мирные жители, например, попавшие под обстрел, находясь в собственном доме.

Таблица 5

Численность погибших во время боевых действий в обследованных селах Абхазии

Село	Общая численность населения / численность мужчин 16-60 лет на 1990- годы.	Погибшие	
		Число	%
Очамчирский район			
с. Джгерда	978 / 279	42 [1]	4,3 / 15,1
с. Члоу	2385 / 789	61	2,6 / 7,7
Гудаутский район			
с. Дурипш	1968 / 648	62	3,2 / 9,6
с. Лыхны	5500* / 1600*	95	1,7* / 5,9*
с. Хуап	525/170	21	4,0 / 12,3
с. Калдахуара	934/253	12	1,3 / 4,7

* – Оценочные данные.

В подавляющем своём большинстве – это юноши и молодые мужчины 21-40 лет (табл. 6). Как видно из таблиц, из обследованных нами сел больше всего пострадала Джгерда, где война унесла около 15% трудоспособных мужчин.[13] Причем из 42 погибших жителей этого села лишь 12 были старше 40 лет. Специально обратим внимание на то, что и в районе этого села, а также около сел Дурипш и Хуап боевые действия не были столь активны, как в Очамчирском районе, здесь также многие погибли. Это связано, прежде всего, с бомбежкой населенных пунктов.

Таблица 6

Возрастной состав погибших в войне 1992-1993 гг. в некоторых обследованных селах Абхазии (доля от числа всех погибших, в %)

Возраст	с. Джегрда	с. Члоу	с. Лыхны	с. Хуап	с. Калдахуара	с. Дурипш
Меньше 20 лет	9,5	14,7	7,4	14,3	8,33	8,1
21–30 год	40,5	37,7	48,4	57,1	50,0	50,0
31–40 лет	21,4	26,2	33,7	14,3	41,7	29,0
41–50 лет	14,3	14,8	9,4	4,8		9,7
51 год и старше	14,3	6,6	1,1	9,5		3,2

Все же основная причина снижения численности населения в этих селах – переезд в города Абхазии, прежде всего, в г. Сухум. Следует подчеркнуть, что на втором месте по притягательности после Сухума находится выезд в Россию. Многие из жителей сел работают в Сочинском регионе Краснодарского края, есть и поток миграции в центральные регионы России. Это, прежде всего, учащиеся вузов и техникумов. Некоторые сведения о выезде из села в города Абхазии и других регионов приведены ниже в табл. 7.

Таблица 7

Динамика выезда из абхазских сел в город на постоянное место жительства и на учебу (конец 1980-х – начало 2000-х гг.)

Село	Период времени	Число абхазов, выехавших в города Абхазии и России		Общая численность абхазского населения на конец периода, чел.
		на постоянное место жительства	на учёбу *	
Лыхны **	2000-2005 гг.	5 чел.***	н.д. ****	1861
	1986-1990 гг.	83 чел.	н.д. ****	1844
Дурипш	2000-2003 гг.	8 чел.	42 чел.	1613
	1986-1990 гг.	77 чел.	63 чел.	1968
Джгерда	2000-2005 гг.	11 чел.***	6 чел.	721
	1986-1990 гг.	62 чел.	19 чел.	978
Члоу	2000-2003 гг.	84 чел.	38 чел.	1451
	1986-1990 гг.	224 чел.	64 чел.	2385

* Сведения об отъезде на учёбу в вузы и средние специальные учебные заведения, а в особенности о судьбе выпускников или отчисленных студентов, в похозяйственных книгах фиксируются не полностью, поэтому все приводимые в этой графе данные очень условны.

** Выборка состоит из абхазского населения центральных кварталов Аджимчира, Хецкуара и Алгыт. Всего в с. Лыхны в начале 2005 г. проживало около 5 тыс. абхазов, а на рубеже 1980-х – 1990-х гг. – 7,1 тыс.

*** Только лица работоспособного возраста (17 – 59 лет).

**** Из-за специфики ведения похозяйственных книг в этом населенном пункте данные собрать не представилось возможным.

Интересные данные, более полно проанализированные в статье А.Н. Ямскова в этой книге, нам удалось получить в с. Хуап, благодаря помощи главы администрации села Анрика Анкваба (табл. 8). Они показывают, что в миграции бесспорно превалируют мужчины (в 2,7 раза больше, чем женщин). Подавляющее большинство (49 чел. из 56) вовлечены в маятниковую миграцию в близлежащие города и села Республики. Только лишь 2 чел. (оба мужчины, 35 и 40 лет) из 56 (3,6%) уехали из Хуапа на постоянное место жительство в Россию. Из 7 чел., переехавших из Хуапа в другие населенные пункты, – шестеро – мужчины и лишь одна – женщина. По два человека выехали в Сухум, в Гудауту и в Пицунду. Все нашли там более подходящую работу, и лишь одна женщина и один мужчина (переселившиеся в Лыхны) уехали к родственникам. Женщины вдвое реже, чем мужчины (8 против 15 чел.), участвуют в маятниковой миграции в течение всего года и почти в четыре раза реже (5 против 19 чел.) – только летом.

Наиболее популярным городом, в который жители Хуапа ездят на работу постоянно, – Гудаута (10 чел. из 23), расположенная всего в 18 км, дорога туда всегда проезжая и ежедневно ездит автобус. На втором месте – г. Сухум (7 чел.). По два чел. работают в Гагре и Гульрипше, а по одному в Пицунде и Бзыби. Подавляющее большинство же тех, кто участвует в миграциях только летом, ездят а Гагру и на озеро Рица (17 чел. из 24), только четверо выезжают в Гудауту и только один мужчина – в Пицунду, еще два – в другие села. Соответственно почти все работающие в городах летом, за исключением 6 строителей, прикладывают свои усилия в сфере туризма, в том числе, работая в домах отдыха, официантами в ресторанах, кафе, и в торговле туристическими товарами. Те же, кто имеет постоянную работу в городах, трудятся учителями (2 чел.), военнослужащими, в таможне и охранниками (5 чел.), в милиции (2 чел.), врачами (2 чел.), пекарями (2 чел.) и редко в типографии, корреспондентами, строителями, рабочими.

Таблица 8

Показатели миграционной подвижности населения в 2005-2006 гг. по с. Хуап Гудаутского района

Возраст мигранта	Женщины	Мужчины	Регулярно ездят на работу в города Абхазии в течение всего года	Регулярно ездят на работу в города Абхазии только в летние месяцы (середина июня –середина октября)	Уехали на постоянное место жительства
Всего	15 (5,9%*)	41 (15,2%*)	23 (4,4%**)	24 (4,6%**)	9 (1,7%**) из них 7 чел. в разные населенные пункты Абхазии, а 2 чел. – в регионы России
До 20 лет	4	3			
21-30 лет	6	12			
31-40 лет	3	20			
41-50 лет	2	5			
Старше 51 года		1			

* – Процент от численности соответствующего пола
** – Процент от всего населения села

Приведённые данные хорошо иллюстрируют явление, отмеченное А.Н. Ямсковым, что ныне мы наблюдаем переломный момент в развитии абхазской народной культуры – из ещё недавно преимущественно сельской она превращается в переходную, сельско-городскую, и роль элементов общемировой урбанистической культуры, преимущественно в их российских формах, будет в ней только нарастать

Во всех селах, кроме Хуапа смертность превышает рождаемость (табл. 9, рис. 3), т.е. имеет место естественная убыль населения. Причем, в Дурипше и Члоу это проявилось лишь в 2000-е годы, а в Калдахуаре и Бармыше отмечалось уже в 1990-е.

Таблица 9

Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) населения в абхазских селах

Село	Год	Численность населения	Число рождений	Показатель рождаемости, ‰	Число смертей	Показатель смертности, ‰	Естественный прирост (убыль) населения
Дурипш	1992	1968	16	8,13	7	3,56	9
	2002	1613	13	8,06	17	10,54	-4
Члоу	1997	2385	15	6,29	9	3,77	6
	2002	1451	9	6,20	11	7,58	-2
Джгерда	2002	868	11	12,67	14	16,13	-3
Хуап	1997	525	11	20,95	9	17,14	2
	2005	525	5	9,52	3	5,71	2
Калдахуара	1993	803	8	9,96	17	21,17	-9
	2003	725	10	13,79	10	13,79	0
	2005	729	6	8,23	7	9,60	-1
Бармыш	1991	643	12	18,66	16	24,88	-4
	1996	543	3	5,52	12	22,10	-9

Кроме изменения общей людности населенных пунктов, существенные изменения произошли и в половозрастной структуре изученных популяций (табл. 10, рис. 4). В результате резкого падения рождаемости (процент детей до 15 лет стал ниже, чем даже, например, в среднем по России), а возрастно-половая пирамида практически во всех изученных абхазских селах приняла почти веретенообразный вид. Здесь мы не приводим изображений демографических пирамид, полученных в результате анализа похозяйственных книг, т.к. они опубликованы полностью совсем недавно.[14]

Один из лидеров оппозиции, Олег Дамения, во время предвыборной кампании 2004 г. привел данные, согласно которым общая численность детей в первом классе в Абхазии уменьшилась с 3564 чел. в 1995/96 уч. г. до 2560 чел. в 2002/03 г.[15]

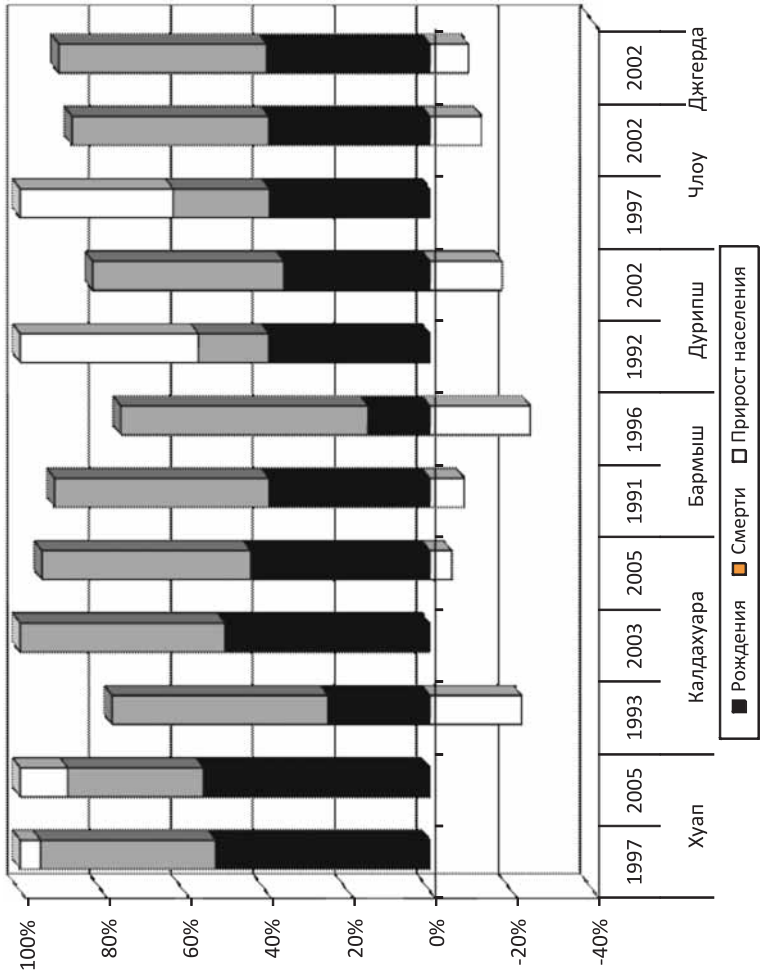

Рис. 3. Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста населения обследованных сел Абхазии

Таблица 10

Некоторые демографические показатели обследованных сел Абхазии[16]

		Доля детей до 15 лет (%)	Доля лиц старше 60 лет (%)	Отношение числа детей до 15 лет к лицам старше 60 лет	Доля лиц старше 90 лет (%)
Очамчирский район					
с. Члоу	1979	25,0	18,8	1,33	1,70
	1990	22,7	18,1	1,25	1,09
	2003	**13,2**	**30,5**	**0,43**	0,83
с. Джгерда	1979	27,1	17.3	1,57	1,30
	1990	24,3	20,5	1,19	1,02
	2003	18,9	28,8	0,66	0,70
	2005	14,5	30,2	0,48	1,64
Гудаутский район					
с. Дурипш	1979	27,6	13,9	1,99	1,20
	1990	24,4	15,9	1,53	0,56
	2004	15,7	22,2	0,71	0,31
с. Лыхны	1979	30,0	13,6	2,2	0,60
	1990*	**30,6**	**12,5**	**2,5**	**0,00**
	2005*	17,1	19,0	0,9	0,48
с. Хуап	1997	17,1	25,9	0,66	1,71
	2006	19,8	25,7	0,77	1,71
с. Калдахуара	1993	22,8	19,4	1,17	0,37
	2003	21,5	22,6	0,95	0,28
	2006	17,8	24,8	0,72	0,69
с. Бармыш	1991	23,5	17,7	1,32	1,87
	1996	23,2	20,4	1,14	0,55

Выделены наименьшие и наибольшие значения показателей.

* – Данные по выборке абхазов (1861 чел. в 2005 г.), составляющих население центральных кварталов Аджимчира, Хецкуара, Алгыт.

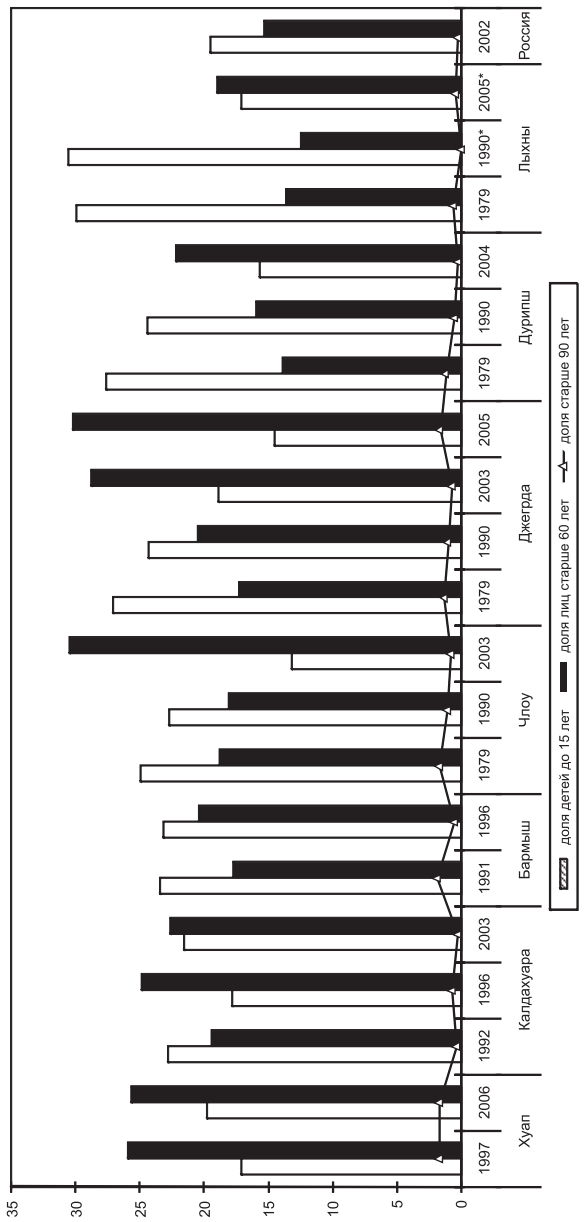

Рис. 4. Соотношение детских и старческих возрастов в обследованных селах Абхазии (%)

Особенно сильно доля детей сократилась в селе и Члоу. В Хуапе, по нашим данным, этот процесс почти незаметен. Причиной снижения прироста сельского населения деревенские жители и политики республики обычно считают не только общее падение уровня рождаемости у абхазов, но и выезд части молодежи и лиц среднего возраста в города Абхазии или на заработки в Россию. Такой вывод был сделан, в частности, в работе абхазского демографа Р.П. Шамба,[17] которая отметила существенное снижение общей численности населения, количества и относительной доли детей в 1987-1997 гг. в преимущественно абхазских по составу населения сёлах Куланурхва, Хуап и Блабурхва (Гудаутский район). Как показывают опросы информаторов, важную роль в слабом росте рождаемости играют и традиционные обряды соблюдения членами семьи, особенно женами, траура по погибшим в течение длительного времени. Как видно из табл. 6, подавляющее большинство погибших составляют молодые мужчины. В соответствии с этими традициями их жены и близкие родственники не могут вступать в новые браки. Поскольку родственные связи объединяют практически всю Абхазию в целом, эти запреты приобрели столь широкий масштаб, что Президент Республики В. Ардзинба вынужден был обратиться к населению страны с разъяснением необходимости образования новых семей, повышения рождаемости.

Демографическая ситуация стала настолько серьезной, что ей уделили особое внимание и правительственные структуры. В настоящее время Парламент Абхазии разрабатывает стратегию решения демографических проблем непризнанной республики. С этой целью, как сообщил глава парламентского комитета по связям с соотечественниками Сонер Гогуа, законодатели приступили к консультациям, цель которых сформулировать единые концептуальные подходы к решению демографических проблем.[18] В этой работе принимают участие и приглашенные эксперты, среди которых представитель Абхазии в странах Западной Европы Вячеслав Чирикба. «Решение демографических проблем одна из самых серьезных задач стоящих перед нашим государством. И в наших руках должны быть мощные инструменты для решения этой проблемы», — заявил Сонер Гогуа. Правда, решение вопроса видится, в первую очередь, в поддержке процессов репатриации абхазов. Президент Абхазии Сергей Багапш назвал «катастрофической» демографи-

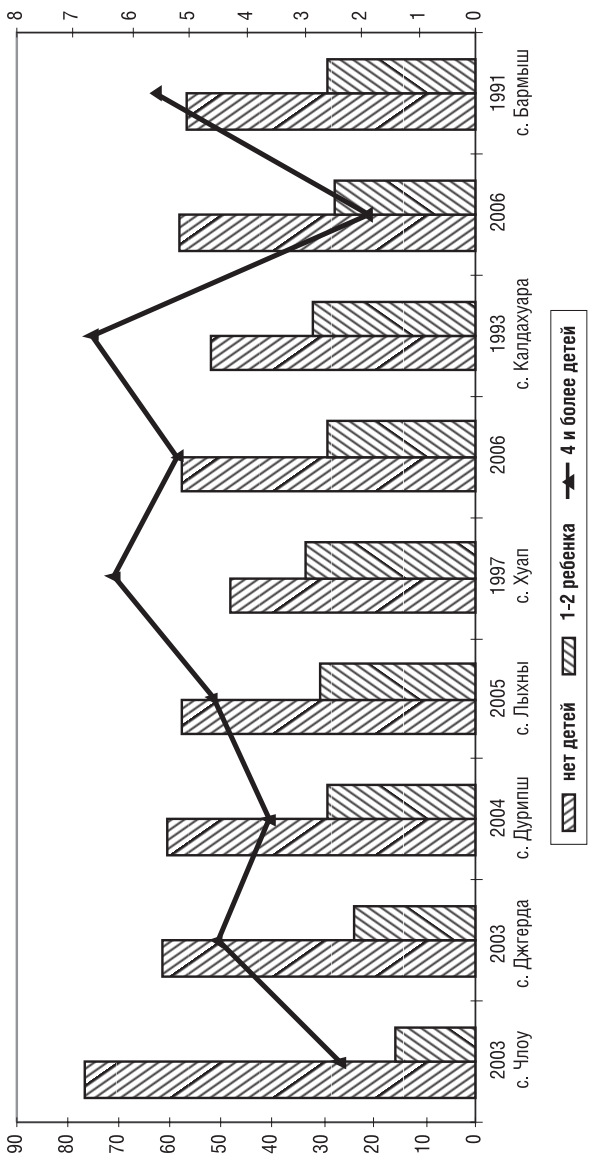

Рис. 5. Доля хозяйств с разным числом детей до 17 лет в селах Абхазии (%)

ческую ситуацию в республике: «Выход из сложившейся ситуации может быть в возвращении потомков абхазских махаджиров (вынужденно переселенных во время русско-кавказской войны) в Турции», — сказал он, подчеркивая при этом, что для репатриации нужно создать условия, и в первую очередь, рабочие места. Президент сообщил, что вопрос репатриации является одним из ключевых, который он намерен обсудить во время визита в Турцию. По словам Багапша, он намерен обсудить и вопросы, связанные с возможностью открытия прямого морского сообщения и торговли между Турцией и Абхазией. Уже принято решение о создании негосударственного Фонда демографии, который будет аккумулировать средства для углубления процесса репатриации. «С одной стороны мы осознаем важность решения демографических проблем. С другой стороны, на государственном уровне не существует ни одной структуры, которая занималась бы именно этой проблемой. Нет специалистов. Я думаю, целесообразно создать Комиссию по демографии при президенте», — считает С. Гогуа. Парламентарий отмечает, что в последние годы исполнительная власть достигла существенных успехов в развитии процесса репатриации. «Осуществляются конкретные программы помощи репатриантам, в частности, строительство жилья. Но нужны и долгосрочные, целенаправленные программы по созданию рабочих мест для репатриантов, улучшению социального климата репатриации», — заявил Сонер Гогуа. Напомним, что турецкая абхазская диаспора – самая многочисленная (около 500 тыс. потомков абхазских махаджиров).

Об описанных выше процессах свидетельствуют полученные нами данные о составе семей и числе среди их членов детей школьного и дошкольного возраста (до 17 лет). Несмотря на то, что доля больших семей (максимальное отмеченное число членов одного хозяйства – 12 чел.) в селах Абхазии продолжает оставаться значительной (табл.11, рис. 6, 7), в большинстве сел более половины (а в Члоу, например, почти 2/3) хозяйств не имеет детей младшего и школьного возраста. Обращает на себя внимание и то, что в селах Очамчирского района, сильнее затронутых войной 1992-1993 гг., таких семей больше, чем в населенных пунктах Гудаутского, не столь сильно пострадавших. По-видимому, сказывается и степень связи села с городскими посе-

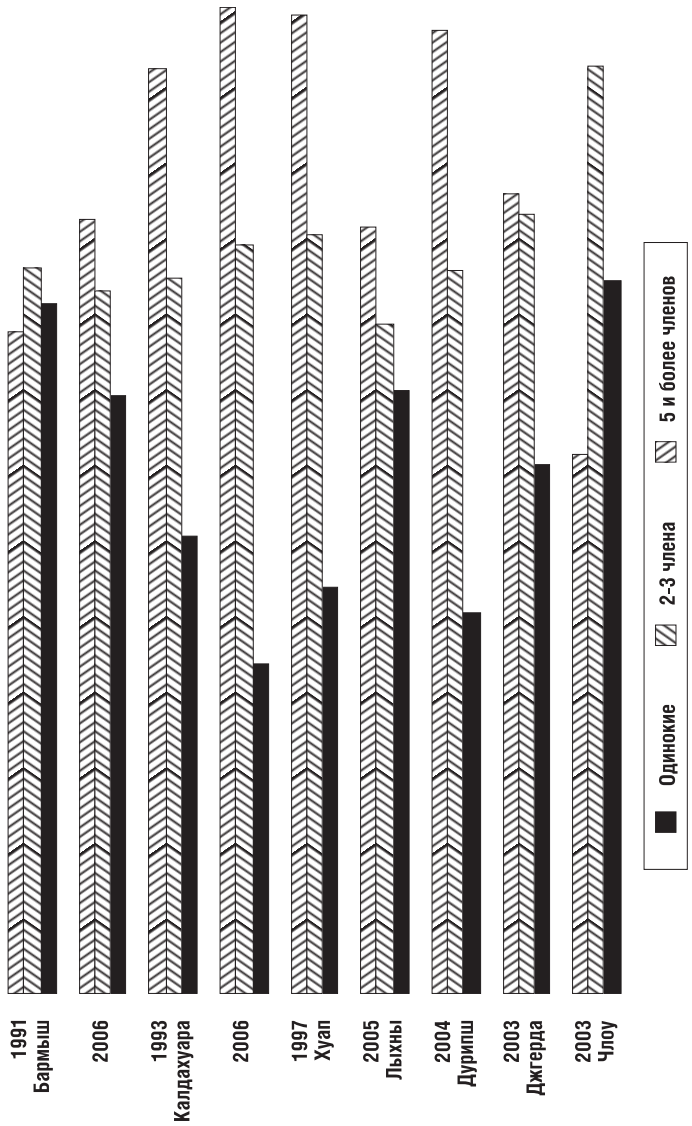

Рис. 6. Доля хозяйств с разным числом членов в селах Абхазии (%)

лениями. Так, самая высокая доля хозяйств с большим числом членов и детей отмечена в Хуапе – удаленном от основных трасс поселении, там же – и самая низкая доля хозяйств одиноких.

Таблица 11

Доля хозяйств с разным числом членов и детей дошкольного и школьного возраста в обследованных селах Абхазии (%)

Села	Год	Хозяйства, где нет детей	Хозяйства, в которых имеется 1-2 ребенка	Хозяйства с 4-мя и более детьми	Хозяйства одиноких	Хозяйства, состоящие из 2-3 членов	Хозяйства, состоящие из 5 и более членов
Очамчирский район							
с. Члоу	2003	76,9	16,0	2,4	29,1	37,9	22,0
с. Джгерда	2003	61,6	24,1	4,5	21,6	31,8	32,6
Гудаутский район							
с. Дурипш	2004	60,6	29,3	3,6	15,5	29,5	39,3
с. Лыхны	2005	57,9	30,8	4,6	24,6	27,3	31,3
с. Хуап	1997	48,1	33,6	6,3	16,5	31,0	39,9
	2006	57,5	29,1	5,2	13,4	30,6	40,3
с. Калдахуара	1993	52,2	32,1	6,7	18,7	29,2	37,8
	2006	58,4	27,8	1,9	24,4	28,7	31,6
с. Бармыш	1991	56,6	29,1	5,6	28,1	29,6	27,0

Как видно из других вышеприведенных таблиц, Хуап вообще отличается от других сел относительной стабильностью демографической ситуации: и по общей численности, и по возрастному составу населения, и по составу семьи. Наиболее вероятно, что эта стабильность – следствие малой численности населения, в целом благоприятной экологической ситуации в селе и некоторой его удаленности от более крупных поселений. Это косвенно подтверждается тем, что в таком крупном селе как Лыхны, состоящем из многих кварталов, сравнимых с отдельными абхазскими селами, находящемся вблизи от райцентра и на большой автотрассе, ситуация совсем другая.

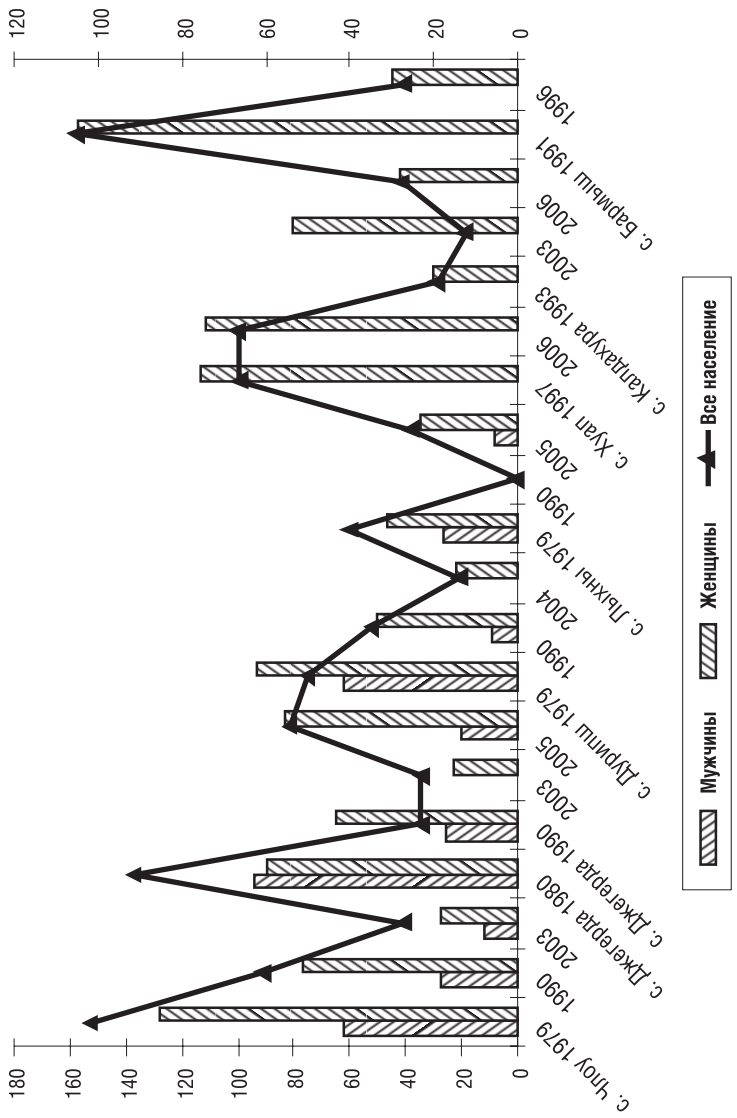

Рис. 7. Индекс долгожительства (в промилле) в селах Абхазии

Как уже отмечалось, важным аспектом демографической ситуации в исследованных абхазских селах являются прямые последствия войны 1992-1993 гг. Кроме того, в середине – конце 1990-х гг. многие молодые мужчины ушли на службу по контракту в армию Абхазии, и в те годы в Гальском районе в стычках с грузинскими партизанско-диверсионными группами почти ежегодно погибали по одному, а то и по два человека из села, ставших профессиональными военными. Война и продолжавшиеся боевые действия привели к появлению в сёлах существенного числа инвалидов (табл. 12).

К данным по инвалидности в 2005 г., даже среди детей и лиц работоспособного возраста, стоит относиться с осторожностью (по-видимому, их число может быть значительно больше), так как состояние медицинских и социальных служб в современной Абхазии оставляет желать лучшего. Видимо, поэтому лишь изменением правил фиксации инвалидности можно объяснить то, что в селе Лыхны количество отмеченных в похозяйственных книгах инвалидов без указания причины потери здоровья столь резко упало в 1990-2005 гг. Однако в отношении цифр по инвалидам войны 1992-1993 гг. и последующих военных действий можно быть вполне уверенным в их точности, так как эти люди в современной Абхазии действительно окружены вниманием властей и односельчан.

Таблица 12

Число инвалидов I и II группы среди лиц абхазской национальности в возрасте до 60 лет (чел.)

Село	с. Лыхны *		с. Джгерда	с. Члоу	с. Хуап
Год	1990 г.	2005 г.	2005 г.	2003 г.	2006
Общая численность абхазского населения	1214	1072	728	2385	525
Численность абхазского населения в возрасте до 60 лет	1062	868	565	1954	390
Инвалиды войны 1992-1993 гг.	-	7	6	16	5
Инвалиды с детства	8	7	2	н.д.	н.д.
Инвалиды без указания причины потери здоровья	28	9	7	-	-

* – Выборка в составе всего абхазского населения центральных кварталов Хецкуара и Алгыт.

Как указывалось ранее, наше исследование начала XXI в. проводилось, прежде всего, в тех населенных пунктах, где в 1979-1981 гг. работала Комплексная этнографо-антропологическая экспедиция по изучению феномена группового (популяционного) долгожительства. Индекс долгожительства, вычисляемый как доля лиц старше 90 лет к общей численности когорты старше 60 лет (на 1000 чел.), является весьма показательным для характеристики степени демографического благополучия популяции, ее хорошей адаптированности к окружающей биологической и социальной среде. Своими высокими индексами долгожительства, по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., выделяются районы Кавказа. Именно здесь расположены почти все долгожительские ареалы и лежит своего рода «пик» долгожительства – 93,2‰, отмеченный у сельских балкарцев.[19] Одним из субрегионов Кавказа, где индекс долгожительства более чем вчетверо превышал средний показатель, характерный для населения СССР в целом, являлась в 1970 г. и в 1979 г. Абхазия. Характерно, что это превышение достигается за счет именно абхазов, которые по уровню долголетия намного опережали в те годы остальные этнические группы, живущие в данном регионе.[20] В связи с этим, было важно получить данные о распространении этого феномена среди современных жителей Абхазии.

Как показывают табл. 13 и рис. 8, долгожительская когорта (старше 90 лет) во всех селах сократилась приблизительно в 2 раза, а в Дурипше к 2004 г. почти в 4 раза. Соответственно и индекс долгожительства резко упал, тоже снизившись в 2-3 раза и более. Заметнее всего это выражено в Дурипше. Еще более показательна динамика индексов долгожительства среди мужчин и женщин (табл. 13). В Дурипше (на 2004 г.), в Джгерде (на 2003 г.), в Хуапе, Калдахуаре (на 2006 г.) и в Бармыше (на 1996 г.) вообще не осталось мужчин старше 90 лет, в то же самое время у женщин села Бармыш индекс сократился в 3,5 раза, в селе Дурипш в 4,2 раза, в селе Джгерда к 2003 г. – в 3,9 раза, а в селе Члоу – в 4,7 раза! В то же время среди женщин с. Хуап за 9 лет он практически не изменился, а в с. Каладхуара с 1993 до 2003 г. он вырос в 2,7 раза, а потом снизился в 1,9 раз. Аналогичный вывод сделала и абхазский демограф, изучившая сложившееся к 1997 г. положение в

селах Куланурхва, Блабурхва и Хуап Гудаутского района: «Долгожителями абхазских сёл (90 лет и больше) являются женщины».[21]

Таблица №13

Индексы долгожительства в обследованных селах (в промилле) (данные на 1979-1981 гг. см.: Большаков, Комарова, 1987, с. 44)

Села	Год	Мужчины	Женщины	Все население
Очамчирский район				
с. Члоу	1979-1980	61,9	128,0	101,8
	1990	27,2	77,5	60,3
	2003	11,3	27,2	27,2
с. Джгерда	1979-1980	94,6	90,0	91,3
	1990	26,0	65,1	22,9
	2003	0,0	22,9	22,9
	2005	19,8	83,3	54,3
Гудаутский район				
с. Дурипш	1979-1981	61,9	93,6	49,8
	1990	8,8	49,8	35,0
	2004	0,0	22,3	14,0
с. Лыхны	1979-1981	26,1	46,7	40,1
	1990*	0,0	0,0	0,0
	2005*	8,0	34,9	25,4
с. Хуап	1997	0,0	113,9	66,2
	2006	0,0	111,1	66,7
с. Калдахуара	1993	0,0	30,3	19,2
	2003	0,0	80,9	12,2
	2006	0,0	42,0	27,6
с. Бармыш	1991	0,0	157,1	105,3
	1996	0,0	44,8	27,0
Среднее значение	2000-е годы	4,3	52,2	31,8

* – Данные по выборке абхазов (1861 чел. в 2005 г.), составляющих население центральных кварталов Аджимчира, Хецкуара, Алгыт.

Обратим внимание и на тот факт, что средний показатель, вычисленный для всех изученных сел Абхазии и обусловленный крайне резким снижением числа мужчин старше 90 лет, оказался относительно низким (31,8 ‰), но все же выше, характерного для сельского населения России, по данным переписи населения 2002 г. (19,2‰). Такой показатель выходит за пределы рубежа 50‰, отделяющего собственно долгожительские ареалы от прочих.[22] Но в его рамках остаются абхазские женщины, имеющие несколько более высокий индекс (52,2‰).

Важно отметить, что индекс долгожительства не является стабильным показателем. Так, например, во всех селах, за исключением трех центральных кварталов Лыхны, в конце 1990 г. это соотношение занимает промежуточное положение между высоким значением, зафиксированным в 1979-1981 гг. и низким на 2003-2005 гг. В тоже время в Лыхны в 1990 г. долгожительской когорты не было зафиксировано вообще. Характерен и второй пример, представленный в той же табл. 13. По с. Джгерда демографические данные были получены в 2003 и 2005 гг. И они сильно между собой различаются. В 2003 г. происходит резкое снижение индекса долгожительства, у мужчин он вообще равняется 0, тогда как всего через два года он возрос в среднем до 54,3(!), а у женщин почти сравнялся с таковым, характерным для 1979 г. Представляется, что это связано, прежде всего, с тем, что граница долгожительского возраста (90 лет) достаточно условна. Уже в 2003 г. нами была зафиксирована высокая доля жителей Джгерды старше 85 лет (3 мужчины, 14 женщин из 757 человек или 0,8% и 3,7% соответственно от численности каждого пола; в среднем – 2,2%). Также велики доли этих возрастов и в других сельских группах. Поэтому при сохранении в целом тенденций рождаемости и смертности на изучаемой территории, можно предполагать некоторое повышение индекса долгожительства в обследованных группах в ближайшие несколько лет.

Следует, однако, уточнить, что мы сейчас говорим только о статистических, т.е. не верифицированных современных и прежних показателях индекса, которые в случае проверки истинного возраста номинальных долгожителей в ряде случаев снижаются. Так, на рубеже 1970-х – 1980-х годов подтверждался возраст примерно 30%–45%

номинальных долгожителей-абхазов.[23] Для сравнения можно также указать, что номинальный индекс долгожительства в СССР в 1959 г. составлял 13,9 промилле, а в 1970 г. – 12,9 промилле.[24] В то же время представляется, что у современных 90-летних и более пожилых жителей Абхазии, родившихся в самом начале XX вв., возраст может быть указан более точно, чем у тех, кто подошел к старшей когорте 20-25 лет назад и, соответственно родился в 1870-е – 1880-е гг., когда учёт населения на этой территории ещё только начинал вводиться.

Еще на одно важное обстоятельство должно быть обращено внимание: при значительном падении доли долгожителей во всех селах вырос процент лиц старше 60 лет. Увеличение этого показателя, так как он участвует в формуле расчета индекса долгожительства, тоже является причиной уменьшения последнего.

Необходимо отметить и еще на одну особенность поло-возрастной структуры изученных абхазских сел (см. приведенные на рис. 5 демографические пирамиды). Не исключено, что она имеет не локальное, а общее значение. Как хорошо известно, демографические показатели выявляют наиболее важные закономерности при рассмотрении их в динамике. Именно это и происходит, если мы проанализируем изменения соотношения возрастов в селах Члоу и Дурипше на протяжении 60 лет (а фактически – за значительно более длительный период, т.к. те жители, которым в 1939-1940 гг. исполнилось 100 и более лет, родились еще в первой половине XIX в).

Кроме уже отмеченного превращения довольно «устойчивой пирамиды» 1939-1940 гг. в «веретено» с сильно суженным основанием в 2003-2004 гг., нельзя не заметить, что доли отдельных возрастов периодические «вырываются» из теоретически плавной линии пирамиды. Это, например, жители с. Члоу (рис. 5 к, л, м), которым в 1940 г. исполнилось 55-59, а также 25-29 лет; они же, в 1959 г., когда попали уже в возрастной интервал 75-79 лет, а также молодежь, достигшая 20-29 лет. Когорта 25-29-летних вынесла основной удар Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и поэтому она не показала всплеска 40-49-летних в 1959 г. В этом же селе в 1979 г. такие пики можно отметить для 75-79-летних (им в 1940 г. было 45-49 , а в 1959 – 55-59 лет), для 45-49-летних (в 1940 г. им было 5-9 лет, а в 1959 – 20-29 лет) и для

10-19 –летних. В 1990 г. – это доли 60-64-летних (в 1940 им было 10-14 лет; в 1959 – 20-25 лет, а в 1979 – 50-54 года) и 20-34-летних (часть из них родилась в конце 1950-х; в 1979 г. им было уже 10-24 года). Даже в 2003 г. велика доля тех, кому исполнилось 70-74 гг. Им в 1940 г. было 10-14 лет; в 1959 – 30-34 гг., в 1979 – 50-54 года, а в 1990 – 60-65 лет. Такие пики характерны и для мужской, и для женской частей популяции. Приблизительно такая же закономерность отмечается и в с. Дурипш, по которому имеются данные для 1939, 1959, 1980, 1990 и 2004 гг. (рис. 5 н, о, п). Важно подчеркнуть, что на эту волнообразность рождаемости (а, по-видимому, именно этим объясняется наличие отмеченных пиков) определенное влияние оказали, с одной стороны, потери во время абхазского населения в Великой Отечественной войне, а с другой – в целом относительное благополучие 1960-1980-х годов.

Значительно сильнее на возрастно-половую структуру сельских абхазов повлияли социально-экономические потрясения 1990-х и война 1992-1993 гг. Так, удельный вес младенческой когорты в 2 и менее процентов, как это было зафиксировано нами, например, в с. Члоу, вряд ли может быть отмечен где-либо в так называемых развитых странах. Даже если отвлечься от общемировой тенденции снижения уровня рождаемости, то выравнивание долей 25-29-летних и 70-летних (а в случае женщин с. Члоу – доля 70-летних на 1,5% выше таковой 20-25-летних!) при том, что еще в 1990-м году эти соотношения были близки к характерным для стабильной ситуации, свидетельствует об очень неблагоприятных тенденциях развития демографической структуры сельской части абхазского общества. Это и отток молодого населения в города и за пределы республики, о чем уже выше писалось, и последствия военных действий. В тоже время, нельзя не предположить, что на такое соотношение старших и молодых возрастных когорт значительное влияние оказывает отмеченная цикличность, волнообразность естественного прироста (следовательно, и численности), безусловно, усугубляемая предыдущими двумя обстоятельствами.

Поэтому, как представляется, полученные нами данные еще не являются свидетельством окончательного исчезновения феномена

долгожительства в современной Абхазии. По-видимому, правильнее было бы трактовать сложившуюся ситуацию как увеличение смертности представителей самого старшего поколения в результате стрессовой военной и послевоенной обстановки. Сведения по обнаружившейся позитивной динамике индекса группового долгожительства в Джгерде, Хуапе, Калдахваре в краткий отрезок времени (2003-2006 гг.), то есть в период явной стабилизации социально-политической обстановки в Абхазии и повышения уровня жизни населения, как нам кажется, подтверждают именно этот вывод.

Таким образом, в результате полевых работ на территории Абхазии, проведенных в 2003-2006 гг., нами получены конкретные, достаточно достоверные сведения о ходе демографических процессов в этом государстве. Обычно адаптацию населения рассматривают как процесс, ведущий к увеличению вероятности выживания и репродукции, а также к достижению соответствия оптимумов жизнедеятельности новым условиям среды,[25] или же как совокупность реакций живой системы, поддерживающих ее функциональную устойчивость при изменении условий обитания.[26] За последние полтора десятка лет условия жизни, социальная среда во всех регионах бывшего СССР сильно изменились. Народ Абхазии не миновали и широкомасштабные военные действия. Все это отразилось на демографических показателях. Но, как известно, максимальное влияние на состояние населения оказывает организация ближней социальной среды человека.[27] А комплексное изучение феномена долгожительства, о котором говорилось во введении к данному разделу, показало, что абхазская традиционная система жизнеобеспечения отличается сложным механизмом обеспечения своей функциональной устойчивости, не только путем создания комфортных условий жизни (жилище, одежда, пища), но и способами преодоления различных стрессовых ситуаций (обряды, стереотипы поведения). Представляется, что именно эти механизмы, направленные на сохранение единства и целостности этноса, помогли существенно уменьшить потери при перестройках последних десятилетий.

Нами уже приводились примеры сохранения горожанами тесных связей с селом, отсутствие значительной миграции за пределы Абха-

зии. В других работах, включенных в данный сборник статей отражено сохранение традиций коллективизма и уважения к старшему поколению, которые бесспорно сыграли свою роль в снижении риска смерти родителей, переживших своих детей, погибших во время боевых действий. Эти материалы дают возможность говорить о том, что намечающаяся в связи с официальным признанием государственности Абхазии стабилизация жизни в регионе, развитие нормальных торговых, экономических и культурных связей с дружественными странами приведут к ситуации, когда индекс долгожительства абхазов будет вновь столь же высок, как и пару-тройку десятилетий назад.

---

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01069а «Медико-антропологические и демографические последствия социально-культурных изменений конца 1980-ых – начала 2000-ых гг. в сельской Абхазии», руководитель – А.Н. Ямсков).

2 Ващенко А.: «Грузия готовится к прыжку» // Эхо Абхазии, 16 августа 2005 г. С. 2; Шария В. Александр Анкваб выступает на авансцену. Заметки с IV Съезда ОПД «Айтайра» (Возрождение) // Эхо Абхазии. 10 августа 2004 г. С. 7; Тужба В. Демографическая ситуация как фактор осложнения взаимоотношений между Грузией и Абхазией // Правовые аспекты грузино-абхазского конфликта – http://www.abkhaziya.org/books/prav_konflict.html и др.

3 Абхазия в цифрах. Сухум, 2005.

4 См, например, Цвижба Л. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX в. Сухум, 2001; Этническая «революция» в Абхазии /Под редакцией Т. Ачугба. Сухум, 1995. Багапш Н.В. Формирование этнической мозаики Абхазии // http://www.viu-online.ru/science/publ/bulleten20/page5.html и др.

5 Источник данных: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 999, 1244, 1566-д, 1567, 5925, 7879, цит по: http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnabkhazia.html

6 Таблица и рисунок составлены по данным с сайта: http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnabkhazia.html

7 Абхазы. http://ru.wikipedia.org/wiki

8 Народы России. М., 1994. С. 441; www.perepis2002.ru/ct/doc/natcsostav_00.xls

9 Абхазия в цифрах. С. 13, 18.

10 Всего 29287 чел., в том числе 28919 чел. грузин и мегрелов, согласно официальным данным учёта населения 2003 г. См.: Абхазия в цифрах. С. 14.

11 Данные на 1979 г., кроме отмеченных особо, взяты из работы: Большаков В.А., Комарова О.Д. Демография. Анализ демографической ситуации и демографических гипотез долгожительства // Абхазское долгожительство \ Козлов В.И. (Ред.). М., 1987. С. 45.

12 В нашей предыдущей публикации приводились несколько отличные данные, т.к. в том случае были учтены и те, кто погиб при исполнении обязанностей уже после окончания военных действий, т.е. после 30 сентября 1993 г.

13 Хотя некоторые из погибших перед войной успели выехать из своего села, но их, естественно, похоронили на родовых кладбищах и считают односельчанами.

14 Дубова Н.А. Демографическая ситуация в современной Абхазии // Абхазы. М., 2007. Серия «Народы и культуры». С. 477-493.

15 Шария В. Александр Анкваб выступает на авансцену. Заметки с IV Съезда ОПД «Айтайра» (Возрождение) // Эхо Абхазии. 10 августа 2004 г. С. 7.

16 Данные на 1979 г. см.: Большаков В.А., Комарова О.Д. Указ. раб. С. 48.

17 Шамба Р.П. Особенности динамики и половозрастной структуры сельского населения Гудаутского района // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. \ Авидзба В.Ш. (Ред.). Сухум, 2003. С. 352-353.

18 Парламент Абхазии разрабатывает стратегию решения проблемы демографии // http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1186545.html 15.04.2007.

19 Козлов В.И., Комарова О.Д. География долгожительства в СССР. (Этнический аспект) // Феномен долгожительства. М., 1982. С. 33.

20 Большаков В.А., Комарова О.Д. Указ. раб., 1987. С. 40-41.

21 Шамба Р.П. Указ. раб. С. 353.

22 Козлов В.И., Комарова О.Д. Указ. раб. С. 33.

23 Большаков В.А., Комарова О.Д. Указ. раб. С. 51.

24 Там же. С. 41

25 Лекявичус Э. Элементы общей теории адаптации. Вильнюс, 1986.

26 Шкорбатов Г. Этюды общей теории адаптации // Эколого-физиологические и эколого-фаунистические аспекты адаптации животных. Иваново, 1986. С. 3 – 24.

27 Баранов А.В. Социальные аспекты экологии человека // Проблемы экологии человека. М., 1986. С. 22 – 24; Баранов А.В. Социальные аспекты экологии человека // Проблемы социальной экологии. Тезисы докладов I Всесоюзной конференции.

А.Ш. Хашба

СОВРЕМЕННАЯ АБХАЗСКАЯ СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

Семья, являясь микроячейкой общества, с одной стороны, прямо или косвенно отражает изменения, происходящие в данном обществе, а с другой – сама воздействует на развитие общества, на формирование личности человека, его ценностных установок; идеалов, его отношения к культурному наследию, к передаче трудовых навыков и т.д. Особое значение имеет семья в воспроизводстве населения, и здесь прямое или косвенное воздействие общества на нее очень велико.

Проблемам семьи уделялось большое внимание во все времена. Особенно актуально изучение института современной семьи в последние десятилетия. Естественно, что, несмотря на коренные политические, социально-экономические и культурные преобразования, семья и семейный быт, устои, которых складывались веками, не могут сразу перестроиться и преобразится.

Данная статья посвящена исследованию современной сельской семьи абхазов. В данной статье мы остановимся главным образом на структуре семьи. Такие вопросы как культурный и общеобразовательный уровень членов семей, проведение ими досуга, характеристика различных сторон материальной культуры, связанных с семьей, будут освещены нами в другой работе.

Описанию семейного быта абхазов встречаются во многих работах.[1] Они посвящены в той или иной мере описанию семейного быта абхазов лишь в прошлом. Необходимость изучения тех огромных пе-

ремен, которые произошли в их семейном быту за годы Советской власти, более чем очевидна.

Предлагаемая статья написана главным образом на основе полевых материалов, собранных автором во время экспедиций 2005-5006 и 2007 гг. в пяти селениях в трех административных районах республики – Гудаутском, Очамчырском, Ткуарчалском.

По данным Учета населения 2003 г., абхазы представляли большинство населения в Гудаутском районе (78,8 %), в Очамчырском районе (76,1%), в Ткуарчалском районе (37,7%).[2] Основными источниками анализируемых данных явились похозяйственные книги сельских администраций. Использовались документы как советского период (1986-1990 гг.), так и заведенные вновь в 1997 г., а также книги за 2006 и 2007 гг. При этом возникали, и определенные сложности, где книги оказывались по техническим причинам не полными. Для уточнения данных на помощь приходили главы сельских администраций и их секретари.[3]

Прежде всего, кратко остановимся на характеристике профессиональной занятости и реальных доходов сельских семей. Анализ полученных нами материалов показывают, что в обследованных селах сравнительно большой процент составляет трудоспособное население, которое в большинстве своем является «безработными» или «работниками агрофирмы». Иногда по инерции в похозяйственных книгах они обозначены «колхозниками». Аналогичный вывод был сделан А.Н. Ямсковым который исследовал в 2003-2005 гг. села Дурипш, Лыхны Гудаутского района, а также Джгерда и Члоу Очамчырского района. Обычно эта категория жителей «составляет около 75% – 85% населения села и живут только или преимущественно за счет производства и продажи собственной сельскохозяйственной продукции».[4] Основную роль в современной сельской семье продолжает играть доход, получаемый от своего личного хозяйства. Он складывается из продукции, получаемой с приусадебного участка, а также находящегося в личном пользовании скота. На приусадебных участках сажают огородно-бахчевые культуры, а также яблоневые, грушевые, ореховые и цитрусовые деревья. В основном эти продукты идут на собственное потребление семьи, а другая часть на рынок.

Во всех обследованных селах выявлены заброшенные уже после войны дома и участки, прежде принадлежавшие абхазам. Например, с. Дурипш – примерно 20 домов из 572 хозяйств, с. Члоу – около 10 домов из 498 хозяйств, с. Джгерда – около 10 дворов из 259 хозяйств.[5] Значительное же большинство жителей таких хозяйств реально или формально более не проживают в селе, но они продолжают регулярно обрабатывать земельные участки своих родителей или родственников. Так, для обработки приусадебных участков в с. Джгерда Очамчырского района на 2005 г. приезжали 37 мужчин и 12 женщин (они составляют 12,1% от числа лиц трудоспособного населения), в с. Хуап Гудаутского района на 2006 г. приезжали 12 мужчин (4,0% от всего трудоспособного населения, или 7,2% от всего мужского трудоспособного населения).[6] Также есть некоторое число абхазов, числящихся в селе, но имеющих постоянную работу в городе и большую часть времени живущих там. Они практически не производят в селе сельскохозяйственную продукцию на продажу для получения денежных доходов: в с. Джгерда это 19 мужчин и 14 женщин (8,1% трудоспособного населения),[7] в с. Хуап 12 мужчин и 6 женщин (6,0% трудоспособного населения).[8] С другой стороны, встречаются лица, реально живущие большую часть года в селе, но выезжающие на постоянную работу в прибрежную курортную зону на июль-сентябрь и потому в большинстве своем не производящие в селе сельскохозяйственную продукцию в значительных размерах на продажу. Так, в 2006 г. из с. Хуап Гудаутского района на сезонную работу выехало 20 мужчин и 5 женщин (8,3% от всего трудоспособного населения); из с. Калдахуара выехало 25 мужчин и 40 женщин (13,8%).[9]

В селах работают медсестры, врачи, учителя, бухгалтеры, водители, трактористы и другие служащие бюджетники, часть которых работает в соседних селах или даже в городах. Они составляют около 7% – 15% работоспособного населения.[10]

Характеризуя современную сельскую семью абхазов, необходимо обратить внимание на одну из ее существенных особенностей, а именно на ее структуру. На нее оказывают влияние различного рода социально-экономические, этнические, культурно-бытовые и иные

факторы. Собранный нами материалы свидетельствуют о том, что преобладающей формой современной сельской семьи абхазов является малая семья, включающая обычно родителей, их малолетних или не состоящих в браке детей, нередко престарелых родителей главы семьи (или чаще овдовевшего одного из них). Малые семьи включают также малолетних или не состоящих в браке братьев и сестер главы семьи.

По данным обследованных 553 семей на период 2006-2007 гг. из общего числа семей семьи из двух – четырех человек составляли - 16,3%, из трех – 14,8%, из пяти – 13,7%, из шести – 11,0%, из семи и более чел. – 7,8%. Встретилась лишь одна семья, состоящая из двенадцати человек. Это семья, в которой кроме мужа, жены и их детей, проживают также другие родственники.

Принадлежность села к той или иной географической зоне все еще продолжает оказывать влияние на различные стороны быта сельской семьи абхазов, однако в целом роль географической среды давно уже перестала быть ведущей. По физико-географическому расположению абхазские села можно разделить на низкогорные, предгорные и горные. Однако между этими группами сел особых различий в численном составе семьей не наблюдаются.

И в 1990, и в 2006-2007 гг. самыми распространенными были семьи, состоящие из 2-3 чел. Почти одинаковую долю составляют одиночки и семьи из 6-7 чел., причем удельный вес последних сокращается (табл. 1).

Таблица 1

Распределение сельских абхазских семей по численному составу за 1990 гг. и 2006-2007 гг. (сс. Бармыш, Калдахуара, Хуап, Бедиа, Отап)

года	всего семей	В т.ч. семьи, состоящие из (человек)				
		одиночки	2-3	4-5	6-7	8 и более
1990	777	19,4	30,2	26,5	18,0	5,9
2006-2007	553	20,1	31,1	30,0	15,9	2,9

Таблица 2

Изменения в составе и размерах абхазских домохозяйств в 1990 – 2007 гг.

Типы домохозяйств		с. Бармыш		с. Калдахуара*		с. Хуап*		с. 1 Бедиа*		с. Отап*	
		1986	1994	1996	2006	1997	2006	1997	2007	2001	2007
Хозяйства	всего хозяйств	196	98	218	217	161	131	154	134	63	52
	средний размер (чел)	3,4	2,8	3,4	3,4	3,5	3,7	3,6	3,7	3,5	3,0
В т.ч.хоз-ва Состоящие из двух человек	всего хозяйств	36	28	28	29	21	12	22	16	12	12
	доля в селе	18,4%	28,6%	12,8%	13,4%	13,0%	9,2%	14,3%	11,9%	19,0%	23,1%
	В т.ч из двух пенсионеров	4	9	3	14	8	5	13	8	4	3
	доля в селе хозяйств из двух пенсионеров	2,0%	9,2%	1,4%	6,5%	5,0%	3,8%	8,4%	6,0%	6,3%	5,8%
В т.ч. хозяйства состоящие из одного пенсионера	всего хозяйств	39	37	50	51	33	20	25	22	12	14
	доля в селе	19,9%	37,8%	22,9%	23,5%	20,5%	15,3%	16,2%	16,4%	19,0%	26,9%
	в т.ч. из одного пенсионера	6	19	26	27	16	14	19	15	5	8
	доля в селе хозяйств из одного пенсионера	3,1%	19,4%	11,9%	12,4%	9,9%	10,7%	12,3%	11,2%	7,9%	15,4%
Полные семьи **	всего хозяйств	64	18	76	69	50	69	32	35	14	7
	в них чел.	360	101	421	372	277	372	-	-	-	-

* – В селах также встречались и встречаются хозяйства, состоящие из трех пенсионеров. Удельный вес таких хозяйств составляют менее 1%. Так в с. Хуап на 1997 г. – 1 хозяйство, в с. Калдахуара на 1996 г. – 1 хозяйство, в с. Отап на 2001 г. – 1 хозяйство, на 2007 г. – 2 хозяйства, в с.1-ая Бедиа на 1990 г. – 1 хозяйство.

** – Под полными семьями здесь понимается такие, в состав которых входят оба супруга в работоспособном возрасте (17-59 лет) и их дети дошкольного и школьного возраста 1 до 16 лет включительно.

Наши данные полностью согласуются с материалами в работе Р.П. Шамба которая отметила существенное снижение удельного веса семей из 6-7 и более человек и относительной доли детей в 1985 и 1997 гг. в преимущественно абхазских по составу населения селах Хуап (Гудаутский район) и Меркула (Очамчырский район).[11]

Своеобразие семей разных народов обнаруживается и в показателе их среднего размера. Он может быть учтен достаточно точно и отражает совокупное влияние ряда демографических особенностей. Средний размер семьи будет тем выше, чем больше в ней детей. Чем выше доля сложных не разделившихся семей, тем выше удельный вес состоящего в браке населения.

Анализ состава семей в хозяйствах изученных сел выявляет тенденцию сокращения общего числа хозяйств с конца 1980-х до 2000 гг., а также уменьшения среднего размера семьи (табл. 2). Значительно увеличивается доля семей, состоящих из одного и двух человек пенсионного возраста. Вместе с увеличением доли семей, состоящих из одного-двух пенсионеров, уменьшается и абсолютное и относительное число полных многодетных семей. Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков, исследуя села Джгерда и Лыхны, пришли к выводу «что количество хозяйств одиноких пенсионеров выросло в масштабах от 1/3 до 4 раз, тогда как количество хозяйств с полными семьями и детьми упало на 30% – 50% от их числа в 1990 гг.[12] Следует учесть, однако, что в большинстве случаев обрабатывать землю и производить сельскохозяйственную продукцию одиноким пенсионерам помогают родственники, живущие в городе.

Уменьшение числа детей в семье, характерное для современного демографического развития многих стран, заставило демографов вплотную заняться такими проблемами, как причины, факторы и мотивы человеческих поступков, определяющих число детей в семье в условиях доступности и эффективности различных средств регулирования рождений.

Влияние внешних условий жизни семьи определяет в целом образ ее жизни и в том числе, одну из его составляющих – репродуктивное поведение. Поэтому наиболее интересные результаты дают исследования, в которых делается попытка проследить такие связи. Пассивное

поведение молодых людей в откладывании времени вступления в брак (т.е. время в создании семьи) становиться немаловажной проблемой для населения республики, как городского, так и сельского.

Л.Е. Дарский считает, что основную роль в воспроизводстве населения играют первые браки, т.к. большинство брачных рождений происходит в первом браке.[13]

Число детей в семье зависит не только от уровня семейного благосостояния, но и от степени его соответствия сформировавшимся потребностям, так как различные по социальному, образовательному, возрастному, национальному и другим составам семьи имеют разную структуру потребностей. Например, одинаковый душевой доход, одно и то же количество свободного времени, одинаковые жилищные условия одни супруги считают очень хорошими, другие – средними, а третьи – весьма неудовлетворительными.

Потребность в детях является социально-психологическим свойством индивида проявляющийся в том, что без наличия детей и подобающего числа их индивид испытывает затруднения как личность.[14] Первого ребенка имеют (либо хотят иметь) почти все семьи. Об этом свидетельствуют данные проведенного исследования. В то же время, потребность иметь второго, а тем более третьего и последующих детей вступает в конфликт с другими потребностями семьи и существенно различается у женщин с разным уровнем образования, проживающих в городской или сельской местности, относящихся к различным социально-профессиональным группам и т.д.[15]

Нарушение нормального жизненного цикла семей, полное или частичное их разрушение наносят большой ущерб населению страны. Факторами, приводящими к этому являются военные потери, повышение уровня смертности в связи с плохими условиями жизни в послевоенный период, снижение рождаемости, ухудшение физического и психического здоровья, нарушение естественного соотношения полов. Такова цена войны с демографической точи зрения. Известный русский статистик А.А. Чупров подобные последствия войн называл «демографической катастрофой».

Рождаемость обеспечивает непрерывность смены поколений в обществе, т.е. воспроизводство населения. Об изменении рождаемости можно отчасти судить по данным о размере семьи. Но только отчасти, так как величина семьи зависит не только от числа детей, но и от распространенности совместного проживания групп родственников, чаще всего взрослых детей и родителей. Изменения детности является определяющим фактором в формировании семьи.

Но совершенно права Э.К. Васильева которая отмечает, что высшей «инстанцией», в котором принимается окончательное решение о числе детей в каждой семье (если абстрагироваться от общей социально-экономической обусловленности рождаемости, которой и объясняется однотипной, сходство в демографическом поведении семей), является сама семья и только она. Это сугубо личное дело каждого человека, каждой семьи, и оно же – дело величайшей государственной важности. Но не всегда потребность общества в возобновлении поколений и потребность семей в детях совпадают.[16]

Сравнение показателей за разные годы дает возможность проследить тенденцию снижения показателя детности абхазских семей. Динамика численности детей в сельских семьях представлена в табл. 3.

Таблица 3

Численность детей в семьях

Годы	0	1	2	3	4	5 и более	%
1990	53,2	15,1	15,1	10,1	4,5	2,0	100
2006-2007	63,3	11,2	15,0	8,1	2,0	0,4	100

Как показывают данные таблицы, относительно увеличивается процент семей в селах, не имеющих в настоящее время детей до 16 лет. Это в основном – пожилые супружеские пары или одиночки, дети которых уже взрослые.

Сравнение результатов и расчеты позволяют сказать, что наблюдается увеличение семей состоящих из двух – четырех человек, тогда как уменьшается удельный вес больших семей. Число совместно проживающих членов семей и, следовательно, средний размер семьи претерпевает определенные изменения. Деревня – хранительница патриархальных традиций и семейно-бытового уклада и характерной для нее многодетности. В настоящее время ведущая роль принадлежит городу. Городской образ жизни все более становиться тем эталоном,

к которому стремится и сельский житель. Традиции многодетности среди сельского населения утрачивают свою силу. В своей известной фундаментальной работе В.И. Козлов говорит, что «традиции многодетности бытовали в прошлом почти у всех народов мира. Их появление и отмирание в определенный исторический период не связано особенностями этнической культуры. Однако специфические условия жизни народов сказываются на темпах перехода от многодетной семьи к малодетной».[17]

Тезис о том, что социально-экономические условия жизни населения оказывают решающее влияние на уровень рождаемости, в наши дни является общепризнанным. Также не вызывает сомнения и факт снижения рождаемости у большей части населения нашей страны, что привело к широкому распространению малодетных семей. Каковы же наиболее распространенные мнения о том, почему детей стало меньше? Чаще всего в качестве основной причины, влияющей на снижение рождаемости, указывают материальные трудности: рождения ребенка, а тем более двоих и троих, ухудшает материальное положение семьи. Но однако же на решение супругов иметь то или иное число детей оказывают влияние не только материальные условия жизни семьи, но и сложившаяся система социальных ценностей.

В многодетных семьях женщине очень трудно совмещать профессиональную деятельность в общественном производстве с ее очень большими домашними нагрузками. Поэтому довольно часто многодетная мать посвящает свою жизнь в основном только семье. Соответственно, семьи численностью менее четырех человек себя недовоспроизводят, а семьи численностью в пять человек и выше дают прирост населения. Вызывает тревогу низкий уровень детности в изученных селах Абхазии.

Одним из важных демографических факторов, оказывающих существенное влияние на конечную продуктивность браков в условиях нерегулируемой рождаемости, является возраст, в котором женщина вступает в брак. Но и возраст вступления в брак категория социальная, вытекающая из конкретных социально-экономических условий существования той или иной социальной, в том числе и этнической общности.

Это же отмечает, например, и Л.В. Чуйко: главным фактором, с которым связана рождаемость, является возраст вступления в брак. А также отмечает, что возраст вступления в брак позволяет изучить особенности брачных традиций, что и является одним из немногих объективных источников данных об экономической и социальной зрелости молодежи и т.п.[18] Известно, что продуктивность браков тем ниже, чем старше возраст вступления в брак. Численный состав неженатых мужчин и незамужних женщин именно репродуктивного возраста представлены в табл. 4. Наше исследование показывает изменения репродуктивных намерений брачных когорт, находящихся в репродуктивном периоде, а это всегда предшествует изменению уровня рождаемости.

Прослеживая динамику этого показателя, следует отметить, что в 2002 г. наибольшее количество неженатых мужчин, и незамужних женщин приходилось на возрастные группы от 20-24 лет до 30-34 года. В брак стали вступать позже и этот показатель переместился на возрастную группу 35-39 лет. Л.Т. Соловьева отмечает, что «большой проблемой для многих абхазских семей стало в последние годы то обстоятельство, что многие молодые люди (девушки и юноши) очень долго не вступают в брак».[19] Это вызывает большую обеспокоенность родителей и родственников.

Таблица 4

Половозрастной состав населения, не вступившего в брак в обследованных селах Абхазии.[20]

возраст	село Отхара			
	01.01.02	Август 2006г.	01.01.02	Август 2006г.
	Мужчины (чел.)		Женщины (чел.)	
18-19	-	-	32	22
20-24	85	83	34	61
25-29	64	61	29	44
30-34	37	53	13	21
35-39	17	42	6	11

возраст	село Отхара			
	01.01.02	Август 2006г.	01.01.02	Август 2006г.
	Мужчины (чел.)		Женщины (чел.)	
40-44	19	22	4	4
45-49	8	12	4	4
50	2	4	-	1
всего	222	277	122	168
село Калдахуара				
18-19	–	–	6	11
20-24	24	26	8	12
25-29	12	17	3	6
30-34	13	12	8	5
35-39	5	12	3	7
40-44	3	5	4	2
45-49	-	1	3	5
50	-	-	1	-
всего	57	73	36	48

Большая распространенность семей с одним – двумя детьми способствует «закреплению идеала» или «моды» малодетной семьи. Для демографической ситуации в стране увеличение числа семей из двух человек весьма неблагоприятно. Рост этой категории семей подтверждает увеличение оттока сельской молодежи в городскую местность. Заметно снижается удельный вес крупных по размеру семей (из семьи и восьми человек). Приведенные выше данные свидетельствуют о снижении рождаемости среди сельского населения, что связано, прежде всего, с социально-экономическими, культурными преобразованиями, а также с изменением системы ценностных ориентации. А также миграции молодежи в города; временные, но часто длящиеся годами выезды на работу и учебу за пределы своего села; старение абхазской деревни; распространение среди сельских жителей самостоятельного регулирования численности семьи и т.д.

Все это приводит к тому, что современная сельская семья становится малой и простой по структуре. Новая, нуклеарная семья пришла на смену старой, многодетной и многопоколенной семье.

Снижение рождаемости, по нашему мнению, все отчетливее превращается в средство регулирования численности детей в семье. Для современного человека сознательное ограничение размеров семьи стало одним из наиболее доступных средств достижения той или иной степени резонанса межу двумя системами культур – индивидуальной и социальной. А именно, средством регулирования степени своего участия в воспроизводстве материальных и духовных благ, материального положения, жилищных условий, распоряжения личной свободой рациональной концентрации индивидуальных жизненных сил.

Таким образом, следует отметить, что снижение рождаемости все отчетливее превращается в средство регулирования деторождения в семьях, а установление типа семьи с небольшим числом детей является не результатом неудовлетворенной потребности в детях, а следствием сознательного стремления к малодетной семье. Ограничение числа детей – вынужденная форма поведения родителей, своеобразная плата за поступательное социальное развитие, дань, которую выплачивают современники за неразрешенные противоречия общественного бытия. Основное из них: несоответствие растущих материальных и духовных запросов населения, удовлетворение которых необходимо как для обеспечения насущных интересов граждан, так и для развития государства в целом.

1 Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов Сухуми, 1954; Кучуберия Л. Абхазская семья. Сухуми, 1969 г. (на абх. яз.); Бжания Ц.Н. Семья и семейный быт в Абхазской колхозной деревне. Современное Абхазское село Тбилиси, 1967. С.7-25; Он же. Из истории хозяйств и культуры абхазов Сухуми,1973; Аргун Ю.Г. Быт и культура современных абхазов. Сухум, 1976; Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов Тбилиси, 1983.

2 Абхазия в цифрах. Сухум, 2006. С.17.

3 Эти сведения нам сообщили: Анри Родикович Анкуаб, глава адм. с. Хуап; Занбей Григорьевич Симсим гл. адм., и Бенур Риманович Тхагушев секретарь с. Калдахуара; Сафарбей Карбеевич Цимцба гл. адм. с. Бармыш; Шалодия Уартанович Джопуа гл. адм. с. Отап; Владимир Шалвович Черкезия гл. адм. с Агубедия, директор госхоза Заур Томович Черкезия; Гранто Кескинджович Чолария гл. адм. с. 1-ая Бедиа.
4 Ямсков А.Н. Социально-экономическая ситуация в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия. М., 2006. С.85.
5 Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций // Современная сельская Абхазия. М., 2006. С. 48.
6 Материалы полевых исследований Очамчырского и Гудаутского районов были любезно предоставлены А.Н. Ямсковым, за что автор приносит искреннюю благодарность.
7 Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций. С. 48.
8 Полевые материалы автора (ПМА 1) по селам Хуап, Калдахуара, Бармыш, Отхара Гудаутского района РА, август 2006 г.
9 Там же.
10 Ямсков А.Н. Указ. раб. С. 86.
11 Шамба Р.П. Современная структура населения сел Хуап и Меркула // Труды Абхазского государственного университета. Ч. 1. Сухум, 2002. С. 91.
12 Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Указ. раб. С. 57.
13 Дарский Л.Е. Формирование семьи. М., 1972. С. 49.
14 Антонов А.И. Проблемы социального изучения репродуктивного поведения семьи // Вопросы теории и методов социологических исследований М., 1974. С.115.
15 Киселева Г.П. Нужно ли повышать рождаемость? М., 1973. С. 62
16 Васильева Э.К. Семья и ее функции Демографо-статистический анализ М., 1975. С. 22.
17 Козлов В.И. Динамика численности народов М., 1969. С. 119-122.
18 Чуйко Л.В. Браки и разводы. М., 1975. С. 60.
19 Соловьева Л.Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии // Современная сельская Абхазия. М., 2006. С.166.
20 Из-за отсутствия полной информации о численном возрастном составе сел, оказалось невозможным вычисление доли холостых каждого возраста среди общей численности населения в данном возрасте, показывающее долю лиц, не вступивших в брак к этому возрасту. Поэтому данные таблицы относятся лишь к численному составу не вступивших в брак холостяков.

Л.Т. Соловьева

СЕМЬЯ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ В СЕЛЬСКОЙ АБХАЗИИ: СИСТЕМА АДАПТАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Дерево с обширными корнями
засухи не боится.

Дерево держится корнями,
а человек – родственниками.
Абхазские пословицы

Семья – один из тех социальных институтов абхазского общества, который в системе ценностей абхазов продолжает сохранять очень прочные позиции. Вместе с тем семья не может оставаться неизменной: она, особенно в последние десятилетия, испытала значительное влияние внешних факторов – экономических, социальных, культурных. Мощное воздействие на этот институт оказывают также процессы глобализации, которые не оставили в стороне и этот регион Кавказа. Военные столкновения 1990-х годов, разруха и фактический развал экономики Абхазии привели к значительным миграционным потокам с ее территории, причем существенную часть мигрантов составляли люди преимущественно молодые или средних лет, уезжавшие на учебу или на заработки. Молодое поколение, чьи взгляды формируются в новых, сильно изменившихся условиях, нередко уже по-своему смотрят на многие проблемы, связанные с созданием семьи, выбором супруга, внутрисемейными взаимоотношениями.

В данной статье представлена попытка ответа на некоторые вопросы, возникающие перед нами в ходе исследования абхазской сельской семьи. Какова роль семьи в современном абхазском социуме? Насколько этот институт сохраняет свои традиционные характеристики? Какие стороны семейного быта подвержены наиболее значительным изменениям? Что меняется и что сохраняется во взаимоотношениях семьи и родственного окружения, семьи и круга соседей и односельчан? Какую роль играют семья, клановая структура в адаптации к новым условиям жизни?

Статья основана главным образом на полевых материалах, собранных во время экспедиционных поездок в Абхазию в 2004–2006 гг., в селах Гудаутского и Очамчирского районов.

Современная абхазская семья, как правило, не очень многочисленна, если под семьей подразумевать тех, кто постоянно живет под одним кровом. Рождаемость в современной Абхазии невелика, многодетных семей немного. Старшие сыновья, обзаведясь собственными семьями, отделяются, дочери выходят замуж и также покидают родительский дом. Но сплоченность подобного родственного образования, включающего не только родителей и их детей, но и ближайших сородичей – двоюродных, троюродных братьев и сестер, племянников и т.п. – весьма значительна.

В трудные постсоветские годы особенно пригодились традиции коллективизма, характерные для абхазского социума. Родственная взаимопомощь помогала не только выжить, но и обеспечить молодежи возможность получить образование, представителям старшего поколения – необходимую медицинскую помощь и т.д. Беседуя с информантами, неоднократно доводилось слышать о том, как семья (например, реализуя какие-то выращенные фрукты или орехи) собирает средства на оплату высшего образования одного из детей. Те, кто выезжали на заработки в Россию, обязательно помогали сородичам, остававшимся в Абхазии.

В абхазском обществе считается непреложной истиной, что молодые люди, достигнув брачного возраста, обязательно должны стремиться к созданию собственной семьи. Причем большая ответственность в этом плане падает на мужчин, поскольку, в силу сохранения

традиционных представлений, именно им следует выступать инициаторами заключения брака. Тем не менее, хотя в настоящее время в обществе значительна доля не вступивших в брак юношей и девушек, нельзя сказать, что они находятся вне рамок семейной жизни: даже живя отдельно (что бывает нечасто), они практически никогда не теряют связей с родительской семьей, если же родителей уже нет в живых – то с семьями родных, двоюродных и т.д. братьев и сестер.

Наблюдая за жизнью абхазской семьи, нельзя не отметить тот благоприятный психологический климат, который характерен для большинства из них. Конечно, вряд ли стоит идеализировать ситуацию, и, несомненно, конфликты могут возникнуть – не случайно для фольклора всех народов мира характерно наличие множества сюжетов о сложностях взаимоотношений невестки и свекрови, зятя и тещи и т.д. Но в абхазском обществе, где все еще велика роль общественного мнения, а оно всегда стоит на стороне семейного согласия и безусловно осуждает того (независимо от возраста и положения в семье), кто становится причиной раздоров и ссор, многие семейные конфликты удается тем или иным способом улаживать. Пословица так оценивает ситуацию в семье, где нет согласия: «В семье, которой предстоит несчастье – ссорятся».

Возможно, этому способствует также и то обстоятельство, что в абхазской семье до настоящего времени в той или иной степени сохраняется традиционный этикет, особенно в тех семьях, где живут старшие члены семьи. Неотъемлемой частью этого этикета выступают обычаи избегания. В Бзыбской Абхазии (Гудаутский р-н) они более суровы, в Абжуйской Абхазии (Очамчирский р-н) – довольно либеральны.

Как известно, эти обычаи в значительной своей части имеют отношение прежде всего к пришедшей в семью невестке. Обычаи избегания нередко воспринимаются в народе с долей юмора: так, неоднократно приходилось слышать в Абхазии изложение «бродячего сюжета», распространенного у многих народов Кавказа, о том, как свекор зарезал быка, чтобы невестка начала с ним говорить, а вскоре, не выдержав ее разговорчивости, зарезал двух быков, чтобы она перестала с ним разговаривать. Тем не менее к невестке, которая соб-

людает эти обычаи, относятся очень уважительно, считая, что она тем самым выказывает свое «почтение» к старшим. Следует отметить, что соблюдение данных обычаев в значительной степени зависит от возраста свекра и старших родственников, с которыми живут молодые, от локального своеобразия – степени сохранности этих обычаев в селе, поселке, в конкретной семье. Если свекра уже нет в живых, но у мужа есть брат, значительно старше его, то разговорный запрет по отношению к нему может сохраняться очень долго.

В настоящее время невестка со свекровью начинает разговаривать практически сразу после свадьбы. В отношении свекра в большинстве случаев разговорный запрет хотя бы какое-то время соблюдается (в Гудаутском районе – нередко в течение года, а порой и многие годы и десятилетия). Если деверь старше невестки на два–четыре года – невестка может начать с ним разговаривать, если тот ее попросит. При этом он должен быть очень настойчивым, чтобы она с ним заговорила – как говорят информанты, долго «лекцию ей читает». Сразу соглашаться с предложением деверя считается «неприличным». Если деверь старше лет на десять – невестка (особенно в селах Гудаутского района) долго с ним не разговаривает. С золовками, даже теми, что старше ее по возрасту, невестка, как правило, уже не должна соблюдать разговорный запрет.

Невестки из Гудаутского района, даже оказавшись в более «свободной» Абжуйской Абхазии, тем не менее не отказываются от привычных им порядков. Для иллюстрации можно привести следующий пример. В селе Члоу зафиксирован случай, когда в одной семье, где было четверо братьев (с родителями оставался жить младший сын), две невестки – жены старшего и младшего – были из Абжуйской, а еще две – из Бзыбской Абхазии. Невестка старшего брата уже 13 лет не разговаривала со свекром, младшая невестка была замужем 6 месяцев и не начала разговаривать ни со свекром, ни со старшими деверями, хотя свекор уговаривал ее сделать это. Невестки же из абжуйских сел соблюдали этот обычай в течение краткого срока – от одного до трех лет.

По прошествии определенного периода (обычно по инициативе свекра) режут быка (или устраивают более скромное угощение), собирают близких родственников, после чего свекор и невестка начинают разговаривать друг с другом. Невестка (особенно в селах Гудаутского района), как правило, соблюдает разговорный запрет и по отношению к старшим соседям.

Свекровь тоже имеет право голоса при решении этого вопроса. Так, мне встретилась в одной из семей в селе Дурипш ситуация, когда и свекор и невестка не прочь были начать разговаривать друг с другом (невестка пришла в эту семью около 20 лет тому назад и в последние годы супруги жили в России), а свекровь не разрешала им этого: по ее словам, муж был не очень здоровым человеком, мог вспылить и неосторожным словом обидеть невестку. Поэтому свекровь считала более разумным соблюдение традиций избегания. Вообще подобное обоснование данного обычая можно услышать довольно часто (особенно в Бзыбской Абхазии). Так, по мнению одной из наших информантов из села Лыхны, «лучше, если невестка не разговаривает. Когда разговаривают невестка и свекор – могут поссориться, обидеть друг друга». Следует также отметить, что данный запрет, на мой взгляд, не воспринимается невестками как какое-то ущемление их прав, но скорее как их право, их возможность показать свое стремление сохранять абхазские традиции и выказать свое уважение к старшим.

В меньшей степени традиции избегания затрагивают отношения мужчины и родителей его жены, хотя в ряде случаев и между ними некоторое время соблюдается разговорный запрет.

Необходимо отметить также следующее обстоятельство, не всегда упоминаемое при изучении данного вопроса, а именно – демонстрация уважительного отношения происходит не только со стороны младших по отношению к старшим, но и со стороны старших по отношению к младшим.

Современная молодежь с удивлением слушает рассказы старших женщин о том, что еще в 1950–1960-е годы невестка не могла лечь спать раньше старших членов семьи, а все время застолья она должна была стоять поблизости с кувшином вина в руках (даже поставить его она не имела права, не говоря уже о том, чтобы самой присесть), следить за порядком тостов и подливать вино по мере необходимости. Все это ушло в прошлое.

Такие традиции, как перемена имени невестке, уже практически не встречаются, хотя об этом хорошо помнят люди старшего поколения (невестке давали новое имя, если ее собственное совпадало с именем свекрови или другой старшей родственницы мужа и т.п.). Только в самых «строгих» семьях, или же там, где имеются старшие родственники весьма почтенного возраста, изредка соблюдается запрет родителям брать в их присутствии на руки маленьких детей.

Таким образом, ритуализованная форма отношений «старших» и «младших» постепенно уходит из быта. Тем не менее общественное мнение всецело стоит за то, чтобы согласие в семье поддерживалось прежде всего за счет подчинения младших старшим. Конечно, при обязательном учете основных интересов представителей младших поколений. Молодежь практически свободна в выборе сферы своей деятельности, приобретение профессии зависит только от материальных возможностей семьи. В абхазском обществе сейчас считается престижным получить высшее образование. Огромное внимание уделяется тому, чтобы дети получили перспективную профессию (в высшем или в среднем учебном заведении), несмотря на то, что нередко на это уходит значительная доля доходов семьи.

Необходимо отметить также огромную любовь к детям, которую можно видеть в каждой абхазской семье, бережное и внимательное к ним отношение, и в то же время – строгость и требовательность к их воспитанию. В большинстве случаев дети с раннего возраста приучаются к труду и становятся настоящими помощниками. Наши информанты нередко говорили, что именно из-за материальных трудностей супруги ограничиваются двумя-тремя детьми, «но вообще-то человек лишним не бывает». В Абхазии нередки случаи усыновления детей, причем не обязательно абхазской национальности. Это явление имеет давнюю традицию, много подобных случаев отмечено в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. О внимании к детям говорит и то, что 14 декабря в Абхазии установлен специальный День памяти детей, погибших в Отечественной войне 1992–1993 гг.

Бывает, что ребенка не усыновляют, но как бы «берут на воспитание». О подобном случае нам рассказала в одном из селений Гудаутского района молодая женщина. Во время курортного сезона ее брат

работал в одном из кафе на побережье и подружился с русским мальчиком, который отдыхал в Абхазии с матерью. Когда юноша уезжал на выходные домой в село, мать отпустила мальчика с ним погостить. Эта семья радушно встретила маленького гостя, он всем понравился, и ему там тоже все пришлось по душе. Мальчик поведал о сложностях в своей родной семье (у него не складывались отношения с отчимом), и когда пришло время возвращаться ему домой, абхазская семья предложила его матери оставить мальчика у них. Женщина согласилась. Мальчик Ваня стал учиться в сельской школе, помогал по хозяйству и гармонично влился в новый для него коллектив. На следующее лето его мать вновь приехала отдыхать на море и навестила своего сына. По словам нашей собеседницы, она «привезла огромный торт и сумку с вещами мальчика». Ей очень понравилось, как относятся к ее сыну, в каких условиях он живет («все свое, свежие продукты»), и она вновь оставила его там. Тем более что женщина вновь вышла замуж и ей, видимо, было не до своего ребенка. Так Ваня и остался жить в этой семье. Он окончил школу в Абхазии и собирался там же поступать в техникум. В этой ситуации нет смысла обсуждать поведение родной матери мальчика. Интерес представляет готовность абхазской семьи принять в свой состав по сути чужого, незнакомого ребенка, воспитать его и дать ему свою любовь и защиту.

Существует немало примеров, как в той или иной конкретной семье происходит становление дружеских и более прочных – куначеских связей с другими семьями и фамилиями. Приведу любопытное, на мой взгляд, сообщение моего собеседника из с. Лыхны Георгия (Хура) Чачевича Ермолова о событиях из истории его семьи. Его сестра Рима училась в институте в Сухуме и на каникулах поехала собирать чай в Очамчирский район, в селение Поквеши. Ее поселили в доме Нестора Черкезия, директора местной школы. Сестра работала на совесть, стала «стахановкой». У Нестора Черкезия был маленький сын, Нодар, ему было 7 лет. Когда девушке пришла пора отправляться домой, мальчик заявил: «Я поеду с Римой», и отец отпустил его в гости. Полтора месяца мальчик гостил в Лыхнах у Ермоловых. Женщины сшили ему новый костюм, что в скудные послевоенные годы было хорошим подарком.

Отвозил мальчика домой сам Георгий: сначала добрались до Сухума, потом вышли на трассу и ловили попутку. Недалеко от Поквеши встретили отца Нодара, тот нес мешок муки с мельницы, но он даже не сразу узнал своего сына, наряженного в подаренный костюм. В доме Черкезия устроили «кампанию», пригласили родственников и соседей, специально в знак уважения к дорогому гостю зарезали козу. Во время застолья Нестор сказал Георгию: «Пока я жив, Вы мои первые родственники». С тех пор семьи Черкезия и Ермоловых поддерживали тесные куначеские связи, сравнимые с родственными. Когда Нестор умер, Георгий поехал со своими родственниками на автобусе почтить его память, выразить соболезнование, отвез траурный венок на могилу. И сейчас, хотя прошло много лет, их семья не теряет связей с Нодаром, который когда-то гостил в их семье, хотя тот живет довольно далеко (по абхазским меркам) – работает в автохозяйстве в городе Ткварчели.

Проявление доброжелательности, открытости к людям, стремление укреплять и расширять связи и контакты на всех уровнях – родственном, дружеском, куначеском, соседском и т.д. – характерная особенность абхазской семьи. Об этом говорят и абхазские пословицы: «Человек держится человеком, как плетень кольями», «Умер отец – не теряй его друзей», «Кого не любят друзья – тот не лучше мертвеца»[1]. В связи с этим следует сказать о том, какую большую роль в социализации подрастающего поколения играет широко известный и в высшей степени развитый у абхазов институт гостеприимства. Дети не только участвуют в приеме гостей в своем доме, видят воочию, как должны проявляться нормы *апсуара* и *аламыса*. Они нередко и сами выступают в роли гостей: старинные традиции гостевания детей у родичей по отцовской и материнской линии сохраняются и в наше время.

Вот как описывает это абхазский историк А.Э. Куправа: «Гостеванию детей раннего возраста у близких родственников в абхазской традиционной культуре отводилась важная познавательная и воспитательная функция. Родители отпускали своих детей, особенно мальчиков, в гости к родственникам по отцу и матери, по бабушке и дедушке… В новой среде дети чувствовали не только перемену обстановки и воздуха, но главное – заботливое внимание, любовь, получали добрые наставления. Общение в гостях с двоюродными братьями и сестрами обогащало – давало новые знания, развивало чувство взаимной любви…»[2].

Институт гостеприимства в абхазском обществе выполняет сразу несколько функций, в силу чего, видимо, и сохраняет свою значимость и актуальность. Следует отметить, что в качестве гостя может оказаться и совсем незнакомый человек, и приехавший из дальних краев родственник или приятель, и сородич из ближнего села, и зашедший скоротать свободный вечер сосед. В одном случае прием гостя позволяет обновить и укрепить связи с дальними родственниками, в другом – обрести верного кунака, завязать полезные для семьи деловые контакты, в третьем – отвлечься от повседневных забот за дружеским столом, за игрой в нарды и т.п.

Хотелось бы отметить и такую черту абхазского быта, как толерантность, бережное, очень деликатное отношение и родственников, и просто соседей к тем, кто оказался в жизни чем-то обделен, кто попал в тяжелую ситуацию. В абхазских селах нам пришлось наблюдать немало подобных примеров тактичного внимания к ближним. Характерна также некоторая снисходительность к определенным «проделкам» молодежи. Например, в доме одного пожилого человека пропала одна вещь, и он предполагал, что ее взяли его молодые родственники. Поскольку у него на усадьбе находилась ритуальная кузня, он мог бы «наказать» их, помолившись в кузне и попросив Бога наказать похитителей, но не стал этого делать, сказав: «Зачем? Из-за денег я не стану этого делать. У них станут болеть дети, близкие – жалко».

Именно семья и соседское окружение, на мой взгляд, способствуют и воспитанию религиозной толерантности. Сейчас во многих селах Абхазии смешанно живут и христиане, и мусульмане. Нередко и в одной семье представлены приверженцы обеих религий. Однако каких-то религиозных разногласий практически не бывает: это не препятствует ни заключению браков, ни дружеским связям. Практически на это не обращают внимание, хотя и знают, что, например, такой праздник, как Нанхва, христиане справляют, а мусульмане – нет. Но нам встретилось и такое интересное явление: хозяйка дома в мусуль-

манской семье сказала, что на Пасху она тоже красит для своих детей яйца, печет кулич – «чтобы дети не завидовали соседским детям», так как по соседству в христианской семье Пасху, естественно, отмечали. В этом можно видеть мудрое стремление избежать того разделения, которое подчас может принести религия.

Говоря об абхазской семье, следует также отметить, что ее члены связаны своего рода «круговой порукой», поскольку нередко сохраняется принцип «коллективной ответственности» за разного рода проступки. Причем это может быть как реальное наказание со стороны общины (например, за серьезное правонарушение – даже выселение всей семьи), так и наказание со стороны сверхъестественных сил. Так, если пострадавший обратится к святыне, или ритуальной кузне – ажире, с просьбой наказать обидчика, или проклянет его, то это, по народным представлениям, грозит болезнями, несчастными случаями и даже смертью всем членам данной семьи.

Убеждение, что грехи одного человека могут принести несчастье всей семье, всему роду, всей фамилии, дает основание старшему поколению жестко требовать от молодежи соблюдения норм апсуары и аламыса, усиливает взаимную ответственность за благополучие всего семейного коллектива. Честь семьи, авторитет фамилии многое значат в общественном мнении.

Современный полевой материал свидетельствует о сохранении в быту абхазов целого комплекса традиций, направленных на обеспечение покоя и достатка в семье. Обрядовая жизнь абхазской семьи очень богата различными молениями, обрядами, праздничными ритуалами, которые призваны обеспечить ее благополучие и благоденствие.

Многие абхазские семьи (или отдельные патронимии внутри фамилий), особенно те, у кого в роду были кузнецы, имеют на своих усадьбах ритуальные кузни *ажира* (фактически – их уменьшенные копии, макеты), где раз в год – обычно в ночь с 13 на 14 января – устраивается особое моление (*Хечьхвама, Ажираныхва),* в котором главная роль принадлежит мужчинам и мальчикам этой семьи (или патронимии). Считается, что иметь кузню – дело очень выгодное и

полезное для семьи: воры не всегда рискуют похищать что бы то ни было из такого дома, поскольку хозяин может в кузне проклясть предполагаемого вора и Бог нашлет на него несчастья.

Н.Я. Марр, изучавший роль культовой кузни у абхазов в начале XX в., отмечал: «Кузни имеются по родам. Есть фамилии, у которых кузни нет. Часто это пришлая одинокая фамилия. В роде, где имеется кузня, она находится в руках старшего дома… по смерти жреца кузня переходит к старшему из родных братьев в роде. Только если нет родных братьев, кузню наследует сын, хотя бы и не взрослый. Наследник становится жрецом и старшим в роде»[3].

Н.Я. Марр пишет также о существовании особо «сильных», особо почитаемых ажира. Так, в Цандрипше славилась этим кузня «рода Хибая»: она считалась «особо могущественной святыней во всем Гудаутском участке», а присяга там – особо действенной. Совершавшаяся здесь присяга называлась «присяга дома Хибая», букв. «под кузнею Хибая». Н.Я. Марра приходит к следующему заключению: «Страх и соответственное благоговение перед кузницею у абхазов более, чем перед церковью»[4].

О том, насколько эти представления сохраняются и сейчас, говорит случай, рассказанный нам в селении Хуап. Осенью в кузню, под навес, сложили тыквы, и хозяин, естественно, не считал, сколько их там, поэтому, когда молодые парни унесли оттуда несколько тыкв, он этого даже не заметил. Но в семьях «похитителей» стали происходить разные неприятности, и они пришли к хозяину ажиры с повинной, чтобы тот простил их, «снял» с них вину за этот неблаговидный поступок.

При разделении семьи (или при выделении из семьи женатого сына) можно разделить и кузню, совершив особый ритуал (в том числе устраивается моление с принесением в жертву козленка). Нередко в кузне имеется и ритуальный кувшин с вином, который открывают в день моления. Иногда таких кувшинов бывает несколько, тогда один могут открыть на старый Новый год, другой – на Пасху и т.д. В тех семьях, где кузни нет, Хечьхвама проводится в доме. На каждого члена семьи варят петуха (или несколько петухов на всю семью), готовят разнообразные блюда. К двери прикрепляют свечу. Первый день праз-

дника считается «семейным» днем, а на следующий день начинают ходить в гости к соседям и знакомым.

Особенности социальной жизни в Абхазии таковы, что семья практически постоянно тесно связана с кругом ближайших родственников (абипара), со своей фамилией и с родственными фамилиями, с соседями и односельчанами. Абхазской культуре свойственно глубокое уважение к соседям, о чем свидетельствуют и пословицы: «Родственники – кровь, а соседи – сердце», «Близкий сосед лучше дальнего родственника», «Если хороший сосед, забора не надо», «Прежде чем дом купить, узнай, кто соседи»[5].

Эти взаимосвязи имеют и экономическую сторону (помощь при строительстве дома, в случае какого-либо несчастья, моральная и материальная поддержка в случае смерти члена семьи, помощь в подготовке свадебного угощения), и ритуальное выражение.

Единство фамилии поддерживается проведением регулярных сходов, или братских собраний, которые существуют у многих абхазских фамилий. Фамильные сходы имеют давнюю традицию в этнокультурном наследии абхазов[6]. По словам информантов, цель подобных собраний в том, чтобы молодые люди из одной фамилии лучше знали друг друга, знали о своем родстве, помогали друг другу. Как правило, на таком сходе сообщают о достижениях однофамильцев (кто поступил учиться, кто достиг успехов в работе или учебе, кто женился, кто вышел замуж, у кого родились дети и т.д.), о несчастьях (кто умер, кто оказался в тюрьме и по какой причине, и т.д.). Представитель от каждой семьи кратко говорит о том, что произошло у них. Старшие основное внимание уделяют при этом воспитанию молодых, призывая их «не позорить фамилию». Фамильный сход также сопровождается традиционным молением, которое проводит кто-то из старших мужчин.

Благополучие общины, обеспечение хорошей погоды и богатого урожая – этой цели служат традиционные моления *ацуныхва,* проводимые в каждом из кварталов (бригад) абхазского села.

В складчину покупают двух- или трехлетнего быка и вино, готовят различное угощение, проводится соответствующее моление. Каждый год назначают одну или две семьи, которые отвечают за всю

организацию этого мероприятия (приготовить дрова, найти и купить жертвенное животное и т.д.).

По рассказам информанта, в селе Хуап в одной из бригад ответственные за моление должны были принести также по 50 л вина, по 8–10 пирогов с сыром, по 25–30 кг кукурузной муки и т.д. Особое внимание уделяется фигуре молельщика: он должен быть «чистым» человеком (чтобы никогда, даже в далекой молодости, он не совершал греховных поступков, чтобы семья у него была удачная и т.д.). Молельщик просит о самом насущном: о благополучии всех присутствующих, о том, чтобы не было войны, чтобы все молодые вовремя женились и выходили замуж и т.д., т. е. о том, чтобы жизнь шла своим чередом, как ей полагается, по возможности благополучно и без отклонений от нормы.

Интересно, что это моление (по своему происхождению связанное с сельскими поселениями) в последние годы стало проводиться и в городах, что связано с упоминавшимся выше массовым перемещением туда сельского населения. Здесь это моление устраивается, как правило, жителями одной улицы (если там расположены частные дома) по тем же правилам, что и в селе: в складчину покупают жертвенное животное, остальное или покупают, или приносят. Одна или несколько семей отвечают за организацию основных моментов мероприятия, остальные помогают по мере сил. Нам пришлось наблюдать подобное мероприятие в Сухуме. Как и полагается, оно проходило на природе, в красивом месте, под тенью деревьев, где все участники этого праздника могли отдохнуть, пообщаться, насладиться прохладой в жаркий летний день. Следует отметить важную социальную функцию моления: оно объединило всех живущих на этой улице людей – независимо от их материального положения и социального статуса, порой весьма сильно отличающихся. Как рассказал старик-молельщик, через несколько лет после войны жители улицы (в основном выходцы из разных сел как Гудаутской Абхазии, так и Абжуа) решили возобновить на новом месте жительства эту традицию, чтобы обратиться к Богу с просьбой о благополучии и благоденствии.

По рассказам жителей Сухума, в последние годы это моление стали устраивать жители некоторых многоэтажных домов в соответс-

твии с теми же правилами, что характерны для сельской *ацуныхва*: в этом случае жители дома приравниваются в социальном плане к обитателям сельского квартала, и это торжественное действо, к тому же осененное высшей благодатью, способствует сплочению обитателей дома.

Как свидетельствуют полевые материалы, семья, клановая и общинная структуры продолжают во многом оставаться средоточием социальной жизни абхазского социума. Они сохраняют немало традиционных черт, но нельзя не отметить и коренные изменения в этой части соционормативной культуры абхазов. Прежде всего это существенная демократизация и «либерализация» внутрисемейных отношений, повышение роли и статусов женщин и младших возрастных групп, исчезновение строгих половозрастных ограничений в повседневной, а отчасти и в обрядовой жизни.

Некоторые исследователи считают, что наличие сплоченных родственных структур в абхазском обществе, «дробление его на большие семьи и линиджи и конкуренция между ними» – главное противоречие, заложенное в абхазском обществе, которое препятствует укреплению роли государства[7]. Но, на мой взгляд, здесь обратная закономерность: именно слабость государства, его социальных институтов вынуждают семейно-родственные структуры брать на себя их обязанности. Их сохранение на протяжении советского периода объясняется теми же обстоятельствами. В последние десятилетия возвращение к некоторым архаическим институтам (усиление роли кланов, патрилиниджей) – это результат экономических и социальных трудностей в обществе, результат неспособности государства взять на себя эти задачи.

В условиях, когда государство и его социальные службы не в состоянии уделить должного внимания защите человека при самых разных обстоятельствах, помощи детям и старикам, людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, семья, клан, община остаются важнейшими механизмами выживания, адаптации к сложнейшим условиям современной абхазской действительности. Тесные родственные, соседские, общинные связи продолжают оставаться весьма ценимым в абхазском обществе «социальным капиталом», преумножение ко-

торого, безусловно, требует от каждого члена общества вложения и своего свободного времени, и значительных материальных затрат. Но именно этот социальный капитал помогает обществу выжить в случае тяжелых социальных потрясений и делает его более устойчивым в период глубоких трансформаций.

---

1 Шамба О. Пословицы абхазского народа // apsny.ru.
2 Куправа А.Э. Апсуара – традиционная культура абхазов. Сухум, 2007. С. 89.
3 С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1493. Л. 125–126.
4 Там же. Л. 131.
5 Чеснов Я.В. Размышления о народной культуре абхазов // СЭ. 1989. № 1. С. 142; Шамба О. Указ. раб.
6 Подробнее см.: Маан О.В. Фамильные сходы у абхазов // Полевые исследования. Новая серия. Т. 1. Вып. 2. М., 1993. С. 68–76.
7 Кузнецова Р.Ш., Кузнецов И.В. Война, мир и общество в абхазской деревне Лидзава // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. Нов. сер. Вып. 1. № 1–3. Краснодар, 2006. С. 103.

Е.З. Година, И.А. Хомякова, Л.В. Задорожная,
А.С. Прудникова, В.А. Бацевич

АБХАЗИЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ: ИЗМЕНЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ДВУХ ПОКОЛЕНИЯХ АБХАЗСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Изменения показателей соматического развития детей во времени, несмотря на обширное количество исследований, по-прежнему остаются в центре внимания ауксологов. Подобный интерес вполне оправдан: результаты секулярных межпоколенных сравнений существенно разнятся для отдельных стран.

Так, в настоящее время выявляется тенденция к снижению длины тела в США и, напротив, – к ее увеличению в ряде европейских стран.[1] В России для некоторых групп выявлена тенденция к остановке продольного роста, астенизации телосложения и замедлению темпов полового созревания.[2]

Особый интерес представляет возможность проследить за изменениями показателей соматического развития детей Абхазии на фоне происходящих в регионе социально-экономических и политических сдвигов. В качестве сравнительного материала использованы обширные исследования детей и подростков, проведенные в 1980-х гг. в Абхазии в рамках изучения феномена долгожительства под руководством Н.Н. Миклашевской.[3] Можно без преувеличения сказать, что с интервалом в 25 лет обследованы и сопоставлены показатели соматического развития двух поколений абхазских детей и подростков.

В наших предыдущих публикациях[4] были подробно проанализированы результаты экспедиции 2004 г. в сельские районы Абхазии и продемонстрированы тенденции изменений соматического развития и процессов костного созревания у детей различных абхазских сел, в разной степени испытавших на себе тяжелые последствия военных действий и экономического кризиса 90-х годов прошлого столетия.

В настоящей работе основное внимание уделяется процессам роста и развития городских детей и подростков, обследованных в 2005 г., анализу межгрупповой изменчивости во временном (сравнение с данными предыдущих лет) и пространственном (город-село) аспектах.

Таким образом, были поставлены ***следующие задачи***:

- изучить особенности роста и развития детей и подростков г. Сухуми, обследованных в 2005 г.;
- сравнить их с соответствующими показателями сельских детей и подростков, обследованных в 2004 году;
- оценить характер секулярных изменений у школьников г. Сухуми, измеренных в 1980 и 2005 гг.;
- проанализировать общую картину секулярных изменений показателей соматического развития сельских (с. Дурипш, Лыхны Гудаутского р-на, Члоу, Тхина, Отап Очамчирского р-на) и городских (г. Сухуми) школьников за 25 лет.

Материалом для данной работы послужили данные, собранные в 2005 г. в ходе экспедиции под руководством Е.З. Годиной в г. Сухуми. В качестве сравнительного материала использованы результаты исследования детей и подростков, проведенные в 1979-1981 гг. в сельских районах Абхазии и в г. Сухуми в рамках изучения феномена долгожительства под руководством Н.Н. Миклашевской.[5] Для этих же целей используются материалы, полученные в ходе экспедиции 2004 г. под руководством В.А Бацевича в сельские регионы Абхазии.[6] На карте Абхазии (рис. 1) обозначены районы, где проводились исследования в 2004 и 2005 гг.

Всего в 2005 г. было обследовано 775 абхазских детей и подростков в возрасте 7 – 17 лет (404 девочки и 371 мальчик), проживающих в г. Сухуми и обучающихся в различных школах города.

Программа антропометрического обследования проводилась по методике, принятой в НИИ Антропологии МГУ.[7]

На основании измеренных признаков вычислялись следующие расчетные показатели:

1. Индекс Кетле, или индекс массы тела (ИМТ) по формуле ИМТ=W/L^2, где W – вес тела в кг, L – длина тела в м.
2. Поверхность тела (S), $м^2$.
3. Количество общего жира, кг (по формуле: *ОЖ = ср. жировая складка*/2 x S x 1,3)
4. Количество подкожного жира, кг (*ср.жировая складка*/2 x S x 0,9)
5. Обезжиренная масса тела, кг (*Вес – количество общего жира*)
6. Грудной указатель как отношение сагиттального диаметра грудной клетки к поперечному, выраженное в процентах.
7. Суммарная жировая складка как сумма восьми измеренных жировых складок, деленная на 8.

Кроме того, вычислялись абсолютные и относительные скорости роста веса и длины тела.

Были собраны также данные по типу телосложения (схема Штефко-Островского[8]) и половому созреванию детей. Учитывались следующие признаки:[9]

у девочек:

- Ма – развитие молочных желез,
- Ах – развитие подмышечного оволошения,
- Р – развитие лобкового оволошения,
- Ме – возраст начала менструирования.

у мальчиков:

- С – пубертатное набухание сосков,
- Ах – развитие подмышечного оволошения,
- Р – развитие лобкового оволошения.

Для оценки сроков полового созревания графически определяли средний возраст появления различных вторичных половых признаков, т.е. возраст, в котором у 50% обследованных детей данный признак уже выражен, а у остальных 50% наблюдается нулевая стадия развития признака.[10] Для возраста менархе, который определялся

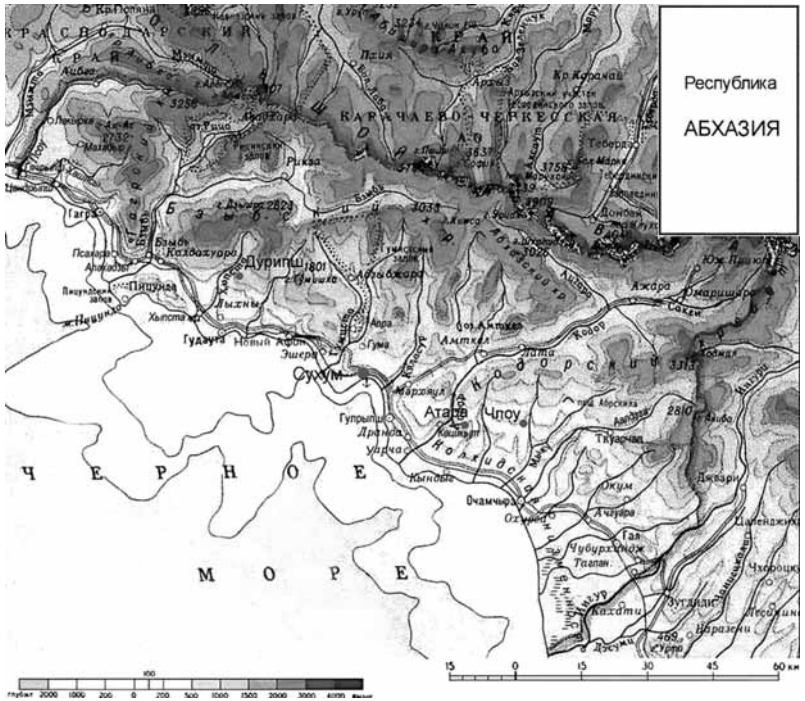

Рис. 1. Карта Абхазии с указанными местами проведенных обследований.

как методом статус-кво, так и ретроспективно, получены два вида средних оценок: по 50%-ному наличию и по реально рассчитанным значениям.

Материал делился на возрастно-половые группы, как это принято в отечественной антропологии: например, к 7-летним детям относились дети в возрасте от 6 лет 6 месяцев до 7 лет 5 месяцев 29 дней. Для каждой группы вычислялись оценки основных статистических параметров – средние арифметические величины ($\overline{X}$) и средние квадратические отклонения (s).

Статистическая обработка результатов проводилась на ПК с использованием стандартного пакета статистических программ Statistica 6.0. Достоверность различий ростовых кривых оценивалась по t-критерию Стьюдента. Был проведен дисперсионный анализ по различиям в значениях усредненных нормированных показателей. Нормирование как способ представления величин признаков позволяет унифицировать ряды распределений вне зависимости от единиц измерений, где X=0, а S=1. Такое распределение получают путем представления индивидуальных измерений в виде отклонения их от групповой средней арифметической величины в единицах среднего квадратического отклонения: $x_j=(x_j-X_j)/s_j$. Достоверность этих различий проверялась с помощью F-критерия. Уровень значимости $p = 0.05$, при $p > 0.05$ – различия недостоверны, при $p \leq 0.05$ – достоверны.

При сравнении данных 2004 г. с данными 1979 г. по селам Члоу, Тхина, Отап и данными 1981 гг. по селам Дурипш, Лыхны, было проведено объединение литературных данных с помощью формулы взвешенной средней.[11] Вычислялись средние значения накопленных разниц между показателями развития сельских и городских школьников по следующей формуле:

$$x = \frac{\sum_{n} (\overline{X}_i - \overline{Y}_i)}{n},$$

где x – среднее значение накопленных разниц между двумя выборками, $\overline{X}_i$ – среднее значение параметра роста в первой выборке возраста i, $\overline{Y}_i$ – среднее значение параметра роста во второй выборке возраста , i, n – число возрастов, одинаковое в обеих выборках.

1. Общая морфологическая характеристика детей и подростков г. Сухуми, обследованных в 2005 г.

Размеры тела. Для характеристики внутригрупповой изменчивости современных городских абхазских школьников проанализированы антропометрические данные по 775 детям и подросткам 7 – 17 лет г. Сухуми (404 девочки и 371 мальчик). В табл. 1 приведены численности обследованных мальчиков и девочек для каждой возрастной группы, а также значения основных статистических параметров изученных морфологических признаков.

В сравнении с московскими школьниками, абхазские дети характеризуются более низкими значениями длины тела и веса.[12] Так, средняя длина тела мальчиков 7 лет составляет 120,52 см, 17 лет – 170,73 см. У девочек средняя длина тела в 7 лет – 119,41 см, в 17 лет – 160,79 см. Это примерно на 5-6 см (величина стандартного отклонения) ниже соответствующих величин для 17-летних московских юношей и девушек. Различия по весу между московскими и абхазскими детьми носит совершенно иной характер. Для 17-летних юношей разница составляет примерно 6 кг, а для 17-летних девушек – всего 1 кг (55,04 у абхазок и 56,33 кг у русских москвичек), что лишний раз подтверждает сделанный ранее вывод об интенсивно протекающих процессах лептосомизации у современной московской молодежи, в первую очередь, у девушек.[13] Об этом же свидетельствуют и величины ИМТ, которые составляют у абхазских мальчиков в 7 лет – 15,97, в 17 лет – 20,92. У девочек значения этого индекса в 7 лет – 15,61, в 17 лет – 21,29, что несколько больше чем у мальчиков. Для сравнения можно привести значения ИМТ московских школьников. Они составляют в 17 лет – 21,32 и 20,83 у юношей и девушек соответственно.

На рис. 2 приведены ростовые кривые длины тела мальчиков и девочек 7-17 лет г. Сухуми. Девочки 7-12 лет незначительно отличаются от мальчиков по длине тела. Различия составляют 1-2 см. В возрасте 13-17 лет разница увеличивается и в 17 лет составляет в среднем 10 см. Тем не менее, оба ростовых перекреста достаточно выражены, хотя возрастной интервал, когда девочки обгоняют мальчиков вследствие более ускоренного роста весьма короткий – с 10 лет 0 мес. до 11 лет 8 мес.

Таблица 1

Основные статистические параметры морфологических признаков тела у абхазских школьников г. Сухуми (2005 г.)

Возраст (лет)	N	Длина тела, см		Вес тела, кг		Обхват груди, см		Обхват талии, см		Обхват ягодиц, см		Обхват плеча, см	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Мальчики													
7	27	120,52	6,28	23,30	3,58	58,64	3,61	54,22	4,06	61,74	4,26	17,88	1,34
8	37	126,63	4,97	26,04	4,47	60,40	3,77	55,24	4,09	64,34	5,73	18,64	1,93
9	41	132,26	5,75	30,38	5,87	63,48	5,00	58,20	5,57	68,88	6,45	19,70	2,43
10	32	135,95	5,98	32,95	6,89	65,88	5,65	59,71	5,88	70,68	6,96	20,39	2,41
11	46	138,89	5,79	32,94	5,01	65,61	4,24	59,01	4,52	70,36	4,94	20,12	1,87
12	38	147,12	7,52	38,53	6,96	68,88	4,79	61,95	5,52	74,28	5,92	21,13	2,04
13	43	155,08	9,15	43,56	9,10	71,77	6,30	63,58	6,02	77,67	6,62	21,86	2,52
14	43	161,37	8,95	50,82	11,30	76,26	6,79	67,32	7,02	82,92	7,33	23,46	3,13
15	30	166,32	10,09	53,78	10,13	77,56	6,14	67,10	5,08	85,31	6,69	24,06	2,73
16	25	170,09	7,72	56,91	10,21	80,07	6,22	68,09	5,22	86,64	6,64	24,42	2,43
17	9	170,73	8,98	60,82	6,64	83,80	4,23	70,47	4,76	88,78	4,40	25,94	1,58

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Длина тела, см		Вес тела, кг		Обхват груди, см		Обхват талии, см		Обхват ягодиц, см		Обхват плеча, см	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Девочки													
7	29	119,41	4,68	22,37	3,31	57,20	2,97	52,40	3,49	62,12	4,03	17,71	1,66
8	44	126,04	5,56	25,33	4,42	59,62	4,37	53,96	4,52	64,71	5,10	18,15	2,08
9	31	131,92	5,89	30,43	6,72	63,45	5,89	56,80	6,46	69,52	6,94	19,83	2,62
10	47	136,24	6,51	31,76	6,36	64,52	5,88	57,20	5,17	71,52	6,39	19,86	2,19
11	52	141,12	6,18	33,85	6,04	65,88	5,12	57,66	5,31	72,97	5,61	20,05	1,94
12	39	146,51	7,27	37,58	7,12	68,50	5,38	59,30	4,84	76,50	6,61	20,73	2,40
13	39	152,58	6,66	43,45	8,03	73,15	5,92	62,79	5,68	81,97	6,72	21,78	2,25
14	37	156,50	6,52	47,99	8,38	75,84	4,99	64,25	5,64	86,23	6,80	22,88	2,35
15	28	156,66	5,40	48,98	5,42	76,11	3,85	64,53	3,70	87,74	4,96	23,16	1,81
16	37	160,84	6,35	53,36	7,43	78,65	4,54	66,07	5,08	90,89	5,27	23,99	1,86
17	21	160,79	5,65	55,04	5,36	78,82	3,26	66,04	3,08	92,68	4,45	24,90	1,50

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Обхват предплечья, см		Обхват бедра, см		Обхват голени, см		Жировая складка под лопаткой, мм		Жировая складка на трицепсе, мм		Жировая складка на бицепсе, мм	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Мальчики													
7	27	17,89	0,99	35,72	3,37	24,31	1,56	4,80	1,08	6,07	1,58	3,24	0,83
8	37	18,53	1,34	37,67	4,22	25,21	2,07	5,16	1,54	6,58	2,08	3,41	1,01
9	41	19,49	1,57	40,78	5,03	26,82	2,51	6,35	3,06	7,71	3,40	4,01	2,07
10	32	20,09	1,79	41,91	5,36	28,03	3,14	6,26	2,82	7,59	3,22	3,79	2,06
11	46	20,03	1,22	41,44	4,49	27,63	1,97	5,92	2,94	6,86	2,55	3,54	1,50
12	38	20,88	1,44	44,10	4,52	29,24	2,78	6,56	3,50	7,23	2,85	3,37	1,33
13	43	21,62	1,84	45,69	4,77	30,38	2,72	6,32	2,82	7,12	2,52	3,31	1,16
14	43	23,34	2,11	48,59	6,02	32,83	3,59	7,41	4,17	7,89	3,57	3,61	1,92
15	30	23,68	1,89	49,51	5,39	32,94	3,23	6,78	1,79	6,86	2,36	3,03	0,99
16	25	24,18	1,74	49,88	5,07	33,19	2,97	6,94	1,72	7,01	2,07	3,03	0,57
17	9	24,87	0,76	51,78	4,17	34,08	2,02	7,87	1,84	7,22	2,31	2,89	0,67

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Обхват предплечья, см		Обхват бедра, см		Обхват голени, см		Жировая складка под лопаткой, мм		Жировая складка на трицепсе, мм		Жировая складка на бицепсе, мм	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Девочки													
7	29	17,52	1,30	36,86	3,55	24,33	2,00	5,42	1,78	6,73	1,68	3,64	1,05
8	44	17,93	1,39	38,24	4,09	25,14	2,03	6,61	4,12	7,48	3,09	3,93	1,79
9	31	19,15	1,63	41,72	5,46	26,92	3,10	8,09	5,82	9,15	4,06	4,89	2,45
10	47	19,22	1,57	42,48	4,68	27,40	2,48	7,05	3,73	8,61	2,85	4,39	1,65
11	52	19,65	1,36	43,10	4,20	28,01	2,28	7,04	3,45	8,17	2,48	4,02	1,50
12	39	20,29	1,75	45,18	4,91	29,27	2,78	7,15	2,17	8,80	2,77	4,25	1,21
13	39	21,19	1,62	47,76	5,03	30,51	2,62	8,06	3,08	9,21	2,89	4,25	1,30
14	37	21,98	1,82	50,25	4,95	32,05	2,73	8,60	2,98	9,84	3,18	4,44	2,08
15	28	22,23	1,01	51,05	3,78	32,38	1,93	9,16	2,60	10,30	3,02	4,25	1,35
16	37	23,07	1,38	52,71	4,18	33,67	2,07	9,72	3,47	10,33	2,34	4,33	1,47
17	21	23,33	1,11	54,40	3,14	34,54	2,14	10,10	1,62	11,76	1,79	4,69	1,04

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Жировая складка на предплечье, мм		Жировая складка на животе, мм		Надподвздошная жировая складка, мм		Жировая складка на бедре, мм		Жировая складка на голени, мм		Ширина плеч, см	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Мальчики													
7	27	4,57	1,46	4,52	2,35	4,16	1,92	—	—	—	—	26,17	1,52
8	37	4,93	1,72	4,75	2,16	4,79	2,26	6,71	3,10	6,96	2,69	27,09	1,27
9	41	5,37	2,17	6,18	3,84	5,82	3,73	5,97	2,09	6,98	2,44	28,53	1,53
10	32	5,31	2,42	6,65	4,47	6,59	4,74	7,37	4,41	8,58	4,96	29,52	1,95
11	46	4,90	1,76	5,65	3,47	5,52	3,54	6,26	2,92	7,62	3,06	29,94	1,50
12	38	4,73	1,48	6,13	3,53	5,93	3,67	6,39	2,98	7,54	2,88	31,37	1,72
13	43	4,38	1,46	6,70	4,76	6,16	4,13	6,94	2,96	8,38	3,91	33,09	2,29
14	43	5,04	2,55	8,75	6,45	7,79	5,98	7,29	3,82	8,87	4,22	34,68	2,08
15	30	4,21	1,07	7,26	3,06	6,68	2,97	6,47	1,89	8,00	3,06	35,62	2,29
16	25	4,39	1,03	6,90	2,45	6,22	2,35	6,36	2,02	7,90	2,38	36,60	2,69
17	9	4,29	0,59	8,76	6,44	7,53	5,09	6,80	1,39	8,11	3,57	37,94	0,92

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Жировая складка на предплечье, мм		Жировая складка на животе, мм		Надподвздошная жировая складка, мм		Жировая складка на бедре, мм		Жировая складка на голени, мм		Ширина плеч, см	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Девочки													
7	29	4,86	1,14	4,92	1,54	4,897	1,96	—	—	—	—	25,77	1,09
8	44	5,05	1,86	6,04	4,62	5,914	4,14	7,12	3,47	7,31	2,37	27,06	1,34
9	31	6,06	2,33	8,09	5,88	8,084	6,00	9,52	5,81	10,09	4,24	28,36	1,60
10	47	5,35	1,96	7,53	4,67	7,289	4,18	7,70	2,84	8,98	2,78	29,24	1,57
11	52	5,12	1,57	7,36	4,07	6,869	3,89	6,75	2,98	8,32	2,71	29,92	1,78
12	39	5,33	1,33	8,62	3,93	7,913	3,76	7,14	2,40	9,36	2,94	31,09	1,74
13	39	5,18	1,41	10,01	4,87	9,172	4,79	7,96	2,91	9,98	3,19	32,88	1,77
14	37	5,63	1,96	11,08	5,55	10,043	5,26	8,05	3,12	10,79	4,02	33,62	1,64
15	28	5,36	1,30	11,41	5,14	10,414	4,90	8,39	2,57	11,22	3,37	33,64	1,73
16	37	5,68	1,71	12,55	4,51	11,157	4,28	9,69	3,22	12,03	2,56	34,31	1,63
17	21	6,23	1,32	12,82	3,63	11,181	3,16	9,04	2,60	13,92	3,19	34,92	1,46

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Ширина таза, см		Диаметр груди поперечный, см		Диаметр груди сагиттальный, см		Длина ноги, см		Длина корпуса, см		ИМТ	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Мальчики													
7	27	19,22	1,18	17,94	1,19	13,57	0,80	62,04	4,18	58,49	2,62	15,97	1,47
8	37	20,04	1,27	18,37	1,14	14,06	0,96	66,16	3,36	60,47	2,50	16,14	1,81
9	41	21,37	1,50	19,64	1,41	14,53	1,02	69,77	4,31	62,49	2,15	17,27	2,48
10	32	21,74	1,69	19,66	2,37	14,86	1,20	72,39	3,80	63,56	2,91	17,69	2,54
11	46	21,83	1,34	20,11	1,33	14,73	1,17	74,38	3,76	64,51	2,68	17,05	1,98
12	38	23,08	1,55	20,95	1,47	15,67	1,22	80,11	5,28	67,01	3,04	17,69	2,11
13	43	24,23	1,83	21,99	1,77	15,99	1,53	85,27	6,43	69,81	3,51	17,94	2,20
14	43	25,49	1,57	23,21	1,88	17,10	1,51	88,57	5,75	72,80	3,72	19,35	3,06
15	30	25,79	1,80	23,91	1,86	17,16	1,95	91,09	6,08	75,23	4,71	19,28	2,44
16	25	26,24	1,82	24,25	2,28	17,86	1,10	93,62	5,36	76,47	3,66	19,52	2,31
17	9	27,42	1,77	25,37	0,82	18,39	0,85	91,39	4,94	79,34	4,47	20,92	2,50

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Ширина таза, см		Диаметр груди поперечный, см		Диаметр груди сагиттальный, см		Длина ноги, см		Длина корпуса, см		ИМТ	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Девочки													
7	29	18,99	1,00	17,68	0,87	13,18	0,89	62,08	3,50	57,33	1,89	15,61	1,48
8	44	19,98	1,24	18,07	1,32	13,46	0,99	66,32	3,39	59,72	2,63	15,88	2,15
9	31	21,03	1,70	19,43	1,46	14,23	1,30	70,31	4,25	61,61	2,19	17,35	2,91
10	47	21,53	1,50	19,63	1,34	14,45	1,11	73,06	4,36	63,18	2,69	17,00	2,44
11	52	22,28	1,47	20,12	1,49	14,76	0,91	76,49	4,18	64,62	2,78	16,91	2,21
12	39	22,98	1,46	20,78	1,40	14,86	1,30	79,56	4,46	66,95	3,68	17,38	2,20
13	39	24,46	1,35	21,85	1,70	15,69	1,36	82,72	4,18	69,86	3,33	18,58	2,70
14	37	25,50	1,62	22,74	1,14	16,25	1,34	84,45	4,18	72,05	3,68	19,52	2,78
15	28	25,63	1,41	22,24	1,13	16,47	1,08	84,63	3,37	72,03	2,93	19,96	2,09
16	37	26,89	1,77	23,72	1,56	16,82	1,08	85,44	5,18	75,40	2,42	20,60	2,29
17	21	26,62	1,51	24,07	1,18	16,60	1,12	85,62	4,20	75,17	2,55	21,29	1,84

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Грудной индекс, %		Индекс корпус/нога, %		Продольный диаметр головы, см		Поперечный диаметр головы, см		Головной указатель, %	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Мальчики											
7	27	75,82	4,97	94,50	4,59	17,40	0,69	14,73	0,59	84,72	4,23
8	37	76,67	5,58	91,54	4,57	17,58	0,47	14,74	0,61	83,90	4,09
9	41	74,12	4,91	89,80	4,61	17,75	0,62	14,92	0,52	84,17	4,29
10	32	76,35	8,56	87,93	4,05	17,80	0,59	14,93	0,59	83,94	3,97
11	46	73,42	5,83	86,84	3,61	17,86	0,54	15,02	0,45	84,16	3,27
12	38	74,95	5,50	83,83	4,24	18,08	0,82	15,09	0,52	83,62	4,81
13	43	72,88	6,03	82,12	4,58	18,23	0,84	15,38	0,58	84,53	4,71
14	43	73,76	4,53	82,33	3,30	18,33	0,75	15,51	0,56	84,74	4,45
15	30	71,87	7,02	82,70	3,87	18,38	0,79	15,45	0,66	84,21	4,56
16	25	74,03	5,53	81,84	4,63	18,53	0,61	15,55	0,60	83,96	3,07
17	9	72,55	3,90	86,84	2,82	19,26	0,87	15,44	0,43	80,41	5,28

Продолжение таблицы 1

Возраст (лет)	N	Грудной индекс, %		Индекс корпус/нога, %		Продольный диаметр головы, см		Поперечный диаметр головы, см		Головной указатель, %	
		$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s	$\bar{X}$	s
Девочки											
7	29	74,63	5,05	92,18	4,98	17,07	0,56	14,17	0,44	83,09	3,68
8	44	74,80	6,89	90,14	3,31	16,98	0,51	14,38	0,43	84,81	3,87
9	31	73,38	6,32	87,81	4,01	17,25	0,44	14,56	0,47	84,44	3,39
10	47	73,74	4,72	86,63	3,78	17,32	0,51	14,48	0,47	83,69	3,52
11	52	73,87	4,48	84,62	3,91	17,44	0,59	14,62	0,56	83,92	4,10
12	39	71,67	6,00	84,26	4,17	17,47	0,66	14,73	0,52	84,43	4,05
13	39	72,00	6,28	84,55	3,90	17,59	0,64	14,86	0,56	84,97	5,28
14	37	71,50	5,52	85,45	4,84	17,93	0,55	14,94	0,41	83,37	2,44
15	28	74,18	5,72	85,18	3,51	17,74	0,64	14,80	0,46	83,54	3,99
16	37	71,18	6,15	88,51	5,18	17,86	0,53	15,12	0,59	84,74	3,83
17	21	69,07	4,69	87,95	4,28	17,79	0,60	15,05	0,50	84,72	3,97

Примечание: N – численность, $\bar{X}$ – среднее арифметическое признака, s – среднее квадратическое отклонение.

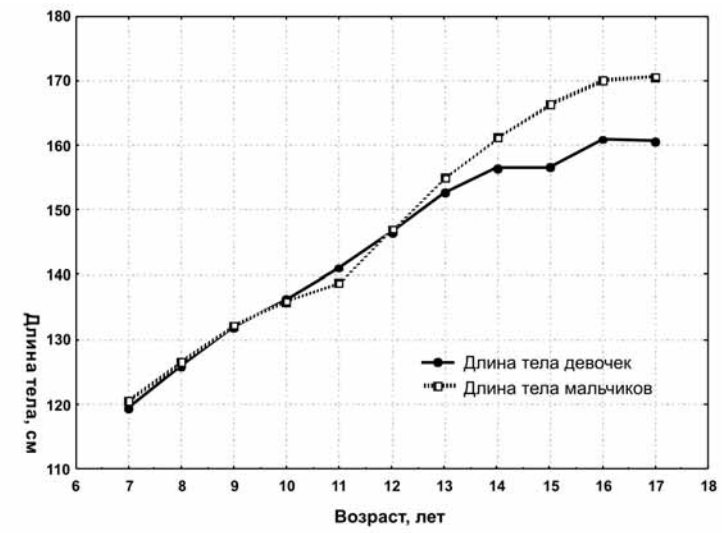

Рис. 2. Ростовые кривые длины тела девочек и мальчиков г. Сухуми

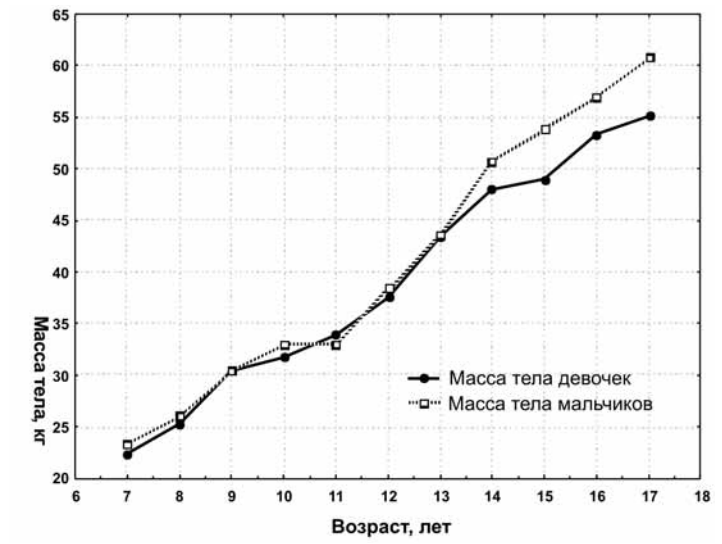

Рис. 3. Ростовые кривые массы тела девочек и мальчиков г. Сухуми

Тенденция к отсутствию первого перекреста ростовых кривых в последние годы характерна для целого ряда популяций России.[14] Подобную невыраженность первого перекреста демонстрируют и кривые скоростей роста веса тела абхазских мальчиков и девочек (рис. 3).

В рамках данной статьи не представляется возможным подробно остановиться на всех изученных морфологических показателях абхазских детей и подростков. Отметим, что в сравнении с московскими школьниками, абхазские дети характеризуются также более низкими значениями длины корпуса и ноги, что не удивительно при существенно сниженных значениях длины тела у последних. По величинам соответствующих индексов абхазы оказываются относительно более коротконогими.

По ширине плеч в возрастном интервале от 7 до 13 лет значения признака у мальчиков и девочек практически не отличаются, а в дальнейшем возникает существенная разница: в 17 лет соответствующее значение для мальчиков 27,42 см, для девочек – 26,62 см. По ширине таза величины признака для мальчиков и девочек практически не отличаются на протяжении всего ростового периода (рис. 4). В данном случае речь вновь идет о выраженных тенденциях к астенизации современной молодежи. В работах прежних лет[15] динамика такого признака как ширина таза характеризовалась отсутствием перекрестов с преобладанием больших значений таза у девочек. В последние годы эта тенденция меняется на противоположную.[16]

Среднее значение поперечного диаметра груди начинает различаться в возрасте 14 лет (табл. 1), тогда как значения сагиттального диаметра груди у девочек значительно ниже на всем возрастном интервале. Значения грудного индекса у девочек всех возрастов ниже, чем у мальчиков. Кроме того, эти значения у обоих полов уменьшаются с возрастом. Это означает, что у детей младшего возраста грудная клетка более выпуклая по форме, которая затем расширяется и уплощается.

Среднее значение обхвата груди у мальчиков 7-и лет составляет 58,64 см, 17-и лет – 83,80 см. У девочек соответствующие значения составляют 57,20 и 78,82 см. Среднее значение обхвата плеча у

мальчиков 7-и лет – 17,88 см, 17-и лет – 25,94 см. У девочек соответствующие значения составляют 17,71 и 24,90 см. Таким образом, мы видим, что обхват плеча у девочек меньше чем у мальчиков, а наибольшая разница возникает в период от 14 – 17 лет. Для других обхватных признаков отметим, что обхваты талии, ягодиц, предплечья, бедра и голени у девочек больше, чем у мальчиков на всем возрастном интервале. Значения обхвата голени начинают различаться лишь в период 14 – 17 лет. Для сравнения отметим, что у московских мальчиков значения всех обхватных размеров больше, чем у мальчиков исследуемой группы.

В отношении всех жировых складок следует отметить, что у абхазских девочек они во всех возрастах больше, чем у мальчиков, при этом средние значения складок близки или меньше, чем у их московских сверстниц.

Половое созревание. Значения средних возрастов наличия вторичных половых признаков у девочек представлены в таблице 2. В общем, развитие вторичных половых признаков у девочек происходит в обычной последовательности: молочные железы – 10 лет 2 мес. (10 лет 0 мес.),[17] волосы на лобке – 10 лет 11 мес. (11 лет 0 мес.), волосы в подмышечных впадинах – 11 лет 6 мес. (10 лет 6 мес.), менархе – 13 лет 0 мес. (13 лет 0 мес.). У мальчиков: волосы на лобке – 12 лет 3 мес. (13 лет 6 мес.), пубертатное набухание сосков – 12 лет 8 мес. (12 лет 6 мес.), волосы в подмышечных впадинах – 13 лет 2 мес. (12 лет 6 мес.), развитие кадыка и ломка голоса – 13 лет 6 мес. (13 лет 6 мес.), рост усов – 13 лет 6 мес. (13 лет 6 мес.), рост бороды – 15 лет 3 мес. (19 лет 6 мес.), развитие волос на груди – 16 лет 7 мес. (18 лет 3 мес) (табл. 3). Значения средних возрастов развития вторичных половых признаков были получены двумя способами – графическим и методом пробит-анализа, но поскольку исторические данные[18] были обработаны только графическим методом, в дальнейшем рассматриваются только те величины, которые были получены с его помощью.

Анализ данных о распределении **конституциональных типов** показывает преобладание торакального (27,22% у мальчиков и 35,61%

у девочек) и неопределенного (25,88% у мальчиков и 27,32% у девочек) типов конституции у современных детей г. Сухума. У мальчиков также часто встречается мышечный тип (17,25 %). У девочек, помимо указанных выше наиболее распространенных конституциональных типов, мышечный и дигестивный типы встречаются с почти одинаковой частотой (соответственно 6,83% и 6,10%).

Таблица 2

Средний возраст наличия вторичных половых признаков у абхазских девочек по данным 1979-1981 гг. и 2004-2005 гг.

Группа	Грудные железы	Волосы на лобке	Волосы в подмышечных впадинах	Менархе
с. Члоу, с.Тхина, с.Отап (1979 г.)	10 лет 5 мес.	11 лет 6,5 мес.	11 лет 9 мес.	14 лет 4 мес.
с.Дурипш, с.Лыхны (1981 г.)	10 лет 4,5 мес.	11 лет 3 мес.	11 лет 6 мес.	14 лет 0 мес.
г. Сухуми (1980 г.)	9 лет 6 мес.	10 лет 8 мес.	11 лет 4 мес.	13 лет 0 мес.
с.Члоу, с.Дурипш, с.Атара (2004 г.)	10 лет 3 мес.	11 лет 10 мес.	11 лет 0 мес.	13 лет 4 мес.
г. Сухуми (2005 г.)	10 лет 2 мес. (10 лет 00 мес.)	10 лет 11 мес. (11 лет 00 мес.)	11лет 6 мес. (10 лет 6 мес.)	13 лет 00мес. (13 лет 00 мес.)

Примечание: Знак «—» означает отсутствие данных. В скобках указан результат полученный с помощью пробит-анализа.

Таблица 3

Средний возраст наличия вторичных половых признаков у абхазских мальчиков по данным 1979-1981 гг. и 2004-2005 гг.

Группа	Волосы на лобке	Пубертатное набухание сосков	Волосы в подмышечных впадинах	Развитие кадыка	Ломка голоса	Рост усов	Рост бороды	Развитие волос на груди
с.Члоу, с.Тхина, с. Отап (1979 г.)	13 лет 10 мес.	14 лет 7 мес.	14 лет 10 мес.	15 лет 0 мес.	—	—	—	—
с. Дурипш, с. Лыхны (1981 г.)	13 лет 4,5 мес.	13 лет 8 мес.	13 лет 11,5 мес.	14 лет 7 мес.	—	—	—	—
г. Сухуми (1980 г.)	13 лет 2 мес.	13 лет 4 мес.	13 лет 9 мес.	14 лет 6 мес.	—	—	—	—
с. Члоу, с. Дурипш, с. Атара (2004 г.)	14 лет 9 мес.	14 лет 1 мес.	13 лет 4 мес.	—	—	—	—	—
г. Сухуми (2005 г.)	12 лет 3 мес. (13 лет 6 мес.)	12 лет 8 мес. (12 лет 6 мес.)	13 лет 2 мес. (12 лет 6 мес.)	13 лет 6 мес. (13 лет 6 мес.)	13 лет 6 мес. (13 лет 6 мес.)	13 лет 6 мес. (13 лет 6 мес.)	15 лет 3 мес. (19 лет 6 мес.)	16 лет 7 мес. (18 лет 3 мес.)

Примечание: Знак «—» означает отсутствие данных. В скобках указан результат полученный с помощью пробит-анализа.

2. Сравнение показателей соматического развития городских и сельских абхазских школьников 2004-2005 гг. обследования

Для выявления различий в показателях роста детей и подростков г. Сухуми и сельских районов Абхазии был проведен дисперсионный анализ. В анализе используются только три признака: длина тела, вес тела и ИМТ, т.к. исходные данные в обеих группах имеются только по этим трем показателям (табл. 4).

Таблица 4

Достоверность различий в показателях роста абхазских школьников г. Сухуми (2005 г.) и сел Дурипш, Члоу, Атара (2004 г.): результаты дисперсионного анализа (* p< 0,05)

Признак	Мальчики	Девочки
Длина тела	0,00000*	0,00002*
Вес тела	0,00001*	0,07024
ИМТ	0,08091	0,84547

Как видно из табл. 4, сельские школьники ниже своих городских сверстников по всем трем показателям, причем различия по длине тела у обоих полов и весу тела у мальчиков имеют высокую степень достоверности. Возможно, здесь проявляется действие различных социально-бытовых условий жизни на рост и развитие детей и подростков. Известно, что в городе уровень жизни значительно выше, чем в селе, и городские дети, по данным многих исследователей,[19] имеют большие значения таких морфологических показателей как длина, вес тела и ИМТ, у них наблюдается ускоренное развитие и более раннее половое созревание.

В табл. 5 приведены достоверности различий (Т-критерий) для средних значений нижеперечисленных параметров.

Таблица 5

Достоверность различий для ростовых параметров абхазских школьников г. Сухуми (2005 г.) и сел Дурипш, Члоу, Атара (2004 г.): результаты сравнений средних значений (*p< 0,05)

Признак	Мальчики	Девочки
Длина тела	0,00001*	0,00177*
Вес тела	0,00121*	0,45605
ИМТ	0,27296	0,91890
Обхват груди	0,00006*	0,17250
Обхват талии	0,00114*	0,08145
Обхват ягодиц	0,00001*	0,01107*
Обхват плеча	0,00013*	0,32549
Обхват бедра	0,00000*	0,00564*
Диаметр плеч	0,88853	0,00065*
Диаметр таза	0,24241	0,00135*
Поперечный диаметр груди	0,00000*	0,00012*
Сагиттальный диаметр груди	0,09489	0,05115
Грудной индекс	0,00003*	0,00028*
Жировая складка под лопаткой	0,00308*	0,05422
Жировая складка на трицепсе	0,00088*	0,00197*
Жировая складка на животе	0,03719*	0,00216*
Длина ноги	0,00000*	0,09583
Длина корпуса	0,00028*	0,00005*
Индекс корпус/нога	0,27259	0,18910

В результате сравнения мальчиков г. Сухуми и мальчиков различных абхазских сел можно заключить, что городские мальчики превышают своих сельских сверстников по длинотным, обхватным размерам, весу тела, а также по толщине подкожного жирового слоя. При этом у городских и сельских мальчиков не наблюдается значительных различий в поперечных размерах плеч и таза. Кроме того, у городских

мальчиков отмечено уменьшение поперечного диаметра груди при незначительных изменениях сагиттального диаметра груди, в связи с чем меняется форма грудной клетки в сторону ее большей выпуклости.

Общая тенденция изменчивости соматических показателей у девочек сходна с таковой у мальчиков. Городские девочки превосходят сельских сверстниц по длиннотным, обхватным размерам, весу тела и толщине подкожного жира (хотя различия по некоторым признакам недостоверны). Кроме того, отмечено, что у городских девочек диаметры плеч, таза и поперечный диаметр груди достоверно меньше, чем у девочек сельских. При этом сагиттальный диаметр груди у девочек обеих выборок различается незначительно, что также приводит к более выпуклой форме грудной клетки.

Особенности процесса полового созревания у сельских и городских абхазских школьников.

Как и следовало ожидать, городские девочки созревают несколько раньше своих сельских сверстниц (табл. 2). Наиболее характерный маркер процесса полового созревания – возраст менархе у девочек г. Сухуми составил 13 лет 0 мес, у сельских девочек – 13 лет 4 мес. Примерно такое же опережение демонстрируют и другие показатели процесса полового созревания.

Отметим, что у современных девочек Москвы, а также ряда других городов Европы средний возраст менархе так же равен 13,0 года, что, по мнению ряда исследователей, является оптимальной величиной для процесса полового созревания.[20]

3. Сравнение показателей соматического развития школьников г. Сухуми, измеренных в 1980 и 2005 гг.

В соответствие с поставленными задачами, рассмотрим секулярные изменения морфологических показателей детей и подростков г. Сухуми, измеренных в 1980 и 2005 гг. Численность выборки в 1980 г. составила 172 мальчика (8, 13, 14, 15 лет) и 382 девочки (8-16 лет),[21] в 2005 г. – 371 мальчик и 404 девочки (7-17 лет). К сожалению, выборка

Таблица 6

Достоверность различий в показателях роста абхазских школьников г. Сухуми 2005 и 1980 гг. обследования (по результатам дисперсионного анализа) (* p< 0,05)

Возраст	Мальчики						Девочки
	8 лет	13 лет	14 лет	15 лет	8,13,14,15 лет	Все	Все
Численность 1980 г.	53	47	42	30	172	172	382
Численность 2005 г.	37	43	43	30	153	371	404
Длина тела	0,12023	0,00810*	0,13792	0,34247	0,00067*	0,00924*	0,54080
Вес тела	0,06339	0,04090*	0,47698	0,78281	0,02048*	0,07861	0,89242
ИМТ	0,15625	0,24423	0,72202	0,16067	0,33132	0,49442	0,87946
Обхват груди	0,39477	0,59189	0,20035	0,00199*	0,00719*	0,00999*	0,00019*
Обхват плеча	0,07966	0,22345	0,65413	0,23592	0,41136	0,64470	0,00262*
Обхват бедра	0,22311	0,39479	0,76754	0,72034	0,27540	0,45553	0,00443*
Обхват голени	0,97145	0,66906	0,41420	0,10642	0,96140	0,83637	0,00109*
Диаметр плеч	0,14604	0,38777	0,82026	0,14986	0,42671	0,32568	0,00000*
Диаметр таза	0,16725	0,96946	0,46822	0,28070	0,40793	0,33036	0,00000*

Продолжение таблицы 6

Возраст	Мальчики						Девочки
	8 лет	13 лет	14 лет	15 лет	8,13,14,15 лет	Все	Все
Поперечный диаметр груди	0,00001*	0,09390	0,10663	0,28100	0,00000*	0,00000*	0,00000*
Сагиттальный диаметр груди	0,21126	0,43807	0,94114	0,43292	0,48949	0,63907	0,40608
Грудной индекс	0,00000*	0,01145*	0,13258	0,10962	0,00000*	0,00000*	0,00000*
Жировая складка под лопаткой	0,80521	0,74176	0,77855	0,18748	0,64212	0,58696	0,00988*
Жировая складка на трицепсе	0,02412*	0,00249*	0,06658	0,05513	0,00000*	0,00006*	0,00000*
Жировая складка на животе 1	0,52211	0,60917	0,44914	0,52019	0,46848	0,58909	0,65509
Длина ноги	0,04076*	0,00066*	0,02259*	0,05442	0,00000*	0,00006*	0,02189*
Длина корпуса	0,74402	0,39012	0,91780	0,55391	0,66613	0,80038	0,00002*
Индекс корпус/нога	0,07206	0,00015*	0,00315*	0,00620*	0,00000*	0,00000*	0,00000*

мальчиков 1980 г. содержит только 4 возрастные группы: 8, 13, 14, 15 лет, что существенно осложняет сравнительный анализ показателей соматического развития у мальчиков.

В результате применения дисперсионного анализа мы получили достаточно сложную картину изменений соматических показателей школьников г. Сухуми 1980 и 2005 гг., но, тем не менее, у мальчиков и у девочек видны некоторые общие тенденции изменений морфологических показателей (табл. 6). Это увеличение длины ноги, уменьшение поперечных диаметров плеч, таза и, особенно, груди (при незначительных изменениях ее сагиттального диаметра), уменьшение обхвата груди у мальчиков и всех обхватных размеров у девочек, а также уменьшение жировой складки на трицепсе. Возможно, эти изменения есть результат процесса временной лептосомизации и астенизации детей и подростков г. Сухуми. Подобные тенденции отмечены и для детей других регионов.[22]

В целом, направление различий совпадает с тем, что уже было отмечено выше для городских и сельских детей. Этот пример может рассматриваться как еще одно доказательство параллельного хода временных и пространственных изменений морфологических признаков.[23]

4. Анализ общей картины секулярных изменений показателей соматического развития сельских и городских абхазских школьников за 25 лет

Заключительная и, вероятно, наиболее интересная часть настоящей работы связана со сравнением морфологических показателей детей и подростков сельских и городских регионов Абхазии во временном аспекте. Остановимся, в первую очередь, на тотальных размерах тела.

Длина тела. Временные изменения длины тела у мальчиков изображены на рис. 5. В целом, выстраивается довольно отчетливый и предсказуемый градиент, когда наибольшей длиной тела характеризуются современные мальчики г. Сухуми, за ними следуют городские мальчики, измеренные в 1980 гг., сельские мальчики 2004 г. измерений

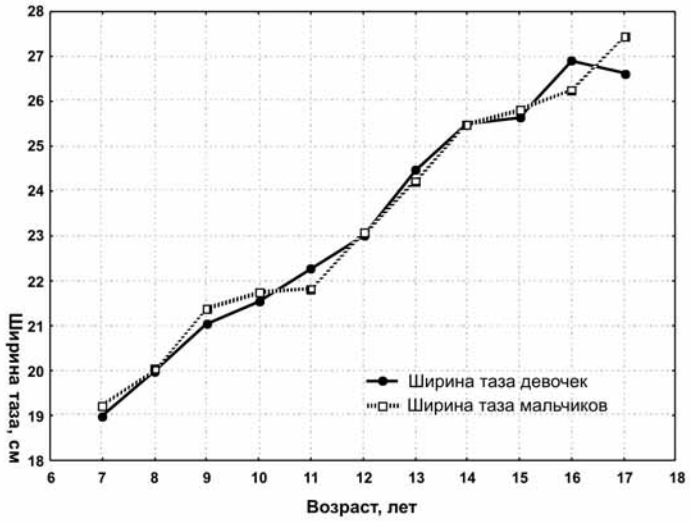

Рис. 4. Ростовые кривые ширины таза девочек и мальчиков г. Сухуми

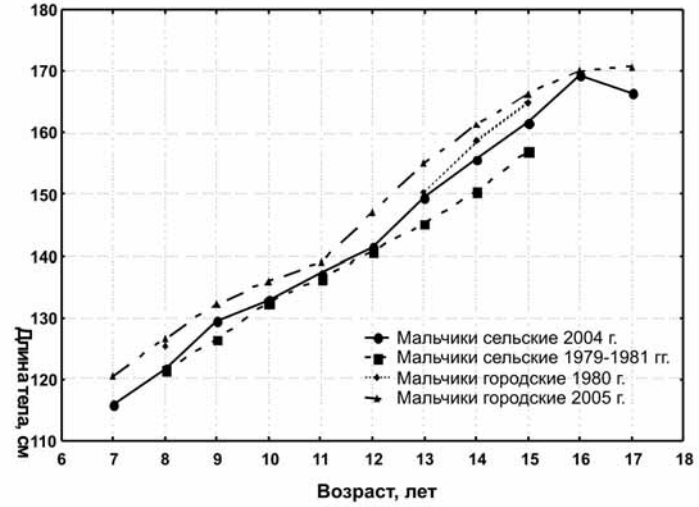

Рис. 5. Ростовые кривые длины тела городских и сельских абхазских мальчиков разных годов обследования

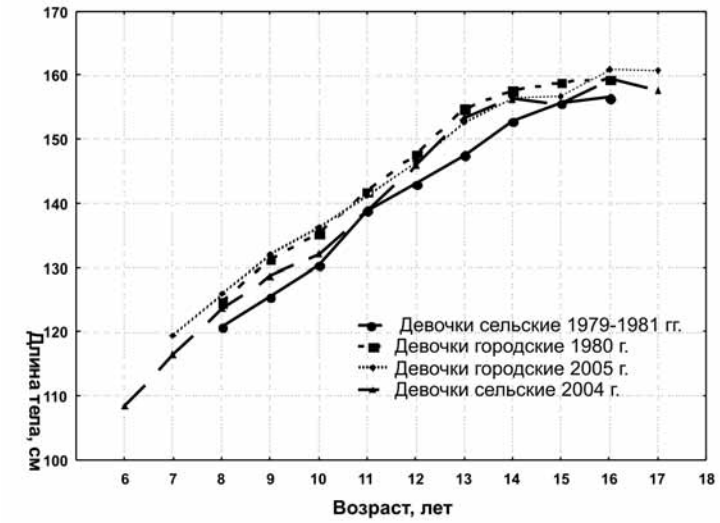

Рис. 6. Ростовые кривые длины тела городских и сельских абхазских девочек разных годов обследования

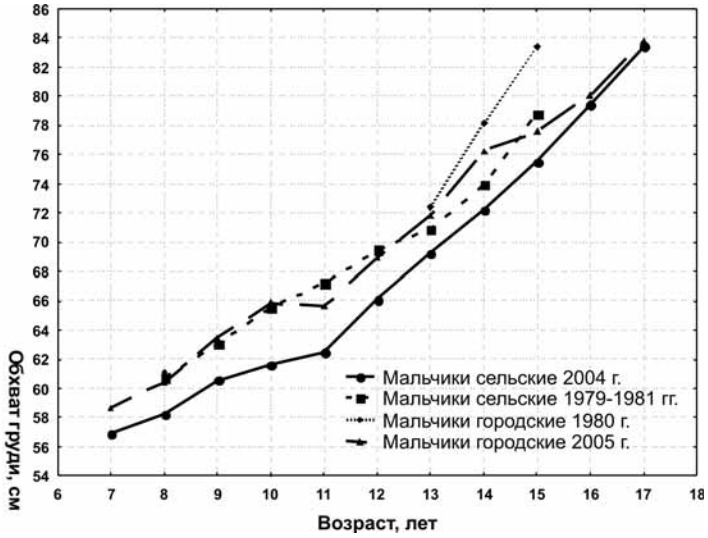

Рис. 7. Ростовые кривые обхвата груди городских и сельских абхазских мальчиков разных годов обследования

и сельские мальчики предыдущего поколения абхазов. Таким образом, анализ данных по мальчикам свидетельствует о продолжающемся процессе акселерации продольного роста.

Несколько иная картина отмечена для девочек (рис. 6). Наибольшими значениями данного признака характеризуются девочки г. Сухуми 1980 и 2005 гг. обследования, наименьшими сельские школьницы 1979-1981 гг. Промежуточное положение занимают значения длины тела сельских девочек 2004 г. Таким образом, в отличие от мальчиков рост городских абхазских девочек практически не изменился по сравнению с предыдущим поколением. Возможно, это связано с формированием гендерных различий в характере роста под влиянием изменившихся социально-экономических и социокультурных факторов.

Вес тела. Характер секулярных изменений веса у мальчиков аналогичен таковым длины тела. У девочек практически одинаковые значения веса отмечены для горожанок 1980 и 2005 гг. обследования и сельских девочек, обследованных в 2004 г. Сельские девочки 1979-1981 гг. обследования значительно уступают своим сверстницам из трех указанных групп. Можно предположить, что выявившаяся тенденция связано с усреднением условий жизни в городе и селе, по крайней мере, для девочек.

Обхват груди. По обхвату груди (рис. 7) впереди оказываются городские мальчики 1980-х г. (особенно в старших возрастах), затем мальчики г. Сухуми 2005 г. обследования, сельские мальчики 1979-1981 гг. и 2004 г. обследования. Такое расположение ростовых кривых выявляет некоторую астенизацию современного поколения абхазских подростков, хотя и не столь отчетливо выраженную, как у девочек. У последних (рис. 8) наибольшие величины отмечены по этому признаку для городских девочек 1980 г. Далее следуют сельские девочки 1979-1981 гг. и городские 2005 г. Самыми же маленькими величинами признака обладают девочки, обследованные в 2004 г.

Анализ по средним накопленным разницам. Для того чтобы показать, насколько сильно сельские дети отличались от городских

25 лет назад и каков характер подобных различий в настоящее время, были рассчитаны средние значения накопленных разниц по тотальным размерам тела (длине и весу тела, обхвату груди).

У мальчиков по длине тела среднее значение накопленных разниц у городских и сельских детей 80-х составляет 6,16 см, у современных мальчиков этот значение равно 3,97 см (см. табл. 7). По весу тела у мальчиков 80-х гг. – 5,65 кг, современных мальчиков – 2,44 кг; по обхвату груди у мальчиков 80-х гг. – 2,67 см, у современных мальчиков – 2,42 см. В результате, мы видим, что по всем трем признакам современные сельские и городские мальчики отличаются меньше, чем мальчики 80-х.

У городских и сельских девочек 80-х гг. (см. табл. 7) по длине тела величина средней накопленной разницы составляет 4,51 см, у современных – 1,89 см. По весу тела у девочек 80-х гг. – 3,65 кг, у современных – 0,66 кг; по обхвату груди – 1,66 см у девочек 80-х гг. и 1,05 см у их современных сверстниц. Таким образом, сельские и городские девочки 80-х гг. отличались значительно больше между собой по тотальным размерам тела, чем их городские и сельские сверстницы нашего времени.

Таким образом, различия по этим признакам между городом и селом у современных детей значительно меньше, чем у детей 80-х гг. Это можно объяснить тем, что после войны уровень благосостояния в абхазских селах упал, и многие жители, особенно из наиболее пострадавших от войны регионов, стали переезжать в город, что привело к значительной смене состава городского населения. Кроме того, после войны также значительно ухудшились условия жизни в самом городе: социально-экономическое благосостояние, качество медицинского обслуживания, жилищно-бытовые условия жителей, качество пищи и т.д., что привело к нивелированию различий между городом и селом. Видимо, оба эти фактора сыграли определенную роль в наблюдаемых изменениях морфологических параметров.

Для того, чтобы показать насколько сильны различия между сельскими школьниками за последние 25 лет и различия между школьниками г. Сухуми, происшедшие за такой же период времени, были посчитаны средние значения накопленных разниц по тотальным размерам тела.

У городских мальчиков по длине тела среднее значение накопленных разниц 2,6 см, у сельских – 2,34 см. По весу у мальчиков г. Сухуми – 1,29 кг, сельских мальчиков – 2,22 кг, по обхвату груди у городских мальчиков – (- 2,27) см, у сельских – (- 2,97) см (табл. 8).

У городских девочек по длине тела величины средних накопленных разниц составляют (- 0,34) см, у сельских – (2,54) см. По весу у девочек г. Сухуми – (- 0,41) кг, у сельских – (3,15) кг, по обхвату груди – (- 1,46) см у городских девочек и (- 0,82) см у их сельских сверстниц (табл. 8).

В результате, мы получаем, что мальчики г. Сухуми, исследованные в интервале через 25 лет, отличаются между собой примерно настолько, насколько отличаются сельские дети, измеренные с тем же временным интервалом. Причем по длине и весу тела как городские, так и сельские мальчики нашего времени опережают таковых, измеренных 25 лет назад, а по обхвату груди от них отстают. У девочек отмечены другие тенденции. Так, современные городские девочки отстают от своих городских сверстниц, измеренных 25 лет назад, по значениям всех тотальных признаков тела, причем по весу и обхвату груди – довольно

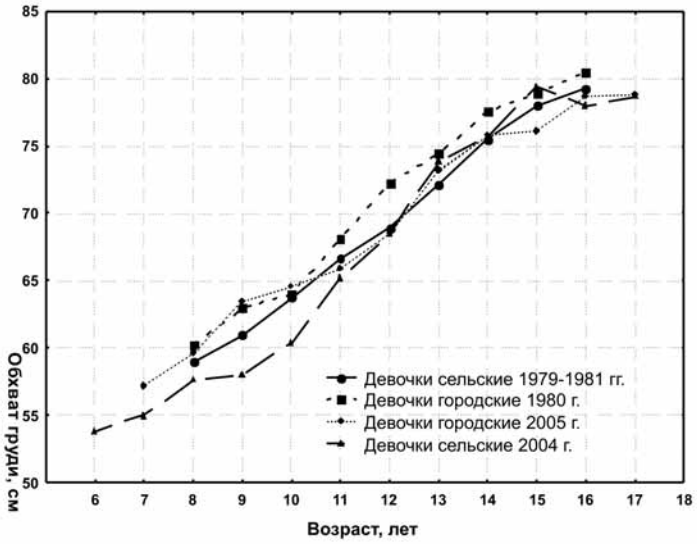

Рис. 8. Ростовые кривые обхвата груди городских и сельских абхазских девочек разных годов обследования

значительно. Различия между современными сельскими девочками и их сверстницами 80-х годов прошлого столетия несколько иные: значительно больше. Причем современные сельские девочки значительно опережают девочек 80-х годов по длине и весу тела, а по обхвату груди отстают от них. При несколько различной динамике секулярных изменений все же можно констатировать, что современное поколение абхазских девочек также претерпевает период значительных изменений морфотипа в сторону более узкого сложения.

Таблица 7

Средняя накопительная разница в тотальных размерах тела между сельскими и городскими детьми в разные годы обследования

Признак	Сельские – городские 1979-1981 гг.		Сельские – городские 2004-2005 гг.	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Длина тела	6,16	4,51	3,97	1,89
Вес	5,65	3,65	2,44	0,66
Обхват груди	2,67	1,66	2,42	1,05

Таблица 8

Средняя накопительная разница в тотальных размерах тела городских и сельских детей разных годов обследования (секулярные изменения)

Признак	Сельские 1979,1981-2004 гг.		Городские 1980-2005 гг.	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Длина тела	2,37	2,54	2,60	-0,34
Вес	2,22	3,15	1,29	-0,41
Обхват груди	-2,97	-0,82	-2,27	-1,46

На основании проведенного в 2005 г. обследования получены основные характеристики соматического развития для абхазских детей и подростков в возрасте 7 – 17 лет, проживающих в г. Сухуми республики Абхазия. Современные школьники г. Сухуми характеризуются средней и ниже средней длиной тела, а величины рассматриваемых

соматических показателей у них сравнительно ниже, чем у современных московских школьников. Эти различия можно объяснить как этническими особенностями группы, так и влиянием неблагоприятной социально-экономической ситуации на рост и развитие абхазских детей. Средней возраст менархе у современных девочек Сухуми (13 лет 0 мес.) примерно соответствует таковому московских девушек.

В результате сравнения соматического развития современных детей г. Сухуми и сельских детей Абхазии, обследованных в 2004 г., установлена тенденция к увеличению продольных, обхватных размеров тела, а также веса тела и величины подкожного жира у современных школьников г. Сухуми. В значениях диаметров плеч и таза у мальчиков различий не выявлено, тогда как у современных городских девочек эти размеры достоверно уменьшаются. У городских детей обоего пола по сравнению с сельскими снижены значения поперечного диаметра груди при малом изменении ее сагиттального диаметра, что приводит к изменению формы грудной клетки. У современных девочек г. Сухуми выявлена тенденция к смещению сроков полового созревания на более ранние сроки.

При сравнении данных по современным городским абхазским детям с данными 25-летней давности установлена тенденция к увеличению длины ноги, уменьшению диаметров плеч, таза и, особенно, поперечного диаметра груди (при незначительных изменениях ее сагиттального диаметра), уменьшению обхвата груди у мальчиков и всех обхватных размеров у девочек, а также снижению толщины жировой складки на трицепсе. Возможно, эти изменения есть результат процесса временнуй лептосомизации и астенизации детей и подростков г. Сухуми. В целом, направление временных различий совпадает с тем, что уже было отмечено выше для городских и сельских детей.

Для современных девочек г. Сухуми, по сравнению с представительницами предыдущего поколения, отмечены более поздние сроки развития вторичных половых признаков, тогда как возраст менархе в обеих исследуемых группах совпадает.

При общем сравнении ростовых параметров у детей 4-х исследуемых групп выявлено, что различия между городскими и сельскими детьми в настоящее время стали значительно меньше, чем в 80-е гг.,

вследствие притока в город сельского населения и падения социально-экономического уровня жизни в современной столице Абхазии.

В результате проведенного анализа выявлены основные тенденции изменений соматических признаков во времени и пространстве. Наибольшие изменения по обеим этим осям претерпевает обхват груди: он существенно ниже у современных сельских детей и он же дает отрицательную динамику изменчивости в секулярном аспекте. Отчасти это подтверждается и характером изменений диаметров грудной клетки и грудного индекса. Нужно отметить также специфику гендерных различий секулярных изменений: современные абхазские девочки при стабилизации продольного роста обнаруживают существенную тенденцию к астенизации и лептосомизации телосложения. У мальчиков эта тенденция также выражена на фоне продолжающегося увеличения росто-весовых показателей.

Благодарности. Авторы выражают искреннюю благодарность фондам РГНФ: грант № 05-01-01-069-а (руководитель А.Н. Ямсков) и РФФИ (грант № 07-06-00410-а) за финансовую поддержку.

1 Komlos J., Baur M. From the tallest to (one of) the fattest: the enigmatic fate of the American population in the 20th century // Economics and Human Biology, 2004. Vol. 2. P. 57-74; Komlos J., Lauderdale B.E. The mysterious trend in American heights in the 20th century // Economics and Human Biology, 2007. Vol. 34. P. 206-215.

2 Ямпольская Ю.А., Година Е.З. Состояние, тенденции и прогноз физического развития детей и подростков России // Русский педиатрический журнал. 2005. № 2. С. 30-39; Godina E., Yampolskaya Yu. Recent secular growth changes in Moscow schoolchildren // Anthrop. Kozl. 2004. Vol. 45. P. 51-57.

3 Миклашевская Н.Н., Соловьева В.С., Гилярова О.А., Пескина М.Ю. Особенности соматического развития детей и подростков у абхазов // Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический объект исследования. М.: Наука, 1982. С. 160-169; Миклашевская Н.Н. Рост и развитие абхазских детей и подростков // Абхазское долгожительство. М.: Наука, 1987. С. 100-107.

4 Бацевич В.А., Година Е.З., Прудникова А.С., Ясина О.В., Квициния П.К. Секулярные изменения показателей соматического развития у детей и подростков сельских районов Абхазии за последние 25 лет // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования \ Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков (Ред.). М.: ИЭА РАН, 2006а. С. 89-219; Бацевич В.А., Павловский О.М., Мансуров Ф.Г., Ясина ОВ., Квициния П.К. Оссеографические характеристики населения Абхазии. Повторные исследования через 25 лет // Там же. С. 219-247.

5 Миклашевская Н.Н. Указ. раб. С. 100-107.

6 Подробное описание материала 2004 г. см.: Бацевич В.А., Година Е.З., Прудникова А.С., Ясина О.В., Квициния П.К. Указ. раб. С. 189-219.

7 Бунак В.В. Антропометрия. М., 1941.

8 Штефко В.Г., Островский А.Д. Схема клинической диагностики конституциональных типов. М.-Л.: Биомедгиз, 1929.

9 Соловьева В.С. Морфологические особенности подростков в период полового созревания (в этно-территориальном разрезе): Дис. ... канд. биол. наук. М., 1966.

10 Миклашевская Н.Н., Соловьева В.С., Година Е.З. Ростовые процессы у детей и подростков. М.: Изд-во МГУ, 1988.

11 Подробное описание см.: Бацевич В.А., Година Е.З., Прудникова А.С., Ясина О.В., Квициния П.К. Указ. раб. С. 205.

12 Година Е.З., Хомякова И.А., Задорожная Л.В., Пурунджан А.Л., Гилярова О.А., Зубарева В.В., Степанова А.В., Фомина Е.И.. Московские дети: основные тенденции роста и развития на рубеже столетий. Часть 1 // ВА. 2003. Вып. 91. С. 42-60.

13 Там же.

14 Година Е.З. Половой диморфизм и высокогорный стресс // Женщина в аспекте физической антропологии. Под ред. Г.А. Аксяновой. М., 1994. С.135-143; Максимова Т.М. Дети России. М., 2003.

15 Миклашевская Н.Н., Соловьева В.С., Година Е.З. Указ. раб.

16 Година Е.З. Современное состояние учения об акселерации соматического развития // Проблемы современной антропологии. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 143-169.

17 В скобках приведены цифры, рассчитанные пробит-методом.

18 Миклашевская Н.Н., Соловьева В.С., Година Е.З. Указ. раб.

19 Година Е.З., Миклашевская Н.Н. Экология и рост: влияние факторов среды на процессы роста и полового созревания у человека // Итоги науки и техники. ВИНИТИ. Сер. Антропология. М., 1989. Т.3. С. 77-134; Hesketh T., Ding Qu Jian, Tomkins A. Growth status and menarche in urban and rural China // Annals of Human Biology. 2002. Vol. 29. No.3. P. 348-352.

20 Cole T.J. The secular trend in human physical growth: a biological view // Economics and Human Biol. 2002. Vol. 1. No. 2. P. 161-168.

21 Миклашевская Н.Н., Соловьева В.С., Година Е.З. Указ. раб.

22 Година Е.З. Современное состояние учения об акселерации соматического развития // Проблемы современной антропологии. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 143-169; Никитюк Б.А. Акселерация развития (причины, механизмы, проявления и последствия) // Итоги науки и техн. ВИНИТИ. Сер. Антропология. М., 1989. Т.3. С. 3-76.

23 Година Е.З. Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временные аспекты. Дис. … докт. биол. наук. М., 2001.

А.Н. Ямсков

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКИХ АБХАЗОВ *

В истории абхазского народа относительно короткий промежуток времени в полтора десятилетия, последовавший за распадом Советского Союза, по масштабу и драматизму привнесённых им изменений вполне сопоставим с существенно более продолжительным периодом второй половины XIX в., предопределившим дальнейшую судьбу Абхазии. Как и тогда, не менее радикально, но только гораздо более быстрыми темпами трансформировались политические и социально-экономические условия жизни абхазов, их система расселения и этнодемографический состав жителей Абхазии, приоритетные направления межэтнических контактов и инокультурных заимствований в абхазскую культуру, и многое другое. Всё это не могло не сказаться на облике современной абхазской народной культуры, скорости и векторах идущих в ней изменений.

Особый интерес в связи со сказанным выше представляют вопросы о том, насколько и в каком направлении изменились социально-профессиональный состав и структура занятости сельских абхазов, их приусадебное хозяйство и основные источники средств существования, важнейшие социально-демографические характеристики абхазских селений, и какие из этих изменений можно считать адаптивными, а какие и почему – нет. Попытке ответа на эти вопросы и посвящена данная работа.

* – Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский проект № 05-01-01069а «Медико-антропологические и демографические последствия социально-культурных изменений конца 1980-х – начала 2000-х гг. в сельской Абхазии» (2005-2007 гг.; руководитель – А.Н. Ямсков).

Прежде, однако, необходимо отметить следующее. Пока ещё недолгий постсоветский этап истории Абхазии и абхазов, если судить по специфике социально-политических и экономических процессов в этой республике, совершенно явно подразделяется на несколько существенно разных периодов:

1. 1991-1993 гг. – распад Советского Союза и абхазо-грузинская война 1992-1993 гг. Это был период эскалации этнического конфликта в Абхазии между абхазами и грузинами, сопровождавшийся этнической мобилизацией обеих сторон и одновременной деградацией экономики и полиэтничного социума Абхазской АССР, что нашло свою кульминацию в длившейся более года войне. Война разрушила экономическую инфраструктуру республики, привела к гибели многих тысяч и бегству десятков и сотен тысяч человек, породила своего рода «социальный вакуум», в котором начали практически с нуля формироваться современные государственные, общественно-политические и другие социальные структуры мирного времени на уровне отдельных районов или Абхазии в целом.

2. Середина – конец 1990-х гг. – экономическая разруха и жёсткая блокада со стороны Российской Федерации. В этот период условия жизни подавляющей части населения Абхазии были крайне тяжелыми в материальном плане, к тому же люди очень остро переживали потерю близких в недавней войне и жили в состоянии постоянного психологического напряжения из-за ожидания возможного начала новой войны с Грузией. Государственные структуры Абхазии тогда ещё только формировались и практически не могли либо же были способны лишь в весьма небольшой степени помочь гражданам материально (через пенсии и пособия, например), в сфере социальных услуг (медицинское обслуживание, образование и т.п.), установления и поддержания правопорядка и т.п.

3. Первая половина – середина 2000-х гг. – укрепление государственных и общеабхазских общественных и политических структур,

рост экономики и постепенное свёртывание экономической блокады со стороны России, быстрый рост благосостояния населения Абхазии во многом благодаря возрождению массового российского туризма как одного из важнейших структурных элементов экономики республики, в частности обеспечивающего высокий сезонный спрос на продукцию сельского хозяйства. Все эти процессы реально начались где-то в 2002-2003 гг., и с тех пор социально-экономическое положение в Республике Абхазия с каждым годом продолжает зримо меняться в лучшую сторону.

Естественно, собранные автором в ходе экспедиций 2003-2006 гг. и приводимые ниже сведения[1] относятся, за небольшими и специально оговариваемыми исключениями, именно к последнему из названных выше периодов постсоветского развития Абхазии. Поэтому по ним никак нельзя судить о том положении, которое имело место в Абхазии накануне абхазо-грузинской войны 1992-1993 гг. или же в тяжелейший период, имевший место сразу либо через несколько лет после её окончания.

В данный момент есть все основания предполагать, что быстрое улучшение социально-экономической ситуации в Республике Абхазия, наблюдавшееся в середине 2000-х гг., продолжится ещё ряд лет и в итоге выведет её на качественно новый уровень развития, то есть страна вскоре войдёт в следующий и ещё более благополучный период своей истории. В связи с этим предлагаемый ниже экскурс в экономическую ситуацию в обследованных селениях почти не содержит количественных оценок денежных доходов различных социально-профессиональных групп населения, ведь все последние годы они растут очень быстро, хотя и сопровождаются инфляционными процессами. А потому имеющиеся у автора данные такого рода на 2005-2006 гг., например, уже устарели и скорее могут дезориентировать современного читателя. Однако подробная информация о конкретных суммах денежных доходов, обычно получаемых в той или иной сфере занятости или от продажи определённых видов продукции приусадебного хозяйства в Абхазии середины 2000-х гг., широко представлена в более ранней публикации[2] и частично также в авторской части коллективной обзорной работы.[3]

Кроме того, стоит также уточнить, что наши экспедиции работали только в исторически абхазских сёлах, то есть в предгорных или горных местностях Бзыбской Абхазии (Гудаутский район, селения Дурипш, Лыхны, Хуап, Калдахуара, Бармыш) и Абжуйской Абхазии (Очамчирский район, селения Джгерда, Члоу). Изучение экономических и социально-демографических аспектов жизни в этих абхазских селениях в начале XXI в. и в поздний советский период основывалось на анализе записей в похозяйственных книгах соответствующих периодов, на интервьюировании экспертов[4] (секретарей или, реже, глав сельских администраций) о специфике и степени надёжности данной информации и об общих социально-экономических условиях жизни в селе в недавнем (советском) прошлом и в настоящем, а также на работе с информаторами[5] из числа обычных сельских жителей (интервьюирование о сферах трудовой деятельности и доходах, наблюдение и интервьюирование о приусадебном хозяйстве и хозяйственных постройках).

К сожалению, в силу ряда непредвиденных обстоятельств, обусловивших срыв экспедиционного сезона 2007 г., вообще за рамками полевых исследований осталась та часть абхазского сельского населения, которая после войны 1992-1993 гг. стала концентрироваться в приморской равнинной полосе вдоль основной автомобильной трассы и железной дороги. Причина в том, что оттуда можно легко ездить на работу или с торговыми целями в Сухум, Гагру, Гудауту и Очамчиру и там, в отличие от горных районов, гораздо шире спектр выращиваемых сельскохозяйственных культур. Поэтому из отдалённых и труднодоступных в транспортном отношении сёл некоторые люди переезжали в те лежащие на шоссе селения, которые в большинстве своём были очень сильно разрушены во время последней войны и из которых бежала основная масса их прежних жителей, преимущественно грузин или представителей других неабхазских этнических групп.

Социально-профессиональный состав и заработки сельских жителей

Культурный облик и уровень жизни любого народа неразрывно связаны с его социально-профессиональным составом, включая и уро-

вень образования. Именно поэтому имеет смысл начать анализ экономических условий жизни современного абхазского сельского населения и произошедших в этой сфере в постсоветский период изменений с обзора социально-профессиональной структуры.

Как известно, во времена СССР и ныне, в постсоветской России, а также в Абхазии и в ряде других стран СНГ данные об образовании, профессиональной подготовке (полученной специальности), месте работы и/или занимаемой должности каждого из трудоспособных жителей села вносились и продолжают вноситься в похозяйственные книги, которые обычно уточняются и дополняются в течение 5 лет и потом заменяются на новые. В Абхазии такие данные могут считаться весьма точными и полными по состоянию на 1990 г., причём похозяйственные книги того времени хранятся в сельских администрациях. Сведения такого рода, относящиеся к 2003-2006 гг., тоже можно считать достаточно адекватными, но только с учётом того факта, что в условиях формальной незанятости значительной части сельских жителей и частой смены ими места работы или сферы деятельности у существенной их доли указаны лишь уровень полученного образования и специальность.

Следует также подчеркнуть, что в современной Абхазии реальные доходы сельских жителей варьируют очень широко в зависимости от сферы деятельности и, например, наличия в собственности тракторов или грузовиков, но не квалификации или уровня образования.

Проведенные в 2003-2006 гг. исследования показали, что во всех обследованных селах в составе жителей работоспособного[6] возраста ныне явно преобладают лица, официально числящиеся «безработными» (иногда «не работающими» либо вообще не имеющими никакого указания на место работы) или же «работниками агрофирмы (кооператива)». Последних часто по инерции даже продолжают именовать и записывать «колхозниками» (например, в Джгерде и Члоу в 2003 г.), подразумевая под этим разнорабочих, занятых неквалифицированным физическим трудом в сфере сельского хозяйства. В действительности разница между этими двумя социальными группами сельских жителей очень мала. Именно «безработные» и работники различных небольших агрофирм или сельскохозяйственных кооперативов, созданных в

большинстве селений на месте бывших колхозов, оказались в самом худшем положении в последние годы.

Хотя работники агрофирм формально на постоянной основе имеют работу, но она в действительности носит лишь сезонный характер и оплачивается крайне плохо даже по меркам сельской Абхазии первой половины – середины 2000-х гг. Данные организации, по сути своей посреднические, по предварительному заказу крупных скупщиков сельскохозяйственной продукции силами нанятых односельчан чаще всего выращивают в небольших количествах чай, мандарины, табак или кукурузу на тех участках бывших колхозных плантаций и полей, которые в силу каких-либо причин (обычно из-за большой удаленности от центральных кварталов сел) ещё не заняты частниками. Рядовые работники получали в них до 2005 г. по итогам года оплату в размере всего нескольких тысяч рублей, чего в современной Абхазии недостаточно даже для организации полноценного приусадебного хозяйства, ведь для ведения последнего требуется покупать удобрения и прививки для скота, комбикорм для дойных коров на зиму, нанимать транспорт для вывоза продукции, и т.д.

Таких людей, считая от общей численности работоспособного населения, было от 7% до 10% в селах Дурипш и Лыхны[7] (при доле фактически безработных[8] или, точнее, не занятых на какой-либо постоянной работе по найму, около 63% и 84% соответственно), и примерно 66% – 73% в Члоу и Джгерде (в этих случаях ещё примерно у 16% – 15% населения не была указана сфера занятости), а в Хуапе – только 1% (но ещё 79% при этом были фактически безработными). Весьма показательно, что вместе эти две социальные группы везде составляли абсолютно преобладающую долю (70% – 90%) жителей села, причём если работников агрофирм было относительное большинство (как в Члоу и Джгерде в 2003 г.), то тогда пропорция незанятого населения оказывалась весьма малой. Напротив, если лишь небольшое меньшинство работоспособных жителей села было отмечено в качестве работников агрофирм (Лыхны и Дурипш в 2003 г., Хуап в 2006 г.), то тогда абсолютное большинство населения оказывалось фактически безработным.

Таким образом, само разделение работоспособных жителей села на «безработных» и «работников агрофирмы» оказывается во многих слу-

чаях весьма условным и отражает прежде всего позицию сотрудников сельской администрации по вопросу о том, кого можно считать работающим, а кого – нет. Видимо, лишь ядро сотрудников подобной агрофирмы (руководители и механизаторы) могут в действительности считаться имеющими постоянную занятость и определённые доходы от этой деятельности, тогда как рядовые сельскохозяйственные разнорабочие, число которых намного больше, привлекаются на работу в агрофирму лишь эпизодические, на очень небольшие периоды времени и за крайне малую оплату труда. Поэтому в одних сёлах таких работников считают безработными и просто не отмечают в качестве лиц, имеющих постоянное место работы и источник значимых доходов, а в других селениях их всё же фиксируют в качестве работников местных агрофирм.

Как большинство работников указанных мелких агрофирм (кроме их руководителей и механизаторов), так и собственно безработные живут преимущественно или только за счет производства и продажи собственной сельскохозяйственной продукции. Правда, многие из них регулярно либо эпизодически выезжают на заработки в города или курортные приморские посёлки Абхазии, а некоторые – и в Россию, но именно приусадебное хозяйство является основой жизнеобеспечения их семей.

Напротив, самые большие денежные доходы в селе, если, конечно, не считать немногочисленных владельцев разного рода торговых точек, ныне обычно получают водители грузовиков и, особенно, трактористы, работающие в упомянутых выше сельскохозяйственных предприятиях. Там они по итогам года зарабатывали в 2003-2005 гг. в 3–5 раз больше разнорабочих, но всё же главная статья их доходов – подработки в собственном или окрестных селах на приусадебных участках местных жителей. Например, трактористы нанимались на распашку земли под посадки кукурузы, а водители грузовиков – на вывоз продукции приусадебных хозяйств на Центральный рынок в г. Сухуме или в другие города и курортные посёлки. Так как многие абхазские домохозяйства засаживают кукурузой по 20-30, а то и до 50 и более соток, то весной после распашки земли для целого ряда таких крепких хозяйств получаемые трактористом суммы исчисляются многими тысячами, а то и несколькими десятками тысяч рублей.

Однако трактористы и владельцы грузовиков оплачивают горючее из своих средств, а поскольку с начала 1990-ых гг. практически все трактора и грузовики фактически находятся в частной собственности, то и все расходы по их эксплуатации и ремонту несут теперь тоже сами владельцы. Учитывая, что почти вся эта техника в основном ещё советского производства и потому давно уже выработала свой ресурс, текущие расходы на поддержание её в сколько-нибудь работоспособном состоянии весьма велики и съедают очень значительную часть доходов владельцев.

Например, в небольшом горном селе Хуап летом 2006 г. не было буквально ни одного трактора или грузовика (не считая лёгких грузовичков или фургонов марки «Газель»), выпущенного до 1992 г. Поэтому и стоит такая старая и совершено разбитая техника очень дёшево, а управляться с ней могут лишь действительно хорошие специалисты, способные самостоятельно и регулярно проводить ремонт, временами весьма сложный. Например, в конце лета 2006 г. в Хуапе стоимость бычка весом около 200 кг, сдаваемого на мясо, заметно превышала стоимость старого и требующего существенного ремонта, но всё ещё пригодного для восстановления самосвала «ЗИЛ».

Доля трактористов и водителей грузовиков в составе всего работоспособного населения села ныне обычно составляет всего около 2% – 4% (Лыхны, Члоу, Джгерда, Хуап) и лишь в Дурипше – 8%. В большинстве селений ещё по 1% – 2% (в Дурипше – дополнительные 6%) работоспособного населения обоего пола приходится на лиц с техническими и строительными специальностями (автослесари, электрики, каменщики и т.п.), которые тоже имеют весьма неплохие доходы от подработок в селе или в городе, сопоставимые с таковыми водителей и трактористов. Таким образом, максимум 5% – 10% мужской части работоспособных жителей обследованных селений (исключая Дурипш, где этот показатель повышается до почти 30%) составляют данную социальную категорию с достаточно хорошими доходами.

Медсестры и врачи, учителя и бухгалтеры, другие служащие-бюджетники со средним специальным и высшим образованием, занятые преимущественно умственным трудом, часть которых работает в соседних сёлах или даже в городах, составляют обычно 7% – 15%

работоспособного сельского населения (исключая Лыхны, где соответствующий показатель равен всего 4%). Основная их часть, работающая в сельской местности, получала в 2004-2005 гг. обычно менее одной тысячи рублей в месяц, а в городах – в 1,5 – 2 раза больше. Но, учитывая уровень жизни в современной сельской Абхазии, они при этом, если не было длительных задержек с выплатой зарплаты, оказываются не в самом плохом материальном положении, если сопоставить их зарплаты с тем, чем располагают составляющие абсолютное большинство населения неквалифицированные работники сельского хозяйства или безработные. К тому же зарплаты сельских бюджетников постепенно растут, и помимо названной выше республиканской ставки учителя и медицинские работники получают ещё и сравнимые с ней надбавки из взносов жителей села.

В современном селе есть и ещё одна социальная категория работников – служащие со средним или неполным средним образованием, занятые неквалифицированным преимущественно физическим трудом (уборщицы, сторожа, наёмные продавцы и т.д.). Их доля составляет от 1% (Джгерда, Лыхны) до 4% (Члоу, Дурипш) или 6% (Хуап) работоспособного населения, а заработки настолько малы, что практически не дают им возможности существовать без ведения приусадебного хозяйства, обеспечивающего семьи основными продуктами питания.

Кроме того, в большинстве абхазских сельских семей есть пожилые люди, и российские пенсии становятся очень важным источником доходов для общего семейного бюджета. Для сравнения, абхазская ежемесячная пенсия по старости составляла 60 руб. в 2003 г. и 100 руб. в 2004-2006 гг., а российская пенсия, которую выплачивают после оформления российского гражданства – 600–700 руб. в месяц в 2004 г. и от одной до почти полутора тысяч рублей в 2006 г.

Сопоставление социально-профессиональной структуры населения обследованных сёл в 1990 г. и в середине 2000-х гг. показывает, что удельный вес водителей и механизаторов за прошедшие примерно 15 лет в Джгерде и Члоу снизился в 2 – 3 раза (в Дурипше – лишь на 10%), а в Лыхны – многократно. Относительная доля служащих-бюджетников с высшим и средним специальным образованием, занятых преимущественно умственным трудом, напротив, выросла в Члоу (на

треть) и в Дурипше (более чем на половину), но в два раза снизилась в Джгерде и Лыхны. Пропорция служащих со средним или неполным средним образованием, занятых неквалифицированным преимущественно физическим трудом, которая в 1990 г. была вполне сопоставима с предыдущей категорией (на четверть или на треть меньше неё в Члоу и Джгерде, но на половину больше – в Дурипше и Лыхны), к середине 2000-х гг. снизилась в два – три раза (в Лыхны – многократно).

При этом необходимо учитывать, что особенности социально-профессионального состава жителей села Лыхны и его динамики в 1990-е гг., делающие его исключением на общем фоне, определяются экономико-географическим положением на хорошей автотрассе в непосредственной близости от города Гудаута. Поэтому очень многие жители этого села в настоящее время работают в Гудауте, лишь формально числясь в качестве безработных.

Естественно, «безработные» или, точнее, лица без постоянного места работы по найму в большом количестве появились только после конца советского периода. Но в целом пропорция незанятого работоспособного населения и лиц, работающих ныне в малых агрофирмах и сельскохозяйственных кооперативах, возросла примерно на 5% – 20% по сравнению с долей колхозников-разнорабочих в 1990 г., а в специфически расположенном вплотную к Гудауте селе Лыхны – боле чем на 1/3 (в 1990 г. их, вместе с домохозяйками и лицами, чьё место работы не было отмечено,[9] было 74% в Члоу, 70% в Джгерде, 65% в Дурипше, 56% в Лыхны). В этих подсчётах, разумеется, не учтены работавшие в колхозах советской поры трактористы и водители, бухгалтеры и агрономы, и прочие квалифицированные специалисты либо лица со строительными и техническими специальностями, а также служащие, занятые неквалифицированным физическим трудом.

Указанные изменения в социально-профессиональной структуре сельских абхазов приходится признать парадоксальным сочетанием противоположных тенденций, развивавшихся в постсоветский период одновременно и параллельно. Во-первых, обращают на себя внимание процессы очевидной демодернизации, или архаизации, в указанной сфере. Этот вывод однозначно вытекает из роста доли лиц, занятых неквалифицированным сельскохозяйственным трудом, в том числе

работающих только на собственных приусадебных участках, при одновременном сокращении пропорции квалифицированных наёмных сельских тружеников, владеющих техническими специальностями (трактористов, водителей, слесарей в гаражах и т.д.). Но ведь одновременно в большинстве случаев произошло увеличение среди жителей села доли служащих, имеющих среднее специальное или высшее образование и прямо не связанных с сельскохозяйственным производством, при параллельном выраженном сокращении доли служащих со средним или неполным средним образованием, занятых неквалифицированным физическим трудом. А это определённо указывает на продолжавшуюся модернизацию структуры занятости сельских жителей и её приближение к городской.

В данном случае адаптация сельских жителей к радикально изменившимся социально-экономическим условиям жизни привела к синхронному и противоречивому развитию процессов демодернизации и дальнейшей модернизации социально-профессиональной структуры, унаследованной от позднесоветского периода истории абхазского села.

Доходы от приусадебного хозяйства

В большинстве случаев жители современного абхазского села могут продать урожай на месте периодически приезжающим из города перекупщикам, но по явно заниженной цене. Кроме того, в случае урожайного года остаётся риск, что в данное село перекупщики могут вообще не заехать или же они приедут слишком поздно, когда часть фруктов, например, может испортиться. Поэтому большинство сельских жителей предпочитает, обычно объединив усилия с родственниками и соседями, нанять автотранспорт и перевезти произведенную продукцию на Центральный рынок в Сухуме либо на рынки в Гудауте или Гагре и уже там продать её перекупщикам по цене, почти в полтора – два раза большей, чем дома в своём селе. Но и там, в городе, цена оптовых закупок у сельских жителей всё равно примерно на треть ниже, чем текущая розничная цена на аналогичный товар на данном рынке.

Существенно сложнее организовать вывоз сельхозпродукции за пределы Абхазии, например, в Адлер, но и выигрыш в цене реализации оптовым российским скупщикам в таком случае увеличивается ещё более значительно. Однако из-за проблем с пересечением российской границы и прежде всего из-за незаконных поборов и огромных очередей на пунктах пропуска лишь немногие сельские жители отваживались до середины 2000-х гг. самостоятельно везти свою продукцию в район Сочи, причём если и делали это, то обычно лишь ради реализации большого урожая мандаринов или ореха-фундука.

К сожалению, существовавшая в поздний советский период в каждом абхазском селении вполне эффективная система потребительской кооперации по закупке и реализации продукции приусадебных хозяйств оказалась полностью разрушена. Вся реализация теперь происходит только силами самих производителей, зачастую не располагающих какими-либо транспортными средствами. Небольшая соседско-родственная кооперация (объединение усилий родственников, друзей и соседей) в этом направлении только начинает формироваться.

Но какими бы тяжкими усилиями не давалась продажа продуктов сельского хозяйства и сколь бы изменчива не была рыночная конъюнктура, это приносит весьма ощутимые в масштабах абхазской сельской семьи финансовые результаты. Средний семейный доход, например, от продажи урожая орехов (около 1 тонны) или мандаринов (около 5-7 тонн) мог составить в середине 2000-х гг. несколько десятков тысяч рублей. Следует, однако, учесть, что приведенная выше оценка масштабов потенциально возможных доходов семейного хозяйства от продажи ореха-фундука или мандаринов очень условна. Ведь если сельские жители производят на продажу действительно большое количество товарной продукции, сравнимое с названными выше по сути максимальными для обычного хозяйства объёмами, то они обычно бывают вынуждены нанимать работников на сбор урожая и оплачивать автотранспорт для его вывоза к скупщикам на городские рынки. При выращивании мандаринов необходимо также покупать ядохимикаты для опрыскивания и, желательно, минеральные удобрения.

Правда, во многих сёлах Абхазии появились по сути фермерские хозяйства, в которых обрабатываются значительные площади, почти

постоянно используется труд наёмных работников и где масштабы производства тех же мандаринов или ореха существенно больше, чем названные выше. Но таких специализированных хозяйств всё ещё очень мало, и речь ниже идёт об основной части сельских абхазских домохозяйств.

Кроме того, в действительности вырастить до 1 тонны орехов или до 5-7 тонн мандаринов за сезон может лишь весьма небольшая часть сельских семей, имеющих достаточное количество рабочих рук. Вспомним, что ныне лишь от трети до четверти домохозяйств в селах Джгерда или Лыхны, и всего около 15% в Члоу, включают в свой состав родителей работоспособного возраста и детей школьного и дошкольного возраста.[10] Более того, даже среди этих полных хозяйств только часть в действительности имеет в своём составе достаточное количество способных эффективно и постоянно трудиться на приусадебном участке человек, то есть нескольких взрослых, относительно нестарых и ещё вполне здоровых пенсионеров, подростков-старшеклассников или ещё остающихся в селе юношей и девушек. Даже с учетом того, что многим сельским семьям активную помощь оказывают их городские родственники, оказывается, что лишь некоторая (возможно, меньшая) доля современных абхазских домохозяйств способна реально производить указанную продукцию в сопоставимых с названными выше объёмах.

Интересно отметить, что в большинстве абхазских сел в последние годы начался процесс заметного расширения площадей, занятых орехом-фундуком, который становится ведущей товарной культурой и оттесняет с этого места недавнего лидера – мандарины даже в тех равнинных и предгорных местностях, где последние растут сравнительно хорошо. Это является ярким подтверждением тех значительных организационных трудностей, которые испытывают в наши дни сельские жители Абхазии при попытке продать произведенную ими сельскохозяйственную продукцию. Дело в том, что основное достоинство ореха в сравнении с мандаринами и другими фруктами – способность легко переносить длительное хранение, практически не портясь при этом.

Кроме того, орехи меньше страдают от капризов погоды, не боятся заморозков и могут расти в низкогорной полосе, где вообще нельзя

разводить мандарины из-за климатических условий (как, например, в Дурипше или Хуапе). Мандарины к тому же часто страдают от заморозков и на равнине. Правда, для орехов тоже характерны большие колебания урожайности год от года, хотя и по другим причинам. Орех-фундук также требует существенно меньших затрат труда при выращивании, а плодоносят они до 20-25 лет. Лишь при уборке и подготовке урожая к продаже орех-фундук оказывается гораздо более трудоёмкой культурой, чем мандарин, но при этом период сбора и чистки орехов может растягиваться на гораздо больший срок.

Кроме ореха-фундука и мандаринов, играющих ныне безусловно ведущую роль в обеспечении сельского абхазского населения денежными доходами, небольшое значение имеет выращивание на продажу хурмы, грецких орехов, яблок и груш, киви и персиков, а также некоторых огородных культур – горького перца, помидоров и т.п. Сельские жители также довольно часто продают кукурузу и фасоль, которые служат базовыми продуктами питания абхазов.[11] Но лишь некоторые, да и то не часто, продавали вино и чачу (на свадьбы и т.п.), однако в связи с ожидаемым дальнейшим развитием российского туризма это направление хозяйства, исторически столь хорошо развитое у абхазов,[12] может стать гораздо более значимым источников денежных доходов.

Скотоводство, издавна бывшее одной из важнейших отраслей крестьянского хозяйства в Абхазии, играет ныне вполне сравнимую с орехом-фундуком и мандаринами роль в обеспечении сельского населения денежными доходами. Более того, если в относительно больших товарных количествах орехи и мандарины реально производят или же потенциально способны производить ныне лишь сравнительно немногие домохозяйства, то скот и птицу держат практически все сельские жители, даже совсем пожилые, и большинство из них почти ежегодно продаёт часть приплода.

Обычно поздней осенью или в самом начале зимы начинается продажа молодняка домашних животных и птицы, для чего в сёла специально приезжают перекупщики. За бычка осенью 2004 г. можно было выручить несколько тысяч рублей, за козлёнка или поросёнка – несколько сотен рублей, а к концу лета 2006 г. стоимость скота и птицы выросла в полтора-два раза. В частности, одно из крепких полных

абхазских домохозяйств в составе 6 чел., расположенное на окраине горного села и потому не стесненное в плане выпасов, держало примерно 40 голов крупного рогатого скота и около 140 коз, и при таком поголовье домашних животных глава этой семьи продал в 2005 г. скота на 80 тыс. руб. Кстати, особенно высокие закупочные цены бывают именно в разгар курортного сезона, и они поднимались в августе 2006 г. у скупщиков на рынке в Гудауте до 100 руб. за 1 кг мяса. Тем не менее, основная часть скота и птицы продаётся осенью, в конце пастбищного сезона, когда в сёла возвращаются стада, отгонявшиеся на лето в горы.

В современной Абхазии, кстати говоря, рабочий скот (быки и лошади) тоже весьма востребован, ибо с его помощью лучше всего обрабатывать посевы кукурузы при культивации (которая должна проводиться дважды за лето), тогда как использование трактора в этих целях нежелательно, поскольку растения сильно повреждаются и частично гибнут. В горных же селах, где поля расположены на склонах, трактора обычно вообще не используют и даже первоначальную распашку поля под посев кукурузы проводят теперь на быках. Для некоторых сельских жителей работа на своей лошади или быках на приусадебных участках соседей стала ещё одним дополнительным, хотя в целом и весьма скромным источником денежных доходов.

Наконец, важную роль в обеспечении денежными доходами во многих сельских семьях играет изготовление и продажа домашнего сыра, прежде всего из коровьего молока. Правда, в товарных объёмах сыр производят и продают лишь те немногие семьи, в которых держат большое количество дойных коров (по 5-7 и более) и коз (по 20-30 голов и более), что возможно только в том случае, если в домохозяйстве есть достаточное количество рабочих рук и если усадьба стоит на гористой окраине села, где имеются пастбища, или же если есть возможность отгонять скот в дальние горы на всё лето с наёмными пастухами. Однако практически в каждой сельской абхазской семье есть одна, а в больших семьях – и две дойные коровы (обычно с довольно низкими удоями, порядка 6-9 литров в день в весенне-летний период), и производится сыр для собственного потребления. Летом, когда начинается курортный сезон и резко поднимаются цены на рынках в Сухуме, Гудауте и Гагре, многие пенсионеры периодически отвозят небольшие партии домашнего сыра на рейсовом автобусе перекупщикам на городских рынках, что служит неплохим подспорьем семейному бюджету. В августе 2006 г. закупочные цены на качественный домашний сыр в Сухуме составляли без малого сто руб. за 1 кг.

Сравнивая сложившееся ныне положение с доходами от продажи произведенной на приусадебном участке сельскохозяйственной продукции с тем, что было в конце советского периода, можно сделать следующие основные выводы. Во-первых, роль этого вида денежных доходов в семейном бюджете многократно возросла, причём в первую очередь за счёт производства и продажи ореха-фундука, мандаринов, скота и птицы. Одновременно существенно снизилась либо практически исчезла доля денежных доходов, получаемых от продажи других фруктов и овощей, ибо былая вполне эффективная система их скупки у сельских жителей через сельскую потребительскую кооперацию оказалась полностью разрушенной.

Важно также отметить, что в современных условиях Абхазии сельские жители практически потеряли не только возможность получать адекватную стоимости жизни регулярную заработную плату за работу в сельском хозяйстве, но также лишились и возможности подрабатывать дополнительно, нанимаясь на условиях сдельной оплаты труда на уборку урожая к крупным производителям сельскохозяйственной продукции. Только последние, в отличие от некоторых владельцев приусадебных хозяйств, тоже эпизодически практикующих найм работников в урожайные годы, могут гарантировать стабильность и высокий уровень такого рода заработков в многолетней перспективе.

Например, в поздний советский период многие сельские работники бюджетной сферы, старшеклассники или пенсионеры, равно как и некоторые горожане – недавние выходцы из села, весьма неплохо зарабатывали, беря в колхозе своего собственного села подряд на уборку винограда, чая, мандаринов или табака с определенного участка колхозной плантации. Теперь же агрофирмы либо сельскохозяйственные кооперативы могут предложить такого рода сезонную работу лишь очень небольшому количеству сельских жителей и за крайне низкую

оплату, ведь даже их постоянные работники получают за год, как уже говорилось выше, всего по несколько тысяч рублей.

Кстати, сами эти участки колхозных полей и плантаций, ранее из года в год бравшиеся сельскими жителями в аренду для уборки урожая, после роспуска колхозов в большинстве своём превратились в частную собственность сельских семей. Иногда это оформлено документально, но чаще такие участки считаются переданными в долгосрочную аренду. Тем не менее большинство сельских семей ныне фактически имеет по два, а то и более земельных участка – собственно свой приусадебный участок, непосредственно примыкающий к дому, и отдельно расположенный дополнительный участок на бывших колхозных пахотных землях или плантациях и виноградниках.

Особенности и перспективы развития приусадебных хозяйств

Для оценки уровня развития приусадебного хозяйства в сельских полных абхазских семьях,[13] включающих обоих родителей работоспособного возраста и детей школьного и дошкольного возраста, следует прежде всего остановиться на их обеспеченности скотом и обрабатываемой землёй.[14]

Следует сразу же отметить, что в поздний советский период, представленный данными на конец 1990 г., статистика приусадебного хозяйства велась достаточно точно в отношении площади земельных участков. Но вот в случае фиксации поголовья крупного рогатого скота и лошадей сотрудники сельсоветов тогда обычно закрывали глаза на явное занижение ежегодно предоставляемых жителями сведений, особенно на недоучёт оставленного на следующий год молодняка. Подобное занижение могло составлять около 25%–30% от реального поголовья домашних животных. Данные же о мелком рогатом скоте и, особенно, свиньях были очень неточными и в советские годы, а потому их вообще не имеет смысла анализировать.

В то время сельские жители платили достаточно весомые налоги на приусадебную землю (из расчёта 24 рубля за 0,5 га) и личный скот (8 рублей за корову, быка, буйвола или лошадь; 4 рубля за телёнка; 2,5

рубля за свинью, козу, овцу), да к тому же весь скот надо ещё было обязательно страховать, дополнительно выплачивая государству сумму, практически равную налогу. Именно поэтому люди стремились приуменьшать сведения о постоянном поголовье домашних животных в своих хозяйствах. Количество скота оценивалось по состоянию на начало календарного года, то есть тогда, когда основная часть полученного прошлой весной приплода была уже в минувшую позднюю осень забита на мясо либо продана. Затем эта оценка в большинстве случаев просто воспроизводилась в похозяйственной книге в графах на последующие кварталы года.

В поздний советский период власти наконец сняли почти все административные ограничения на развитие приусадебного хозяйства. В это время многие сельские жители стали брать в аренду дополнительные участки земли на колхозных полях и выращивать там для себя кукурузу или, реже, фасоль, выплачивая часть полученного урожая в счёт арендной платы за землю. Такие дополнительные к усадьбе участки земли, не облагавшиеся земельным налогом, в соответствующую статистику похозяйственных книг в советские годы тоже не включались.

Для начала – середины текущего десятилетия, к сожалению, сопоставимых данных собрать не удалось (исключая Лыхны, да и то только с формальной стороны). В наши дни сведения о поголовье домашнего скота в похозяйственных книгах или вовсе отсутствуют, или очень условны, ибо указаны лишь выборочно. Это объясняется только неудовлетворительной организацией учёта поголовья домашних животных, так как ныне никаких налогов или обязательных страховок за скот или птицу сельские жители не платят и никаких ограничений на количество скота они не имеют.

С другой стороны, в последние годы весьма точно фиксируются полные размеры приусадебного участка, в состав которого могут входить как собственно усадьба (земля, примыкающая к дому), так и участок на бывшем колхозном поле или плантации, занятый данной семьёй на постоянной основе. Последний может быть их фактической частной собственностью либо же считаться арендуемым на длительный срок. Причина высокой точности записей о размерах используемых земельных участков заключается в том, что сейчас сельские

жители должны ежегодно выплачивать земельный налог из расчёта 350-360 рублей за 1 гектар, или 450 рублей за 1 гектар плодоносящих посадок фруктовых или ореховых растений (обычно по повышенной ставке облагаются участки с посадками старше 3 лет, включая крупные виноградники).

Кроме того, в случае отгона крупного и мелкого рогатого скота на высокогорные летние пастбища (обычно с середины – конца мая до середины – конца сентября) владельцы животных должны выплачивать особый «экологический сбор» – налог за использование государственных пастбищ вне сельских земель, идущий напрямую в соответствующий лесхоз. Его размер – примерно 10 руб. за голову крупного рогатого скота или лошадь и 5 руб. – за козу или овцу. Но так как в горы на лето имеет смысл отгонять только сравнительно большое стадо, то его владельцу обычно приходится выплачивать за это порядка 500 руб. за сезон. Так, например, был вынужден сделать в 2004 г. один житель села Дурипш, отправивший на летние горные пастбища этого села, которые со времени существования дурипшского колхоза располагаются в окрестностях знаменитого высокогорного озера Рица, принадлежащие ему 25 голов крупного и около 35 голов мелкого рогатого скота (преимущественно коз).

Учитывая сделанные выше уточнения, на основании собранных в 2004-2005 гг. сведений о семейных хозяйствах можно заключить, что в среднем полная семья в конце советского периода обычно имела 1-2 дойные коровы (реже – буйволицы, которые составляли до 10%–15% дойного крупного рогатого скота, а в Члоу – около трети). Общее поголовье крупного рогатого скота в домохозяйстве колебалось от 2 до 3 животных в Дурипше и Члоу и даже превышало 4 головы в Джгерде. В последнем селе приусадебное хозяйство явно было развито наиболее сильно, и потому там каждая вторая полная семья имела также лошадь для обработки посевов кукурузы, перевозки различных грузов в окрестностях села или же для поездок верхом на горные летние пастбища и переброски грузов вьюками с пастбищ в село и обратно.

Показательно, что именно в Джгерде ещё в советский период почти половина семей (точнее – 48%) имела большие приусадебные участки площадью в 50 соток и более, и ещё 44% семей имели средние участки площадью 25-49 соток, тогда как малых участков (до 24 соток включительно) в этом селе вообще не было (у 8% семей площадь земельного участка не была указана). Для центральных кварталов села Лыхны, напротив, были характерны наименьшая обеспеченность крупным рогатым скотом (всего по 3 головы на каждые 2 семьи) и почти полное отсутствие лошадей, а также заметная доля хозяйств (5% семей) с очень маленькими, по меркам Абхазии, приусадебными участками площадью до 24 соток включительно при преобладании (52% семей) средних земельных участков площадью 25-49 соток. Последние в 1990 г. также были типичными для Члоу (60% семей) и, особенно, Дурипша (97% семей).

Произошедшие к началу – середине текущего десятилетия изменения в уровне развития приусадебного хозяйства можно оценить лишь по динамике средней площади обрабатываемых земельных участков в сёлах Лыхны и Джгерда. В центре села Лыхны резко, до 1% семей, снизилась доля хозяйств с малыми участками (до 24 соток) и заметно, до всего 38% семей, уменьшилась пропорция домохозяйств со средними по площади участками (25-49 соток), при соответствующем повышении доли тех, кто обрабатывает большие участки (0,5 – 1,4 га), до 42% полных семей. В Джгерде, где малых участков совсем не было и в поздний советский период, с 44% до всего 2% понизилась доля полных семей со средними по размерам участками земли (25–49 соток), но при этом заметно возросла пропорция хозяйств с крупными земельными участками (0,5–1,4 га), составивших 55% семей, и появилась достаточно много (24% от общего количества полных семей) домохозяйств с особо крупными земельными участками площадью в 1,5 га и более.

Кстати, живущие в Джгерде с начала XX в. турки, среди которых урбанизация по каким-то причинам развита заметно слабее, отличаются ныне от местных абхазов ещё и тем, что среди них доля хозяйств с особенно крупными земельными участками в 1,5 га и более составляет целых 44% из 9 полных турецких семей и лишь немногим уступает доле домохозяйств с просто крупными земельными участками (0,5 – 1,4 га), которых в этом селе у турок насчитывается 56%.

Вероятно, в сходном направлении изменилось и поголовье домашнего скота на личных подворьях, хотя с формальной точки зре-

ния, имеющиеся данные по селу Лыхны свидетельствуют скорее об отсутствии значимой динамики в этой сфере приусадебного хозяйства, чему вряд ли стоит верить. Впрочем, последний пример позволяет также сделать вывод, что обеспеченность домашним скотом здесь по крайней мере не только не уменьшилась, но даже несколько возросла, если сравнивать с поздним советским периодом. Поэтому приведённые выше сведения 1990 г. по Члоу, Джгерде и Дурипшу, увеличенные на практиковавшееся тогда систематическое занижение поголовья крупного рогатого скота на примерно 25%–30%, вполне можно считать минимально возможной оценкой современной обеспеченности домохозяйств в этих абхазских селах домашними животными.

В современном абхазском селе, как уже было сказано, всем жителям приходится выплачивать земельный налог, а в случае выращивания значительного количества кукурузы, являющейся основным продуктом питания и дающей отходы, идущие на корм для скота, – оплачивать использование трактора или быков для первоначальной распашки поля. Кукурузные отходы, служащие основными кормами для домашних животных, – это прежде всего «чала», то есть сухие стебли с листьями, остающиеся после уборки початков. На корм скоту также идут сердцевины-кочерыжки от початков, некондиционные или подпортившиеся от длительного хранения зерно и початки. (Последние образуются вследствие того, что многие крепкие крестьянские хозяйства в современной Абхазии запасают до 2-3 тонн кукурузного зерна, которого им может хватить на весь следующий год даже в том случае, если нового урожая вообще не будет). Очень многие платят также односельчанам за культивацию посевов кукурузы конным плугом дважды за летний сезон и за быстрый сбор урожая фруктов, идущего на продажу, а также за грузовик для оперативного вывоза этого урожая на городской рынок к скупщикам.

Однако этим отнюдь не ограничиваются необходимые для ведения приусадебного хозяйства денежные расходы. Выращивание кукурузы требует регулярного внесения минеральных удобрений, то есть селитры, без которой урожай через несколько лет уменьшается более чем в два раза. Замена селитры навозом практически невозможна, ибо при этом всё равно остаётся значительная потеря урожайности (до

30%–50%), навоз требуют и другие растения, прежде всего огородные культуры и орех, да и в обычном хозяйстве его всё равно не хватит на удобрение всей требуемой площади посевов кукурузы. Стоимость мешка селитры (50 кг) может доходить до 300 и даже 400 руб., а норма внесения составляет обычно около 3-5 мешков на одну сотку, так что для среднего хозяйства требуется 50 и более мешков в год. Кроме того, выращивание мандаринов требует трёхкратного опрыскивания каждого растения ядохимикатами, что стоило в 2005 г. около 30 руб. Желательно также опрыскивать и орех. Поэтому суммарные затраты крестьянского хозяйства на минеральные удобрения и ядохимикаты должны составлять весьма значительную сумму, либо же владелец потеряет очень большую часть урожая.

Если в семье стараются обеспечить хорошее состояние крупного рогатого скота и, соответственно, высокие удои, то на зиму желательно закупать комбикорм для дойных коров, который стоит от 4 до 7 руб. за килограмм, а на одну корову требуется от 3 до 8 мешков по 50 кг, то есть порядка 1–2 тыс. руб. При этом основу зимних кормов составляют производимые в самом хозяйстве сено и чала. Высокими в Абхазии считают удои порядка 9-12 л в день, а без подкормки зерном и комбикормом даже летом удои у коровы абхазской породы могут падать до 2–4 л молока в день при содержании в селе и его окрестностях на подножном корму или составлять около 4–8 л при отгоне на высокогорные летние пастбища с богатым травостоем. Содержание буйволицы зимой обходится ещё дороже, чем коровы, но обычно продажа осенью одного взрослого буйвола позволяет обеспечить кормами трёх – четырёх других. Кроме того, весь крупный рогатый скот требуется весной, до выгона на пастбища, прививать от чумы и сибирской язвы, что обходится в примерно 30–50 руб. за голову.

Владельцы большого количества домашних животных, отгоняемых на лето на высокогорные пастбища, не только выплачивают «экологический налог» в лесхоз, но и нанимают, чаще всего в складчину, пастухов. С последними, впрочем, обычно рассчитываются натуральной оплатой, то есть половиной получаемого на пастбищах сыра из коровьего и козьего молока, который идёт в основном на продажу. Кроме того, во время пребывания пастухов в горах их также полностью обес-

печивают основными продуктами питания (кукурузная мука, сахар и соль, аджика, чача, иногда – немного картошки). В случае удачного пастбищного сезона, то есть при условии, что потерь скота в горах не было или они были минимальны, по завершении выпаса и возвращении стада в село пастухам отдают половину телят и козлят этого года. Каждый пастух ныне находится на отдаленных горных пастбищах по две недели, а потом на одну неделю возвращается отдохнуть в село; на бригаду из трёх пастухов обычно приходится стадо в примерно 100 или немногим более голов, считая крупный и мелкий рогатый скот. Такая работа в современной Абхазии считается тяжелой, но весьма доходной, и за место пастуха на отгонных пастбищах в селе иногда возникает конкуренция.

В современном абхазском селе в полной мере сохранились традиционные формы содержания и выпаса домашних животных. Так, свиньи и часть крупного рогатого скота с весны до осени находятся на вольном выпасе в окрестностях села, самостоятельно возвращаясь вечером на усадьбу, где их подкармливают хозяева. Зимой весь скот, в том числе и отгоняемый на лето в горы, находится на усадьбах владельцев в условиях стойлового содержания и питается запасенным хозяевами сеном и чалом. Однако коз и овец, а иногда и часть крупного рогатого скота (кроме, разумеется, буйволов и дойных коров) пасут в окрестностях села в бесснежные или малоснежные дни и зимой.

Если есть такая возможность, то основная часть поголовья крупного рогатого скота, все овцы и козы отгоняются летом на пастбища в дальние горы, расположенные на расстоянии от нескольких десятков до сотни и более километров от села, и там находятся под наблюдением пастухов с конца мая до начала – середины сентября. При этом люди в горах обычно пасут только коз и овец, а крупный рогатый скот и там по большей части тоже находится в условиях вольного выпаса и самостоятельно возвращается вечерами на стоянку пастухов.

Отгонное скотоводство в полной мере сохранилось в Бзыбской Абхазии, а вот в Абжуйской, то есть в Очамчирском районе, в постсоветский период оно почти исчезло, так как основные горные пастбища

здесь располагаются на отрогах Кодорского хребта. Исторически эти высокогорные пастбища использовались совместно абхазами и сванами из Абхазской Сванетии, то есть из верхней и неподконтрольной абхазским властям части Кодорского ущелья. Поэтому после войны 1992–1993 гг., в которой активно участвовали и кодорские сваны, отгон скота в дальние горы из абхазских сёл Очамчирского района практически прекратился во избежание конфликтов с пастухами-сванами с соседних пастбищных участков и возможных угонов ими скота. Ныне в большинстве абхазских селений этой местности летом используются лишь ближние низкогорные пастбища, то есть поляны в лесах, непосредственно примыкающие к сельским полям и плантациям или расположенные не очень далеко от села.

Последние 10–15 лет породили ещё одну неожиданную проблему для развития приусадебного хозяйства – сильно размножившиеся в горных лесах Абхазии дикие животные начали причинять заметный ущерб полям и плантациям на окраинах сёл и скоту, особенно на горных пастбищах. Кабаны, а иногда и медведи портят посевы кукурузы и плантации ореха-фундука, шакалы и лисы уносят домашнюю птицу, а волки нападают на мелкий и крупный рогатый скот и свиней. В частности, многие хозяева потеряли некоторых свиней и часть молодняка крупного рогатого скота, которые по абхазским традициям весь день находятся на вольном выпасе на улицах и в окрестностях села. Иногда, забредая слишком далеко, животные не возвращаются на усадьбу вечером, и тогда они часто становятся добычей волков. Но особенно большой урон волки наносят поголовью овец на высокогорных летних пастбищах, так что во многих случаях сельские жители были вынуждены в последние годы вообще отказаться от их разведения и отгона в горы, несмотря на потребности домохозяйств в шерсти.

Итак, к началу XXI в. в абхазском селе сложилась совершенно особая ситуация – после роспуска колхозов и, во многих случаях, ухода основной части грузинского населения образовался значительный массив доступных для обработки сельскохозяйственных земель и исчезли либо резко ослабли практически все административные или фискальные (в первую очередь налоговые) ограничения на развитие

приусадебного хозяйства. Одновременно в среде сельского абхазского населения широко распространились товарно-денежные отношения в форме регулярной продажи сельхозпродукции, закупки минеральных удобрений и ядохимикатов, найма техники и работников. Постепенная фактическая эрозия режима экономической блокады Абхазии и начавшееся в 2004-2005 гг. удивительно быстрое и успешное возрождение курортной отрасли экономики создали для сельских жителей возможность реализовывать продукцию приусадебного хозяйства в весьма больших объёмах, выручая за неё очень значительные, особенно учитывая нынешний низкий уровень жизни населения в этой непризнанной республике, денежные средства.

Эти факторы привели к существенному росту производства сельскохозяйственной продукции на приусадебных участках, заметно увеличивших свои средние размеры (площади обрабатываемой земли и, видимо, поголовье скота), и к вовлечению в эту сферу деятельности очень многих, если не большинства, горожан. В результате складывается впечатление, что сельское население республики и, по крайней мере, их многочисленные родственники в городах вполне адекватно обеспечены всеми основными продуктами питания растительного и животного происхождения. Так что эта важнейшая из составляющих качества жизни человека находится в современной Абхазии на достаточно высоком уровне, в отличие от денежных доходов большинства населения или реально доступных им социальных услуг.

Вероятно, главной социально-экономической проблемой для современного абхазского села, наряду со стремлением большинства молодёжи в города, является фактическое отсутствие эффективной системы скупки сельскохозяйственной продукции. Видимо, пока лишь сезонная продажа скота перекупщикам приобрела достаточно устоявшиеся и приемлемые для сельских жителей формы. Существенно ограничивают развитие села в Абхазии также такие ещё не решенные до конца проблемы, как организация вывоза сельскохозяйственной продукции в Россию и снабжения сельского населения необходимыми ныне для развития сельского хозяйства материалами по доступным ценам, прежде всего минеральными удобрениями, ядохимикатами и горючим для сельхозтехники.

Урбанизация и временные трудовые миграции сельских жителей

Судя по демографическим изменениям среди абхазского сельского населения, ведущим социальным процессом первых 5-10 послевоенных лет, с точки зрения масштабов его уже реализовавшегося и, главное, потенциального будущего воздействия на бытовую культуру абхазов, была урбанизация, носившая в середине – второй половине 1990-х гг. поистине взрывной характер. Впервые в своей истории большинство абхазов стали городскими жителями, хотя всё ещё очень тесно связанными со своими родовыми селениями.[15]

Причины этого явления были многообразны – прежде всего здесь, конечно же, сказался эффект появившейся после абхазо-грузинской войны возможности захватить в городах брошенные бежавшими грузинами и горожанами других нетитульных национальностей дома и квартиры. Важную роль сыграло также стремление абхазов молодого и среднего возраста осесть непосредственно в тех центрах социально-экономической жизни, где можно было иногда получить работу по найму и хоть что-то заработать в очень тяжелый период середины – конца 1990-х гг. Даже сам факт исчезновения после войны 1992-1993 гг. бытовавших в поздний советский период строгих ограничений на прописку в городах и острой конкуренции за получение права на городскую прописку с представителями грузинской и других основных этнических групп населения Советской Абхазии тоже стал своеобразным стимулом к послевоенной урбанизации. Кроме того, многие из абхазов, перебравшихся после войны в такие города и приморские посёлки, как Гагра, Пицунда, Новый Афон, Сухум, Гудаута и т.д., также вполне обосновано надеялись, что рано или поздно в республике возродится массовый российский туризм и тогда городские дома и квартиры снова станут важным источником доходов в курортный сезон, что в итоге и произошло менее чем через десятилетие после их переселения.

Этот процесс ускоренной и до какой-то степени даже «искусственной» урбанизации очень серьёзно отразился на абхазском селе, приведя к целому ряду весьма негативных социально-демографичес-

ких изменений в сельской местности. А ведь именно в селе, как известно, наиболее полно и долго сохраняются элементы традиционной народной культуры и именно сельское население обычно отличается более высоким, по сравнению с городским, естественным приростом, обеспечивая тем самым наиболее весомый вклад в воспроизводство носителей этнической культуры. Но в Абхазии к началу XXI в. сложилась обратная и потому совершенно уникальная в этом отношении ситуация – рождаемость в сельской местности в 2004 г. составляла 3,3 промилле, а в городах – 5,6 промилле.[16]

Такое положение можно объяснить только массовым оттоком абхазской молодёжи и лиц среднего возраста из села в город и ещё тем, что ныне в составе сельского населения республики относительно большую долю составляют проживающие в Гальском районе мегрелы. Дело в том, что среди последних после войны 1992-1993 гг. остались в основном не участвовавшие лично в боевых действиях мужчины старшего и пожилого возраста, женщины и дети, а это определяет пониженную рождаемость в данном районе и оказывает соответствующее влияние на общереспубликанские показатели по сельскому населению.

Говоря об оттоке молодёжи в города, сельские абхазы старшего, среднего и молодого возраста обычно высказывают достаточно близкие точки зрения на ведущие причины этого явления, хотя и оценивают этот феномен весьма по разному – люди старшего возраста скорее негативно, видя в нём, прежде всего, реальную угрозу существованию своего села и сохраняющимся в нём культурным традициям абхазов. Но лица молодого или среднего возраста, хотя и высказывают обеспокоенность перспективами своих родных селений, всё же в большей степени склонны видеть в этом процессе урбанизации, прежде всего, знак «прогресса» или «культурного развития» абхазов, а также и символ материального успеха новых горожан в жизни. Как это не удивительно, но по существу многие абхазские сельские жители воспринимают урбанизацию вполне в духе современной географической науки, то есть не просто как «концентрацию населения в крупных городах», но прежде всего видят в ней, говоря научным языком, «исторический процесс утверждения городского образа жизни как феномена культуры».[17]

По мнению многих респондентов, главными причинами урбанизации являются объективная трудность получения достаточно хорошо оплачиваемой работы в современном абхазском селе и уже сформировавшийся среди молодого поколения абхазов стереотип престижности жизни в городе. Весомую, но подчинённую роль все собеседники придавали и проблеме организации досуга молодёжи в селе, особенно если в нём осталось мало молодых людей. Несомненно, все названные выше три фактора действительно обуславливают продолжающийся процесс отъезда абхазских юношей и девушек из сёл в города, тем более что ныне мощно проявляется ещё и фактор притяжения городов – там у большинства уже есть близкие родственники, которые готовы помочь в поиске работы, а на первых порах и с жильём. Большую роль играет также престижность получения хорошего образования, особенно высшего или среднего специального. Но в процессе учебы молодые люди, живя в городе у родственников, обычно хорошо осваиваются там, а потом и находят работу, так что возвращение в родное село сначала как минимум откладывается, а потом и вовсе не рассматривается как желательная перспектива.

Интересно отметить, что при вполне адекватном понимании причин урбанизации, что объединяет проживающих в абхазском селе людей старшего и более молодого возраста, они резко различаются во взглядах на то, почему молодёжь в массе своей не считает работу на сельской усадьбе с целью продажи сельскохозяйственной продукции желательной для себя перспективой в жизни. Старики в доверительном разговоре обычно достаточно резко говорят о том, что молодые люди «обленились» и «брезгуют физическим трудом на земле или со скотом», сравнивая это положение с поздним советским периодом, когда многие юноши и девушки, оканчивавшие сельскую школу, считали такой труд для себя вполне приемлемым. Люди среднего поколения обычно оценивают ситуацию несколько мягче, но тоже акцентируют внимание именно на чувстве некой отчужденности молодёжи от сельского образа жизни и соответствующих видов труда.

Молодые же сельские жители, в силу ряда семейных причин ещё остающиеся в селе, но в принципе тоже ориентированные на последующий переезд в город, обычно указывают, что работа на усадьбе ради

производства на продажу сельскохозяйственной продукции не только тяжела физически, но и в первую очередь не гарантирует доходов даже в случае хорошего урожая или приплода скота. Действительно, нельзя не признать, что слишком многое ныне зависит от скупщиков (приедут ли они во время), от ценовой конъюнктуры (при высоком урожае закупочные цены заметно падают и потому общий доход даже может быть меньше при намного больших трудозатратах, чем в средний по итогам год), от того, удастся ли собраться нескольким соседям и родственникам и вместе нанять грузовик для перевозки продукции к закупщикам на рынок в городе (обычно в Сухуме), и т.п. привходящих и принципиально не предсказуемых моментов. Поэтому в качестве идеала для очень многих молодых людей ныне выступает наёмный труд, когда за определенные трудозатраты пунктуально следует заработная плата в заранее согласованных размерах. В откровенных разговорах молодые люди подчеркивают, что их позиция ничего общего не имеет с «ленью» или «брезгливостью по отношению к тяжелому физическому труду», и что они вполне готовы работать в городе на стройке, например. Видимо, это уже сформировавшаяся установка, кстати, типичная для современного общества с урбанистической культурой, и потому оживить абхазское село может только появление очень крупных агрофирм, способных взять на себя все коммерческие риски и, подобно советским совхозам, выплачивать фиксированную зарплату своим работникам, живущим в селе.

О теснейшей связи абхазов, ставших в недавние годы горожанами, со своими родными селениями и проживающими там родственниками, говорит ещё один феномен, вероятно, уникальный именно для современной Абхазии. Видимо, в этой связи можно даже говорить об особом состоянии «полу-урбанизации» абхазов, при котором грань между городскими и сельскими жителями крайне размыта и условна, поскольку многие люди, имеющие основное жильё в городе, большую или очень значительную часть своих трудозатрат вкладывают в сельское хозяйство на усадьбах близких родственников и получают именно там соответствующую часть своих доходов. С другой стороны, как и в других регионах продолжающейся урбанизации, значительная часть сельских жителей Абхазии фактически уже большую

часть времени проводит в городе и именно там имеет основную работу и главный либо весомый источник доходов, а сельским хозяйством на своей усадьбе занимается преимущественно с целью производства продуктов питания для семьи.

Итак, значительное большинство жителей современной Абхазии, реально и формально переехавших из села в город, так или иначе оставляет за собой возможность пользоваться сельским домом и приусадебным участком, причём некоторые из них продолжают заниматься сельским хозяйством не менее активно, чем собственно сельские жители. Например, в селении Джгерда Очамчирского района на начало 2005 г. официально числилось всего 232 хозяйства, или 805 человек, в том числе 752 абхаза. Но среди абхазов ещё 37 мужчин и 12 женщин, или 12% от живущих здесь постоянно лиц работоспособного возраста (то есть от 405 человек абхазов Джгерды в возрасте от 18 до 59 лет включительно), в действительности регулярно и очень часто приезжали в это селение и активно, постоянно занимались сельским хозяйством на приусадебных участках своих родителей или, реже, дедушек и бабушек, с целью последующей продажи сельскохозяйственной продукции и получения денежных доходов.

Аналогичное явление зафиксировано и в сел Хуап Гудаутского района, где в середине 2006 г. регулярно работали на приусадебных участках родственников и производили сельскохозяйственную продукцию в товарных количествах, то есть на продажу, 12 зарегистрированных в городах мужчин-абхазов, что составляет примерно 5% от числа всего местного взрослого работоспособного населения в возрасте 18-59 лет, или 9% от численности мужчин данного возраста, прописанных в самом Хуапе.

Необходимо подчеркнуть, что речь в указанных случаях идёт не просто о родственниках сельских жителей, которые периодически приезжают к ним в село из города и при этом эпизодически помогают по хозяйству. Последних в Джгерде или Хуапе, как и в любом другом абхазском селении, неизмеримо больше, ибо практически все городские абхазы очень тесно связаны со своими родовыми селами и остающимися в них родственниками. Но в данном случае названные выше люди именно работают в сельском хозяйстве на постоянной

основе и получают от него, таким образом, значительную или даже большую часть своих личных доходов, хотя при этом официально числятся горожанами, прописанными в Сухуме, Гудауте или Очамчире.

С другой стороны, в той же Джгерде среди местных абхазов ещё 19 мужчин и 14 женщин (8% от числа лиц в возрасте от 18 до 59 лет) лишь числятся прописанными в селе, хотя реально большую часть своего времени проводят в городе и приусадебным хозяйством серьёзно, то есть с целью производства на продажу излишков сельскохозяйственной продукции, не занимаются. В Хуапе также 12 мужчин и 6 женщин, или около 7% работоспособного населения этого села, реально живут и работают в городах, а в селе приусадебным хозяйством с целью получения от него денежных доходов практически не занимаются.

Наконец, в самые последние годы благодаря бурному развитию российского туризма и высокому сезонному спросу на рабочие руки в приморской курортной зоне Абхазии (от Гагры до Сухума) заметная часть жителей, особенно из наиболее отдаленных горных селений, превратилась во временных трудовых мигрантов. Так, из вышеупомянутого Хуапа, от которого до Гудауты около 20 км не очень хорошей в своей горной части дороги, которая к тому же в дождь или в снегопад становится очень тяжелой либо вовсе непроезжей для легковых автомобилей, в курортный сезон на заработки в приморскую зону регулярно выезжают 20 мужчин и 5 женщин, что составляет около 10% работоспособного населения села. Эти люди весь курортный сезон (не менее 3-х месяцев, то есть в июле-сентябре, а иногда и дольше, то есть с середины июня и до начала октября) живут и работают в приморских городах и посёлках вдали от дома, лишь изредка навещая родных. При таком образе жизни они тоже в большинстве своём не производят в селе сельскохозяйственную продукцию в значительных размерах на продажу.

Сходную картину можно видеть и в Калдахуаре, где в курортную зону на заработки на весь сезон выезжают 65 человек, или примерно 8% от всего, а не только работоспособного, населения этого села. Эти внутриреспубликанские трудовые сезонные миграции из наиболее отдалённых сёл в курортные города и посёлки приобретают всё больший размах по мере дальнейшего развития российского туризма и роста доходов у лиц, занятых в этой сфере экономики Абхазии.

Приведённые выше и проиллюстрированные количественными данными примеры различных форм урбанизации современных абхазов дают основание считать, что ныне мы наблюдаем переломный момент в развитии абхазской народной культуры – из ещё недавно преимущественно сельской она превращается в переходную, сельско-городскую, и роль элементов общемировой урбанистической культуры, преимущественно в их российских формах, будет в ней только нарастать.

Социально-демографические особенности современного абхазского села

Урбанизация не просто уменьшила общую численность жителей абхазских сёл, но изменила их возрастной состав[18] и тем самым привела к серьёзной трансформации структуры домохозяйств, так как в города выехали в первую очередь люди молодого или среднего возраста. Поэтому в сёлах существенно выросла доля хозяйств, состоящих только из совместно проживающих либо одиноких лиц пенсионного возраста (от 60 лет и старше) при параллельном сокращении доли домохозяйств, в составе которых имеется полная семья. Последнее – условное понятие, обозначающее семейную пару, в которой каждый из супругов находится в возрасте от 18 до 59 лет и при этом не имеет инвалидности, то есть вполне работоспособен в сельском хозяйстве, и у которой непременно есть хотя бы один ребёнок в возрасте до 17 лет включительно (школьник либо дошкольник). Очевидно, что чем выше пропорция домохозяйств с такого рода полными семьями в селе, тем лучше демографическая структура сельского населения, тем выше демографический потенциал и тем лучше дальнейшие перспективы существования данного села.

Значительный интерес представляет анализ динамики состава и среднего размера абхазских домохозяйств, в частности, на примере обследованных сел Джгерда и Лыхны (табл. 1). К этим данным можно

лишь добавить, что в Дурипше в 1990 г. было 170 абхазских хозяйств с полными семьями (средний размер семьи – 5,8 человека), а в Члоу – 210 хозяйств (4,8 человека), но к 2003 г. таких осталось всего 81, или только 16% среди всего количества абхазских домохозяйств в Члоу.

Таблица 1

Изменения в составе и размерах абхазских сельских домохозяйств в 1990-2005 гг.

Типы домохозяйств		с. Джгерда		с. Лыхны[19]	
		1990 г.	2005 г.	1990 г.	2005 г.
Хозяйства	Всего	253	211	264	257
	средний размер (чел.)	3,9	3,5	4,6	4,2
В т.ч. хозяйства, включающие полные семьи	Всего	97	51	122	89
	доля в селе	38%	24%	46%	35%
	средний размер (чел.)	5,4	5,7	6,4	5,8
В т.ч. хозяйства, состоящие из двух человек	Всего	39	26	29	29
	доля в селе	15%	12%	11%	11%
	в том числе из двух пенсионеров	21	22	8	2
	доля в селе хозяйств из двух пенсионеров	8%	10%	3%	0,8%
В т.ч. хозяйства, состоящие из одного человека	Всего	33	51	20	51
	доля в селе	13%	24%	7,6%	20%
	в том числе из одного пенсионера	23	31	8	32
	доля в селе хозяйств из одного пенсионера	9 %	15 %	3 %	12,5 %

Как видно, в обоих сёлах снизилось общее количество абхазских домохозяйств и их средние размеры, а в их составе явно прослеживается падение доли тех хозяйств, которые включают полные семьи с детьми (на 10%–15%) при одновременном заметном росте удельного веса хозяйств одиноких пенсионеров (на 6%–9%). Динамика абсолютных показателей имеет ещё более четко выраженный и драматичный

характер: количество хозяйств одиноких пенсионеров выросло в масштабах от 1/3 до 4 раз, тогда как количество хозяйств с полными семьями и детьми упало на 30% – 50% от их числа в 1990 г.

Собственно говоря, табл. 1 представляет одно из многих доказательств высказанного ранее тезиса о быстром старении абхазского сельского населения, что объясняется отъездом молодёжи и лиц среднего возраста в сочетании со значительным падением рождаемости.

Данные по структуре домохозяйств в постсоветский период (табл. 2) свидетельствуют, что буквально в каждом обследованном селе уменьшилось общее количество домохозяйств с полными семьями, а в Лыхны – их доля в изученной выборке. Одновременно везде, кроме Хуапа, возросло количество или, в случае Лыхны, доля хозяйств, состоящих только из пенсионеров, подтверждая сказанное выше.

Таблица 2

Динамика структуры абхазских домохозяйств в постсоветский период

Показатель / Селение	Год	Общее количество абхазских хозяйств	Хозяйства, состоящие только из лиц 60 лет и старше	Хозяйства, включающие полные семьи с детьми
Члоу	1990 г.	н.д.	н.д.	210 хоз.
	2003 г.	488 хоз.[20]	н.д.	81 хоз. – 17%
Джгерда	1990 г.	н.д.	н.д.	97 хоз.
	2005 г.	211 хоз.	56 хоз. – 27%	51 хоз. – 24%
Лыхны (по выборке, ≈30% населения)	1990 г.	-	6%	46%
	2005 г.	-	14%	35%
Хуап	1997 г.	161 хоз.	25 хоз. – 16%	50 хоз. – 31%
	2006 г.	131 хоз.	19 хоз. – 15%	46 хоз. – 35%
Калдахуара	1996 г.	218 хоз.	30 хоз. – 14%	76 хоз. – 35%
	2006 г.	217 хоз.	41 хоз. – 19%	69 хоз. – 32%
Бармыш	1986 г.	196 хоз.	10 хоз. – 5%	64 хоз. – 33%
	1994 г.	98 хоз.	29 хоз. – 30%	18 хоз. – 18%

При анализе данных вышеприведенных таблиц, правда, следует иметь в виду, что приведённые цифры не вполне корректно отражают

реальность. Дело в том, что в целом ряде случаев со стариками в селе периодически, а то и практически постоянно проживают их молодые родственники, формально зарегистрированные в городских квартирах или домах (например, если те были разрушены во время войны, а материальных возможностей до конца отремонтировать их пока ещё нет). Более того, и реальная доля полных семей в сёлах тоже несколько занижена в силу той же самой причины – нередко один из супругов зарегистрирован в городе, а другой – в селе, тем самым создавая впечатление распада брачного союза, который на самом деле сохранился и реально семья проживает совместно, будь то в городе или же в селении (а часто – чередуя место жительства по сезонам года, проводя лето с детьми в селе и уезжая с ними в город на период их обучения в школе). К сожалению, масштабы подобных искажений установить так и не удалось.

Вследствие такого положения вещей корректно определить соотношение городского и сельского населения среди современных абхазов, равно как и их точную численность в республике, практически невозможно. Причём наиболее вероятно статистическое завышение общей численности абхазов, так как при подобных обстоятельствах один и тот же человек может быть учтён дважды – по месту реального проживания в родовом селе и по месту формальной регистрации в городе.

Однако эти проблемы статистического учёта населения не опровергают главного вывода – отток жителей из абхазского села после войны 1992-1993 гг. действительно произошёл и был достаточно массовым.

Этот вывод вполне подтверждается также данными о количестве и доле хозяйств, заброшенных после войны 1992-1993 гг. (табл. 3).

Анализируя данные этой таблицы, необходимо учесть, что в неё, естественно, вообще не вошли сведения о тех грузинских (в подавляющем своём большинстве мегрельских) хозяйствах, откуда люди бежали во время войны, бросив свои дома и усадьбы. Но какая-то часть грузин, преимущественно пожилых, осталась в этих (и многих других) сёлах и поэтому их хозяйства, как и немногочисленные хозяйства турок (Джгерда), отдельные хозяйства армян или русских (Дурипш, Лыхны, Калдахуара), тоже включены в соответствующую графу табл. 3. Разумеется, в эту же графу входит и довольно заметное количество этнически смешанных хозяйств (прежде всего абхазо-грузинских, а также абхазо-турецких, абхазо-армянских, абхазо-русских и других).

Таблица 3

Количество и доля абхазских хозяйств, заброшенных после войны 1992-1993 гг.

Селение	Год	Официальное количество хозяйств в селе (включая покинутые хозяевами-абхазами)	Количество абхазских хозяйств, оставленных после 1993 г.	Доля покинутых абхазских хозяйств в селе
Члоу	2003 г.	498 хоз.	10 хоз.	2%
Джгерда	2003 г.	259 хоз.	11 хоз.	4%
Дурипш	2003 г.	572 хоз.	38 хоз.	7%
Хуап	2006 г.	147 хоз.	20 хоз.	14%
Калдахуара	2006 г.	251 хоз.	9 хоз.[и]	4%

Порой бывает непросто определить, является ли то или иное хозяйство «брошенным» или нет. Так, практически всегда городские родственники периодически посещают захоронения своих близких в селе и, например, окашивают тот участок усадьбы, где расположены могилы, а также поправляют изгороди в этом месте и т.п. Бывают также случаи, когда люди уже не живут в сельском доме и он действительно заброшен, но тем не менее сама усадьба не является полностью заброшенной, так как туда периодически приезжают наследники, останавливаясь по соседству у родственников, и обрабатывают часть земли для получения и продажи, например, ореха-фундука, или же для выращивания для себя кукурузы. Таким образом, приводимые в табл. 3 количественные данные тоже несколько условны, хотя и далеко не в такой степени, как сведения о составе хозяйств и их населении из табл.1, 2.

Итак, в каждом из обследованных исторически абхазских селений уже после войны 1992-1993 гг. были покинуты некоторые хозяйства. При этом наибольшее их количество было оставлено в Хуапе и Дурипше – видимо, потому что эти сёла с полным правом можно назвать

горными (что ограничивает набор выращиваемых в них сельскохозяйственных культур и, в частности, исключает мандарины) и потому что именно они наиболее плохо связаны в транспортном отношении с приморскими городами (Гудаутой и Сухумом). Так как крайне сложно сочетать работу или регулярные приработки в городе с проживанием в этих сёлах, то часть их жителей окончательно выехала в более экономически развитые районы Абхазии, то есть прежде всего в города, но отчасти и в приморские селения, лежащие на автотрассе и железной дороге Сухум – Гагра – Адлер.

С другой стороны, расположение основной части кварталов села Лыхны на равнине в непосредственной близости от города Гудаута и основного республиканского шоссе сильно тормозит отток населения из этого многолюдного села, так как многие из его жителей работают в Гудауте, приезжая туда на работу обычным рейсовым автобусом, а из некоторых окраинных кварталов-ахабл – приходя пешком. Именно поэтому, наверное, в центральных кварталах Лыхны нет покинутых абхазских домохозяйств, но зато зафиксированы случаи переезда из горного Хуапа не только в Гудауту (4 человека в 2000-2005 гг.), но и в Лыхны (молодая ещё бездетная супружеская пара в тот же период времени).

Однако в последние годы наблюдался не только ускоренный отток абхазского населения из наиболее отдалённых горных селений. Одновременно шёл и процесс концентрации жителей отдельных селений в их центральных или лучше обеспеченных дорогами и транспортным обслуживанием частях. Вообще для абхазов традиционно было характерно очень разбросанное расселение, когда на обширной территории, считающейся ныне официально одним селением, отдельные дома или группы домов родственников перемежаются горными ручьями и реками, заросшими лесом оврагами, участками полей или плантаций.

Такова, например, широко раскинувшаяся в низкогорьях и на предгорной равнине Джгерда, соединённая асфальтированной дорогой длинной около 15-20 км с приморской автотрассой Сухум – Очамчира. К ней ещё в советские годы была административно присоединена территория лежавшего в соседних горах села Ахауца, в состав которого, наряду с другими отдельно стоявшими кварталами-ахаблами, входил

и Чегем, прославленный его знаменитым уроженцем писателем Фазилем Искандером. Однако именно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. кварталы-ахаблы Ахауцы, равно как и окраинные горные части самого села Джгерда, отрезанные от его центра и главной сельской дороги реками или оврагами и ручьями, через которые автомашины должны были проезжать вброд, окончательно обезлюдели.

Таким образом, в постсоветский период произошла весьма существенная трансформация системы расселения абхазов, до того мало менявшаяся на протяжении более чем целого столетия, прошедшего с конца эпохи махаджирства. В первую очередь речь идёт, конечно же, о массовой урбанизации абхазов. Но также важно упомянуть и о частичном перетекании абхазского сельского населения из окраинных и самых труднодоступных в транспортном отношении частей селений в их центральные кварталы и из наиболее отдалённых горных сёл – в равнинные приморские, почти полностью разрушенные и практически обезлюдевшие в ходе и сразу после войны 1992-1993 гг.

* * *

Подводя итог сказанному выше, хочется подчеркнуть в первую очередь то, что в последние полтора десятилетия процесс урбанизации абхазов зашёл очень далеко и сложившиеся в массовом сознании в тяжелейшие 1990-ые гг. соответствующие стереотипы не благоприятствуют расцвету абхазского села.

Молодежь в большинстве своём по-прежнему ориентирована на выезд в города, несмотря на то, что ныне с экономической точки зрения занятие сельским хозяйством на приусадебном участке позволяет получать гораздо более значительные доходы, чем работа в городе в бюджетной сфере, и что вследствие этого очень многие горожане вынуждены обрабатывать приусадебные участки своих сельских родственников на регулярной основе. Тем не менее процесс старения, а во многих случаях и депопуляции сельского абхазского населения продолжается. Даже среди остающихся в сельской местности людей молодого возраста многие считают это временным и вынужденным явлением, рассчитывая в последующем найти постоянную работу и жильё в городе и переехать туда, и потому не торопятся создавать в

своём селе семью и начинать развивать собственное крестьянское хозяйство.

При сложившихся в современной абхазской народной культуре стереотипах восприятия сельского и городского образов жизни демографическое возрождение абхазского села вряд ли возможно при сохранении нынешних тенденций существования основной части сельского населения за счёт приусадебного хозяйства и дальнейшего развития этого по сути мелкотоварного крестьянского производства в условиях абсолютно нерегулируемого рынка. Видимо, лишь появление в Абхазии крупных производителей сельскохозяйственной продукции, способных предоставить сельским жителям гарантированный постоянный и достойный заработок, а также дальнейшее развитие социальной инфраструктуры (дороги и транспорт, больницы, школы и т.п.) и организация досуга молодёжи в сельской местности смогут предотвратить начавшийся демографический упадок в абхазском селе.

---

1 Здесь и далее приводятся сведения из хранящихся в личном архиве Полевых материалов автора: Полевая тетрадь № 9 (июль – август 2003 г.: сёла Члоу, Джгерда, Лыхны, Дурипш; август 2004 г.: село Члоу); Полевая тетрадь № 10 (август 2004 г.: сёла Члоу, Дурипш; август 2005 г.: сёла Джгерда, Лыхны; август 2006 г.: сёла Хуап, Калдахуара, Бармыш).

2 Ямсков А.Н. Социально-экономическая ситуация в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. Ред.: Дубова Н.А., Козлов В.И., Ямсков А.Н. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 81-102.

3 Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Соловьёва Л.Т., Ямсков А.Н. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов // Абхазы. Серия «Народы и культуры». Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М.: Наука, 2007. С. 476-526.

4 Обработка и анализ записей из похозяйственных книг стали возможными только благодаря большой помощи со стороны сотрудников сельских администраций (в прошлом – сельсоветов), неоднократно дававших ценные пояснения по поводу содержащихся в этих книгах сведений и точности последних. Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность за содействие в работе управляющим делами или, говоря по старому, секретарям сельских администраций О.С. Ашубе (Джгерда), З.М. Гумбе (Дурипш), Э.И. Адлейба и Л.К. Гантария (Члоу), З.В. Цкуа (Лыхны) и сотруднику сельской администрации Б.Р. Тхамушеву (Калдахуара), а также

главам сельских администраций А.Р. Анквабу (Хуап), З.Б. Адлейбе (Члоу), Т.С. Логуа (Джгерда), С.К. Цимцбе (Бармыш), П.Г. Таркилу (Дурипш) и З.Г. Симсиму (Калдахуара). Однако всё сказанное в данной работе о социально-экономическом положении в абхазских сёлах отражает именно и только точку зрения автора, который и несёт за это полную ответственность.

5 Очень большую роль в подготовке данной работы сыграли сведения, сообщенные мне жителями обследованных сёл, и всем им я выражаю свою самую искреннюю признательность и благодарность за помощь в работе и гостеприимство. Особенно важное значение имело содействие, которое оказали мне в селе Члоу – С.Д. Ахуба, 1930 г. рождения; И.М. Ахуба, 1979 г. рожд.; С.К. Инапшба, 1929 г. рожд.; Дж.С. Ахуба, 1921 г. рожд.; А.К. Шалашава, 1928 г. рожд.; С.Дж. Джопуа, 1923 г. рожд.; в селе Дурипш – К.М. Таркил, 1931 г. рожд.; Д.В. Тванба, 1956 г. рожд.; в селе Джгерда – А.Т. Ашуба, 1933 г. рожд., и его сын Р.А. Ашуба, 1969 г. рожд.; И.А. Ашуба, 1933 г. рожд.; К.К. Жанаа, 1936 г. рожд.; С.Ш. Джинджолия, 1956 г. рожд.; в селе Лыхны – С.М. Шакрыл, 1937 г. рожд.; Р.Б. Бигвава, 1961 г. рожд.; в селе Хуап – Д.М. Зантария, 1963 г. рожд.

6 Под лицами «работоспособного возраста» здесь и далее по тексту понимаются представители обоих полов от 18 до 59 лет включительно; соответственно, в когорту детей включены лица до 17 лет включительно, а в категорию пенсионеров – лишь те, чей возраст составляет 60 лет и более. Подобная группировка в возрастные когорты, подчёркнутая выбором особого термина, несколько лучше отражает реалии сельской жизни, так как учитывает, что в одиннадцатилетней средней школе большинство подростков обучается до 17 лет, а сельские женщины в возрасте 55-59 лет практически никогда не оставляют рабочее место и, естественно, не прекращают трудиться на приусадебном участке. В современной Абхазии трудоспособным населением официально считаются мужчины в возрасте 16-59 лет и женщины в возрасте 16-54 лет – см.: Гумба Ю.С. Проблема занятости в Абхазии в условиях перехода к рынку. Сухум, 2000. С. 12, 45.

7 Здесь и далее сведения по селу Лыхны приводятся на основе анализа выборки, состоящей из 1844 человек абхазского населения центральных кварталов Аджимчира, Хецкуара и Алгыт. Всего в с. Лыхны в начале 2005 г. проживало около 5 тыс. абхазов, а на рубеже 1980-х – 1990-х гг. – 7,1 тыс.

8 Под «фактически безработными» в данном случае и далее по тексту понимаются все лица работоспособного возраста, у которых по состоянию на середину 2000-х гг. отсутствует запись о месте работы или занимаемой должности, указано «не работает» или «безработный» либо, у женщин, – «домохозяйка» или «на иждивении». Подобный подход оправдан тем, что в поздний советский период запись о месте работы или занимаемой должности отсутствовала практически только у молодых людей, в силу обстоятельств ещё не начавших работать либо, что бывало гораздо чаще, просто не успевших сообщить об этой своей первой постоянной работе в

сельсовет. В то время «домохозяйки» составляли только 1% (Бармыш), 2% (Джгерда) и максимум 6% (Лыхны) от общей численности лиц работоспособного возраста обоего пола, тогда как в сёлах Члоу и Дурипш их вообще в 1990 г. не было. Напротив, многие фактически безработные женщины были указаны как «домохозяйки» или «иждивенки» в 2003 г. в Джгерде (15% от численности лиц обоего пола в работоспособном возрасте) и в 2006 г. в Хуапе (18%), тогда как в Дурипше и Лыхны они составляли по 1%, а в Члоу вообще не были отмечены.

9 Как уже было отмечено выше, в поздний советский период в большинстве случаев лишь у молодых людей, только что окончивших школу либо вернувшихся со службы в армии, в похозяйственных книгах могло отсутствовать упоминание о месте работы. Такие лица в 1990 г. среди работоспособного населения сёл составляли 17% в Члоу, по 12% в Джгерде и Дурипше, и 26% в Лыхны, где и в этом отношении сказывалось соседство с Гудаутой и уже появившаяся к тому времени возможность работать в различных кооперативах и т.п. соседнего курортного города.

10 Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 57-58.

11 Дополнительные сведения о приусадебном хозяйстве и обусловленном им рационе сельских абхазов см.: Григулевич Н.И. Абхазская модель питания: традиции и инновации // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 103-128.

12 Об этом см. подробнее: Григулевич Н.И. Проблема долгожительства и традиции винопития в Абхазии // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 129-157.

13 Подобный методический приём выделения для анализа уровня благосостояния сельского населения только так называемых «полных семей» с обоими супругами работоспособного возраста и детьми или хотя бы одним ребёнком школьного либо дошкольного возраста был впервые предложен и использован автором во время работ в полиэтничных русско-башкирско-татарских районах Приуралья; его более подробное описание и научное обоснование см.: Ямсков А.Н. Методы изучения этносоциальной поляризации // Методы этноэкологической экспертизы. Отв. ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 201-214.

14 Более подробно об этом см.: Ямсков А.Н. Социально-экономическая ситуация в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 93-100.

15 Об этом см. также: Канделаки Д.А., Хашба А.Ш. Трансформация половозрастной структуры сельских абхазов в постсоветский период // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 78-79.

16 Абхазия в цифрах. Сухум: Управление государственной статистики Республики Абхазия, 2005. С. 16.

17 Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика. Нальчик: изд. «Полиграфсервис и Т», 2007. С. 24, 25.

18 О численности, возрастном и половом составе жителей обследованных селений и динамике этих показателей в постсоветский период см. подробнее собранные Н.А. Дубовой данные и проведённый ею анализ в следующих работах: Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 44-46, 49-56, 59-63; Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Соловьёва Л.Т., Ямсков А.Н. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов. С. 476-526.

19 В данном случае анализируется выборка в размере 1072 человека абхазов, в 2005 г. составлявших население центральных кварталов Хецкуара и Алгыт (из всего примерно 5 тыс. абхазов, проживавших в селе Лыхны в начале 2005 г.); сведения на 1990 г. взяты по тем же двум кварталам.

20 В данном случае в это число включены и несколько неабхазских (преимущественно грузинских, точнее – мегрельских) либо этнически смешанных абхазо-грузинских хозяйств.

21 Минимальная оценка, так как всего в Калдахуаре было заброшено 16 домохозяйств. Точную долю среди них абхазских хозяйств установить не удалось. Но в 9 из них у главы семьи была исконно абхазская фамилия. Впрочем, поскольку у многих абхазов фамилии ныне звучат аналогично мегрельским, то, скорее всего, общее количество покинутых абхазских хозяйств в Калдахуаре заметно больше, чем 9.

Н.И. Григулевич

ЗАСТОЛЬЕ И КУЛЬТУРА ВИНОПИТИЯ В АБХАЗИИ[1]

Вино, водка, шампанское, пиво, горилка, чача, виски, коньяк, бренди, абсент, текила, писко, ром, другие алкогольные напитки, известные, и не очень. Как их употребление различается в профанных и сакральных традициях разных народов? Почему у одних все, что связано с алкоголем, носит скорее негативный характер (алкоголизм, плохая наследственность, преступления на бытовой почве и т.д.). Другие, напротив, выработали способы употребления алкоголя, сводящие его вред к минимуму, а пользу, в частности, для здоровья – к максимуму? В данной статье мы попытаемся если не ответить на все эти вопросы, то хотя бы обозначить пути их решения.

В наших предыдущих публикациях[2] была охарактеризована система питания абхазов в целом. В данной работе рассматриваются только этнографические и биологические аспекты винодельческой культуры современной сельской Абхазии.[3]

Исторически сложилось так, что первоначально все абхазы были крещены (в VI в. император Юстиниан Великий завершает процесс христианизации древнеабхазских племен[4]), но позднее, под влиянием Турции, некоторые начали постепенно принимать ислам. В 1860-1870-х гг. значительная часть абхазов переместилась на территорию современной Турции *(махаджирство),* где среди них закрепились мусульманские традиции. Затем многие из них вернулись в Абхазию и по-прежнему продолжают считать себя мусульманами.

Реальность же такова, что многие абхазы, как христиане, так и мусульмане, являются таковыми в своем большинстве чисто формально. Как показывают наши полевые материалы, зачастую они не посещают храмов (или посещают их эпизодически), не соблюдают постов и не отправляют религиозных треб. Лишь небольшой процент из них венчается и крестит детей или справляет свадьбы, следуя христианским (православным) или мусульманским канонам.

Напротив, языческие обряды соблюдаются всеми без исключения абхазами, считающими себя как христианами, так и мусульманами. Приверженность большинства жителей Абхазии языческим верованиям своих предков,[5] по всей видимости, и объясняет их этноконфессиональную толерантность (фактически большинство из них исповедует одну и ту же веру – язычество). Иногда в Абхазии святилища, как родовые, так и общеабхазские, расположены рядом с древними христианскими храмами, о чем более подробно будет сказано ниже.

Виноградарство и виноделие в Абхазии

На территории Абхазии виноградарство и виноделие фиксируется с древнейших времен. Так, в 1958 г. в ходе раскопок на Сухумской набережной в эллинистическом слое (IV-II вв. до н.э.) были выявлены косточки одного из древнейших сортов винограда, дошедшего до наших дней и известного в Абхазии, как *«Качич» или «Акачич»*.[6] Там же были найдены фрагменты керамических сосудов, использовавшихся для хранения и транспортировки вина. Обломки крупных глиняных кувшинов, в которых вино хранилось две с половиной тысячи лет назад, были обнаружены также на Сухумской горе.[7] Это, как правило, амфоры с высоким цилиндрическим горлом.

Древняя земля Колхиды показывает нам пример гармоничных отношений человека и виноградной лозы. Алкоголь (виноградное вино и виноградный или фруктовый самогон, или *чача*) здесь лишь средство, помогающее оттенить и без того теплые и искренние отношения между людьми. Отметим здесь, что чача – это скорее самогон из виноградных выжимок, а не водка. Дело в том, что само слово «водка» свойственно только русскому языку и является коренным русским

словом, нигде более не встречаемым. Поэтому применять его можно только к исконно русским напиткам.[8]

Многовековые традиции возделывания в Абхазии виноградной лозы дошли до наших дней почти неизменными. Старинными, дедовскими методами почти в каждой семье производят виноградное вино и чачу. Способы хранения вина в деревянных бочках и глиняных кувшинах, закопанных в землю, также сохранились с древних времен (рис. 1).

Но все это можно встретить и в других закавказских и северо-кавказских республиках и странах. Вино и домашняя водка – это больше, значительно больше, чем алкогольный напиток, если речь идет об Абхазии. Это скорее образ жизни. Это сложный ритуал, который относится не только к сакральным торжествам. Все праздники (семейные, клановые, общественные) сопровождаются сбором гостей, которые за угощением поднимают многочисленные тосты и, в соответствии с принятыми традициями, выпивают сравнительно большое количество виноградного вина. И, несмотря на это, Абхазия на протяжении многих десятилетий двадцатого века справедливо признавалась одной из немногих стран с высокой и подтвержденной научно долей долгожителей в популяции.

Начиналась работа по изучению долгожительства как раз в Абхазии, силами, в основном, сектора этнической экологии и сотрудников других отделов Института этнографии АН СССР. Развал Советского Союза в начале 1990-х гг. и последовавшие за ним многочисленные локальные конфликты, резкое сокращение финансирования научных исследований привели к почти полной приостановке полевых работ на Кавказе вообще и в Абхазии, в частности.

В 2003 г. сектор этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН возобновил полевые исследования в Абхазии.[9] В ходе полевых работ 2003-2006 гг. было показано, что в Абхазии количество долгожителей по сравнению с 1970-1980 гг. существенно сократилось, но от этого сам феномен долгожительства не перестал быть менее привлекательным и загадочным. Было установлено, что долгожительские когорты во всех селах уменьшились приблизительно в два раза. Особенно это касается мужчин. В селах Дурипш и Джгерда вообще не осталось мужчин старше девяноста лет. Общий индекс долгожительства (отношение числа лиц 90 лет и старше к числу лиц 60 лет и старше) упал в три раза. Напротив, численность когорты старше шестидесяти лет увеличилась.[10] Действительно, долгожителей в целом стало меньше, но состояние их здоровья, физическая и психическая сохранность весьма удовлетворительны, и они по традиции ежедневно в умеренных количествах пьют вино и водку домашнего приготовления.

Итак, в чем же секрет долгой жизни? Экологические условия, традиционное питание, близость к природе, режим труда, бережное сохранение обычаев и обрядов, почитание старших, любовь и взаимное уважение членов семьи и рода, эмоциональная и психологическая поддержка близких – где тот золотой ключик, который позволяет человеку жить если и не триста лет, как сказочной черепахе Тортилле, то хотя бы сто? И самое главное, не просто жить, а до преклонных лет, как мы это наблюдаем у абхазских долгожителей, сохранять поразительную трудоспособность, жизнерадостность, энергию, интерес к жизни и, наконец, здоровье? Попробуем ответить хотя бы на некоторые из этих вопросов.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. XX в. индекс долгожительства в Абхазии более чем вчетверо превышал общесоюзный показатель и являлся самым высоким в Советском Союзе. Именно поэтому Абхазия была выбрана первой территорией, на которой начинались комплексные междисциплинарные исследования феномена долгожительства на Кавказе. Тогда же исследователи впервые обратили внимание на тот факт, что в Абхазии употребляют довольно много виноградного вина, как в повседневной жизни, так и по особым случаям. При этом бросалось в глаза, что алкоголизм или патологическое влечение к алкоголю встречаются в Абхазии достаточно редко и исключительно среди представителей сильного пола.

В XIX в. в Абхазии по разным данным насчитывалось от пятидесяти до шестидесяти сортов винограда.[11] Одни сорта были чисто столовыми, другие шли на приготовление собственно вина, третьи использовались для улучшения окраски, аромата и крепости вин. Р.К. Чанба особенно подчеркивает тот факт, что обычай возделывания многочисленных сортов винограда продержался в Абхазии на протяжении

всего трехсотлетнего периода турецкого владычества, что, безусловно, свидетельствует о необычайно глубоком укоренении этой культуры в национальных земледельческих традициях.[12]

Абхазы считают свои старые, местные сорта лучше привозных. Особого внимания заслуживают местные винные сорта винограда (Vitis vinifera L.) с черными ягодами – Акасаж, Апапынжи, Агбиж, Амахапж, Лакумаа-рыжь, Амлаху, Качич и др. и с белыми – Ажкваква, Хакбиж, Авасырхва, Аглуаха и др.[13] Эти сорта сохранились, как правило, в отдаленных, преимущественно горных селениях. Они более прихотливы в уходе, но больше ценятся за вкусовые качества. Например, в селах Ачандара, Хуап и некоторых других, сохранился уже упоминавшийся выше местный сорт высокоствольного винограда Качич, который используют, прежде всего, для облагораживания менее качественных сортов, для улучшения вкуса и цвета готового вина. Особенно ценится виноград, выращиваемый в горных районах. На его высоком качестве сказывается все – горный климат, песчаные почвы, даже расположение рек. После эпидемии филоксеры виноградной, к которой местные сорта винограда оказались неустойчивы, значительная их часть погибла. Особенно пострадали виноградники прибрежной зоны.

Весьма древний (Р.К. Чанба датирует его средними веками), высокоствольный способ разведения виноградной лозы сохранился кое-где в предгорных селах Абхазии до наших дней (рис. 4). Так, в 2005 г. мы видели сорт Качич в усадьбе Петра Квициниа в селе Атара Абхазская.[14] В условиях влажного и жаркого субтропического климата Абхазии способ выращивания винограда на деревьях, на высоте 25 м и выше, позволяет виноградным гроздьям получить наибольшее количество солнечных лучей и тепла, лучше проветриваться, меньше подвергаться воздействию влажности. По некоторым данным, это также снижало риск различных заболеваний виноградной лозы.[15] Следуя грузинской винодельческой культуре, абхазы и мегрелы со временем начинают возделывать виноградную лозу на кольях (шпалерах), в противовес более архаическому способу выращивания ее на деревьях (ольхе, хурме и др.) (рис. 5).

В 1840-х гг. в Абхазию через Одессу был завезен новый американский сорт столового винограда «Изабелла» – естественный гибрид

(Vitis labrusca x Vitis vinifera,)[16] повсеместно известный в Абхазии, как Акардан или Одесса. Благодаря своей устойчивости к заболеваниям, этот сорт начал интенсивно распространяться с 1870-х гг., и с тех пор является основным, дающим в Абхазии сырье для домашнего вина[17], вопреки своим сравнительно невысоким качествам, как столовым, так и винным.

Из Кахетинских сортов в Абхазии встречаются Саперави (единственный сорт с окрашенным соком, вино – одно из лучших в мировом ассортименте), и Ркацители, обладающие высокой урожайностью, в среднем до 80 центнеров с 1 га.[18] Белое вино из светлых сортов винограда характерно, преимущественно для грузинской культуры. В Абхазии грузины и мегрелы до конфликта 1992-1993 гг. выращивали белые сорта винограда в основном в районах, граничащих с Грузией (Гальский район). На этом сырье работал Сухумский винный завод. В настоящее время эти виноградники практически полностью погибли, и завод работает преимущественно на молдавском сырье.

Для грузин виноградная лоза издревле считалась древом жизни и плодородия, а вино, выжатое из его плодов, – священным напитком. Об этом свидетельствуют и археологические данные. «В святилище Катналисхеви вместе с косточками лоха (пшати) засвидетельствованы косточки винограда, т.е. факт поклонения священному напитку (вину), винограднику имеется уже со II тыс. На рубеже II и I тыс. в культовых помещениях селища Трелигобери часто рядом с алтарем и печью бывает обнаружен и «квеври» – кувшин для хранения вина, – свидетельство того, что виноградники являются объектом поклонения и таким же обязательным атрибутом семьи, каким были очаг и алтарь».[19] Особая легенда связывает виноградную лозу с именем святой девы Нино, просветительницы Грузии, чья память празднуется 14 января. «Согласно поверью, в IV в. знатная каппадокианка Нина, исполняя повеление явившейся к ней в видении Божьей матери, прибыла в Грузию, где начала проповедовать христианство. Одна из самых почитаемых грузинских святых, в день 14 января она собирала в Сионский собор огромную массу богомольцев, которые стремились лицезреть величайшую реликвию – крест просветительницы, представлявший собой две виноградные лозы, крестообразно скрепленные волосами,

по преданию, самой Нины».[20] Иконы святой Нины можно видеть во всех христианских храмах Абхазии, а виноградная лоза – это любимый декоративный мотив для их украшения.

Особенно славилась виноделием Бзыбская Абхазия, где культивировалось свыше пятидесяти местных сортов винограда, и где каждый хозяин заготавливал в год в среднем 300-400 ведер вина, а отдельные крестьяне – до 1800 ведер. По данным Кавказской опытной сельскохозяйственной станции, абхазское виноградарство и виноделие уже в 1836 г. имело промышленные масштабы. В стране ежегодно выделывалось до 50 000 ведер вина. Абхазские вина вывозились за пределы края: в Керчь, Таганрог, Анапу и другие города юга России.[21]

Технология изготовления вина в Абхазии в XIX в., в отличие от картвельских народов, носила сравнительно примитивный характер. Виноград засыпали в вырытые в земле ямы, выложенные листьями папоротника и оставляли на три-пять дней. Затем в таких же земляных ямах, обмазанных глиной, ногами давили виноград. После окончания брожения снимали «чачу» (груз. – виноградные выжимки) и жидкость сливали в глиняные кувшины, врытые в землю, или в деревянные бочки.[22] Использование чачи для перегонки водки абхазы, по некоторым данным, освоили, сравнительно поздно.[23] Постепенно технология производства вина усовершенствовалась: в длинном деревянном корыте спелый виноград мяли ногами, получившийся сок оставляли бродить на пять-семь дней и затем переливали в дубовые бочки и глиняные кувшины, закопанные в землю. Эти деревянные корыта-желоба до сих пор можно увидеть во многих абхазских усадьбах. Некоторые из них по-прежнему используются по назначению, а другие служат лишь напоминанием о былом времени.

Более древний и примитивный способ был и более трудоемким, и требовал применения больших людских ресурсов. Его преимущество состояло в том, что виноградный сок получался абсолютно чистым, без посторонних примесей. Этот эффект достигался благодаря тому, что когда виноград давили ногами, веточки, на которых крепятся ягоды и косточки, не разрушались и не попадали в сусло, из которого затем готовили вино. Таким образом, перебродивший сок, из которого затем получали вино, был совершенно свободен от посторонних

примесей. Соответственно, вино, которое получали из такого сырья, также было очень высокого качества. Оно отличалось более высокими потребительскими свойствами, и, что самое главное, гораздо дольше не окислялось, что в условиях жаркого климата Абхазии было очень важно.

Со временем этот метод был усовершенствован. Видимо, сказалась близость грузинской культуры, где виноделие традиционно находилось на более высокой ступени развития. Усовершенствование коснулось, прежде всего, первоначальной стадии – получения из вина виноградного сока. Вместо того, чтобы давить виноград по старинке (ногами в деревянном корыте), для этой цели приспособили специальную механическую «давилку», чем-то напоминающую отжим для белья в стиральных машинах старого образца. Она устанавливается на большой конусообразной формы чан (рис. 3). Такой способ позволяет экономить усилия. Но в нем есть и минусы: виноградный сок уже не получается таким чистым, как при более архаичном способе, так как в него частично попадают палочки, веточки, виноградные косточки – все то, что раньше оставалось и служило сырьем для получения другого домашнего спиртного напитка – самогона, или как ее принято называть – чачи.

Когда виноград прошел через «давилку», из чана убирают сухой остаток – мезгу и оставляют сок бродить. Брожение продолжается от нескольких дней до одной недели, в зависимости от климатических условий. Затем сусло переливают в глиняные кувшины и дубовые бочки, которые предварительно моют с особым тщанием. От их чистоты зависит, насколько долго вино не будет портиться. Дело в том, что в Абхазии, в отличие, например, от Франции, где бочки обрабатывают оксидом серы, чтобы вино не портилось, такой обработки не предусмотрено. Через несколько дней кувшин укупоривается (на его горло кладут марлю, затем большие листья и крышку). Обычно это происходит в октябре-ноябре, когда виноград созревает, и в конце короткой в тех краях зимы молодое вино готово. Кувшин для вина, как мы это часто видели в Абхазии, закопан в землю в сарае, под навесом или в огороде, в специальном месте, недоступном для скота. Считается, что глиняный кувшин, закопанный в землю, это лучший способ хранения

вина, приготовленного в домашних условиях, так как в нем поддерживается более низкая и, что не менее важно, постоянная температура.

Молодым вино считается в течение трех лет, но до такого возраста в Абхазии оно не доживает, так как употребляется ежедневно почти всеми членами семьи (кроме детей) и многочисленными гостями. Кроме того, так как в домашнем вине полностью отсутствуют какие-либо консерванты (сахар, например), оно не очень хорошо хранится, особенно в условиях жаркого климата Абхазии. Следует подчеркнуть, что в процессе производства в вино, особенно, если оно предназначено не на продажу, а для домашнего употребления, как правило, ничего не добавляют. Особенно тщательно готовится вино, которое делают для ритуальных целей. Таким образом – это экологически чистый продукт, не содержащий посторонних примесей.

Как уже было сказано выше, из мезги, которая является по сути дела отходом в производстве домашнего вина, гонят виноградный самогон – *чачу*. Кроме того, самогон перегоняют из целого ряда фруктов и даже ягод. Так, очень ценится чача из кизила и шелковицы. Но их тяжело собирать, поэтому такая чача встречается не часто. Ее получают также из хурмы, яблок, груш, алычи, сливы, инжира и некоторых других фруктов и ягод. Низко градусную водку перегоняют вторично, повышая ее крепость до 70°. Лучшая по крепости и качеству чача получается из виноградных выжимок. Иногда оставшиеся в корыте после вычерпывания сусла виноградные выжимки разбавляли водой и отстаивали несколько суток. Полученный кисло-сладкий напиток – *ажирдзы* наливали в особую посуду и употребляли для утоления жажды[24].

Как показывают наши полевые материалы,[25] сырье (спелый виноград черных или белых сортов) прокручивают через «давилку» (кроме хурмы). Хурма созревает только в декабре, когда становится довольно холодно, поэтому сквашивается она медленнее. Соответственно, виноград, созревающий в октябре-ноябре, когда в Абхазии еще довольно тепло, (среднегодовая температура в Абхазии +15°С, 220 солнечных дней в году), сквашивается быстрее. Готовность браги, которая находится в деревянной бочке, проверяется по вкусу: когда сладость сошла на «нет», сырье готово. Затем ее варят в котлах по 50-100 л в течение

дня. В качестве дров, как правило, используется граб, который хорошо горит и, по некоторым данным, обладает магическими свойствами. Котел закрыт крышкой, к которой приделана труба, проходящая через бочку с водой. Спирт конденсируется и собирается в бутылки.

В повседневном обиходе абхазы стараются употреблять только свое вино и свою чачу (своего изготовления), за редким исключением. Иногда, преимущественно в качестве подарка, в домах появляется русская или импортная водка, коньяк, другие спиртные напитки. На праздничном столе, особенно свадебном или новогоднем, нередко можно видеть шампанское, которое приносят гости, а в последние годы и пиво. В советское время в винодельческом колхозе села Бомборы кроме вин разных марок выпускали также советское шампанское.

Абхазское застолье

Кавказское гостеприимство, то это уже устойчивое словосочетание, которое, собственно, означает высочайшую степень гостеприимства. В давние времена это был сложно регламентированный и обставленный различными церемониями обычай, рассмотрению которого в той или иной степени уделили внимание почти все известные кавказоведы[26].

Помню восторженные рассказы коллег о многолюдных торжественных застольях в их честь[27] и о довольно сложном этикете, который с непривычки не все могли соблюсти должным образом. Впервые я смогла убедиться в справедливости их суждений в 1988 г., когда, возвращаясь из Духоборья (Месхет-Джавахетия – район Грузии, издавна населенный русскими духоборцами), после проведенных там полевых исследований, наш экспедиционный отряд сделал небольшую остановку в Абхазии. Тогда мы смогли поработать в легендарном высокогорном селе Псху. В августе 2004 г., как уже было отмечено выше, опять появилась возможность возобновить научные исследования в Абхазии. И вот теперь, проработав в республике без малого три месяца (в 2004, 2005 и 2006 гг.), я наконец-то в полной мере оценила, что же это такое – настоящее абхазское гостеприимство.

Не было случая, чтобы нам отказали в продолжительной и обстоятельной беседе, которая, нередко, растягивается на весь день. Хотя

иногда для хозяев это явно была дополнительная нагрузка. Так, в августе 2004 г. в селе Дурипш Гудаутского района я пришла в дом Валентины Кварацхелия, где накануне сыграли свадьбу ее сына. Вдоль дома, на чистых полотенцах лежали вымытые тарелки в каких-то немыслимых количествах. Столы и стулья были аккуратно поставлены под навесом. Но хозяйка продолжала хлопотать, приводя в порядок дом. По ее словам, «компания была небольшая, всего триста человек»[28]. Действительно, по абхазским меркам это совсем немного. При выборе будущей спутницы жизни в Абхазии, наряду с другими положительными качествами, не в последнюю очередь оценивают ее способности «хорошо принять гостей». Так что от наличия или отсутствия таких способностей зачастую зависит, как в дальнейшем сложится жизнь молодой девушки[29].

В кругу семьи абхазы легко обходились без вина и чачи, довольствуясь молочными продуктами, но гостей по традиции нужно было угощать обязательно вином[30]. Интересно, что закон кавказского гостеприимства требовал, чтобы каждого, даже проходящего мимо путника, который бы захотел напиться, угощали именно вином, а не простой водой. Мои полевые наблюдения свидетельствуют, что эта традиция дожила до наших дней.

В августе 2004 г. в селе Члоу Очамчирского района мы пришли для сбора полевых материалов в дом семьи Хаджимба и застали там пожилую хозяйку и ее соседку. Сопровождавший меня коллега, абхазский антрополог Петр Квициния, по обыкновению представил меня и объяснил, что я останусь беседовать с ней, а он должен идти по своим делам. И тут я стала свидетельницей забавной сценки. Хозяйка с завидной для ее преклонного возраста прытью ловким движением налила бокал вина и просила Петра выпить его, а он, ссылаясь на необходимость работать, отказывался. Но так как настойчивые уговоры двух женщин продолжались, он стал быстро продвигаться к выходу, на ходу благодаря хозяйку и прощаясь с ней. А она, со своей стороны, быстро настигала его, продолжая усердно потчевать.

Почти в каждом абхазском доме, куда я приходила побеседовать на интересовавшие меня темы, я заставала соседей, которые, как правило, охотно подключались к разговору. Я заметила, что практически

все люди, вне зависимости от возраста, были полностью включены в разговор и я бы даже сказала, заинтересованы в нем. Так, в августе 2004 г. в селе Члоу Дуся Багателия, 1925 г. р., весьма активно отвечала на мои многочисленные вопросы, а затем к беседе присоединился и ее супруг долгожитель Артем Цвижба, которому на тот момент исполнилось уже девяносто четыре года[31].

Застолья собирают по самым разным поводам: это рождение и смерть, свадьбы и поминки, дни рождения и крестины. И все они сопровождаются большим количеством тостов, которые произносятся в определенном порядке. Непременным атрибутом любого абхазского застолья – от самого скромного до самого пышного – является тамада – почетный распорядитель стола, который руководит всем процессом, и которого все присутствующие слушаются беспрекословно. Выбор и назначение тамады (одного из старейших и самых уважаемых членов семьи и рода) также сопровождается целым рядом обрядов[32].

Абхазский застольный этикет подразумевает, что тот человек, в честь кого произносят тост, если он моложе тамады, должен стоять. Кроме того, если бокал поднимают за старшего по возрасту человека, все участники застолья, которые моложе его, также встают. Учитывая, что за абхазским столом тосты произносятся практически один за другим, с коротким перерывом, молодым людям больше приходится стоять за столом, чем сидеть за ним. То есть такое застолье требует недюжинной физической закалки. Мы полагаем, что это также способствует меньшему опьянению участвующих в нем людей, так как стоя человек более сконцентрирован и собран. Эта поза не дает ему возможности полностью расслабиться и снижает риск опьянения. Кроме того, пирующий вольно или невольно должен быть сконцентрирован на происходящем за столом, чтобы вовремя и подобающим образом поддержать тот или иной тост (или предложить свой). За абхазским столом считается неприличным слишком много и громко говорить. Напротив, приветствуется скромность и сдержанность. Эта же умеренность во всем распространяется и на количество выпитого за столом вина и водки.

Первый тост (иногда два первых тоста) традиционно поднимается «за Всевышнего». В последние годы, после конфликта

1992-1993 гг., третий тост, как правило, пьют «за погибших». Затем, следуют тосты за почетных гостей, если таковые имеются (как правило, это пожилые уважаемые люди, а также гости, приехавшие издалека), за хозяев дома, за народ. Затем, «за жениха и невесту», если это свадьба, «за юбиляра», если празднуется круглая дата, «за абитуриента и его родителей», если чествуют молодого человека, поступившего в ВУЗ и т.д. Последний, заключительный тост, традиционно произносится «за хлеб, соль» в знак благодарности хозяевам дома. Для Абхазии, так же, как для остального Кавказа, характерен феномен *«алаверды»,* когда произносящий тост гость передает это право другому участнику застолья, чтобы тот мог присоединиться к теплым словам в адрес «тостуемого» и добавить кое-что от себя.

Тосты поднимают эмоциональный фон человека. В Абхазии они длятся очень долго. Так, наши информаторы рассказывали, что в середине прошлого века свадьбы начинались в двенадцать ночи и заканчивались под утро. Таким образом, учитывая богатство абхазской национальной кухни, особенно праздничной, длительность застолья и продолжительность тостов, можно заключить, что все это способствовало наиболее рациональному усвоению алкоголя, усиливало его положительные качества и уменьшало отрицательные. Кроме того, ночью не так жарко, как днем, а прохлада, на наш взгляд, также способствует лучшему усвоению алкоголя.

В общей сложности за столом абхазский мужчина может выпить до двадцати – тридцати стаканов (объемом 100-120 мл) вина и при этом не опьянеть. Во всяком случае, он уходит с торжества на своих ногах. Особенно почетных гостей у выхода с усадьбы ожидает маленький столик с закусками, где им предлагают выпить полный рог вина, который содержит шесть или даже двенадцать стаканов. В Абхазии считается позором для мужчины, если он опьянеет, или хуже того – упадет пьяным. Это будет равносильно потере лица и ляжет темным пятном на его репутации. Что касается кавказской женщины, то общество скорее одобрит ее отказ от алкоголя вообще, чем простит его неумеренное употребление. Впрочем, последнее с женщинами в Абхазии практически никогда не случается.

Иногда мужчины устраивают соревнования за столом, кто больше выпьет. Победитель, как правило, гордо уходит на своих ногах. Если мужчина встал из-за стола, то вернуться за него он уже не может. Этим пользуются, когда не хотят больше пить, так как пока гость остается за столом, его будут усердно потчевать, не взирая ни на какие возражения. Таковы строгие правила абхазского застольного этикета, и как мы могли убедиться во время полевых исследований в 2004-2006 гг., в общих чертах они соблюдаются и поныне. Нам представляется, что, так как абхазы всегда сопровождают выпивку хорошей и обильной, и, что немаловажно, натуральной едой и долго произносят тосты, алкоголь успевает разрушиться и не происходит его критического накопления в организме.

Практически все застолья в Абхазии проходят на воздухе, под открытым небом, а в прежнее время, как было сказано выше, торжества старались проводить ночью. Это очень важный момент. Дело в том, что свежий горный или морской воздух способствует более активному ходу обменных процессов в организме человека и, соответственно, также усиливает действие ферментов, способствующих разрушению алкоголя. Они делают свою работу за более короткое время.

Домашние пиршества устраивают на большой ухоженной поляне перед домом, которая есть практически перед каждой сельской усадьбой и специально содержится в идеальном состоянии для этих целей[33]. В городах же многолюдные застолья теперь проходят в ресторанчиках, стилизованных под старинную деревенскую «*апацху»*[34] – традиционный плетеный из рододендрона абхазский дом, также практически на свежем воздухе.

В странах с теплым климатом, как правило, предпочитают пить вино и пиво, а не крепкие напитки, как это можно наблюдать в странах с более прохладным климатом, что объясняется необходимостью быстро восполнить потерянные на холоде калории. В Абхазии абсолютное предпочтение отдают домашнему вину, которое особенно хорошо, так же, как и в других теплых странах[35], пьется там, где его производят и, наоборот, в отличие от чачи, плохо переносит транспортировку. Так, во время застолий, выпивают, как правило, одну-две рюмки чачи (только мужчины) и затем уже пьют вино.

За три полевых сезона (2004-2006 гг.) в Абхазии ни разу не приходилось видеть, чтобы какие-либо спиртные напитки пили походя, на улице, тем более из бутылок, как это, к сожалению, можно теперь часто наблюдать в российской действительности, особенно в молодежной среде. Даже если праздник или какой-то обряд проводится на природе (праздник улицы или моление о дожде – *Ацуныхва*, моление в святых местах, просто пикник), – обязательно организуется «стол». Это может быть просто клеенка, постеленная на траву или какой-то, как правило, сбитый из простых досок стол, но люди будут также произносить тосты и праздновать за ним, как если бы они находились у себя дома. Другими словами, застолье пойдет почти так же торжественно и неспешно, в том же, столетиями устоявшемся ритме, по тому же раз и навсегда намеченному плану.

В целом ряде традиционных обрядов, которые также сопровождаются застольями, как мы покажем далее, используется лишь красное вино, особым образом приготовленное и хранимое. В абхазской традиционной культуре красное (или, как его еще называют, черное вино), это не только повседневный продукт, но и важный сакральный компонент традиционной культуры.

Культ вина в Абхазии

В Абхазии торжественные дни, будь то рождение ребенка, обручение, свадьба или похороны, религиозные и общественные мероприятия были связаны с культом вина, с использованием этого напитка. Примечательно, что в картвельской среде те хозяйственные сооружения – *«марани»* (винные погреба), в которых делали вино, представляли собой священное богослужебное место, где хранилось предназначенное для различных религиозных праздников культовое вино – *«зедаше»*[36].

Кроме того, абхазы имели свой древнейший ритуальный напиток *бузу,* широко использовавшийся до сравнительно недавнего времени преимущественно в горных районах. Бузу настаивали на просяной (или кукурузной) муке и меде и подавали, как правило, на поминках, праздниках и свадьбах[37]. Такие же или похожие сакральные напитки

имеются у многих северокавказских (и не только) народов[38]. «Сахарную бузу делают так же, как и в соседних аварских и лакских селениях: в теплой воде растворяют сахар и добавляют ячменный солод и хмель. Напитку дают перебродить дней семь-десять, плотно закрыв кувшин и поставив его в теплое место. Ячменный солод – сладкая мука, необходимая для бузы, готовится заранее. Для этого ячмень, насыпанный в мешок, замачивают (на речке) и ставят в теплое место для прорастания. Затем его просушивают на солнце…и отвозят на мельницу»[39]. Кроме того, абхазы-пчеловоды изготавливали и чисто медовый хмельной напиток (или восковую воду). В зависимости от размера пасеки, такого напитка у отдельных пчеловодов бывало от двадцати до шестидесяти и более ведер[40].

Ш.Д. Инал-Ипа обращал внимание на тот факт, что «без винопития, как необходимого ритуально-обрядового элемента, считалось невозможным устраивать какие-либо религиозно-культовые действа, поминки по умершим или свадебные торжества, как и принимать гостей… Особое значение придавалось вину, как силе, освящающей объекты жертвоприношений, как средству умилостивления божеств или родовых покровителей»[41].

Исключительную роль вино играло и продолжает играть по сию пору как в сакральных, так и в профанных сторонах жизни абхазского общества. Наши полевые материалы, собранные в ходе экспедиционных работ в 2004-2006 гг. в Абжуйской (Очамчирский район) и Бзыбской (Гудаутский район) Абхазии, также свидетельствуют, что без винопития не обходится не только обычный прием соседей или почетных гостей, но почти все религиозно-культовые действия.

Кувшин молодого вина в Абхазии впервые открывают на Пасху, которую празднуют по юлианскому календарю. Этот обряд так и называется – «открывание кувшина», или *«Ахапшьа».* В Пасхальный день в жертву приносят козленка (на следующий год это будет петушок) и отец семейства с детьми идет в специальное священное место, где находится закопанный в землю кувшин. Это может быть укромное место в саду или в специальном сарае, недоступное для выгула скота. Мать семейства готовит традиционный пирог с сыром (в этом конкретном

случае он готовится не на мацони, как обычно, а на воде без добавления масла) и самодельную свечу из пчелиного воска. На молитве у *Ахапшьа,* она, так же, как и другие замужние женщины семьи, как правило, не присутствует.

Старший мужчина в семье ставит у кувшина свечу, открывает его, наливает деревянным черпачком в специальную кружку молодое вино (только отец и сын имеют право наливать вино из вновь открытого кувшина) и молится о благополучии семьи и рода. Он выпивает один-два бокала вина, затем дает детям попробовать молодого вина, показывает всем вареные печень и сердце жертвенного козленка, разрезает их на кусочки и раздает всем присутствующим. Затем вином наполняют кувшин, семья возвращается в дом, где праздник продолжается, и к нему присоединяются близкие родственники. Как показывают наши полевые материалы, в конце XX – начале XXI в. в каждом отдельно взятом абхазском хозяйстве имеется максимум один кувшин вина (различной емкости), предназначенного для сакральных целей. В семье открывают тот самый единственный кувшин. Сам глиняный кувшин передается по наследству строго от отца к сыну. Если он почему-либо выходит из строя (например, разбивается), то семья, как правило, стремиться обзавестись новым кувшином, который обязательно должен быть хоть немного, но больше старого.

В семье Кайтанба на *Ахапьша* открывают кувшин, вмещающий около 100 литров вина[42]. Это вино остается только в этой семье, его нельзя никому дарить, и оно предназначено только для хороших случаев. На похороны и поминки его нельзя подавать. Если будет свадьба, тогда можно. Но вообще считается, что чем быстрее это вино выпьют, тем лучше.

Показательно, что Пасху в Абхазии празднуют не только православные христиане, но и мусульмане. Так, во время полевого сезона 2004 г. в семье Логуа (село Дурипш Гудаутского района), члены которой считают себя мусульманами, нам рассказали, как они отмечают Пасху. Мужчины – однофамильцы с раннего утра обходят все дворы своих родственников, где их угощают и подносят чарки вина.

На Старый Новый год (с 13 по 14 января), который в Абхазии является одним из самых почитаемых праздников, все члены семьи, рода

(кроме замужних женщин, которым это запрещено), идут к родовому святилищу-кузне *«ажира»* и молятся. Просят всего самого хорошего для членов своей семьи. Обязательно приносят в жертву козленка (мы, следуя С.А. Арутюнову, рассматриваем в данном случае лишь так называемую трапезную жертву[43]) и пьют вино.

Кроме того, до настоящего времени сохранилась традиция приносить жертву и придаваться священному винопитию у таких известных и почитаемых всеми святилищ, как Инал-куба, Илорское, Аацинское, Лдзаавское, Дыдрыпшское и некоторых других, куда, как правило, собираются все члены семьи, рода, патронимии по мужской линии. Как рассказали наши информаторы, все моления у древних родовых святилищ в Абхазии связаны с красным вином. На них никогда не подают чачу. Таким образом, можно сделать вывод, что истинно сакральным является только красное (черное) вино.

В августе 2004 г. в Илорском храме Святого Георгия, который находится в Очамчирском районе, мы стали свидетелями обряда «снятия родового проклятия», который проводился непосредственно за церковной оградой у священного дерева. Интересно, что само это святилище посвящено Святого Георгию, о чем, в частности, свидетельствует икона святого, установленная под небольшим навесом от дождя непосредственно у ствола священного дерева. В селе Лыхны Гудаутского района в августе 2005 г. мы видели, что родовой кувшин вина семьи Шакрыл зарыт в ограде древнего христианского Лыхненского храма. Таким образом, ежегодно в одном и том же месте празднуется Пасха и *Ахапшьа* (праздник окрытия кувшина).

Особая роль отводится алкоголю на праздник Успения Божией Матери (*Нанхуа*), который ежегодно отмечается 28 августа по всей Абхазии. Это чисто семейный праздник, когда люди собираются, чтобы помянуть своих близких. В августе 2005 г. мы были приглашены на праздник Успения в семью абхазского антрополога Петра Квициниа. Так как этот праздник приходится на конец августа, то на стол выставляют все созревшие к этому времени фрукты и овощи. Кроме того, на нем непременно присутствует самодельная свеча. Воском капают на раскаленные угли, и поднимающийся от них дым окуривает все помещение. После того, как свеча прогорит, хозяйка дома обходит празднично накрытый

стол с молитвой, из каждой рюмки (с вином и чачей) она понемногу отливает на пол (в прежние времена выливали непременно на землю), как бы приглашая своих усопших родичей к совместной трапезе. И только повторив этот обряд несколько раз, и дотронувшись ножом до всех кушаний, (традиция предписывает делать это при помощи ореховой палочки), она приглашает всех занять свои места за столом.

Г.Ф. Чурсин описывает сходный обычай у ингушей, так называемый *«марс-порр»* или «жатвенный ужин» для умерших родственников, когда «на стол подаются лучшие блюда, а также брага, пиво, арака; все это, по верованию ингушей, передается умершим. Хозяин дома читает при этом следующую молитву: «Дай Бог, чтобы благочестивые умершие так же хорошо окончили свою работу, как окончили свою мы, – живые; дай Бог, чтобы и урожай у них был хороший. От того, что мы передаем, пусть им будет такая польза, какая только желательна им…»[44].

На похоронах и поминках в Абхазии немного чачи и вина, поминая усопшего, отливают в специальную посуду, которая стоит под столом. То же делают, когда поминают человека на кладбище. Но когда в дом умершего приходят односельчане, чтобы выразить сочувствие его семье и близким, так называемые «плакальщики», им всегда подносят только вино и никогда – чачу.

Широко распространен в Абхазии обычай *Ацуныхва,* когда на моление собираются жители одного квартала, бригады, улицы. Как правило, он проходит во второй половине лета, довольно жаркой и засушливой и люди, в частности, просят Всевышнего о дожде, который не заставляет себя долго ждать. В августе 2006 г. нас пригласили на такое моление на одну из окраинных улиц Сухума, и мы стали свидетелями того, как люди поднимали один бокал вина за другим, провозглашая тосты и вознося молитвы о дожде и всеобщем благоденствии.

Культурные традиции винопития в Абхазии

Вино – это продукт повседневного использования в абхазской культуре. Оно всегда стоит на столе. В этом смысле Абхазию можно сравнить со средиземноморскими странами, в которых практически

каждый прием пищи сопровождается одним – двумя стаканами натурального виноградного вина. Таким образом, вино в Абхазии – это скорее атрибут повседневной жизни, чем предмет празднично-запретный, как мы это видим, например, в русской культуре.

А вот чача – это скорее принадлежность чисто мужского стола. Впрочем, и среди мужчин есть люди, предпочитающие чаче – вино, и наоборот. Абхазки же за общим столом, как правило, больше одной – двух рюмок водки не пьют. Изредка, например, когда собираются женщины-соседки, они могут выпить чуть больше. Вообще в Абхазии, как и на остальном Кавказе, женщины пьют значительно меньше мужчин, и алкоголизм среди них практически не встречается.

В ходе сбора полевых материалов мне приходилось слышать от некоторых абхазок, что они не пьют вина, так как являются мусульманками. Но таких было меньшинство. Другие объясняли это какими-то обстоятельствами своей жизни, данными ими обетами или состоянием здоровья, но не своей принадлежностью к той или иной конфессии. Что же касается мужчин, которые ни при каких обстоятельствах не употребляют спиртные напитки, то такие, как мы видели, среди жителей Абхазии, безусловно, тоже есть. Но это, как правило, люди с определенными заболеваниями, при которых прием алкоголя противопоказан.

Пожилые люди и долгожители, которые, как правило, рано встают, иногда выпивают натощак одну-две рюмки чачи и идут в сад или огород по своим повседневным делам. Затем за завтраком они выпивают свои первые за этот день два-три стакана домашнего вина. В общей сложности за сутки они пьют не больше пяти-шести стаканов вина. Другое дело, как мы видели выше, если речь идет о торжественном застолье. Там счет идет уже на десятки стаканчиков вина домашнего приготовления.

Детям, как уже упоминалось выше, на ежегодном празднике открытия кувшина, дают попробовать немного вина. Считается, что пить вино они могут начинать в совершеннолетие. Характерно, что отец старается не посылать сына-подростка за вином, хотя понятно, что в условиях почти натурального хозяйства, которое до настоящего времени ведет значительное большинство жителей Абхазии, мальчик-

подросток прекрасно осведомлен, где находятся бочки и кувшины с домашним вином.

В селе Лыхны Гудаутского района человек средних лет рассказал мне следующую историю, приключившуюся с ним и его друзьями, когда они учились в десятом классе средней школы в конце 1970-х гг. Будучи в гостях у одного из них, они без разрешения родителей выпили довольно много домашнего вина. Когда эта история выплыла наружу, их всех исключили из школы, настолько серьезным посчитали этот проступок!

Как уже отмечалось, в Абхазии дети и подростки не имеют права сидеть за общим столом со взрослыми. Раньше это же правило касалось женщин. В наши дни женщины обычно на общих основаниях принимают участие в застолье, особенно торжественном, иногда сидя вместе с мужчинами, иногда – по разные стороны стола. Однако, женщина в Абхазии, по нашим наблюдениям, никогда (за очень редким исключением, и то – не надолго), не сядет за стол, если за ним сидит ее муж или старший родственник.

Отличительной чертой употребления алкогольных напитков в Абхазии является тот факт, что люди практически никогда не пьют в одиночестве. Да и как это можно пить в одиночку? В честь кого же тогда будут произноситься тосты? Теряется весь смысл пития.

Кроме того, для жителей Абхазии делом чести является сохранение достоинства вне зависимости от того, сколько вина или водки он выпил. Как мы уже говорили выше, у них ценится умеренность и скромность во всем, в частности это касается и количества выпиваемого алкоголя. Так что такое явление, как алкоголизм, среди них встречается чрезвычайно редко. Более того, мы не ошибемся, если скажем, что среди старшего и среднего поколений мегрелов и абхазов и уж тем более среди долгожителей, это явление практически не встречается. Но молодежь, к сожалению, оказалась не столь устойчива к вредным привычкам, и среди молодых мужчин, особенно в последние десять лет, очень редко, но все-таки встречаются алкоголики и наркоманы. Это, безусловно, следствие тяжелой экономической ситуации в республике, безработицы, отсутствия жизненных перспектив.

Особую роль в этом негативном явлении сыграли последствия абхазо-грузинского вооруженного конфликта 1992-1993 гг. Даже сложившийся на протяжении веков отлаженный механизм традиционной культуры не выдерживает таких грубых вмешательств, как межэтнические конфликты. Их жертвами становятся не только тысячи погибших в расцвете сил молодых людей (только в Абхазии, в некоторых селах погибло до 17% (!) жителей)[45], но и их сверстники и товарищи по оружию, чья психика не выдержала ужасов братоубийственной войны и стала зависимой от ненормированного приема алкоголя или наркотиков. Для фамилии и рода, к которым принадлежит такой человек, это является трагедией. В современной Абхазии по-прежнему и алкоголизм, и, тем более, наркомания осуждаются всем обществом, и коль скоро некто будет замечен в этой слабости, его родные, друзья и соседи предпримут все от них зависящее, чтобы он не позорил их род и все общество.

Полезные свойства вина

Еще древние отмечали полезные свойства натурального виноградного вина. В наше время было установлено, что для предупреждения атеросклероза и ишемической болезни сердца лучше всего подходят вина, наиболее богатые полифенольными соединениями. Это, прежде всего, красные столовые вина, а среди них – вина, приготовленные кахетинским способом. Очень хорошо, если такие вина содержат много минеральных веществ, особенно калия, магния и кремния. Полифенольные соединения вина настолько эффективно блокируют начальные этапы развития атеросклероза и предотвращают тромбообразование, что подчас исчезает нужда в использовании дорогих и не всегда безвредных лекарств, прописываемых врачами[46]. Небольшое количество алкоголя, регулярно поступающее в организм, увеличивает содержание липопротеидов высокой плотности в крови, которые препятствуют развитию атеросклеротических явлений и тем самым предотвращают развитие ишемической болезни сердца и сосудов[47]. Кроме того, красное вино назначают при анемии, авитаминозах, при расстройстве желудка и других заболеваниях.

У людей пожилого возраста нередко возникает атония желудка и кишечника, что влечет за собой замедление прохождения пищи и приводит к вздутию живота и плохой работе кишечника. Вина, богатые солями фосфора, кальция, магния и танинами, оказывают тонизирующее действие на мышечную оболочку желудочно-кишечного тракта, усиливают перистальтику и способствуют более быстрому перевариванию пищи. Для лечения хронических, изнуряющих и плохо поддающихся излечению заболеваний толстого кишечника рекомендуют включать в рацион в умеренных количествах красные, терпкие столовые вина, богатые танинами. Танины стимулируют гладкую мускулатуру кишечника, подавляют активность болезнетворных микроорганизмов и простейших, способствуют рубцеванию и заживлению изъязвленной поверхности слизистой оболочки кишечника и восстанавливают подорванный болезнью иммунитет. Такие вина рекомендуют и больным дизентерией[48].

В Абхазии чачу иногда настаивают на перегородках грецкого ореха, которые содержат много йода, получая своеобразную настойку, которую наши информаторы даже называют коньяком. Она, так же, как ряд других, используется в рецептах народной медицины. На чаче также настаивают различные лекарственные растения, преимущественно коренья. В сосуд для настойки иногда помещают одно растение, например, корневище *родиолы розовой* (Rhodiola rosea L.). В других случаях это может быть до пяти – шести различных лекарственных растений. Такую настойку применяют как народное средство при определенных заболеваниях, а также в профилактических целях, как правило, по 100-150 мл натощак.

Вино также является хорошим средством профилактики эндемического зоба – заболевания, вызываемого недостатком йода в воде. Регулярное употребление любого столового вина в количестве одного – двух стаканов в день способно предотвратить это заболевание. Особенно хороший эффект дают вина, произведенные из винограда, выращенного на почвах с высоким содержанием йода.

Относительный дефицит других микроэлементов и минеральных веществ также может быть восполнен с помощью вина. Вина из винограда, выращиваемого на каменистой и глинисто-известковой почве, содержат большое количество кальция и могут быть использованы для профилактики остеопороза, приводящего к повышенной хрупкости и ломкости костей, которая особенно характерна для лиц пожилого возраста.

Дефицит фосфора, который может быть причиной быстрой физической усталости и депрессии, можно устранить вином с высоким содержанием солей фосфора[49]. Данные по абхазской народной медицине также свидетельствуют в пользу тонизирующих и лечебных свойств виноградного вина[50].

В ответ на систематическое потребление небольших доз алкоголя в организме человека происходит увеличение образования и активности ферментов алкогольдегидрогеназы (ADH) и альдегиддегидрогеназы (ALDH) – так называемая «индуцибельность» ферментов. Этот процесс способствует более активному и успешному усвоению алкоголя у жителей Кавказа по сравнению, например, с русскими или украинцами.

Так как для абхазского образа жизни характерны частые застолья и просто тесное общение с соседями и знакомыми, домашнее вино является непременным их атрибутом. Это не только полезный и полноценный продукт питания, но и средство расслабления, сближающее людей и способствующее их тесному и полноценному общению. Абхазы редко остаются в одиночестве. У них большие семьи, старики, как правило, всегда живут со своими детьми. «Мы ведь стариков не бросаем…» – сказала мне в августе 2004 г. жительница села Дурипш Гудаутского района Валентина Кварацхелия. Вообще, отношение к людям старшего и преклонного возраста в Абхазии особенное. Абхазский традиционный этикет требует, чтобы старший всегда был первым, всегда в почете, всегда впереди. Одной из характерных особенностей «культа» старших является непременное вставание при каждом их появлении. «Даже корова поднимается с места, когда другая подойдет к ней, а как же человеку не почтить другого вставанием?» – недоумевают в Абхазии[51].

Как мы отмечали выше, для абхазской культуры очень характерны тесные взаимоотношения с соседями и обществом. Человек не остается в одиночестве в силу традиционного устройства быта. По-

этому, если случается какой-то стресс, он снимает его, прежде всего, общаясь со своими родными и соседями. «Ближний сосед лучше дальнего родственника», – сказал нам один пожилой абхаз. Наши информаторы рассказывали нам, что на позициях (во время конфликта 1992-1993 гг.) бойцам перед атакой раздавали боевые «сто грамм», чтобы снять излишнее напряжение и усталость.

В Абхазии роль семьи, внутри- и межродовых взаимоотношений гораздо значительней, чем роль отдельной личности со всеми ее проблемами. Люди знают: случись что-то непредвиденное, родные и соседи придут на помощь, поддержат, утешат, и, если это необходимо, во всем помогут. Таким образом, можно заключить, что в абхазском традиционном обществе сложились отработанные механизмы снятия стрессов: моления у родовых святилищ, где алкоголю отводится важная, но отнюдь не главная роль, помощь моральная и, если нужно, материальная, семьи, рода, соседей и друзей.

* * *

В кавказской культуре виноделия и винопития было достигнуто и по сию пору поддерживается относительно оптимальное соотношение многообразных положительных свойств горячительных напитков. Это, прежде всего, полезные свойства красного вина, которое так же широко, как на Кавказе, употребляется в странах Средиземноморья, где, благодаря этому, значительно ниже среднестатистического процент людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Это снимающие накопившееся напряжение свойства алкоголя, который помогает ослабить негативное воздействие различного рода стрессов, столь характерных для современного образа жизни даже сельских жителей, не говоря уже о горожанах, или того хуже – жителях мегаполиса. Для постсоветского пространства проблема стрессов стала особенно актуальной после распада Советского Союза и последовавшими за этим экономическими кризисами и локальными конфликтами.

Это, безусловно, облегчающие контакты и помогающие сближению иногда совсем незнакомых людей, традиционные застолья,

когда значительные количества алкоголя употребляются не хаотично и беспорядочно, а согласно строгому ритуалу, во время которого всем его участникам приходится как провозглашать, так и выслушивать многочисленные и продолжительные по времени тосты. Такие застолья больше похожи на хорошо поставленный спектакль, где каждому актеру отведена своя роль, чем на компанию людей, пользующихся тем или иным поводом, чтобы хорошенько выпить и, может быть, закусить, как это мы нередко наблюдаем в других странах.

Именно растянутый во времени прием алкоголя (преимущественно красного вина домашнего изготовления), сопровождаемый, как правило, натуральной и вкусной пищей, позволяет ему порционно расщепляться под воздействием ферментов. Таким образом, алкоголь не накапливается в крови в критических количествах, ведущих к тяжелым формам опьянения, что, по нашему мнению, предотвращает такое явление, как хронический алкоголизм. Важную роль здесь играет и осуждение всем обществом пьянства, как такового, а также невозможность для отдельного индивидуума потерять лицо, публично напившись «до чертиков».

Кроме того, к счастью для большинства жителей Абхазии, алкоголь, и все, что с ним связано, не является главным средством снятия стресса и поднятия настроения. Это, прежде всего, повод к дружеской беседе, некоторому расслаблению и хорошему времяпрепровождению. Очень важным, на наш взгляд, является тот факт, что в Абхазии алкоголь не является табу. Это всего лишь часть повседневной и праздничной пищи, так же, как и немаловажная часть религиозных ритуалов. Таким образом, алкоголь здесь является сакральным и профанным одновременно. Виноградное вино и чача, произведенные кустарным способом с сохранением всех полезных свойств и употребляемые регулярно в разумных количествах, безусловно, способствуют поддержанию высокого уровня психического и физического здоровья нации, и, как следствие, являются одним из факторов продления полноценной жизни жителей Абхазии.

Рис.1. Абхазия, 2004. Очамчирский район, сел. Члоу. Кувшин для вина.
Фото Н.И. Григулевич

Рис. 2. Абхазия, 2005. Гудаутский район, сел. Лыхны.
Фото Н.И. Григулевич.

Рис. 3. Абхазия, 2006. Гудаутский район, сел. Хуап. Деревянный чан для вина.
Фото Н.И. Григулевич

Рис. 4. Абхазия, 2006. Гудаутский район. Виноградная лоза на дереве. Фото Н.И. Григулевич

Рис. 5. Абхазия, 2005. Гудаутский район, сел. Лыхны. Виноградная лоза на шпалерах. Фото Н.И. Григулевич.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский проект № 05-01-01069а «Медико-антропологические и демографические последствия социально-культурных изменений конца 1980-ых – начала 2000-ых гг. в сельской Абхазии» (рук. – А.Н. Ямсков).
2 Н.И. Григулевич. Абхазская модель питания: традиции и инновации // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования / Под. общей ред. Н.А. Дубовой, В.И. Козлова, А.Н. Ямскова. М., 2006. С. 103-128.
3 Полевые материалы были собраны в ходе исследований в сельской Абхазии в июле-августе 2004 г., в августе 2005-2006 гг. Работа проводилась в селениях Члоу и Джгерда (Очамчирский район), Дурипш, Лыхны, Хуап, Калдахуара (Гудаутский район).
4 Дбар Д. Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Сухум, 2005. С. 5
5 См. об этом подробнее: Арутюнов С.А. Общий очерк религиозной мозаики Кавказа // Расы и народы. М., 2005. №31. С. 9; Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001. С. 154.
6 Шамба Г.К. Древний Сухум. Сухум, 2005. С. 47.
7 Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI-X вв.) Сухум, 2002. С. 26.
8 Похлебкин В.В. История водки. Новосибирск, 1992. С. 25, 232.
9 Результаты этих исследований послужили основой для коллективной монографии: Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006.
10 Дубова Н.А. и Ямсков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. С. 39.
11 Баллас М. Сухумский округ. Виноделие в России. СПб. , 1895. С. 35
12 Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии (XIX – начало XX вв.). Тбилиси, 1977. С. 15.
13 Бгажба М.Т. Растительные ресурсы Абхазии и их использование. Сухуми, 1964. С. 527.
14 ПМА, 2005. Абхазия, Очамчирский район, село Атара Абхазская.
15 Чанба Р.К. Указ. раб. С. 51.
16 БСЭ (Большая советская энциклопедия). М., 1952. Т.17. С. 351.
17 Чанба Р.К. Указ. раб. С. 17.
18 Бгажба М.Т. Указ. раб. С. 264.
19 Киквидзе Я.А. Земледелие и земледельческий культ в Древней Грузии. Тбилиси, 1988. С. 240.
20 Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. М., 1990. С. 224.

21 Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. Сухуми, 1969. С. 147.
22 Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. С. 37.
23 Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965. С. 225.
24 Аджинджал И.А. Указ. раб. С. 426.
25 ПМА, 2004-2006. Абхазия, Гудаутский и Очамчирский районы, села Дурипш, Члоу, Лыхны, Джгерда, Хуап, Калдахуара.
26 См. об этом подробно: Анчабадзе Ю.Д. Прекрасный обычай гостеприимства… // СЭ. 1985. № 4. С. 110.
27 Дубова Н.А. Не всегда серьезные воспоминания о медико-биологических изысканиях в Абхазии и Азербайджане // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., 2001. С.214.
28 ПМА, 2004. Абхазия, Гудаутский район, село Дурипш.
29 Искандер Ф. А. Защита Чика. М., 1983. С. 163.
30 Аджинджал И.А. Указ. раб. С. 427.
31 ПМА, 2004. Абхазия, Очамчирский район, село Члоу.
32 Инал-Ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 126.
33 О традиции содержать такую поляну в идеальном состоянии см. подробно: Соловьева Л.Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии // Современная сельская Абхазия. С. 159-161.
34 См. подробнее: Бигуаа В.Л. Жизнеобеспечивающая система абхазов: традиции и современная действительность // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. М., 2004. С. 256.
35 Вайль П.А. Широта, долгота, крепость // «Ведомости». 12 января 2007. №3 (1777).
36 Топурия Н. С. Из истории материальной культуры грузинского народа (обычаи, связанные с виноградарством и виноделием в Западной Грузии). Автореф. дисс. канд. истор. наук. Тбилиси, 1954. С. 11.
37 Лукка Джиовани. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 72.
38 См., например, Павленкова Н.В., Тирияки В.З. Традиционные напитки крымских караимов // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005. Тезисы. Санкт-Петербург, 2005. С. 234; Сергеева Г.А. Традиционная пища народов Северного Кавказа и Дагестана в XX веке // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 137.
39 Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967. С.125
40 Аджинджал И.А. Указ. раб. С. 426.
41 Инал-Ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 124.
42 ПМА, 2006. Абхазия, Гудаутский район, сел. Калдахуара.

43 Арутюнов С.А. Традиция жертвоприношения: общее и частное // Расы и народы. М., 2005. №31. С. 13.
44 Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С. 55.
45 Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Указ. раб. С. 45.
46 Нужный В.П. Лечение вином // Лекарственные растения. М., 2003. №1. С.30.
47 Miller G. J., Miller N.E. Do high density lipoproteins protect against coronary atherosclerosis? // High Density Lipoproteins and and Atherosclerosis. Proc. 3rd Argent. Symp. Waterloo. 1977. Amsterdam – New York. 1978, p.95-107; Klose G., Greten H. Schulzt HDL-Cholesterin for Herzinfarkt? // Med. Klin., 1980, Bd. 2, s.30-35. (Цитируется по: Григоров Ю.Г., Медовар Б.Я., Козловская С.Г., Синеок Л.Л., Недоводиева Е.Н. Особенности питания пожилых людей в Абхазии // Феномен долгожительства. М., 1982. С. 103.
48 Нужный В.П. Указ. раб. С. 29.
49 Нужный В.П. Лечение вином // Лекарственные растения. М. 2002. №4. С. 26.
50 Аршба С.Г. Народная медицина абхазов (конец XIX-XX вв.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2005. С. 15.
51 Инал-Ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 79.

Н.И. Григулевич

СИСТЕМА ПИТАНИЯ В АБХАЗИИ

Сравнительно недавно в сельской местности Закавказья вся жизнь людей определялась множеством экологических взаимосвязей, проявлявшихся в специфике хозяйственной деятельности и влиявших на традиционные системы жизнеобеспечения. В настоящее время многие эти взаимосвязи утратили свое значение. Этому, безусловно, способствовал переход сельского хозяйства от индивидуальной и общинной формы к коллективной, а в последующем - и к аграрно-промышленной.

Традиционные системы питания, как часть культуры жизнеобеспечения этноса, в полной мере ощутили на себе эти перемены. Возросло значение в рационе покупных продуктов; существенно снизился процент продуктов, получаемых непосредственно в том хозяйстве, где они употребляются. Усилилось влияние на традиционные системы питания городской кухни с набором блюд, общераспространенных на Кавказе и юге европейской части бывшего СССР.

Для Кавказа характерны крайне разнообразные природно-экологические условия, пестрый этнический состав и в то же время по существу единый тип хозяйства и схожие системы традиционного жизнеобеспечения. Именно на Кавказе сложился своеобразный хозяйственный комплекс, который послужил основой целого ряда хозяйственно-культурных типов, распространившихся потом по всей Евразии, кроме ее крайнего Севера, Востока и Юго-Востока. Это хозяйство, традиционно основанное на возделывании зерновых культур в сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота.[1]

В связи с изменением агротехники производства продуктов, менялся и их химический состав. Так, применение больших доз азотных удобрений при выращивании овощных культур приводит не только к увеличению урожайности, но и к значительному накоплению нитратов в овощах, употребляемых в пищу. Имеются данные о содержании высоких доз гормональных препаратов, используемых для стимуляции роста, в мясе бройлеров, что может весьма отрицательно сказываться на формировании и развитии детского (и не только) организма. В последние годы резко возросло количество генетически измененных продуктов, о вредном воздействии которых на организм человека ведется широкая полемика как среди специалистов – медиков, так и среди рядовых потребителей.

Все эти процессы в 1970-1980-х гг., безусловно, коснулись и сельских территорий Абхазии, где бурными темпами развивались чаеводство, виноградарство, табаководство, были построены крупные птицеводческие и мясоперерабатывающие комплексы. Это с одной стороны позволяло людям приобретать продукты в магазинах по сравнительно невысоким ценам, а с другой – уменьшало в рационе долю продуктов, произведенных в данном подсобном хозяйстве без применения вредных для здоровья технологий, или, так называемых «экологически чистых». Таким образом, оборотной стороной бурного развития сельскохозяйственного производства в Абхазии стало снижение производства продуктов в личном подсобном хозяйстве и, соответственно, увеличение потребления продуктов, произведенных промышленным способом.

Изучение абхазского долгожительства в 1970-1980 гг. проходило во время подъема социально-экономического развития закавказских республик СССР. С тех пор прошло более двадцати лет, наполненных такими бурными событиями, как распад СССР, последовавшие за тем межнациональные конфликты, массовая миграция населения, изменение (как правило, в сторону ухудшения) социально-экономической ситуации на постсоветском пространстве. Все эти негативные процессы в полной мере коснулись многонационального населения Абхазии, которая, пережив кровопролитную грузино-абхазскую войну 1992-1993 гг. и потеряв, так же как и грузинская сторона, несколько тысяч сво-

их сограждан, на протяжении многих лет находится в экономической блокаде.

Традиционная пища и ее особенности всегда рассматривались исследователями как одна из основных причин наличия и поддержания феномена долголетия в популяции[2]. Интересно было проследить и сравнить, как в тяжелых экономических условиях сохраняется приверженность абхазов традиционному пищевому комплексу, какие инновации появились в нем за последние годы и что осталось неизменным с дедовских времен. В 1985 г. нами была разработана программа для сбора полевого материала по теме «Традиционная пища сельского населения»,[3] которая с некоторыми дополнениями была использована для сбора полевых материалов в ходе экспедиционных работ в различных селах Очамчирского и Гудаутского районов Абхазии в 2004-2006 гг.

Во время войны 1992-1993 гг. только в Очамчирском районе более 2000 хозяйств потеряли кров. В районе большинство населения составляли абхазы. Наши информаторы рассказывали нам, что весь скот пришлось забить. Муку удавалось достать только во время перемирия. Не было соли, сахара. В 1992 г. из Гудауты пришла баржа со всеми продуктами. Дорога жизни вела к селам, а потом к Ткварчели. Жители постоянно ощущали нехватку продуктов.

В настоящее время инфраструктура колхозов и совхозов по большей части разрушена и люди вынуждены выживать только за счет приусадебного хозяйства, выращивая на продажу орехи, мандарины, чай, овощи и фрукты. Таким образом, в Абхазии опять возросла роль продуктов, производимых в личном подсобном хозяйстве. И если с точки зрения экономики это скорее процесс негативный, то с точки зрения влияния на здоровье, и как следствие, на продолжительность жизни человека – скорее положительный.

Повседневный стол

Археологические и исторические материалы указывают на то, что среди древних зерновых культур восточного побережья Черного моря ведущим злаковым растением было просо.[4] Древнейшие из

найденных диких зерен относятся к концу мезолита. Постепенно кукуруза, попавшая в Абхазию через Турцию из Нового Света, где она была одомашнена,[5] вытеснила просо, как более трудоемкую культуру, и вышла на первый план, как продукт повседневного и праздничного стола. Мука или крупа (в зависимости от районов) для традиционной мамалыги (*абысты*) производится из различных сортов кукурузы (белой, желтой и красной). В старину *абысту* варили при появлении каждого нового гостя заново. «Женщины-хозяйки с появлением нового гостя, каждый раз должны были приготовить свежую *абысту*, хотя бы имелись значительные остатки таковой от предыдущего гостя. Таким образом, если в день разновременно посещало данное хозяйство 5-6 человек-гостей, то хозяйка должна была также пять-шесть раз готовить *абысту.* Бывали такие хозяйства, которые принимали в отдельные дни не менее 5-6 посетителей, следовательно, хозяева в таких случаях должны были заниматься угощением гостей».[6] Кукурузу, как правило, мелят на традиционных мельницах, получая муку или крупу. Иногда в частных хозяйствах мы видели модернизированные мельницы, где жернова приводятся в движение не вручную или под действием падающей воды, а при помощи электрического привода.

Кроме этого, для абхазской кухни характерно широкое употребление в пищу бобовых *(лобио),* различных приправ (*аджики, ткемали),* кислого молока, яиц, овощей, фруктов, орехов. Гостей часто потчуют и пирогом из пшеничной муки с сырной начинкой. Кроме традиционного чая, в последние годы стали пить больше кофе. Это уже скорее городское влияние.

Практически все продукты, за небольшим исключением, производятся непосредственно в хозяйстве каждой конкретной семьи. К покупным относятся пшеничная мука, сахар, соль, манная и гречневая крупы, рис, макаронные изделия, растительное масло (подсолнечное), маргарин, консервы, иногда мед, халва (так называемая «русская халва»), сгущенное молоко, хлеб, кондитерские изделия.

Зимой и осенью к этому ассортименту добавляется мясо домашних и диких животных. Более разнообразен и богат праздничный и ритуальный стол, особенно свадебный и поминальный.

Мясные продукты

В каждом частном хозяйстве имеется несколько коров, иногда буйволов, много кур и индюшек. Свиней больше разводят в Очамчирском районе. В Гудаутском они встречаются значительно реже.

Некоторые абхазские семьи держат по тридцать-сорок голов крупного рогатого скота. Жительница села Члоу Очамчирского района Нателла Кварчиа, 1928 г.р., рассказала нам, что на большие праздники, например, на Новый год, в их семье режут самого большого быка, коптят и перекладывают мясо солью.[7] Этого мяса хватает на зиму. Это приблизительно 150 кг мяса на семью из 10 человек. У кого скота много - излишки продают по 70-80 руб. за один кг.[8]

До войны в их хозяйстве было пять буйволов. Мясо двухлетнего буйвола режут на куски, коптят и потом жарят. Такое мясо используется для своей семьи, а не на праздники. Семья Нателлы Кварчиа позиционирует себя как мусульманская, но ее старики всегда ели свинину.

В семье Хаджимба[9] (селение Члоу) держат 2 коровы, 2 теленка, 2 поросят, кур, индюшек. Они жалуются, что в последние годы на заброшенных колхозных полях расплодились волки, лисы и шакалы, которые иногда крадут кур в присутствии хозяев.

Говядину и свинину сильно солят и потом выдерживают в течение пяти дней в кастрюле с солью. Затем окунают один раз в кипяченую воду и подвешивают над огнем, чтобы дым прокоптил мясо как следует. Готовят из такого мяса суп харчо (варят мясо, добавляют лук, чеснок, рис, красный острый перец), соус (мясо с картошкой), блинчики с мясом (так называемые «русские»), голубцы.

Те абхазы, которые употребляют в пищу свинину, зимой режут свиней, коптят мясо и, залив жиром, хранят его в бочках. Из такого мяса делают шашлык, соус. Свинину в семье Виолетты Ануа (жена директора школы в Члоу Джона Ануа) кушают все. Но «старая дева», ее родственница, даже уходила из дома, когда готовили свинину. Некоторые абхазы держат овец, так как на девяти (пятнадцатидневные) поминки нужно обязательно подавать баранину. Иногда ее покупают в Гальском районе.

Раньше для жарки употребляли нутряное говяжье сало. Сейчас в основном готовят на растительном масле. В целом для абхазской кухни больше характерно вареное, чем жареное мясо. Из гусей и кур делают шашлык, жарят, варят. Индюк, как, правило, идет на сациви *(асацив),* которое подается на свадьбах и иных торжественных застольях. Мясо птицы абхазы больше употребляют в летнее время, а говядину и свинину – зимой. Козлятина считается у абхазов наиболее почетным и престижным мясным продуктом и используется, главным образом, в вареном виде, для ритуальных трапез.

Молочный стол

Молочные продукты на абхазском столе – самые любимые. Их употребляют в равной мере взрослые, дети и пожилые люди вне зависимости от времени года. Интересно, что если потребление практически всех основных видов продуктов абхазами старших возрастных групп занижено (иногда в разы) по сравнению с рекомендованными, то молочные продукты и сливочное масло они употребляют в количестве, дважды превосходящем среднюю норму потребления.[10]

Виолетта Ануа из Члоу рассказывала, что во времена ее молодости женщины не могли доить скотину, т.к. считались «нечистыми». В ее семье это делали только мужчины, т.к. «старая дева не разрешала». Эта традиция, когда скотину доят преимущественно мужчины, по-прежнему сохраняется во многих абхазских семьях (рис. 1).

В день надаивают, как правило, девять-десять литров молока, из которого делают кислое молоко, творог, сыр.

Из молочных продуктов в повседневном питании абхазов на первом месте, безусловно, стоит кислое молоко, которое готовится из кипяченого молока с добавлением закваски (небольшое количество оставшегося кислого молока). Кислое молоко любят взрослые, дети и старики. Оно, как известно, наиболее полно усваивается организмом и весьма благотворно влияет на микрофлору кишечника. Кроме того, оно прекрасно утоляет жажду. Абхазы предпочитают пить именно кислое молоко. Цельное молоко в большей степени используется для приготовления теста, в детском питании (молочные каши), его добавляют в кофе и т.д.

Козье молоко раньше часто пили в сыром виде. Молоко наливали в деревянную кружку (*ачакуа*) до половины, потом туда же бросали

чистый, раскаленный на огне камень, отчего молоко становилось горячим, а затем в эту же кружку доили козу, после этого над краями посуды поднималась пена. Этот вкусный и полезный напиток под названием *ахширца* готовили и употребляли главным образом абхазы-пастухи.[11]

Для того, чтобы приготовить сливочное масло, кипяченое молоко ставят в холодильник до вечера. Затем снимают сливки (два-три раза) и в миксере сбивают масло. Некоторые сбивают масло вручную в стеклянных банках. Для лучшей сохранности иногда масло солят. В старину продукты хранили в колодцах в кастрюлях. Сметану абхазы любят есть с хлебом и с *аджикой*. Если добавить в сметану *аджику,* получается своеобразный соус, приправа к различным блюдам.

Буйволиное молоко используется для приготовления сырного пирога.[12] Из него готовят также мацони и сыр. Буйволиное молоко ценится абхазами как наиболее жирное и питательное. Из сыворотки абхазы делают *ахача* (аналог русской окрошки): добавляют белую соль, киндзу, рейхан, петрушку, репчатый лук. Подают ее с *абыстой,* хлебом и маслом. Еще в сравнительно недавнее время, лет двадцать назад, абхазы делали из молока несколько видов сыров, включая бурдючный.[13] В настоящее время количество сортов сыра сократилось, изменились способы его обработки для длительного хранения.

В семье Светланы Хаджимба в Члоу закваску для «свежего» сыра делают следующим образом. Желудок (сычужная часть) буйвола или коровы сушат и затем коптят над костром. Добавляют виноградный или яблочный уксус, сыворотку из-под сыра. Некоторые добавляют горький перец. Все это выдерживается три дня. Затем в кипяченое молоко добавляют готовую закваску (на 1 л молока идет 25г закваски). Хорошо перемешивают и оставляют на 0,5 часа. Потом ставят на десять минут в печку. Затем получившуюся массу хорошо перемешивают руками и достают готовый сыр. Такой сыр, больше похожий на творог, используется в качестве начинки для вареников, традиционного сырного пирога из пшеничной муки, некоторых других блюд. Наконец, этот сыр является полуфабрикатом для другого сыра – *сулугуни.*

Два-три дня «свежий» сыр лежит дома в комнате. Летом достаточно одного дня. Затем в миску наливают холодную воду и нарезают его туда тонкими полосками. Ставят в печку (или на газовую плиту) на десять минут. Из получившегося осадка формируют круглый колобок будущего сыра. В отдельную посуду насыпают соль, сверху кладут сыр и опять посыпают солью. Через сутки сыр готов. Хранят его или в рассоле (более традиционный способ), или в холодильнике. Точно так же, как мы наблюдали в августе 2005 г., сыр готовят в селе Джгерда Очамчирского района и в Лыхнах Гудаутского.[14] (рис. 2).

Крупы и бобовые

Как неоднократно подчеркивалось, наиболее характерным абхазским блюдом, своего рода визитной карточкой традиционной кухни является каша из кукурузной муки (или крупы) – *абыста,* которую подают с сыром и приправляют аджикой. Когда-то давно, на рубеже XIX–XX вв., ее варили из проса, посевы которого затем уступили место кукурузе. Зерно мололи и продолжают молоть на водяных мельницах, расположенных, как правило, в очень живописных местах, на горных ручьях (рис. 3).

В Абхазии произрастают различные виды кукурузы (белая, желтая, красная). Раньше предпочтение отдавали крупе из красной кукурузы, сейчас наиболее популярна белая. Полевые материалы показывают, что красная кукуруза постепенно вновь завоевывает популярность, и посевы ее постепенно возобновляются.

В августе 2004 г. в селе Дурипш молодая невестка Вероника Кварацхелия, 1987 г.р., уроженка Очамчирского района, показала мне два варианта *абысты.* Для Очамчирской абысты промывают крупную кукурузную крупу *(ахрых),* засыпают в холодную воду и долго (сорок минут) варят, пока она не станет мягкой. В конце варки добавляют кукурузную муку *(ашила)* или манку и все быстро перемешивают и потом она доходит минут десять-пятнадцать.

Для *абысты* «Гудаутской» *(ассыс-абыста),* ее еще называют «на скорую руку, для гостей», в кипящую воду засыпают обычную кукурузную муку, она доводится до кипения и варится минут десять-пятнадцать. Затем опять добавляют еще кукурузной муки и интенсивно перемешивают, и она обязательно должна зашипеть особым образом.

Если этого нет – *абыста* не удалась! Мешают *абысту* специальной деревянной лопаточкой из ели.

Для каждого гостя и члена семьи *абыста* выкладывается на отдельную тарелку. Затем в нее погружают кусочки сыра (как правило, по два на порцию). Раньше, когда не было тарелок в достаточном количестве, порции *абысты* раскладывались прямо на чистых деревянных столах. Абхазы едят *абысту* руками, ловко окуная при этом в различные соусы. Приехавшие из далека гости, как правило, не могут с этим справиться и вынуждены пользоваться столовыми приборами.

Почти так же часто, а может быть и чаще, чем кукурузную *абысту,* абхазы едят фасоль (лобио). По свидетельству Виолетты Ануа из Члоу, раньше лобио варили в глиняных горшочках у костра. Оно варилось быстрее и получалось вкуснее.

Из пшеничной муки пекут сырный пирог, чурек, делают вареники, торты и пирожные для праздничных столов (рис. 4). Манная крупа в продаже бывает редко. Тем не менее, из нее не только варят каши, но и пекут на ее основе пироги с сыром. Вообще ассортимент продуктов в сельских магазинах, даже в таких крупных селах, как Лыхны, весьма скуден и ограничен кондитерскими изделиями, некоторыми крупами, макаронами, прохладительными напитками и сахаром. Даже хлеб в них завозят не регулярно.

Покупную гречку готовят со сливочным маслом, иногда со свежим молоком. Она считается очень полезной. Из риса готовят молочные каши с сахаром и солью, которые подают на поминки. Едят ее с хлебом и медом. В начале XX в. макарон не было, и абхазы делали домашнюю лапшу. Сейчас макароны, как правило, покупают. Подсолнечник в Абхазии не культивируют. Покупное растительное масло появилось в обиходе в 1930-1940-е гг. Абхазы предпочитают употреблять в пищу ореховое масло.

Дикорастущие растения и приправы

В питании абхазов совершенно особую роль играют острые приправы и приготовленные на их основе соусы. Без них невозможно себе представить как повседневный, так и праздничный стол абхаза. Самая главная из них, конечно же, *аджика,* или как ее еще называют

- красная (в отличие от обычной белой) соль. Аджику подают к традиционной кукурузной каше – *абысте,* мясным, крупяным и овощным блюдам. Ее едят также с сыром, сметаной и даже с фруктами (арбузом и дыней).

Дуся Баготелия, 1925 г.р., с. Члоу, подробно рассказала и показала мне, как делали аджику во времена ее молодости. Для того, чтобы перемолоть все необходимые ингредиенты, использовалась специальная каменная терка *(ахака)*. Перец и другие составляющие клали на терку и растирали с помощью специального круглого камня *(апхныги)* (рис. 5). Эта каменная терка использовалась в быту абхазов приблизительно до середины 1960-ых гг. Считается, что аджика, сделанная на *ахаке,* лучше той, компоненты которой прокручены на мясорубке.

Основной компонент аджики – жгучий красный перец *(апрпон)*. Свежий перец вешали в *апацхе* (традиционное абхазское хозяйственное строение) и сушили на воздухе в течение недели. На приготовление порции аджики идет 1,5 кг перца, 0,5 кг соли, стакан чищеного чеснока, петрушка, хмели сунели (можно сухие, можно свежие), киндза, фенхель *(акама),* рейхан *(арахана),* орегано *(ацебра),* чабер (рис.6). Без этих трав аджику не делают. Чеснок и травы тоже размалывали на камне. Сейчас для этой цели большинство хозяек используют мясорубки. Зеленую аджику делают точно также, только добавляют зеленый, т.е. недозрелый перец, а не красный. Аджика получается очень ароматная. Для длительного хранения аджику кладут в трехлитровые банки, заливают подсолнечным маслом, добавляют лавровый лист (для аромата и чтобы дольше не портилась). Хранят аджику долго. Двух, трехлетним детям уже давали аджику с фасолью, сыром. Она считается очень полезной для здоровья.

Ткемали *(акоха)* - еще одна весьма часто употребляемая абхазами приправа. В течение десяти минут варят спелую алычу (зеленую, красную и желтую). Пропускают через сито – косточки остаются. На 1 л алычи добавляют одну чайную ложку аджики, петрушку, киндзу, соль. Эта приправа, если в нее не добавлять зелень, хорошо хранится. Подают ее в стаканчиках на свадьбу и другие празднества.

Из дикорастущих трав наиболее часто употребляется крапива. Валентина Кварацхелия из Дурипша рассказала, что молодую крапиву заливают кипятком и отваривают. Мелко режут или проворачивают через мясорубку только листья. Фундук или грецкий орех также пропускают через мясорубку и добавляют немного мацони и крапиву. Получается блюдо довольно твердой консистенции.

Из ореха также готовят острую приправу - *акачпей,* или ореховое масло. В нее входят орехи, аджика, чеснок, лук, все приправы, иногда добавляют мацони – эта заправка по консистенции похожа на *абысту.* Крупный круглый орех растирали с аджикой опять же на традиционной каменной терке–*ахаке.* При этом из ореха выделяется масло, которое, смешиваясь с аджикой, приобретает красный цвет. Сухой остаток получается очень сухой и достаточно твердый. Его намачивают в воде до консистенции каши. Туда добавляют лук, чеснок, зелень (соль не нужно). Это и есть *акачпей.*

Сейчас орехи размалывают в мясорубке. Первый «прокрут» - без аджики. Во второй добавляют аджику. *Акачпей* добавляют в сациви, вареные свекольные листья, в вареную капусту, баклажаны, кольраби *(ахул).* Блюда, оформленные *акачпей,* называются *ачапа.* Колючки *(апарчпан, апырчман)* режут, варят, добавляют *акачпей.*

Соленые листья кольраби уже не варят, как раньше, а только очень мелко режут, добавляют *акачпей* и получается *ачархал. Акачпей* добавляют также в вареную дикорастущую траву *ахужкаландыр,* в бульоны - получается подлива к мамалыге, сырному пирогу, хлебу и т.д.

Из дикорастущей лещины абхазы готовят традиционное сладкое лакомство *аджинджухо* (орехи в застывшем виноградном соке). Конопля в Абхазии растет в диком виде, но ее никогда не использовали. Лавровый лист также, как правило, относится к дикорастущим, а из плодов лавровишни, дикой или культурной, делают лавровишневую водку (чачу) или даже вино.

Охота и рыболовство

В старину блюда из дичи (*ашеарах-жьы*), особенно у дворян и князей, считались в Абхазии весьма почетными. «Всякая домашняя птица: идейка, каплун, гусь, курица, утка, дикая мелкая дичь, которую

только можно достать в это время: фазан, перепелка, журавль, вальдшнеп, горная индейка, дикая утка, дикие голуби и проч. подавалось обычно в жареном виде, а крупная дичь – тур, косуля, серна, олень и пр. – в вареном виде. Исключение составляли заяц, который подавался целиком исключительно в жареном виде, предварительно битый прутьями, причем его ели не все, и кабан, который тоже подавался обязательно в жареном виде».[15]

В 1988 г. в высокогорном селе Псху местные жители рассказывали нам, что весьма интенсивно охотились на кабанов, коз, другую дичь в окрестностях, пока эта зона не была объявлена заповедной.[16] Охотятся в Абхазии исключительно мужчины, в основном на кабанов, перепелок, диких уток, зайцев. Перепелок жарят, коптят и консервируют. В горах водятся медведи, волки, лисы, количество которых в последние годы заметно увеличилось. Местные жители иногда вынуждены вести их отстрел, чтобы предотвратить потравы посевов и нападения на домашних животных.

По поводу того, насколько часто абхазы раньше употребляли рыбу, у исследователей наблюдаются существенные расхождения. Так, Г.Г. Копешавидзе пишет, что до сравнительно недавнего времени абхазы, несмотря на обилие рыбы в море и горных реках, практически не употребляли ее в пищу.[17] С другой стороны, О.В. Маан, в монографии, посвященной историческим и этнографическим проблемам Абжуйской Абхазии, утверждает, что «в прошлом широко употреблялась в пищу рыба. Причем, большее предпочтение отдавалось речной, нежели морской рыбе. Ели рыбу свежежаренную, соленую, копченую».[18]

Собирая полевой материал, мы увидели, что речная форель, камбала, сазан, барабулька, морская селедка, лосось и другие виды рыб, если и не используются в пищу абхазов повседневно, то все-таки присутствуют на столе хотя бы эпизодически. Рыбу жарят, солят, коптят, сушат (хамсу). Рыба игла считается абхазами не вполне съедобной. В 1988 г. жители Псху жаловались нам, что начальство прилетает из Сухуми и занимается браконьерским ловом рыбы, с использованием взрывчатки и т.д. Сейчас рыбу абхазы иногда покупают на рынках.

Повседневные трапезы в прошлом и настоящем

Исторически сложилось так, что обычай избегания (и в том числе в ходе повседневных трапез) был более выражен в Бзыбской Абхазии, чем в Абжуйской. И мы еще наблюдали, как в селении Дурипш Гудаутского района невестка не только не сидит за столом со свекром и свекровью, но даже не может говорить в их присутствии.[19] Иногда еще и в наши дни в этих районах невестка питается отдельно, после того, как старшие члены семьи, включая ее мужа, закончили трапезу.

Жительница села Члоу Очамчирского района Нателла Кварчиа, 1928 г.р., полагает, что во времена ее молодости (1950-е гг.) завтрак состоял из молока, сыра, чурека, сливочного масла, чая. Завтракали приблизительно около восьми часов утра.

На обед (приблизительно в два часа дня) подавали абысту из белой кукурузы с аджикой, мацони, свежий сыр, яйца вареные и жареные, хлеб по желанию, два раза в неделю - курятину, компоты, соки, варенья. Если обедали в поле, то приходилось обходиться без *абысты.*

Ужин, как правило, подавали в восемь-девять часов вечера и состоял он из чая , жареной или вареной картошки, соленых и свежих огурцов и помидоров, хлеба (чурека). Можно видеть, что уже в те годы абысту (по крайней мере в этом доме) ели всего один раз в день.

Отметим, что для абхазского традиционного стола были не характерны первые блюда и обилие мясных кушаний. Напротив, мы видим крайне скромное (два раза в неделю) использование мяса, причем мяса птицы. Так же обращает на себя внимание практически полное отсутствие в повседневном рационе растительных масел, за исключением, орехового.

Трехразовый режим питания сохранился у абхазов до настоящего времени.

Как уже было сказано, самое характерное для абхазского стола (как повседневного, так и праздничного) блюдо – это кукурузная каша абыста, приправленная аджикой и сыром. Раньше ее готовили из проса, но на рубеже XIX–XX вв. посевы кукурузы практически полностью вытеснили его с полей, оставив лишь небольшие делянки, урожай с которых используется для приготовления блюд ритуальной кухни.[20]

Почти во всех семьях наши информаторы отмечали, что в последние десять-пятнадцать лет гораздо реже варят *абысту.* Если раньше ее варили ежедневно (а в некоторых домах и несколько раз в день), то наши полевые материалы 2004-2006 гг. показывают, что во многих семьях, особенно перебравшихся в города, ее теперь варят один раз в неделю, а то и реже. Непреложным остался лишь обычай подавать ее гостям. И если в наши дни далеко не всегда в честь гостя зарежут курочку и тем более поросенка или бычка (это связано, конечно же, с непростой экономической ситуацией), то гость может не волноваться – свежесваренная *абыста* всегда ожидает его. Если на обед была *абыста,* то на ужин ее, как правило, уже не подают, или наоборот.

Мука пшеничная в продаже бывает не всегда. Особенно трудно с ней было во время военного конфликта 1992-1993 гг. По-прежнему раз в день (или чаще) абхазы едят фасоль. В наше время больше употребляют картошки, чем раньше. Некоторые информаторы говорили, что употребляют макароны ежедневно.

Яйца варят, жарят, добавляют в сдобу, различные салаты, заимствованные, как правило, из русской, городской кухни. Поваренную соль сейчас употребляют мелкую, а раньше использовали в основном крупную. Это так называемая «белая соль». Но основной источник соли для абхазов - это «красная соль», или *аджика.* Рафинированный сахар абхазы едят весьма умеренно, некоторые вынуждены отказаться от него по медицинским показаниям. Мед в основном покупают или получают в подарок (рис. 7). А между тем, пчеловодство в Абхазии было весьма распространено, и мед использовался не только как ценный продукт, но и широко применялся в народной медицине.[21] Чай с заброшенных плантаций абхазы собирают в мае (он считается самым качественным). Пропускают через мясорубку и хранят в банках.

Особый рацион питания был у бойцов на позициях во время военного конфликта 1992-1993 гг. Чай они брали прямо с заброшенных плантаций, где он еще не успел одичать. Чебуреки (больше городская кухня) делали с мясом и сыром на костре. Варили картофельный суп с мясом, соус (мясо с картошкой). *Аджику* брали из дома. «Без аджики

как покушаешь?» – говорят абхазы. Перед наступлением бойцам давали боевые «сто грамм».

Ограничения, запреты и сезонные различия в питании

Различия в употреблении свинины в Абхазии не столь ярко выражены в зависимости от конфессиональной принадлежности того или иного человека. В Очамчирском районе, например, почти повсеместно разводят свиней, но некоторые люди не употребляют ее в пищу. Напротив, в Дурипше (Гудаутский район) вы свиней не увидите, но во многих семьях свинину употребляют. В то же время в семье Валентины Кварацхелия из Дурипша строго воздерживается от свинины лишь молодая невестка, которая приняла ислам, живя в Санкт–Петербурге. Она же очень строго соблюдает пост, даже не пьет в светлое время суток. Если пост пропускается по тем или иным причинам, его необходимо возместить в течение года. «Мусульмане не пьют, не едят медведя, волка, хищных птиц, клыки, ногти» – объясняла она нам. В то же время в этой же семье, все члены которой считают себя мусульманами, справляют Пасху, Успение Пресвятой Богородицы *(Нанхуа)*.

Пожалуй, более строгий запрет на употребление в пищу свинины и алкоголя в Абхазии соблюдают турки. Но и они, как мы это наблюдали в августе 2005 г. в селении Джгерда Очамчирского района, угощая гостей, обязательно провозглашают тост за их здоровье. Абхазы-христиане соблюдали и соблюдают Великий и Успенский пост, но только некоторые. Сейчас молодые абхазы больше соблюдают пост, особенно последнюю неделю сидят на хлебе и воде. До этого исключают мясо, молоко, сыр и т.д.

Когда в семье кто-то умирает, его близкие родственники (вдова, сын, дочь и т.д.) до девяти дней соблюдают строгий пост. Если в эти дни им приходится посещать кого-нибудь с визитами, то в гостях они также не едят мяса.

Иногда абхазы отказываются от той или иной пищи по обету. Так, жительница села Члоу Дуся Баготелия, кроме свинины, не ест также и огурцы. Дело в том, что в тот год, когда умер брат бабушки Дуси,

огурцы еще не созрели, и он не успел попробовать свежих огурцов. И она всю жизнь в память о брате не ест огурцы.

Что же касается людей пожилого и преклонного возраста, особых ограничений в их питании не наблюдается, пожалуй, они сохраняют все свои пищевые предпочтения, а ограничения касаются скорее уменьшения количества употребляемой пищи и алкогольных напитков.

Некоторые исследователи абхазского долгожительства справедливо отмечали, что среди абхазов не найти вегетарианцев и что их любимая пища – мясная.[22] Если с первым утверждением мы безусловно согласны, то второе требует уточнения. Дело в том, что молочно-растительная направленность традиционного питания абхазов отчетливо сдвинута в сторону теплого времени года, когда мясо они употребляют только за праздничным или гостевым столом (исключение составляет мясо птицы). Заготовка мяса на семью приходится на конец года, когда впереди – Новогодние праздники. Под Новый год обычно режут бычка и коптят мясо. Его хватает на два – три месяца. Когда мясо заканчивается, переходят на сыр. Таким образом, постоянно абхазы едят мясо только зимой. Исключения составляют, как мы уже говорили, праздничные трапезы и прием гостей. В старину каждый абхаз, принимавший гостя, должен был зарезать в его честь бычка. В наши дни это, как правило, бывает курочка.

Говядину чаще коптят, а свинину тушат и заливают слоем жира. Зимой в основном едят *хинкали*, соус (тушеную говядину или свинину). Иногда, и мы были тому свидетелями во время экспедиции в августе 2005 г. в селе Джгерда, если скот покалечился (в нашем случае молодой бычок попал в бурный горный поток), его приходится забивать и в летнее время. Точно так же, как и зимой, мясо сначала в течение нескольких дней коптят, что бы оно лучше хранилось, а потом уже подвергают тепловой обработке (жарят или варят).

Праздничные застолья

Для Абхазии характерны многолюдные застолья, устраиваемые по поводу свадеб, похорон, поминок, рождения детей и других важ-

ных событий в жизни семьи, а также на Пасху, Новый год и другие светские и религиозные праздники.

Гости рассаживались вокруг столов в определенном порядке, который не всегда можно видеть в наши дни (рис. 8). Но и сегодня строго соблюдается правило, согласно которому пожилые и старшие члены семьи и рода занимают за столом самые почетные места. Дети, как правило, не могут сидеть за одним столом со взрослыми. Они обычно помогают хозяйке дома ухаживать за гостями. До наших дней сохранился трогательный обычай, когда перед тем, как сесть за стол, кто-нибудь из молодого поколения семьи поливает на руки гостям и подает полотенце (рис. 9).

В традиционном абхазском обществе очень широко развита взаимопомощь между соседями, которые помогают друг другу организовать прием гостей и вообще принимают самое живое участие в жизни друг друга. Собственно, соседи (причем мужчины) обычно готовят основные блюда абхазского праздничного стола – *абысту* и мясо. Ведь для гостей *абысту* варят в столитровом котле, а мешать такую кашу под силу только сильному полу. Все эти обстоятельства, безусловно, способствовали очень тесным, почти семейным отношениям между соседями и односельчанами. Недаром в Абхазии так популярна пословица: «Ближний сосед лучше дальнего родственника».

В старину в богатых домах прием гостей сопровождался весьма пышными пиршествами. Вот как их описывает И. Аджинджал: «При гостях блюда чередовались в следующем порядке: сначала подавалась чача (виноградная водка кустарного приготовления) по одной-две стопки с легкой закуской и зеленью. Затем следовало вино. После *абыста* подавался большой, соответствующий важности гостя, цельный кусок вареной говядины или баранины; третье блюдо – жареное мясо на вертеле; четвертое – жареная птица с приправами. Одновременно подавали внутренности барана, сыры, печенья и прочее. Последним подавалось кислое молоко с сотовым медом».[23] И если в наши дни угощение, как таковое, как правило, выглядит скромнее, это никак не умаляет чрезвычайно торжественной и приподнятой атмосферы, которой, как правило, сопровождается любой прием гостей в Абхазии.

Свадьба

В старину, как и у многих других народов, снедь для свадебного стола поставляли все члены рода и общества. «У абхазцев память о той поре, когда устройство свадьбы являлось делом всей родовой общины, выражается в том, что припасы для свадебного ужина доставляются всеми родственниками и даже хорошими знакомыми жениха».[24] В какой-то степени этот обычай сохранился и до наших дней. Родственники и соседи не только помогают организовать свадебное торжество, но и принимают самое деятельное участие в приготовлении тех или иных блюд. Обычаи взаимопомощи играли также важную роль в формировании трудовой репутации его участников, особенно молодежи, были одной из форм общения людей разных возрастов.[25]

Итак, рассмотрим традиционный свадебный стол, который по свидетельству Дуси Баготелия, существовал приблизительно до 1960-ых гг.[26]

Блюда для свадебного стола: мясо (говядина), курица. Сациви готовили, как правило, из индейки с ореховым соусом – типичное свадебное блюдо. *Абыста,* вареники, сырный пирог, *аджика* (показательно, что аджика приводится в качестве отдельного блюда, а не как приправа), *акоха* (ткемали), зелень – тоже отдельное блюдо, *аджинджухо* (лещина в застывшем виноградном соке), «сухой торт», вино, чача.

На свадьбу никогда не подают стручковую фасоль с орехами, так как это блюдо – принадлежность похоронного стола.

Асацив – сациви

Для этого блюда делают особую аджику – все травы должны быть только сухие. Крупный орех (лещину) трут на каменной терке и добавляют в «сухую» аджику. На один стакан орехов добавляют одну чайную ложку аджики и полтора стакана кипятка. Пять зубчиков чеснока и одну головку лука мелко порезать и добавить в соус. Курицу или индюшку варили, иногда жарили.

Абыста

В старину не было крупы, а была только кукурузная мука. В столитровом котле в холодной воде размешивали одно ведро кукурузной муки и доводили до кипения. Затем добавляли еще муки. Абысту мешали специальной деревянной палкой с овальным расширением на

конце, которая называется амхабыста. Варили полчаса на очаге или на дворе. Для абысты брали муку зрелой кукурузы. Тарелок хватало только для мяса и курицы. Аджику клали просто на чистый деревянный стол по количеству гостей. На порцию абысты каждому намазывали аджику.

Вареники

Мука, вода и соль идут на приготовление теста. Начинку делали из свежего сыра с сахаром и солью. Вареники подают с мацони.

Сырный пирог

Тесто делают из воды, муки, дрожжей и соли. Оно должно подойти три раза. Затем его особым образом раскатывают и в качестве начинки добавляют свежий сыр. Выпекают в металлических печках. Из 1 кг муки получается три пирога.

Новый год – Старый Новый год

Один из наиболее широко празднуемых в Абхазии светских праздников – это Новый год, причем именно Старый Новый год. В эту ночь (с 13 на 14 января) в родительском доме собирается вся семья. Уроженка села Куланурхва, Зинаида Бигвава, семидесяти двух лет, которая большую часть жизни прожила в Дурипше, рассказала нам,[27] что на эти праздники, как правило, режут бычка, индюков и петухов.

Все члены семьи, кроме замужних женщин, с самодельными свечками идут молиться в ритуальную кузницу – *ажира.* По обычаю, на каждого члена семьи полагается принести в жертву петуха и испечь один сырный пирог. Если девушка из этой семьи выйдет замуж, то в первый год после замужества на нее делают свечу и режут петуха, вне зависимости от того, есть ли *ажира* в доме ее мужа.[28] Старший в семье мужчина молится о благополучии семьи и рода в наступающем году. Затем вареные печень и сердце петуха обмакивают в соль, которая кладется на тарелочку или на сырный пирог, и запивают вином (красным или белым). Затем все возвращаются домой, где праздник продолжается.

На стол подают абысту, сырный пирог, вареную курятину и асацив, сыр, аджику, фасоль, болгарский перец, фаршированный мясом

и орехами, соления, различные салаты, фрукты (хурму, киви, апельсины, мандарины, яблоки, дыни, арбузы), сухофрукты (покупные). В последние годы на такие праздники хозяйки, кроме традиционной пахлавы, пекут также разнообразные торты, что можно рассматривать как влияние городской кухни. Почти так же празднуют в Абхазии Рождество.

Пасха

Пасху в Абхазии празднуют как христиане, так и мусульмане. Это один из самых любимых и широко отмечаемых праздников. Далеко не все абхазы посещают пасхальные службы в храмах, таких скорее меньшинство, но это не мешает им праздновать в узком семейном кругу. На примере праздника Пасхи, также, как и на других праздниках в Абхазии, а может быть даже в большей степени, можно видеть, как тесно переплелись христианские и языческие обряды и обычаи.

Лида Логуа, уроженка села Арасадзых, рассказала, что на Пасху обязательно режут козленка. Также на стол подаются кулич, *абыста,* яйца, крашеные луком, сырный пирог, курятина вареная и жареная, асацив, стручковая фасоль с орехами, вареники без начинки *(ахампал),* различные салаты. Свежую вареную капусту подают с ореховым соусом, *аджикой*, репчатым луком, зеленью. На пасхальном столе обязательны соленые огурцы, помидоры, болгарский перец, капуста квашенная красная (со свеклой). К чаю подают торты, *абакалву* (домашнюю халву).

Абакалва:

Тесто замешивают из двух горстей пшеничной муки, одного яйца и соли. Добавляют пачку растопленного маргарина, воду или молоко, так, чтобы руки не прилипали. Делят на семь частей и раскатывают тонким слоем. Начинка: три стакана очищенных орехов и столько же сахара. На горячую сковороду со сливочным маслом кладут раскатанный лист теста, сверху начинку с кусочками сливочного масла. И так – все семь слоев. Смазывают сливочным маслом. Разрезают на квадратики (не до конца!) и выпекают сорок минут. Подают на все праздники.

Ахампал:

Пшеничную (больше) и кукурузную (меньше) муку смешивают, добавляют соль, одно яйцо, воду и замешивают тесто. Из теста формируют шарик и выпускают «хвостик» (по форме *ахампал* напоминает грушу). Готовые варят сорок минут. Подают с фасолью. Обычно *ахампал* делают с сыром, а на Пасху – без сыра.

Салаты (оливье, шуба, грибной)

Салат «шуба»:

Картошка вареная, свекла, морковь вареная, яйца и лук, майонез. Все пропускают через терку, каждый слой пропитывают майонезом. Иногда добавляют селедку, иногда – мясо.

Грибной салат:

Картошка вареная, лук жареный, грибы жареные. Все пропускают через мясорубку. На каждый слой грибов с картошкой - лук и майонез. Грибы используют, как правило, покупные консервированные шампиньоны.

Центральный момент праздника Пасхи – «Открывание кувшина» – *«Ахапьша лахыртлара»*. Семья собирается вокруг закупоренного глиняного кувшина, закопанного в землю (ахапша) в строго определенном месте. Старший в семье мужчина произносит молитву, где просит всего самого хорошего для своей семьи. Потом режут козленка и варят его около кувшина. Открывают кувшин и несут свежее вино на стол. Затем старший член рода показывает печень и сердце, которые разрезает на кусочки и дает каждому попробовать. Из пчелиного воска готовят свечу, которую держит кто-либо из родных.

Поминальный стол

Поминальные и похоронные столы в Абхазии традиционно были[29] и остаются одними из самых богатых по количеству и разнообразию подаваемых блюд. Это безусловно связано с культом предков, которых очень почитают в Абхазии.

В селе Джгерда Марина Амичба (Хашба), 1960 г.р. рассказала нам,[30] что для плакальщиков (близких родственников, которые приходят оплакивать усопшего), накрывают стол, на который подают фасоль, соления (капусту, огурцы, сасапариль), сыр, любую жаренную рыбу, вино, чачу, сладкий рис с изюмом, сладкую воду. Абысту на такой стол никогда не подают. Раньше хоронили на пятый – шестой день. До этого момента усопшего оплакивали родственники и соседи.

Блюда для похоронного стола:

Стручковая фасоль (акуд), капуста кольраби (ахул), соления, халва (ахалва), чурек. Акуд – стручковая фасоль, к которой обязательно подавали чурек, соления, ахалва, вино, чачу. Абысту и хлеб не подавали. Все блюда на похороны, как правило, готовят соседи, так как родным не до этого.

Фасоль варят два-три часа. На триста человек нужно два ведра фасоли на 100 л воды. Затем в горячую фасоль добавляют два литра аджики, много зелени: киндзу, рейхан, петрушку, чеснок, лук. Получается густой соус, который разбивали в пюре специальным деревянным веничком – «акудршшыга». Подают пряную фасоль в горячем виде. Ахул – капуста кольраби. Ее засаливают целиком в бочках, куда кладут соль, стручковый красный перец, все травы, которые добавляют в аджику. Капусту обычно солят в октябре.

Чурек выпекали в апацхе на очаге в больших круглых сковородках. В качестве дрожжей использовали кусочек теста из предыдущего замеса. Такой хлеб оставался мягким в течение трех дней. В семье Марины Амичба из Джгерды до сих пор пекут хлеб, который похож на пышную лепешку.

Ахалва – халва.

Когда резали скотину, перетапливали говяжий жир и добавляли в него соль. Все это нагревали в котле (на огне) с добавлением 2 кг муки из красных сортов кукурузы, пока она не становилась красной. Затем наливали 2 - 3 л воды и добавляли 0,5 – 1 л меда. Все это тщательно перемешивали и выливали на деревянный стол и оставляли застывать. Затем аккуратно разрезали на ромбы. Сейчас халву разливают в миски.

Три дня после похорон абхазы не ходят на кладбище. На третий день делают стол на кладбищ, где подают вареники, ахалву, сырный пирог, вино, чачу.

Девять дней.

У мегрелов и некоторых абхазов-христиан по усопшему справляют девять дней. На стол подают: абаклаву (пахлаву) – основное блюдо, стручковую фасоль и капусту, салаты, маслины, икру, торты, конфеты, фрукты.

Пятнадцать дней.

Абхазы–мусульмане вместо девяти дней поминают покойного на пятнадцатый день. Обязательным блюдом здесь является вареная баранина. Также подают абысту, сырный пирог, вареники, салаты (в последние годы).

Сороковины в Абхазии, как правило, справляют по усопшему христиане, у мусульман этому сроку соответствует пятьдесят второй день со дня смерти.

Делают большой стол, куда приглашают всех родных, соседей, друзей, односельчан. Режут большого быка (если покойный – мужчина), корову – если женщина. Мясо обычно приносят родственники усопшего. Подают обязательно курицу (вареную и жаренную). Остальные блюда - такие же, как на девять (пятнадцать) дней. В последние годы к этому перечню обычно добавляют салаты и торты.

Годовщина - ашукс

Все приносят торты, сладости, напитки, курицу, а также деньги. Иногда эти подношения красиво оформляются.

На всех похоронных и поминальных столах в Абхазии ставят самодельную свечу из пчелиного воска, и пока она не прогорит, за стол никто не садится. Затем из каждой рюмки понемногу отливают на пол (или на землю), трясут стол, стулья и только потом садятся за стол. Во время праздника Рождества Пресвятой Богородицы, который справляют все абхазы, в каждой семье поминают всех усопших предков и родственников.

* * *

Если двадцать пять лет назад, когда комплексные исследования феномена долгожительства только начинались, было относительно

справедливо утверждение Сулы Бенет, что в Абхазии «дети, взрослые и старики придерживаются одной и той же диеты и не проявляют никакого интереса к незнакомой для них пище…»,[31] то в наши дни мы отмечаем довольно значительные изменения традиционной системы повседневного питания.

В Абхазии, как уже отмечалось выше, и сегодня есть семьи, где два - три раза в день варят *абысту,* но таких осталось крайне мало. *Абыста* переходит в разряд скорее гостевых блюд, чем повседневных. Фасоль иногда варят с картошкой (картофельная фасоль). Довольно широко стали распространены супы (борщ, щи, прозрачные, уха, свекольные, морковные), салаты (огурцы, помидоры, капуста), котлеты, жаренная картошка, пельмени, вареники (с квашенной капустой, с картошкой), пироги (в том числе сладкие), запеканки картофельные, сырные, грибные, гречневая каша как отдельное блюдо (со сгущенным молоком) и в качестве гарнира к мясным блюдам. Понятно, что эти блюда являются заимствованными из русской (городской) кухни.

Обычно абхазы не употребляют в пищу растущие поблизости грибы, так как нет такой традиции и, кроме того, они в них плохо разбираются. В абхазской культуре (в отличие, например, от русской) грибы не являются деликатесом. Но те абхазы, которые подолгу жили в России, уже научились и собирать грибы и правильно их готовить. Так, Валентина Кварацхелия (Дурипш), которая семнадцать лет прожила со своей семьей в Благовещенске, собирает в окрестностях села много опят, которые затем маринует и консервирует. Шампиньоны она покупает.

Раньше для абхазской традиционной кухни были не характерны такие блюда, как первое (все виды супов), каши (кроме абысты), жареная картошка, голубцы, котлеты и др. Другими словами, абхазы предпочитали более натуральные продукты, чем подвергнутые сложной переработке. Из горячих блюд, кроме абысты и фасоли, они практически ничего не ели. И те блюда подавались по абхазской традиции в теплом виде, благо жаркий климат этому способствовал. Кроме того, такая кухня, в отличие, например, от русской, подразумевает крайне экономное использование растительного масла.

В последние несколько лет в сельской местности отмечается увеличение потребления кофе и покупных кондитерских изделий, что ранее было характерно только для города.

Многие жители сельской Абхазии, с которыми нам удалось побеседовать, говорили о резком падении их уровня жизни после распада СССР. Особенно тяжелая обстановка, как уже отмечалось выше, сложилась во время грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. Но, тем не менее, люди, за редким исключением, не голодали. Отсутствовали, из-за нарушения торговых связей, пшеничная мука, сахар, соль, подсолнечное масло и некоторые другие продукты.

Мы наблюдали также довольно много заимствований из русской и городской кухни. Но, как и прежде, основу повседневного питания абхазов, как в городе, так и в сельской местности, составляют традиционная *абыста* с сулугуни, молочные и кисломолочные продукты, острые и кислые приправы, фрукты, овощи, орехи, мед.

Абхазский традиционный пищевой комплекс, включающий в себя довольно архаичные черты и опирающийся, прежде всего, на продукты собственного производства, именно благодаря этим характерным чертам дошел до наших дней в своей основе практически без изменений. В сочетании с традициями широкого гостеприимства по отношению как своего круга (родственники, соседи, односельчане), так и совершенно незнакомых или мало знакомых людей, а также целой системой празднеств, сопровождающихся общими застольями, традиционная абхазская система питания, безусловно, подразумевает нечто гораздо большее, чем просто хлеб насущный.

Натуральные продукты, выращенные в собственном хозяйстве без применения химикатов и сохраняемые без химических консервантов, которые лежат в основе традиционного рациона абхазов, безусловно, способствуют здоровью каждого отдельного индивидуума и высокой продолжительности жизни, все еще отмечаемой среди абхазов. С увеличением доли заимствованных блюд и способов обработки продуктов, абхазская традиционная кухня, на наш взгляд, постепенно теряет свои долгожительские черты, что не лучшим образом может сказаться на здоровье и, как следствие, продолжительности жизни пожилых людей.

В последние годы социально-экономическая ситуация в Абхазии постепенно улучшается. Качество повседневного питания начинает приближаться к довоенному. Интересно, что комплекс покупных продуктов практически не претерпел изменений за последние сто лет. Единственный продукт, перешедший из списка покупных в список производимых – это чай. Его в промышленных масштабах производили колхозы в советское время. Сейчас это производство почти сошло на нет и перешло в разряд кустарного. Кроме того, в сельской местности список покупных продуктов пополнил кофе. Сельские абхазы больше стали покупать сахара и кондитерских изделий, меньше производить и, соответственно, употреблять в пищу меда. Широкое распространение получили в последние годы, так называемые *апацхи,* закусочные с традиционной абхазской кухней, где *абыста* варится, как и положено, в большом котле на открытом огне. В этих ресторанчиках, стилизованных под традиционные абхазские дома, проводят различные торжества, угощают почетных гостей и просто проводят воскресные дни с семьей. Особой популярностью они пользуются у туристов, поток которых на гостеприимные берега Абхазии с каждым годом стремительно растет.

---

1 Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // СЭ, 1981, N4. С.5

2 Копешавидзе Г.Г. Традиционное питание абхазов // Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования. М., 1982; Григоров Ю.Г., Медовар Б.Я., Козловская С.Г., Синеок Л.Л., Недоводиева Е.П. Особенности питания пожилых людей в Абхазии // Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования. М., 1982; Копешавидзе Г.Г. Традиционная система питания (этнографический аспект) // Абхазское долгожительство. М. 1987; Григоров Ю.Г., Козловская С.Г., Медовар Б.Я. Региональные особенности питания и долголетие // Абхазское долгожительство. М., 1987; Григулевич Н.И. Традиционное питание азербайджанцев и проблема долгожительства // Долгожительство в Азербайджане. М., 1989; Агамалиева С.М. О пище населения Таузского и Казахского районов Азербайджанской ССР // Долгожительство в Азербайджане. М., 1989.

3 См. об этом подробнее: Григулевич Н.И. Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении // СЭ. 1990. № 1. С. 114. Григулевич Н.И. Этническая экология питания. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М. 1996. С. 34

4 Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тбилиси. 1977. С.23.
5 Sanoja M. Los hombres de la yuca y el maiz. Un ensayo sobre el origen y desarrollo de los sistemas agrarios en el Nuevo Mundo. Caracas. 1982. P.75
6 Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. Сухуми. 1969. С. 429.
7 Полевые материалы автора (в дальнейшем - ПМА), 2004. Абхазия, Очамчирский район, с. Члоу.
8 Цены 2004 г.
9 ПМА, 2004. Абхазия, Очамчирский район, с. Члоу.
10 Григоров Ю.Г., Медовар Б.Я., Козловская С.Г., Синеок Л.Л., Недоводиева Е.П. Особенности питания пожилых людей в Абхазии // Феномен долгожительства. Антропологo-этнографический аспект исследования. М., 1982. С.101.
11 Аджинджал И.А., 1969. Указ. раб. С.414-415.
12 ПМА, 2004. Абхазия, Очамчирский район, сел. Члоу.
13 Тарджман-ипа Г. Пища и домашняя утварь // Абхазы. Народы и культуры. М., – в печати
14 ПМА, 2005. Очамчирский район, сел. Джгерда; Гудаутский район, сел. Лыхны.
15 Аджинджал И.А., 1969. Указ. раб. С.421.
16 Григулевич Н.И. Мой Кавказ // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., 2001.
17 Копешавидзе Г.Г. Традиционное питание абхазов // Феномен долгожительства. Антропологo-этнографический аспект исследования. М., 1982. С. 93.
18 Маан О.В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. Сухум, 2006. С.341.
19 ПМА, 2004. Абхазия, Гудаутский район, сел. Дурипш.
20 Копешавидзе Г.Г. Там же.
21 Аршба С.Г. Народная медицина абхазов (конец XIX – XX вв.). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005. С.15.
22 Шафиро И.Б., Дарсания Я.М., Кортуа И.Е. Долголетние люди Абхазии. Сухуми. 1956. С.23.
23 Аджинджал И.А., 1969. Указ. раб. С.427.
24 Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С.31.
25 Маан О. В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сухум, 2003. С.98.
26 ПМА, 2004. Абхазия, Очамчирский район, сел. Члоу.
27 ПМА, 2004. Абхазия, Гудаутский район, сел. Дурипш.
28 ПМА, 2006. Абхазия, Гудаутский район, сел. Калдахуара.
29 Аджинджал И.А., 1969. Указ. раб. С. 429.
30 ПМА, 2005. Абхазия, Очамчирский район, сел. Джгерда.
31 Бенет С. Предпосылки долгожительства (по материалам Абхазии) // Феномен долгожительства. Антропологo-этнографический аспект исследования. М. 1982. С. 211.

Рис.1. Абхазия, 2005. Гудаутский район, сел. Лыхны. Утренняя дойка. Фото Н.И. Григулевич

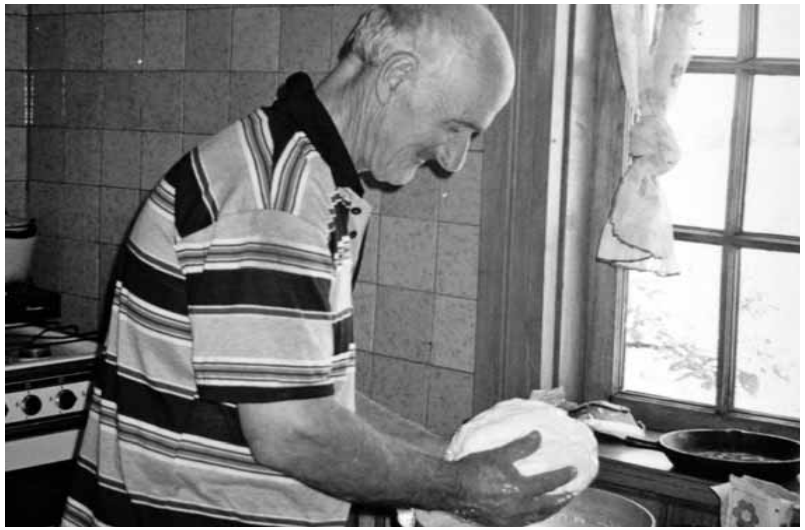

Рис. 2. Абхазия, 2005. Гудаутский район, сел. Лыхны. Приготовление «свежего» сыра. Фото Н.И. Григулевич

Рис. 3. Абхазия, 2004. Гудаутский район. Водяная мельница.
Фото Н.И. Григулевич

Рис. 4. Абхазия, 2006. Гудаутский район. Моление на празднике Курбан.
Фото Н.И. Григулевич

Рис.5. Абхазия, 2004. Очамчирский район, сел. Члоу. Приготовление аджики на традиционной каменной терке ахака. Фото Н.И. Григулевич

Рис. 6. Абхазия, 2006. Гудаутский район, сел. Калдахуара.
Травы, из которых делают аджику. Фото Н.И. Григулевич

Рис. 7. Абхазия, 2006. Гудаутский район, сел. Хуап. Пасека на усадьбе Бебия. Фото Н.И. Григулевич

Рис. 8. Абхазия, 2006. Гудаутский район, сел. Хуап. Абхазское застолье. Фото Н.И. Григулевич

Рис. 9. Абхазия, 2006. Гудаутский район, г. Гудаута. Традиционное умывание рук перед трапезой. Фото Н.И. Григулевич

Н.А. Дубова

ВОЙНА В АБХАЗИИ 1992–1993 гг.: СЛЕДЫ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Начало 1990-х годов – тяжелое время в истории всех республик бывшего Советского Союза. Полностью погруженные в необходимость преодоления сложнейших бытовых проблем, возникших в связи с финансовыми «реформами», а также тяжелого психологического стресса, имевшего в том числе и составляющую, обусловленную колоссальными политическими изменениями в стране, далеко не все из нас могли обратить внимание на то, что происходило в других регионах некогда единой страны. Конечно, все слышали о «вооруженном конфликте» в Абхазии, все мы сопереживали нашим друзьям, но что имело место полтора десятилетия назад в этом благословенном уголке Черноморского побережья на самом деле, никто из нас ясно представить себе не мог. Оторванность одной части страны от другой как следствие экономических проблем и разорванные в результате действий политиков научные связи не давали возможности обмениваться информацией и на уровне личных контактов. Но как только ситуация стала более или менее стабилизироваться, давние научные взаимоотношения стали восстанавливаться. Благодаря им картина того, что происходило на далекой от столицы земле, стала более понятной и отчетливой. Результаты социально-демографических и этноэкологических исследований 2003-2006 гг. на территории Абхазии изложены нами уже в нескольких публикациях, в том числе и включенных в данную книгу. Но за их рамками остались неизгладимые личные впечатления о том, какие бедствия приносят людям амбиции и агрессивность

руководителей. О них-то и хотелось написать особо. Представляется, что это очень важно в связи с современным нагнетанием атмосферы в том же самом регионе.

На III Конгресс этнографов и антропологов России 1999 г. в г. Москве впервые после большого перерыва приехали коллеги из НИИ гуманитарных исследований АН Республики Абхазии, среди которых был и антрополог Петр Камшишевич Квициния – большой друг многих москвичей. Кроме научных сообщений и приятного общения со старыми друзьями, он принес вести о желании абхазских коллег возобновить сотрудничество с Институтом этнологии и антропологии РАН. Эта инициатива была поддержана сотрудниками сектора этнической экологии, созданного четверть века назад именно для организации комплексного изучения феномена абхазского долгожительства, а летом 2003 г. автор данной работы совместно с А.Н. Ямсковым уже выехали в рекогносцировочную поездку в эту непризнанную республику, находящуюся в жесткой экономической блокаде.

Нельзя сказать, что оба участника этого первого после значительного перерыва полевого выезда никогда не бывали за рубежом, и не знали каковы условия и правила перехода границы. Но то, с чем пришлось столкнуться на правом берегу р. Псоу, до сих пор стоит перед глазами: и дорога (правда, асфальтированная) длиной более 1 км между двумя рядами высоченного забора, и крутой подъем, заполненный толпой (именно толпой – стремящимися вперед людьми с громадными тележками, пытающимися обогнать всех даже в жуткой толкучке), в которой попадались и семьи с маленькими детьми, которые не могли себе позволить комфортабельный отдых в «зведочном» отеле где-нибудь в Средиземноморье.

Большинство же жаждущих перейти границу составляли женщины-абхазки всех возрастов и пожилые мужчины, впряженные в разного вида сооружения на колесах, до верху заполненные всем, что необходимо для поддержания хотя бы элементарных материальных потребностей, – мешками с мукой, сахаром, маслом, мылом, строительными материалами, канцелярскими принадлежностями, школьными тетрадями, одеждой, обувью… Молодых парней практически не было, так как они (это нам разъяснили позже уже на территории

Абхазии) досматривались и пограничниками, и таможенниками особо тщательно с обеих сторон границы, а нередко и не пропускались через нее. К этому следует добавить палящее солнце, полное отсутствие каких-либо навесов или крыш и одну единственную стандартного размера калитку, которая и вела к зданию с несколькими окошками, где проверялись документы, и осуществлялся таможенный досмотр. Достаточно типичное для наших соотечественников желание пройти в эту калитку обязательно раньше тех, кто стоит впереди, приводило к известному эффекту «бутылочного горлышка», а потому продвижение наиболее законопослушных граждан можно было сравнить разве что с топтанием на месте. Создавалось полное впечатление того, что для людей, желающих пересечь границу со стороны России, созданы специально столь тяжелые условия, чтобы они потеряли всякое желание повторить этот путь.

Для объективности надо сказать, что уже в следующем, 2004 г. была отменена хотя бы необходимость карабкаться к границе под углом почти в 60 градусов, а позже, благодаря строительству пешеходного моста через реку и устройства перед ним большего числа проверочных окошек, этот этап стал намного проще. В 2006 г. начали курсировать несколько пассажирских вагонов, а также электричка от ст. Веселое (российская сторона границы) до г. Сухум, что позволяло пройти погранично-таможенные формальности, хотя те и занимали более двух часов, не выходя на улицу. Стоит надеяться, что после ремонта железнодорожных путей на территории Абхазии, осуществленных в 2008 г. с помощью железнодорожных войск России, отмены электричек из-за поломок прекратятся, и этот путь станет вполне комфортабельным.

Кстати сказать, степень сложности перехода границы влияла и на цены. Так, наиболее дешево виноград, яблоки, арбузы, сыр сулугуни и прочие плоды абхазской земли можно было купить, естественно, в селах Абхазии. Цена несколько возрастала в таких городах как Очамчира и Сухум. В Гагре и Гудауте, где число отдыхающих год от года возрастало, она была уже значительно выше и даже сравнима с российской (причем не в периферийных районах страны, а в Москве). Самый же большой скачок происходил после пересечения границы, где на Казачьем рынке, устроенном в России в непосредственной близости от

пограничного пункта, оптовики скупали все привезенное из Абхазии, а потом везли в другие регионы страны. Небольшая часть продавалась здесь же. Именно на этом рынке, дабы сэкономить и время, и силы, и деньги, конечно, в большем количестве необходимые при поездке в г. Сочи, абхазки закупали товары повседневного спроса.

Все сказанное выше помещено здесь не для того, чтобы показать, какие сложности должны были преодолевать отдыхающие, а также этнологи и антропологи, отправившиеся в поле всего несколько лет назад. Речь о другом: именно таким путем шло снабжение населения, а потом и отдыхающих всем известных городов-курортов Гагра, Гудаута, Пицунда, Сухум, Очамчира товарами первой необходимости на протяжении более 10 лет. Таким же образом, только в обратном направлении, попадали на рынок любимые многими абхазские мандарины. По словам жителей Абхазии, скопление людей на границе усиливается в сезон сбора орехов и бывает максимальным в период, когда поспевают мандарины… Думается, что кроме каменных стел и других памятников, с любовью воздвигнутых в память защитников родной абхазской земли во всех селах и городах республики, здесь должен стоять и монумент женщинам, в большинстве своем очень хрупкого телосложения, в полном смысле слова на своих плечах вытащивших страну из послевоенной разрухи.

Все в жизни познается в сравнении. Поэтому то, что мы увидели уже на левом берегу р. Псоу, воспринималось в сопоставлении с яркими воспоминаниями предыдущих посещений этого уголка Черноморского побережья, в том числе оставшимися и после экспедиционных исследований конца 1970–1980-х годов. Глаза обычно выхватывают прежде всего нечто экстраординарное, то, что ты не ожидаешь увидеть. И нам бросались в глаза жилые дома, разрушенные бомбежками и артобстрелом, стены с отверстиями от попавших в них мин и гранат, веера черных выбоин на белой штукатурке от автоматных и пулеметных очередей; многоэтажные здания на въезде в Сухум, где большая часть окон зияла чернотой пожаров, а соседству с ними на балконе могло сушиться белье; многочисленные памятные доски с молодыми лицами героев, защитивших мост через р. Гумиста от разрушения в жесточайших боях; бетонно-металлический остов ресторана «Диос-

курия» на набережной Сухума, обгоревшее, обстрелянное монументальное здание Верховного Совета Абхазии в центре города…

Но, пожалуй, одним из самых незабываемых для меня следов войны стал небольшой участок шоссе между Сухумом и Очамчирой. Когда летом 2003 г. мы ехали на машине в этом направлении и оглядывались по сторонам, ничего существенного, кроме буйно разросшейся субтропической зелени, не бросалось нам в глаза и один километр, и два, и три. Но вдруг мелькнул дорожный знак, на котором значилось перечеркнутое название «с. Тамыш». Мы вздрогнули, ибо хорошо помнили, как густо еще совсем недавно была населена эта территория, какие дома стояли на всем протяжении этого участка, и как трудно было в 1980-х (время работы комплексной экспедиции нашего института) найти место между трассой и побережьем для устройства лагеря для ночевки из-за сплошной застройки и личных подворий. Сейчас же, в 2003 г., на протяжении многих километров не было ничего, даже фундаментов, – одни заросли. И только тогда, в попытке разглядеть в них хоть какие-то следы прежней созидательной деятельности людей, мы обратили внимание и на невысокие железные прутики с красными табличками, на которых было написано «Осторожно, мины!». А ведь после окончания войны прошло 10 лет! Это впечатление не было шоком. Скорее надо говорить о том, что эта зачеркнутая надпись через разум дошла до сердца и оставила на нем рубец. Одно дело слышать о тех бедствиях, которые несет война, видеть ужасные фотографии разрушенных городов, сел, страдания людей – что также не может не вызвать сочувствия к жертвам. Но совсем другое – вот так воочию представить себе, на мгновение переносясь в совсем недалекое прошлое, размеренность и суету мирной жизни, от которой ныне не осталось и следа. Именно такие следы войны преодолеть намного сложнее, чем починить разрушенные бомбежкой здания.

Сильные испытания, тяжелейшие потрясения для страны, для ее народа, к каковым, безусловно, относятся военные действия, позволяют понять, кто есть кто. Думается, что духовная сила народа проявляется именно в том, насколько его представители – и рядовые, и находящиеся при власти – хотят сохранить то ценное, что многие поколения предков смогли донести до наших дней: традиционный опыт

адаптации к природной и социальной окружающей среде. И эта сила народа Абхазии проявилась в полной мере. Так, 14 августа 1992 г. в экстренном сообщении пресс-службы Верховного Совета Республики Абхазия говорилось, что «войска, подчиненные Госсовету Грузии, в количестве 1000 человек на 5 танках, вертолете, с 10 пушками пересекли границу Грузии и вошли на территорию Абхазии. Официальным поводом переброски грузинских войск в Абхазию служит утверждение Госсовета о том, что министр внутренних дел Грузии Роман Гвенцадзе и 12 взятых с ним заложников находятся в Абхазии. Однако это не соответствует действительности. Заложников в Абхазии не было и нет. На самом деле действия Госсовета ни что иное, как подготовленная оккупация территория суверенной Абхазии.

С утра 14 августа под полный контроль войск Госсовета взят Гальский район, бойцы стремительно продвигаются к столице Республики Абхазии – Сухуму. В заложники взять глава Очамчирского района Гургулия. Во вторую сухумскую больницу уже доставлены первые пострадавшие, один человек убит. Есть сведения, что войска Госсовета, объединившись с батальоном из Сухумской турбазы, продвигаются к зданию Верховного Совета Абхазии. В телефонном разговоре Эдуард Шеварднадзе сказал, что в данное время разыскивает Тенгиза Китовани, о ситуации ничего не знает.

Сухумский аэропорт обстрелян вертолетами, переданными Госсовету Российской Армией. В аэропорту высадился грузинский десант»[1].

В тот же день Председатель Верховного Совета Республики Абхазия В. Ардзинба подписал Постановление Президиума ВС «О проведении мобилизации взрослого населения и передаче оружия в полк внутренних войск Абхазии».

На следующий день Информационное агентство «Независимой газеты» дает более полную информацию: «Как сообщили из пресс-службы ВС Абхазии, в ночь на 14 августа войска Госсовета Грузии вступили в абхазский город Гали. Акция, как следует из сообщения, предпринята без согласования с властями Абхазии, которые не были поставлены в известность ни о планируемых передвижениях войск по территории Абхазии, ни о сроках их дальнейшего пребывания там.

14 августа на утреннем заседании сессии ВС Абхазии факт введения войск Госсовета квалифицирован как агрессия по отношению к абхазской государственности.

Руководство внутренних войск Абхазии отмечает, что приказ подразделениям абхазских внутренних войск об оказании вооруженного сопротивления войскам Госсовета Грузии не отменен.

Причиной вступления грузинских войск в Абхазию явилось то, что, по сведениям из Тбилиси, именно в Абхазии (в селе Кохори Гальского района) содержится ряд лидеров Грузии, захваченных в заложники «звиадистами». Однако независимое грузинское агентство «Ипринда» сообщило, что заложников из Кохори переправили в район Зугдиди. По информации из Сухума, заложников вообще не было на территории Абхазии.

Утром 14 августа депутаты ВС Абхазии намеревались отправить в Гальский район свою делегацию для переговоров с грузинской стороной. Однако они не успели этого сделать, так как вскоре им сообщили, что грузины прошли Очамчирский район. По сообщению абхазских источников, абхазские посты на пути движения грузин были смяты.

Взят в заложники глава администрации Очамчирского района Гургулия, прибывший во время перестрелки на первый военный пост на территории Абхазии в местечке Охурей.

Численность грузинских формирований, вошедших в Абхазию, по сведениям пресс-центра ВС Абхазии, – до тысячи человек. Они используют 10 БТР, 5 танков, 1 военный ветолет, 10 артиллерийских установок и автобусы «Икарус».

Войдя в Сухум, грузинские воинские подразделения объединились с грузинскими формированиями, находившимися на турбазе имени XV съезда ВЛКСМ, и двинулись в глубь города. Согласно сведениям из ВС Абхазии, в 12 часов они подошли к зданию ВС. В городе были слышны перестрелка и артиллерийские залпы.

В больницы Сухума поступили первые раненые.

Как сообщили в пресс-службе ВС Абхазии, Председатель ВС Абхазии Владислав Ардзинба разговаривал вчера по телефону с Председателем Госсовета Грузии Эдуардом Шеварднадзе. Последний заявил, что не санкционировал подобных действий. По сведениям, полученным из

пресс-центра постпредства Республики Грузия в Москве, грузинские войска были встречены огнем со стороны абхазской гвардии, в результате перестрелки убит один человек (с чьей стороны, вчера еще известно не было), ранены 10 человек, из них двое – с грузинской стороны. По сообщению руководства «Демократической Абхазии», части грузинской армии, получившие перед вступлением на территорию Абхазии приказ в Сухуме не находиться, вышли из города и направились в сторону Леселидзе. Однако независимое агентство «Ипринда» передало, что днем 14 августа в Сухуме оставались несколько десятков бойцов грузинской армии, 2 танка и 2 БМП.»[2]

Общее впечатление о тех, первых днях войны простых жителей Абхазии может передать краткий рассказ моих друзей – грузинской семьи, покинувших город с одним из последних самолетов в том же августе 1992 г. После прихода бойцов Госсовета Грузии в Сухум стрельба на улицах практически не прекращалась. Стреляли не только по вооруженным людям, но и по обычным жителям, в том числе женщинам. Искра Яковлевна, будучи человеком совсем не трусливого порядка, ребенком пережившая Великую Отечественную войну, рассказывала, как на площади перед центральным рынком (бывшая ул. Кирова) у нее на глазах был убит человек, только что совершивший какие-то покупки на рынке и несший свои сумки домой. Вся площадь, видимо, для особого устрашения населения, хорошо простреливалась, и поэтому несколько дней (это в августовскую жару!) убитый лежал там, так как все боялись просто проходить по этой части улицы. Она же говорила, что уголовные элементы, попавшие в войска, вторгшиеся на территорию Абхазии, вопреки известному мнению о грабежах квартир и частных домов «лиц негрузинской национальности», учиняли одинаково жестокий безжалостный разбой и среди абхазов, и среди грузин, особенно тех, которые пытались оставаться нейтральными и не поддерживать ни одну из воюющих сторон.

Не менее тяжелое впечатление осталось у друзей моей семьи от посадки в самолет, когда к трапу пришлось пройти буквально сквозь строй вооруженных до зубов молодцев, только что не подталкивавших идущих прикладами автоматов в спину. Выражения их лиц были совсем не похожи на те, которые бывают у спасателей, помогающих

в трудные минуты мирным жителям покинуть зону чрезвычайной ситуации…

Уже 15 августа 1992 г. во многих селах республики были организованы сходы, общие собрания жителей по организации обороны. Например, в с. Дурипш Гудаутского района на повестке дня стоял один вопрос – создание Штаба обороны в селе. Начальником штаба был избран Беслан Зосимович Ардзинба – председатель колхоза «Дурипш», членом штаба по вопросам беженцев и мобилизации – Заур Михайлович Гумба, а командиром батальона по обороне села – Павел Гугович Таркил, многие годы проработавший руководителем администрации (а во время работы комплексной экспедиции – председателем сельского совета).

За первые сутки войны из села Дурипш уехали почти все грузины, поскольку, как отмечали представители администрации села, многие из них еще до войны вели себя недостойно, агрессивно. По нашим данным, в 1990 г. в Дурипше грузины составляли 6,4% населения (всего 138 чел.), а по результатам анализа похозяйственных книг в 2003 – 2004 гг. их осталось в селе лишь 0,9% (6 чел.). Уезжали целыми семьями. Остались в селе в большинстве своем смешанные семьи. Освободилось и много домов. Интересен в этой связи такой документ, сохранившийся в архиве сельской администрации села:

Приказ Штаба обороны с. Дурипш от 20.08.1992 г.

На основании решения схода села «О статусе освободившихся домов (бригада № 14)» приказываю[3]:

1. Все дома зачислить в фонд недвижимости с. Дурипш.
2. Заселять дома временно исключительно беженцами из оккупированных территорий.
3. Самовольный захват домов беженцами, а равно и жителями села не допускать.
4. Приусадебный участок является собственностью колхоза «Дурипш».
5. Не заселять дома беженцами – уроженцами с. Дурипш и Гудаутского района.

Начальник штаба Б.З.Ардзинба

Согласно фрагментам других документов, официальное распределение освободившихся домов состоялось 03 декабря 1993 г. Как видим, в самые первые дни организации обороны сел были приняты меры для недопущения мародерства, бесхозяйственности, стихийного захвата освободившейся недвижимости. О том же, не ссылаясь на какие-либо документы, говорили наши информаторы во всех селах, где проводилась экспедиционная работа. Вера в победу над агрессорами была везде непререкаема, никакого сомнения именно в таком исходе боевых действий не возникало. Об этом, в частности, свидетельствует и такой небольшой факт: вся документация в сельских администрациях в течение почти всех 14 месяцев, когда шли боевые действия, и затем уже при начале восстановления во многих селах велась, как и в мирные дни. Это, как отмечалось в публикациях, в частности, дало возможность нам собрать достаточно полные демографические данные и сведения о хозяйствах. Особенно тщательно за внесением новой информации в похозяйственные книги среди тех сел, что мы посетили, следила секретарь сельской администрации с. Члоу Людмила Кантария.

Среди текущей документации в архивах сел нам удалось обнаружить и ряд документов, связанных с военным временем. Так, в селе Дурипш сохранился, например, и текст присяги воина Республики Абхазии, а также списки всех, кто был призван и принял ее, заверенные их подписями[4].

Присяга воина Республики Абхазия

Я, гражданин Республики Абхазия, вступая в ряды ее Вооруженных сил, торжественно клянусь: быть честным, добросовестно служить своей Родине АПСНЫ, до последней капли крови, не щадя своей жизни, защищать свое Отечество.

Если я нарушу свою клятву, пусть меня постигнет суровая кара народа Абхазии.

Стоит привести и такие цифры: война 1992 – 1993 гг. унесла жизни 72 жителей с. Дурипш, а во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. погибли 137 человек.

В с. Члоу, на чьей территории, как и в Дурипше, не было боев, госпиталь располагался в здании школы, которая, кстати, хорошо знакома участникам комплексной экспедиции по изучению долгожительства в 1980-е годы. Здание больницы, также имевшейся в Члоу, было уничтожено в результате бомбежек в первые же месяцы войны. Надо специально подчеркнуть, что, по свидетельству местных жителей как с. Члоу, так и Джгерды, во время войны школы, больницы, хозяйственные постройки целенаправленно бомбились нападавшими. Конечно, буйная, быстро растущая субтропическая растительность создает зрительную иллюзию цветущего края, но и она не может полностью скрыть проломленные крыши общественных зданий, следы от крупнокалиберного пулемета на внутренней стене бывшего детского сада, ныне превращенного в амбулаторию… Великолепная больница в Дурипше, на базе которой в 1980 г. проводили свое обследование врачи-геронтологи из Киева, после войны пришла в полное запустение и была закрыта…

Последствия войны, большое количество оружия, оставшегося у ее участников, дают себя знать и до настоящего времени. Будучи всего несколько месяцев в течение четырех лет в разных селах Абхазии, нам не раз приходилось слышать и днем, и вечером стрельбу из автоматов. Поведали нам и несколько трагических историй. Например, в семье Жоры Мачисовича Цвижбы из села Члоу, по рассказу Л. Кантария, беда произошла 7 мая 1999 г. Его внук Аслан (1988 г. рождения), балуясь оружием, случайно выстрелил в сестру Асмат (1989 г. рождения). Испугавшись, что убил ее, он застрелился сам. На звуки выстрелов прибежал их отец Гурам (1968 г.р.) и, увидев, что его дети погибли, также застрелился.

В мае 1994 г. во время застолья в с. Дурипш в хозяйстве Геннадия Викторовича Гечия произошла ссора между двумя мужчинами, в результате которой возникла перестрелка из автомата и пистолета, в которой участвовало не менее четырех человек, а один из споривших – Амиран – был убит. Ссору разбирал Совет старейшин села, хотя убийцы скрылись. Через несколько дней хозяйства двух участников ссоры были обстреляны из гранатомета. Совет старейшин собрался вновь и постановил выселить хозяйства поссорившихся за пределы

не только села, но и всего Гудаутского района. Семьи, оповещенные о таком решении, согласились с ним и дали обязательство в дальнейшем не проживать в Дурипше. Этот случай, кроме своего драматизма, прекрасно иллюстрирует и действенность до наших дней механизмов обычного права.

Также в с. Дурипш на второй-третий день после свадьбы сына семья Агрба поехала по каким-то делам. Молодая жена, видимо из-за неаккуратного обращения с автоматом, застрелилась.

Глава администрации с. Джгерда Тома Сардионович Логуа привел такие данные: за время боев в селах Атара Абхазская, Поквеши, Кутол в долине Гвада погибло 42 чел., в самом селе от бомбежек умерло 5 чел., а после войны 16 чел. подорвались на оставленных на полях минах, а двое – во время конфликта в Кодорском ущелье.

Во время войны многие здания были приспособлены для нужд обороны. Так, в замечательном музее истории с. Дурипш, организованном стараниями его директора Константина Семеновича Габния, так много помогавшего нам во время работы экспедиции в 1980-е годы, был организован госпиталь. Сам Костя ушел на фронт, посылал оттуда свои корреспондентские сообщения, а 25 сентября 1993 г., т.е. всего за пять дней до окончания войны, погиб в бою. Надо специально подчеркнуть, что, согласно упоминавшемуся Постановлению ВС РА от 14.08.1992, мобилизации подлежали мужчины 18 – 40 лет. Константин же был 1941 г. рождения и имел право не участвовать в военных действиях. Но разве какие-то постановления могут остановить человека, который любит свою Родину! Таких в Абхазии было достаточно.

В архиве администрации того же села имеется Письмо Президенту Абхазии от Штаба обороны. В нем имеется два пункта. В первом из них Штаб обороны села просит «не оставлять оружие у ребят,[5] отпущенных в отпуск, т.к. выстрелы дестабилизируют морально-психологическое состояние детей, женщин и стариков». Вторая просьба заключалась в том, чтобы снять ограничение на призыв в действующую армию единственного сына в семье, дабы узаконить реально существующую ситуацию. «В начале войны, – говорится в письме – единственного сына в семье не призывали, но реально многие из таких воюют и погибли».

Память об отдавших свои жизни за свободу Родины свято чтится в Абхазии. Во всех селах и городах наряду с памятниками погибшим в Великой Отечественной войне устроены монументы героям Отечественной войны 1992 – 1993 гг. За ними бережно ухаживают, к ним постоянно приходят люди, приносят цветы. Уже в 1993 г. была издана «Белая книга Абхазии»[6]. В составе нашей, совместно с АбИГИ проводившейся в 2004 – 2005 гг. экспедиции принимал участие филолог Аслан Адзинба, главной задачей которого был сбор информации о тех, кто получил звание Героя Абхазии, для подготовки специального издания. Он беседовал с их родными, близкими, соседями. Эта работа является и до сих пор одной из приоритетных в тематике Института.

Неправильно бы было полагать, что никаких сложностей не было в абхазском обществе и в год войны, и после. Так, с горечью рассказывали нам такой грустный анекдот. Ветеран войны 1992 – 1993 гг. хочет что-то продать на рынке, но все торговые места заняты. Он просит торгующих немного потесниться, а те ему в ответ говорят: «Когда ты воевал, мы же тебе не мешали!»… Да, были и конфликтные отношения между разными объединениями ветеранов войны. Но, как представляется, такие проблемы преодолеваются и будут преодолены, когда есть желание помочь своей стране, даже будучи вдалеке от нее. Многие абхазы, задолго до войны обосновавшиеся, например, в России – и простые труженики, и удачливые бизнесмены – в тяжелый для Отчизны час всеми правдами и неправдами стремились вернуться в отчий дом: кто участвовал в боях, кто поддерживал и поддерживает республику финансово, кто помогал и помогает отстраивать разрушенное.

Колоссально много для организации обороны, а затем и для восстановления страны, в том числе и ее интеллектуального потенциала сделал Председатель Верховного Совета, а затем Президент Абхазии – Владислав Григорьевич Ардзинба. В самое тяжелое время, будучи целиком, казалось бы, поглощен проблемами страны, находящейся в жесткой экономической блокаде, он находил в Правительстве возможность поддержать финансово полевые исследования АбИГИ, издавать научные книги, командировать научных сотрудников на конференции, конгрессы, совещания, поддержать молодых ученых, восстановить прерванные связи. Не менее важным было оказание поддержки молодым ребятам, которые не понаслышке узнали, что такое смерть ровесников, участвовали в разведках, десантах, сложных боевых операциях, а после войны не могли найти места приложения своих сил. Не одного юношу – активного участника боевых действий спасли такие люди, как Василий Шамониевич Авидзба, помогая им выбрать путь уже в мирной жизни. Я назвала здесь всего два имени, но это совершенно не значит, что они были единственными. Только усилиями многих Абхазия смогла достичь успехов, в том числе и экономических, заставить считаться с существованием независимости страны.

Хотелось бы добавить еще следующее. Эта небольшая заметка началась с описания тех эмоциональных впечатлений, которые обрушились на нас при первом после длительного перерыва посещении Абхазии. Но, посещая Страну Души и в 2004, и в 2005, и в и 2006 гг., мы видели, как она трансформируется в лучшую сторону, как постепенно жизнь, конечно, изменяясь по сравнению с довоенным временем, входит в нормальное русло. На это указывало, например, преображение в результате ремонта набережной Сухума, отделка и ремонт многих зданий, поврежденных в результате бомбежек и стрельбы в самом городе. Год от года увеличивалось число отдыхающих не только в близких от границы Гагре и Гудауте, но и в самой столице. С этим связано не только оживление торговли товарами для отдыха, местными фруктами, бахчевыми, развитием сферы общественного питания, гостиничного бизнеса, но и заметным ростом цен на жилье. Менее бросаются в глаза приезжему обывателю усилия, предпринимаемые руководством страны для развития производства, по организации рабочих мест, налаживанию системы сбыта сельхозпродукции за пределами страны.

Эта небольшая заметка родилась, как отмечалось, из желания высказать, с одной стороны, свои нелегкие впечатления от прямого соприкосновения со следами, оставленными на земле, в судьбах и душах людей военными действиями (пусть и 10-летней давности) и экономической блокадой. С другой стороны, во все время работы в течение этих четырех лет меня не оставляло восхищение небольшим по численности, но великим своим духом и осознанием своего единства народом Абхазии. Как показали события 1992 – 1993 гг., эта миролю-

бивая страна не устраивала и, насколько нам известно, не планирует когда-либо где-либо устраивать какие-либо провокации. Но ее жители умеют и могут защитить своих близких, свои дома, свои земли от посягательств извне. Сохранившееся до наших дней глубокое уважение к старейшинам, внимание к их мнению еще раз помогло республике выдержать непростое, уже не военное испытание во время выборов нового Президента страны после ухода с поста В.Г. Ардзинбы, когда были силы, которые всячески пытались провести в жизнь принцип «разделяй и властвуй». Именно нахождение путей согласия между интересами разных общностей и объединение их во имя сохранения единства своего народа говорит о том, что такой народ можно, конечно, как и все население земли, уничтожить, но победить нельзя.

Последний абзац статьи был написан 7 августа 2008 г., а ранним утром 8 августа все российские СМИ были переполнены сообщениями о том, что грузинские власти ночью вероломно начали обстрел южноосетинского г. Цхинвал и приграничных с Грузией осетинских сел. Ранним утром в бой были введены танки и самолеты-бомбардировщики, которые штурмовали город с земли и воздуха. С трудом укладывается в голове сама возможность стрельбы, причем из ракетных установок залпового огня, по домам мирных жителей, больницам, местам расквартирования миротворческих сил. Но то, что это проводилось ночью, свидетельствует прежде всего о желании современного грузинского руководства насколько возможно увеличить число жертв. События последующих двух дней подтвердили применение трагически известной по вьетнамской и арабо-израильской войнам тактики «выжженной земли», т.е. развязывание настоящего геноцида осетинского народа. Еще более потрясает откровенная ложь государственных лиц Грузии и тиражировавших ее международных СМИ. Страна, в первую же ночь уничтожившая несколько сотен своих граждан, и продолжавшая делать это еще три дня, 8.08 заявляла о «наведении конституционного порядка». А 10.08, после того как Россия для прекращения гибели своих миротворцев и мирных жителей Южной Осети усилила численность своего миротворческого контингента, Грузия, взяв в «сотоварищи» США, цинично

обратилась в Совет безопасности ООН с клеветой на Россию, якобы осуществившую агрессию против «маленькой свободолюбивой страны», т.е. Грузии и желающую оккупировать ее территорию, ведущую якобы геноцид грузинского народа…

Здесь, конечно, не место описанию всех реалий ситуации. Побывав неоднократно в обеих непризнанных пока республиках – Южной Осетии и Абхазии, – невозможно остаться равнодушным к попыткам искоренения населения там на том основании, что кому-то надо вступить в НАТО, кому-то выстроить новую военную базу, а кому-то просто получить хороший денежный куш… Хотелось привести только такие факты, которые касаются предыдущей стадии этого конфликта, которые косвенно могут говорить о том, на что способны «свободолюбивые горцы» под водительством не националиста З. Гамсахурдия, не хитроумного и многоопытного Э. Шеварднадзе, а вскормленного и подкармливаемого США, мало похожего на адекватного политика М. Саакашвили. В состав международной комиссии по урегулированию ситуации между Грузией и Южной Осетией в 1992 г. от Института этнологии и антропологии РАН вместе с его директором, бывшим тогда Министром по делам национальностей России В.А. Тишковым, входил и авторитетнейший этнограф Юрий Борисович Симченко. Незадолго до своей ранней кончины он не раз делился с друзьями теми ужасающими впечатлениями, которые остались у него после поездки в г. Цхинвал и села республики. Он рассказывал о свидетельствах преднамеренного жестокого убийства детей, издевательствах над мирными жителями перед их убийствами, других зверствах грузинских боевиков. Добавлю то, о чем не хотела писать ранее – о таких же рассказах абхазов-участников войны 1992 – 1993 гг.: о сожженных вместе с жителями домах, о сознательно убитых детях разных возрастов, о глумлении не только над вооруженными и мирными жителями Абхазии, но даже над животными, им принадлежавшими. Ни забыть, ни простить такое люди не могут.

Ныне все более ясным становится, кому и зачем нужна нестабильность в таких стратегически важных регионах, имеющих и прекрасные бухты на Черноморском побережье, и Рокский тоннель. Для них и тысяча, и две, и три, и более тысяч человеческих жизней – лишь

та карта, которой можно козырять в удобной ситуации. Очень хочется верить, что эмоциональные свидетельства пострадавших осетин будут подкреплены на государственном уровне вескими документальными доказательствами фотографий со спутников (как часто говорят, они в нужных регионах могут различить на земле объекты размером с теннисный мяч), на которых поминутно будет видно кто, когда, в какую сторону, из каких орудий, с какой интенсивностью вел обстрелы и другие военные действия в начале августа 2008 г. в Южной Осетии. Может быть, тогда политически выгодная пелена спадет с глаз тех, кто пытается решать судьбы людей, не спрашивая об этом их самих.

---

1 Экстренное сообщение пресс-службы Верховного Совета Республики Абхазия 14 августа // Апсны. Страна души. Вып. 1. Сухум, 2004. С. 10.
2 Новый конфликт на западе Грузии // Апсны. Страна души. Вып. 1. Сухум. 2004. С. 14-15.
3 Приводится оригинал текста без какой-либо редакторской правки.
4 Даты на документах не проставлены, но, по словам секретаря администрации, они относятся к августу 1992 г.
5 Именно так и написано в документе.
6 Белая книга Абхазии. 1992-1993 гг. /сост. Ю.Н. Воронов, П.В. Флоренский, Т.А. Шутова. М., 1993.

г. Сухум, август 2003. Разрушенная гостиница «Акуа», где в 1989 г. жила большая часть участников Всесоюзного совещания по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. Фото автора

Жилой дом в пос. Гудаута, где и в настоящее время живут три семьи. Остальные квартиры в результате минометного обстрела в 1992 г. разрушены и сожжены. Август 2004. Фото автора

Разрушенные войной 1992-1993 гг.
дома по дороге между селами Члоу и Джегрда. 2003 г.
Фото автора

Стена прихожей детского садика в пос. Члоу. В настоящее время
в этом здании находится амбулатория, т.к. ее собственное здание в 1992-1993 гг.
полностью разрушено. Август 2003 г. Фото автора

Участники Комплексной совместной экспедиции ИЭА РАН и АБИГИ АН
Абхазии в Гудаутском музее-заповеднике «Абазгия». Август 2003 г.
Фото автора

Одна из экспозиций в зале Гудаутского
музея-заповедника «Абазгия», посвященного войне 1992-1993 г.
Август 2003 г. Фото автора

Участник Комплексной совместной экспедиции ИЭА РАН и АБИГИ АН Абхазии Аслан Адзинба около памятника павшим воинам в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и в Абхазо-грузинской войне 1992-1993 гг. в с. Бармыш. Август, 2006. Фото автора

Памятник павшим воинам в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и в Абхазо-грузинской войне 1992-1993 гг. в с. Дурипш. Август 2004 г. Фото автора

В.В. Авидзба

КОНФЛИКТЫ И КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ ПРАВОСОЗНАНИИ АБХАЗОВ

Настоящая работа написана на базе этнологических и фольклорных полевых материалов, собранных в 2005/2006 гг. в селах Абхазии.[1]

Здесь мы попытаемся рассмотреть соотношения традиционного и современного правосознания абхазов. Как наши предки понимали конфликт, какие причины могли вызвать его и каково состояние данной проблемы сегодня. При этом следует учесть, что традиционное правосознание абхазов за последние полтора столетия претерпело значительные изменения[2].

Возникновение конфликтов и конфликтных ситуаций у разных народов может быть обусловлено как общими, схожими причинами, так и специфичными, характерными только для данного народа (этноса). То, что у одних народов считается нормой, у других – может спровоцировать конфликт.

Такими специфичными обстоятельствами для абхазов могут стать различные нарушения общественных канонов, этикета и норм поведения. Например: формы приветствия, способы передачи ножа или кинжала, способы отрезания мяса во время застолья.

Согласно традиционной культуре, абхазы встают в знак уважения к подошедшему, тем самым, приветствуя его. При этом делается это независимо от возраста. Эта одна из форм приветствия абхазов, пронесенная сквозь века и впитанная вместе с материнским молоком. Не

только в период официального функционирования обычного права, но и сегодня не соблюдение данных правил поведения могут спровоцировать конфликт.

Известно, что значит для абхаза – гость. С гостеприимством у абхазов связано множество пословиц, сказаний и легенд. Даже свою землю, как гласит абхазская легенда, абхаз получил, благодаря обычаю гостеприимства.

Каждая абхазская семья всегда имеет припрятанные продукты для гостя. Гостью полагалось все лучшее – еда, постель и т д. Согласно традиции, любой мог быть гостем, при этом хозяева не спрашивали, если сам гость не сочтет нужным сообщить о причинах своего визита.

Уважающий себя абхаз обязан любого, кто подойдет к его калитке, пригласить в дом, предложить ему отведать его хлеб-соль. Вслед за приветствием, приглашая в дом, хозяева обычно говорят «позвольте нам быть хозяевами», т.е. будьте нашими гостем.

Приход гостья, это, безусловно, всегда застолье, но при этом, соблюдая традиционный этикет гостеприимства, хозяева, приглашая его, не должны обмолвится о еде. Исключается форма обращения «заходите, если голодны, накормим». Такое обращение считалось оскорбительным, гость, будучи даже голодным, скорее всего, покинул бы двор.

Согласно этикету гостеприимства абхазов, хозяева должны приглашать гостья деликатно, предлагая ему отдохнуть, утолить жажду, т.е. отведать хлеб-соль.

Принявший гостя хозяин, обеспечивал его безопасность в период его пребывания в его доме. Гость мог находиться в доме сколько ему угодно. По этому поводу у абхазов есть поговорка: «приход гостя – это его дело, а уход – дело хозяина». Обидеть гостя означало обидеть хозяина. Хозяин, не сумевший защитить гостья, покрывался позором и терял уважение в обществе.

Известно, что абхазы проводили и проводят большие застолья по различным поводам. И каждое застолье, в зависимости от того, по какому поводу оно организовано, имеет свои особенности. Каждый участвующий в застолье обязан соблюдать векам выработанный этикет застолья. Во время застолья, передавая нож или кинжал, передающий должен был соблюсти определенные элементы этикета. Так, дающий нож (или кинжал) должен был передать его острием к себе, следовательно, ручкой к соседу. Иначе, это может быть расценено как попытка ранить кого-то, и поэтому может спровоцировать конфликт.

Также во время застолья, предлагая мясо друг другу в знак уважения, обязательно должны были учитывать, по какому поводу организован стол. Если стол был накрыт по поводу торжества, свадьбы и т. д., то раздающий мясо мог отрезать кусок, по принципу, от себя к нему. Этот жест, как бы означал, что частицу сегодняшнего торжества передаю тебе.

А если стол траурный – поминки – то отдающий кусок мясо, отрезал его по принципу, от него к себе. При этом как бы подчеркивая, что если что-то плохое будет, то пусть это будет со мной, а тебя пусть горе минует.

Не соблюдения этих норм поведения могли спровоцировать конфликт. Хотя сегодня молодое поколение в целом этого и не знает, а кто знает, не соблюдает, считая их излишествами или издержками прошлого. Тем более, что сегодня уже мало кто носит с собой нож.

Совместное проживание большой группы людей, с одной стороны, обеспечивает им безопасность, взаимопомощь, взаимное сохранение и т. д. Но с другой стороны, внутри группы, также часты различные виды конфликтов. Полностью избежать конфликтов не в состоянии ни одно общество, но в то же самое время, их число возможно до крайности минимизировать. В этом, безусловно, большое значение имеет как историческое прошлое, так и настоящее положение народа.

Абхазский народ, в силу своего исторического развития с далеких времен вынужденный был защищать свою землю и бороться за сохранение своего этноса, выработал особые методы, не только разрешения конфликтов, но и избегания их. «Конфликты у абхазов, имеют свои особенности»[3], – отмечал еще в середине XIX в. Н. Чернышев. А в начале XX в. Симон Ашхацава писал, что «…абхазец по своей природе менее склонен к преступлениям».[4] И, действительно, несмотря на свой южный темперамент и вспыльчивость, абхаз с такой же легкостью может остыть и трезво оценить ситуацию. При этом нужно отметить еще одну особенность, то, что до официального запрещения имперскими

властями в конце XIX в. ношения оружия, каждый абхаз всегда был при нем. В то время, невозможно было представить горца, без оружия. Но при этом в таком «милитаризированном обществе, где каждый был вооружен, сама угроза кровной мести была сдерживающим фактором для агрессии; в некотором роде этим объясняется церемониальность, дипломатичность этикетной речевой культуры абхазов».[5]

Предназначение оружия хорошо известно. С одной стороны его можно использовать как оружие наступления, но с другой стороны – в обществе, в котором все мужское население было вооружено, оружие становилось сдерживающим фактором. И поэтому в рассматриваемое время абхаз, без крайней необходимости не вынимал свое оружие из кобуры или ножен.

В контексте изложенного интересен пример председателя сельского совета с. Аацы Гудаутского района Смыр Хусина – уважаемого не только в своей деревне, но и за его пределами. У него всегда при себе был пистолет, который постоянно был взведенным. Хусин Смыр прожил долгую и достойную жизнь, и по рассказам его современников, он ни разу не обнажил свое оружие, даже в моменты, когда его жизни угрожала опасность.

Как уже было сказано выше, абхазы в процессе своего исторического развития выработали различные методы урегулирования конфликтов, которые гармонично вписались в традиционное правосознание, и являются составной частью национального менталитета. Использование этого опыта позволяла абхазам не только урегулировать сложные противоречия, но и избегать их. «Суровый полувоенный быт, – пишет А.Б. Крылов – выработал у этого народа такие черты характера, как почитание традиции, глубокое уважение предков, жрецов и старейшин, обеспечивших сохранение культурного своеобразия и выживание этого немногочисленного народа, свободолюбие, независимость суждения, философское отношение к смерти, присутствие духа в любых ситуациях и культ геройства».[6]

Согласно традиционному правосознанию абхазов, как в период официального функционирования обычного права, так и на современном этапе, самыми наихудшими преступлениями у абхазов считаются святотатство и богохульство. После грузино-абхазской

войны 1992-1993 гг. в силу ослабления силовых органов власти, а также развала Советского Союза, возрос интерес к древним святыням («аныха»). В этот период времени среди местного населения актуализировались способы разрешения конфликтов при посредничестве святыни. К помощи святыни самостоятельно могла обратиться пострадавшая сторона, в случае, когда у нее не было подозреваемого в совершении преступления. А когда пострадавшая сторона, подозревала кого-либо, но вина не могла быть доказана, вызывала предполагаемого обидчика к святыне для дачи очистительной клятвы, предварительно обсудив вопрос со старейшинами. С момента приведения подозреваемой стороны к присяге, запрещалось всякое бездоказательное преследование, так как с этого момента считалось, что дело находится, в ведении Всевышнего. В таких случаях конфликт замораживался, и мог находиться в таком состоянии десятилетиями, пережив даже несколько поколений потенциальных конфликтующих. В Абхазии бывали случаи, когда виновная сторона, ради сокрытия своего преступления, принимала ложную клятву. Но это обстоятельство рано или поздно выявлялось, и божья кара достигала, если не самого непосредственного виновника, то его детей, внуков или даже правнуков. И поэтому сегодня в Абхазии встречаются случаи, когда потомки лжеклятвенника просят потомков потерпевшей стороны содействия в снятии с них проклятия. После такого обращения, пострадавшая сторона обычно соглашается и идет им на встречу. Для этого по договору обеих сторон и настоятеля святыни, в назначенный день представители обеих сторон приходят к святыне, и пострадавшая сторона сначала благодарит Всевышнего за раскрытие преступлении, а затем просит о снятии проклятия с выявленного преступника или его потомков.

Как было сказано выше, пострадавшая сторона, после такого обращения (т.е. выявления обидчика) без особых церемоний соглашалась на снятие проклятия. Иначе, по поверьям абхазов, после того как божья кара постигнет обидчика и его семью, она может перекинуться и на пострадавшую сторону. Поэтому в Абхазии после публичного признания виновной стороны, обиженная сторона во избежание божьей кары, не могла отказать им в этой просьбе.

В самом конце XX в. одна семья обратились к другой с просьбой о снятии проклятия полувековой давности. А сам конфликт был связан с кражей дойной коровы, который совершил дед. Пострадавшая сторона имела косвенные подозрения, но без прямых улик не смогла доказать его вину. Виновник, используя это обстоятельство, даже не среагировал, когда потерпевшие объявили, что обратятся к помощи святыни. Виновник прожил долго, но его потомство (дети, внуки) стали погибать молодыми, новорожденные появлялись на свет с патологическими отклонениями. После долгих расспросов старших соседей, родственников и гадалки выяснилось, что на них может лежать проклятие, и их беды могут быть вызваны действием божьей кары за старое, давнее преступление. После этого потомки виновной стороны попросили пострадавшую сторону о снятии проклятия. По взаимному договору в назначенный день, с согласия смотрителя святыни в присутствии виновной стороны, пострадавшая сторона публично объявила о том, что больше не имеет никаких претензий к первой. Виновная сторона возместила пострадавшей в денежном эквиваленте цену пропавшей давно коровы.

Согласно традиционному правосознанию абхазов, конфликты можно разделить на четыре группы, которые в свою очередь, подразделяются на подгруппы:

1. Межличностные или так называемые малые конфликты (т.е. конфликты, в которые вовлечено небольшое число людей).
2. Конфликты, возникающие внутри одного рода, т.е. между отдельными патронимиями этого рода. (Несмотря на то, что традиционная культура абхазов не одобряет развитие конфликта среди родственников, такого рода конфликты, хотя и в небольшом числе, имели место в Абхазии в прошлом и продолжают иметь место и сегодня).
3. Межфамильные, межобщинные конфликты.
4. Общественные, межрегиональные, межгосударственные, в том числе конфликты между отдельными регионами Абхазии, например, между населением разных областей Большой Абхазии – Дал, Цабал, Псху и т.д.

В XIX в., несмотря на то, что в Абхазии не было крепостного права как такового, и крестьянство в основном было свободным, здесь

имели место и социальные конфликты. Т.е. конфликты между высшим сословием и крестьянством происходили из-за превышения первыми своих полномочий, наложения не предусмотренных обычным правом налогов или повинностей. По этому поводу Р.К. Чанба пишет: «Штрафы, не предусмотренные обычным законом и налагаемые по произволу феодалов, бывали причиной частых протестов и возмущения со стороны крестьян, иногда доходивших до вооруженного бунта».[7] Какую бы силу они не имели, высшие сословия в Абхазии не могли безнаказанно, по своему усмотрению несправедливо поступать с крестьянами. Кроме того, бывали случаи, когда при разборе в народном суде возникшего конфликта между крестьянином и дворянином, последнего наказывали как виновника.[8]

Конфликты, возникавшие и возникающие сегодня между сёлами, посёлками и т.д. в основном происходят из-за земли. Каждая деревня имеет четко очерченные границы своей территории, и никому не позволяется его нарушить, т.е. самовольно захватить, вспахать землю или же вырубить лес. По этому поводу Г.А. Дзидзария писал: «За них бывали между общинниками споры. Действительными границами были пределы безопасности. Границы притязаний шли гораздо дальше и в особенности, если земли были удобные или нужные, как, например, горные пастбища».[9]

Горные пастбища часто являлись объектом конфликта, как между различными общинами, так и представителями княжеских родов. Такие процессы имели место в XIX в. между владетелями Абхазии и далскими Маршаниевцами.

Рассмотренные конфликты, не являются чем-то застывшим, что может переходить из одного состояния в другое и обратно. То есть, точно также как простой конфликт, если он не был во время остановлен, может перерасти в более крупный, так и сложный массовый процесс, в случае удачного стечения обстоятельств, может локализоваться.

Из вышесказанного, мы можем выделить те факторы, которые согласно традиционному правосознанию абхазов могли вызвать конфликты:

1. Земля и недвижимое имущество (продажа, распределение, захват и т.д.).

2. Горные пастбища (границы, плата за пользование).
3. Скот (скотокрадство, конокрадство, присвоение или убийство скота).
4. Грабёж (различные формы присвоения чужого, с применением насилия).
5. Воровство (различные формы кражи имущества).
6. Спор (дискуссия с нецензурной бранью в адрес другой стороны).
7. Распределение имущества (при разводах и разделах семьи).
8. Драка (любой формы и содержания, – оскорбляющая личность).
9. Избиение (особенно палкой).
10. Не соблюдение или сознательное искажение традиции и обычаев.
11. Измена (родине, интересам общества, семьи, фамилии и т.д.).
12. Недопонимание, непослушание.
13. Доносительство, ябедничество.
14. Обман (ложь любой формы).
15. Отказ от долга (неплатежи).
16. Развод супружеской пары (недостойное поведение одной половины по отношению к другой).
17. Супружеская измена (особенно получившая огласка).
18. Проституция (нажива на бесчестии).
19. Изнасилование.
20. Умыкание девушки, особенно чужой невесты.
21. Кровосмешательство.
22. Беспричинный отказ обрученной невесты, от данного слова жениху.
23. Беспричинный отказ жениха от обрученной им невесты.
24. Недостойное поведение в обществе.
25. Ранение (случайное или умышленное)
26. Убийство (случайное или умышленное).
27. Социально не равные браки (в прошлом)
28. Дополнительные незаконные повинности.
29. Рождение ребенка вне брака.
30. Борьба за власть (на местах и в верхах).
31. Святотатство и богохульство.
32. Посягательство на жизнь владетеля и членов его семьи (в прошлом).

33. Оскорбительный тон и нецензурная брань по отношению к родителям и старшим.
34. Обнажение части тела (вне пределов этикета и обряда).

Приведенные выше факты показывают, что, несмотря на существенные изменения, происшедшие в правосознании абхазов за последние полтора столетия, современное общество в целом сохраняет и придерживается традиционных взглядов. Как показывает практика, наряду с официальным судопроизводством, по мере необходимости абхазы и сегодня часто прибегают к традиционным методам регулирования конфликтов, возникающих в современном абхазском обществе, так как они всё ещё остаются весьма эффективными.

---

1 Излагаемые далее сведения получены у следующих информаторов, которым автор, пользуясь случаем, приносит свои искренние благодарности: Гуния Арсана, с. Мыркул, 1915 г.р.; Черкезиа Каласа, с. Гуп, 1926 г.р.; Ламчава Акаки, с. Аацы, 1927 г.р.; Гулиа Расим, с. Аацы, 1927 г.р.; Дочиа Шалодя, с. Гуп,1928 г.р.; Авидзба Владимир, с. Аацы, 1928 г.р.; Торчуа Михаил, с. Арасадзих, 1935 г.р.
2 Аргун Ю.Г. Этнология абхазов. Сухум., 2003. С. 164.
3 Чернышев Н. Об Абхазии. Тб., газ. «Кавказ», 1854, № 83.
4 Ашхацава С. «Сухумский листок», 1912, № 196.
5 Барциц М.М. Выход их конфликта в традиционном правосознании абхазов // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Ирвайн, 1999, С. 43.
6 Крылов А. Б. Религия и традиция абхазов. М., 2001. С. 76.
7 Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тб., 1977. С. 97.
8 Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухум, 1965. С. 443.
9 Чанба Р. К. Указ. раб. С.91.

РАЗДЕЛ 2
Природная и культурная среда, формирующая человека, его поселения и культуру

М.Н. Губогло

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПЕРЕМЕН
(Из воспоминаний о нравственном подъеме накануне «Оттепели»)

«Память – создательница прошлого, историческая способность находиться во времени; в универсальном значении – это отбор, хранение и воспроизведение информации… Но человеческая память не просто конец информации, она формирует опыт, соотносит прошлое с настоящим и будущим, индивидуальное с родовым, единичное с общим, преходящее с устойчивым»

(В.А. Шкуратов. С. 435–436)[1]

Даже в нашем узком этнологическом сообществе, и особенно в более широких кругах российского общественного мнения порой бытует стереотип, не соответствующий реальному положению вещей. Согласно этому легковесному стереотипу, едва ли не весь багаж

и арсенал этносоциологических исследований сводится к массовому анкетному опросу. Обладателям этого предубеждения, во-первых, неведом тот факт, что «создать хорошую анкету или схему опроса не так просто, как кажется»[2]; во-вторых, их не смущает то обстоятельство, что сами этносоциологи не менее других специалистов, изучающих социальную сущность этничности и этническое многообразие социального бытия, имеют в своем методико-процедурном вооружении разнообразные приемы от фокус-групп до персональных интервью[3].

Упреки, адресованные этносоциологам носителями указанного стереотипа, нельзя признать справедливыми по той простой причине, что на самом деле этносоциологи «питаются» не только «чужим умом», ограничиваясь сбором, анализом и осмыслением урожая собранных в поле мнений, но постоянно соотносят изучаемые факты и образы со своим жизненным опытом, в том числе обращаясь к собственному жизненному пути, углубляясь при этом в сюжеты из прошлой жизни и опираясь на личное и общественное интеллектуальное и этнокультурное наследие.

И тот интерес к истокам этносоциологии, который выразился в проведении сначала методологического семинара в Институте этнологии и антропологии РАН летом 2006 г., а затем и симпозиума в Комратском государственном университете совместно с Институтом культурного наследия[4], связан не с необходимостью закрепления своей «этносоциологической» идентичности и пропиской в определенной нише в системе гуманитарного знания, а с настоятельной потребностью в осмыслении исторического опыта, драматизм и парадоксальный магнетизм которого ощущаются как самими этносоциологами, так и их потенциальными оппонентами.

Востребованность путешествия в ранние периоды своей жизни приобретает особую актуальность тем острее, чем сильнее истлевающие нормы и институты соционормативной и танцевально-игровой культуры советского или досоветского времени становятся предметом интеллектуального ерничества или огульного отрицания адептами постмодернистских течений, настроений и устремлений. Личный этнокультурный биографический опыт профессионала-этнолога, являясь сегодня достоянием прошлого, понятно, приобретает не только

романтический характер. Он облекается в ностальгические одеяния и отражается в затесях памяти о лучезарном детстве.

Но если при этом в детстве и юности имели место сдвиги эпох и смещение человека из одной этнокультурной среды в другую, факты и образы такого опыта (погружение в поле саморефлексии) приобретают не только романтический лад, лирический оттенок, но и аналитический смысл.

Редко кому из нас не хотелось бы вернуться в детство. Спазмы подобного желания, как нереальной мечты, испытывают едва ли не все выпускники средней школы, попадая на вечера встреч своих однокашников.

Между тем на взрослых этапах жизненного цикла имеются свои возможности, соединяя приятное и полезное, для возвращения в детство.

Этносоциология, как новое междисциплинарное направление[5], вместе с социальной психологией[6] предоставляют такую возможность совершить путешествие в детские годы, а вместе с тем, как в нашем случае, в советские времена, воспринимая и те и другие в качестве ассоциированного предмета «включенного наблюдения» как жанра и методики исследования. Такой биографо-автобиографический подход в этносоциологическом исследовании дает возможность проследить судьбу тех или иных элементов соционормативной культуры, в том числе танцевально-игровой традиции на различных точках жизненного цикла.

«История – это власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда же становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость»

(В.О. Ключевский. Русская история)[7]

1. ОТ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ «ВЕСНЫ» К ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

12 марта 1802 г. на Российский престол вступил внук Екатерины Великой, будущий реформатор – Александр I, которого В.О. Ключевский называл «романтически-мечтательным и байронически-разочарованным Гамлетом». В 1814 г. русская армия вместе с союзными войсками вступила в Париж, разгромив перед этим французов и изгнав их из России. 14 декабря 1825 г. младший брат Александра Николай I подавил на Сенатской площади восстание декабристов.

30 апреля 1945 г. Советские войска штурмом овладели рейхстагом и водрузили на нем Знамя Победы. 8 мая в пригороде Берлина представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии. Указом Президиума Верховного Совета СССР день 9 мая был объявлен днем всенародного торжества – Праздником Победы.

5 марта 1953 г. ушел из жизни И.В. Сталин. 20-й съезд осудил культ личности, а 30 июня 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий».

25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС Н.С. Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях», который потом был оглашен перед 7 миллионами коммунистов и 18 миллионами комсомольцев. Сталинская зима сменилась короткой хрущевской оттепелью[8].

Вместе с отставкой Н.С. Хрущева в 1964 г. закончился период «Оттепели» и наступила пора Брежневского застоя.

Типологическое сходство двух последующих судьбоносных периодов российской истории, связанных с царствованием Николая I (1825–1855 гг.) с правлением Л.И. Брежнева (1964–1982 гг.) состоит в том, что они выявили неспособность государства и общества к конструктивным переменам. Ориентация на застывшую силу николаевского режима, по мысли А.С. Ахиезера, «стала отправной точкой движения России в пропасть»[9].

Отсутствие концептуальных идей в период брежневского застоя и последующей горбачевской перестройки привели к катастрофе государственности и распаду Советского Союза.

В предлагаемой работе затрагивается одна из самых сложных и одновременно интересных тем – как народы Советского Союза вставали с колен, преодолевая разруху в первые послевоенные годы, накануне смерти И.В. Сталина и в первые годы хрущевской оттепели. Анализируя процессы формирования патриотических, нравственных

и эстетических черт и чувств на примерах сельских школьников Каргапольского района Курганской области конца 1940-х – начала 1950-х годов, автор пытается определить признаки и призраки восстановления некоторых исторических традиций из богатейшего арсенала классической русской культуры первой четверти XIX в. путем сравнения двух эпох, подкрепляя свои выводы личными воспоминаниями, мемуарами своих школьных учителей и сверстников, сведениями из публикаций современных специалистов по мемуаристике и знатоков истории тех времен[10].

От обозрения имеющейся литературы, посвященной «оттепели», остается досадное впечатление о якобы резкой грани между предшествовавшим сталинским мраком и наступившим немедленно, после смерти «вождя народов», весенним просветлением. Никоим образом не выступая адвокатом тоталитарного режима и не пытаясь обелить тяжелейшие послевоенные годы, я все же хочу думать, что победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. вдохнула жизнь в духовную культуру советских народов, что нашло наиболее заметное выражение в настроениях первого, вступившего в жизнь послевоенного поколения.

При обращении к своей памяти меня, как и других мемуаристов, вдохновляет надежда, что факты, почерпнутые из реки времени, могут быть важнее, чем художественные дарования автора. Предаваясь воспоминаниям и предлагая их в виде очерков-«затесей», я сознательно не зацикливаюсь на самоанализе и «биографии своей души», а пытаюсь воспроизводить имена, события, факты повседневной жизни, принципы и институты соционормативной культуры, психологические и нравственные умонастроения изменяющегося времени и самого себя. Одна из моих задач, – показать, что в мои школьные годы, хотя страна была закрытой, люди – были открытыми.

«Очень наивно пытаться понять людей, – писал, отвечая на вопрос ребенка «зачем нужна история», выдающийся французский историк феодального общества Марк Блок, – не зная, как они себя чувствовали»[11].

Можно согласиться с категоричным суждением крупнейшего специалиста по истории средних веков в том, что, действительно, трудно

понять душу чужого человека. Ситуация существенно облегчается, когда исследователь, обращаясь к своей памяти и к своим, испытанным в полувековом прошлом чувствам, сравнивает их с представлениями своих сверстников и современников.

Немаловажную роль в приближении «оттепели» сыграло обращение школьной системы в своей воспитательной работе к культурному достоянию и к славной истории страны, победившей фашизм. Вместе с пробуждающейся жаждой знаний у молодежи идеологическая пропаганда и воспитательная работа стали питательной средой для манифестации своего достоинства и формирования гордости за свою могущественную страну и ее всемирно признанную культуру. Мне кажется, что одним из первых заметил предтечу оттепели, как процесс наполнения духовных сил, известный писатель и журналист И.Г. Эренбург в повести «Оттепель», опубликованной в журнале «Знамя». Его крылатые слова, прозвучавшие в этой повести, вызвали большой общественный переполох. Вот эти символические слова: «А высокое солнце весны пригревает и Володю и Танечку, и влюбленных на мокрой скамеечке, и черную лужайку, и весь иззябший за зиму мир»[12].

Победоносное завершение войны 1812 г. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вызвало небывалый подъем патриотических чувств и нравственных исканий в двух разделенных полуторавековым временем послевоенных эпохах – первой четверти XIX в. и в 1940–1950-е годы XX в. В первом случае созрели объективные условия для постановки вопроса об отмене позорного крепостного права, во втором – для преодоления тоталитарного наследия, сталинизма и движения за права и свободы человека.

В отечественной мемуаристике содержится огромное количество воспоминаний о том, как в первом десятилетии после Отечественной войны 1812 г. в определенных кругах российского общества установилась свежесть чувств и мыслей и атмосфера социального обновления. «Я слышал, – вспоминал Н.И. Тургенев, хотя и не участвовавший в восстании на Сенатской площади, но очень много сделавший для уничтожения крепостного права в России, в том числе своей знаменитой книгой «Россия и русские», – как люди, возвращавшиеся в С.-Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали свое изумление

при виде перемены, произошедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи этой столицы: она как будто пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте, или в частной гостиной, слушали ли их сторонники, или противники их воззрений»[13].

В первой четверти XIX в. были созданы гениальные произведения родоначальников русской профессиональной художественной литературы – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова и других, менее именитых, но не менее патриотично настроенных писателей и поэтов, явно или тайно симпатизирующих декабристам и их доктринальным принципам и идеям во имя свободы и любви в Отечеству. А.С. Пушкин не читал ни дневников Н.И. Тургенева, ни его книги «Россия и русские», написанной в духе «философских писем» Чаадаева и увидевшей свет через десять лет после гибели поэта, но в бессмертном романе в стихах «Евгений Онегин» прозорливо предугадал социальную миссию Н.И. Тургенева в деле отмены крепостного права:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.[14]

В 10-й главе, изданной сначала отдельно от канонического текста великого романа в стихах, содержалось немало патриотических чувств и критики в адрес существующего режима.

Важную роль в оздоровлении российского общества первой четверти XIX в. играло не только создание и тиражирование художественных произведений, но и формирование читательских навыков, в том числе такое своеобразное историко-культурное, окололитературное явление, как создание семейных и личных альбомов.

И хотя «альбомную культуру» не принято рассматривать в одном типологическом ряду с выдающимися достижениями золотого века в истории русского искусства первой половины XIX в. в сфере литературы, архитектуры, живописи, скульптуры и музыки, с этнологической точки зрения рукописные альбомы, как письменный фольклор, представляют неотъемлемую часть соционормативной культуры дворянской повседневной жизни.

Более сотни рукописных альбомов, хранящихся в фондах Государственного музея А.С. Пушкина, представляют собой ценнейшее достояние русской культуры пушкинского времени. Достаточно назвать имена автографов и авторов акварельных рисунков. В числе первых – Н.В. Гоголь, Н.М. Языков, П.А. Плетнев, Н.И. Надеждин, В.И. Панаев, в ряду вторых – О. Кипренский, автор портрета А.С. Пушкина, А. Брюллов, тот самый, чья картина «Последний день Помпеи» стала для русской кисти «первым днем», и другие известные художники и деятели культуры[15].

Рост патриотизма после 1812 г., национального самосознания и укрепление гражданской позиции в некоторых социальных слоях российского общества, несомненно был связан с гигантским взлетом художественной культуры. Он нашел отражение в творчестве родоначальников различных отраслей литературы, в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, в гражданском подвиге декабристов, а также в становлении традиции «уездных барышень альбомов».

Время нашей истории, получившее название «оттепели», видимо, с легкой руки И.Г. Эренбурга, разумеется, не ограничивается сроком пребывания Н.С. Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПСС и отстранения его от этой должности.

Оно началось до Хрущева и продолжалось какое-то время после него. Богатейший опыт деревенской и военной прозы, безусловно, имеет связи с нравственным раскрепощением национального духа граждан Советского Союза. И хотя современные поэты Е. Евтушенко и А. Дементьев не без оснований могли сказать, что они вместе с Робертом Рождественским и другими поэтами, вступившими на стезю творчества в 1950-е годы, «надышали оттепель», вклад деревенской

прозы был не менее значителен и не менее значим в просветлении умов советских людей.

Выдающуюся роль в раскрепощении умов сначала – творческой интеллигенции, а затем и более широких кругов народных масс, сыграла система школьного образования и особенно до сих пор не оцененная по достоинству подсистема воспитательной работы.

Школьные годы Ф. Абрамова (1920 г.р.) пришлись на начало 1930-х годов, В. Астафьева (1924 г.р.), В.М. Шукшина (1929 г.р.), В.И. Белова (1932 г.р.), Е.А. Евтушенко (1933 г.р.) – на 1930-е годы; В.Г. Распутина (1937 г.р.) – на рубеж 1940–1950-х годов. В творчестве этих писателей нашли отражение не только традиции классического русского реализма, но их произведения стали основой для продолжения этой традиции сегодня в произведениях Владислава Отрошенко, Олега Павлова, Василия Голованова, Светланы Василенко, Василия Кислякова, Лидии Павловой[16].

В тесной связи с оздоровляющейся общественной атмосферой и вершинными достижениями русской художественной литературы двух послевоенных эпох в начале XIX и в середине XX в. находится и развитие традиции литературных рукописных альбомов. Разница в развитии «альбомной культуры» в двух разных эпохах состояла в том, что в первом случае она была уделом дворянских элитных кругов, тогда как во втором случае, на рубеже 1940–1950-х годов, она «спустилась» в толщи народных масс, сосредоточившись преимущественно в подростково-молодежных кругах.

К сожалению, тексты в этих альбомах, как великолепные образцы устного прозаического и поэтического творчества, до сих пор не попали в должной мере в предметное поле этнографических исследований.

Между тем в альбомной культуре первой половины XIX и второй половины XX в. обнаруживаются интереснейшие черты сходства и различий. Так, например, в каждом случае при оформлении каких-либо «секретных» или «полусекретных» посланий юноши и девушки прибегали к «языку символов» или «языку цветов». Мне уже приходилось более 10 лет тому назад в письмах своей учительнице рассказывать о том, что белые цветы, подаренные девушке или нарисованные в

ее альбоме, означали предложение «давайте дружить», красные розы – «я вас люблю», желтые лютики – «я вас больше не люблю», хотя это и не означало выхода из системы альбомной культуры.

В дворянской альбомной культуре пушкинских времен рисунок, изображающий крест, якорь или сердце, означал соответственно «Веру», «Надежду», «Любовь». Цветок незабудки, вложенный альбом или поднесенный вживую, означал просьбу «помни обо мне», рисунок розы расшифровался как: «Вы прекрасны, как этот цветок»[17].

Обращение к своим воспоминаниям о «взлете» альбомной культуры на рубеже 1940–1950-х годов среди сельских школьников вызвано тем, что, во-первых, соотношение письменного фольклора и повседневной жизни послевоенного периода не стало предметом этнографического исследования. Во-вторых, отставанием этнологии от литературоведческих исследований, в которых проблемы взаимодействия быта и литературы породили интересную литературоведческую традицию, заложенную в трудах Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и продолженную в исследованиях В.Э. Вацуро, Л.И. Вольперт, Л.И. Петиной и ряда других авторов.

Однако, в отличие от трудов, посвященных преимущественно структурному и технологическому анализу альбомной культуры пушкинской эпохи, я пытаюсь сосредоточить внимание на совпадении двух периодов нашей истории, завершившихся победой русского оружия в отечественных войнах и наступившими потеплениями, получившими название Александровской весны и Хрущевской оттепели.

Иными словами, внимание сосредоточено не столько на альбомах, хотя и на них тоже, сколько на «времени славы и восторга», наступившем после побед над Наполеоном и Гитлером.

По свидетельству Анны Чекановой, традиция рукописных альбомов пришла в Россию в середине XVIII в. из Западной Европы и живет уже более двух столетий, не теряя своей популярности и притягательности[18].

На заре становления «альбомной культуры», в конце XVIII в., составлением альбомов занимались мужчины – хозяева усадеб и поместий, но уже в первой четверти XIX в. «уездной барышни альбомы» стали важным элементом семейного быта, уделом юных барышень.

Так, например, активной читательницей была Татьяна – литературная героиня в пушкинском «Евгении Онегине».

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона, и Руссо.

Ее родительница «была сама от Ричардсона без ума», но вдобавок:

Бывало писывала кровью
Она в альбомы нежных дев…

Однако чтение и альбомоведение осталось в молодости, когда родительницу выдали замуж, а муж привез ее в деревню:

Но скоро все перевелось:
Корсет, альбом, княжну Алину,
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла...[19]

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. пробуждала патриотизм, сильные гражданские чувства, требующие выхода в той или иной форме, в зависимости от таланта, возраста, окружающей среды и личного темперамента. Но, областью для выхода молодой энергии и приложения сил не могла быть сфера экономической, политической и общественной жизни. Они нашлись в обращении к духовной сфере и в стремлении погружаться в богатства и ценности культуры. Подобно иссохшему полю, давно ждущему живительной влаги, молодые души, пострадавшие в военное лихолетье от голода и холода, от сиротства и беззакония, устремились к налаживанию жизни в духовной сфере, компенсируя бедность и материальные лишения обращением к литературе, живописи, кино и устному народному поэтическому творчеству.

Сходные по масштабам катаклизма события двух эпох, разделенных полуторавековым периодом российской истории, позволяют мне, свидетелю второй из них, с известными ограничениями говорить от имени целого поколения, экстраполируя частную биографию сына депортированных родителей на общую судьбу своего поколения.

Наглядным показателем потепления политического и психологического климата стали книгомания, киномания и интерес к искусству, выплеснувшийся в широком распространении возрожденной традиции «уездных барышень альбомов» среди детей и подростков.

Типологическое сходство устремлений избавить российское общество от Павловского периода в начале XIX в. сопровождалось среди молодежи пронзительным желанием приобщаться к культурным ценностям.

Подобно тому, как мрак непредсказуемости и придурковатости сына Екатерины II Императора Павла сменился правлением ее внука Александра, и в России наступили времена общественно-политического потепления, сходным образом после смерти И.В. Сталина народ, хотя и продолжал пребывать в тревожном состоянии, но все же почувствовал облегчение и первые признаки перехода от тирании к свободе. Анализируя инициативную роль воспитательной работы учителей Каргапольской средней школы, роль литературы и кино вместе с нахлынувшими «альбомными» страстями, я не акцентирую внимание на роли средств массовой информации, в том числе радиопередач, в воспитании чувств патриотизма, гражданственности и достоинства у молодежи тех лет.

В центре села, где я жил в мои школьные годы, между двумя магазинами – продовольственным и промтоварным, – на высоком телеграфном столбе висел репродуктор – «черная шляпа», постоянно вещающая днем и даже ночью, когда случалось, что сторож пребывал в нетрезвом состоянии.

Радиопередачи была настолько неотъемлемой частью сельского быта, что жители села, особенно дети и подростки, перестали обращать на них внимание. В первые послевоенные годы, когда прекратились передачи «сводок с фронта», убавился интерес к политической и идеологической трескотне, лишь изумительные

песни довоенного и военного времени слушались по радио с большим воодушевлением. Мало кто из людей нынешнего пенсионного возраста на рубеже веков не знает ставшие всенародными песни М. Исаковского: **о войне**: «Прощание» (Дан приказ ему на Запад, Ей – в другую сторону…), «До свиданья, города и хаты», «Катюша», «Ой туманы мои, растуманы», «Огонек» (На позицию девушка провожала бойца…), «В лесу прифронтовом»; **о родине, дружбе и любви**: «Каким ты был…», «Лучше нету того цвету…», «Услышь меня хорошая…», «Одинокая гармонь», «И кто его знает…», «Ой, цветет калина…».

Песня М. Исаковского «Летят перелетные птицы», полная вдохновляющей и мобилизующей энергии, неоднократно, по словам Н.В. Корниенко, упоминалась в отечественной литературе[20].

2. КНИГОМАНИЯ

Культура – это умение материться без мата.

Большая книга афоризмов. С. 81[21]

На берегу речки Лунга, рядом с мостом, соединяющим Чадыр-Лунгу с селом Трашполи (Тирасполь), в таких же обычных, как у гагаузов, домах проживало несколько цыганских семей, составлявших особый анклав. В повседневных общениях этой группы населения, в частности, в наборе употребляемого им вокабуляра, не было принципиальной границы между нормативной и ненормативной лексикой. И ту и другую, особенно вторую, они произносили с легкостью, с каким-то особым удовольствием и придыханием. По соседству с ними проживал шустрый и хамоватый мужичок. Его звали Дюльгер Санди. Кажется, двое его хулиганистых детей – младший Ваня и старший Вася – учились в одной школе со мной. Как сложилась их судьба, мне не известно.

Иногда, проходя мимо нашего дома по дороге на маслобойку или на мукомольный завод, он заходил к нам во двор и, увидев меня, шести- или семилетнего, у раскрытого окна, через палисадник спрашивал, чувствую ли я себя мужчиной, и пытался учить меня бранным словам. Когда я сообщил о содержании моих с ним разговоров

маме, мой отец вытолкал не в меру шаловливого, бесстыжего соседа за ворота нашей усадьбы.

С детства я усвоил, что у гагаузов не принято было ругаться, особенно в присутствии женщин и детей. Позднее я, конечно, узнал, что это не совсем так. И уже в первые студенческие годы, когда мне в руки впервые попали номера журнала «Этнографическое обозрение», в котором была опубликована монография В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», я узнал, что в конце XIX в., пребывая в с. Бешалма, автор собрал целую коллекцию ругательств. Не исключено, что сидя за бочкой домашнего вина в одном из подвальчиков, с развеселившимися молодыми мужчинами, в отсутствие женщин, Валентин Александрович действительно составил, как он сам пишет, «возможно полный список гагаузских ругательств». По его убеждению, гагаузы прибегали к ненормативной лексике в конфликтных ситуациях, во время ссор и скандалов. «В обществах, – объяснял он, – где очень строго общественное мнение, всегда открывается широкое поле для взаимных пересудов и сплетен. А потому, – продолжал он свой анализ, – иногда одно только неосторожное слово может повлечь между людьми ссору, которая потом может перейти во вражду и взаимную ненависть»[22].

По мысли В.А. Мошкова выходило, во-первых, что у гагаузов имеется в наличии «полная чаша» бранных слов, во-вторых, они прибегают к ругательствам преимущественно «со зла», т.е. в конфликтных ситуациях, в-третьих, «самым крепким и самым оскорбительным ругательством у гагаузов считается все-таки матерное слово, произнесенное по-русски»[23].

Не смею возражать автору первой монографии о гагаузах в том, что «как и многие другие наши инородцы, гагаузы, даже не знающие русского языка, прекрасно произносят это слово». Соглашусь и в том, что это слово «говорят с полным пониманием». Однако позволю себе усомниться в его утверждении о том, что употребление ругательства на инонациональном языке «срабатывает» сильнее, чем на языке своей национальности.

Во время полевых исследований в провинциях Северного Вьетнама в 1970-е годы мне неоднократно приходилось слышать русскую ненормативную лексику в устах вьетнамцев, нунгов, таев и тхаев. Они про-

износили ее на русском языке, понимая ее смысл, но не испытывая при этом какого-либо стыда или неловкости. Ругательство на чужом языке не несет в себе такой же сильный заряд табуированности, как на языке своей национальности. Депортированные из Гагаузии в полузаброшенные деревни Западной Сибири спецпереселенцы в самом деле быстро усвоили ругательства на русском языке, но при этом продолжали ограничивать себя в их употреблении на языке своей национальности.

В сибирской же деревне Тамакулье и стар, и млад в то время, когда гагаузы туда были заброшены злой судьбой, в страшные послевоенные годы, ругались не столько «со зла», сколько из доброго и сочного «дружеского расположения», хотя, конечно, крупные скандалы и кровавые драки сопровождались вихрями матерных слов. Генералу Александру Лебедю приписывают афоризм: «Мы матом не ругаемся, мы им разговариваем»[24], отражающий стиль речевого поведения в армейской среде. Однако, вспоминая тамакульскую речевую стихию, я могу сказать, что крылатые слова боевого и отчаянного генерала вполне адекватно отражают речевую практику тамакульцев, практически независимо от их пола, возраста и степени литературной начитанности.

Белой вороной в Тамакулье выглядели подросток или юноша, или взрослый человек, приветствовавшие своего доброго приятеля без матерного слова и не пересыпавшие свою речь ругательствами, потерявшими всякий свой ненормативный смысл, а ставшими обычными словами речевой практики населения. Речь тамакульца, не приправленная и не пересыпанная ругательными словами, могла показаться самим собеседникам такой же безвкусной, как паровые котлеты в кардиологическом санатории.

Но, увы, не всегда бранные слова в сталинские времена, в годы депортации оставались безнаказанными. 12 марта 1950 г. в день всенародного праздника в связи с выборами кандидатов в депутаты Верховного Совета Союза ССР, один из депортированных, Калын Иван Дмитриевич, родом из с. Бешгиоз Чадыр-Лунгского района, приняв изрядное количество горячительного, позволил себе вслух, при свидетелях высказать пожелание вступить в определенную связь с покойной матерью Вождя народов. Буквально через несколько дней он исчез из села, и еще через некоторое время его семья получила весточку

из почтового ящика, расположенного в Коми АССР. Все его письма в течение последующих 7 лет, пока я не уехал из Тамакулья, начинались словами: «Моя дорогая жена Ирина! Я живу хорошо, не голодаю, у меня хорошие друзья и добрые начальники». Значительная часть писем, порой до четверти листа, была замарана черной краской. В ответ, под диктовку его жены Ирины и дочери Анны, я перечислял, сколько трудодней заработала его семья, сколько яиц снесли их курочки и чем кормили поросенка, без мяса которого семье грозила голодная зима. Коровы у них не было, так как без мужика в семье некому было заготавливать около 3,5 т сена для зимнего периода.

В пятом классе, оказавшись в сообществе детей районной элиты, я с удивлением обнаружил, что речевая практика «Тамакульского разлива» здесь не к месту и в школьной среде не имеет применения. Более того, духовная атмосфера Каргапольской восьмилетней и средней школ не была насыщена ароматами ненормативной лексики.

Я умел читать еще до поступления в школу. Этому меня научили моя мама и проживавшая в нашем доме до депортации моя двоюродная сестра Дан Варвара Георгиевна (дочь старшей дочери моего деда). Мне уже приходилось рассказывать, что при депортации в 1949 г. две детские книги «Чук и Гек» и «Дальние страны», взятые мной из Чадыр-Лунгской библиотеки, оказались со мной сначала в с. Сухановка, потом в с. Тамакулье.

Однотомник избранных произведений Т. Гайдара я вернул Чадыр-Лунгской библиотеке через много лет вместе с несколькими своими опубликованными к тому времени книгами. Немного в иной, полусерьезной и полушутливой окраске и упаковке (без Буджакского «зла» и без Тамакульско-Каргапольской «любви») преподносит обычаи применения ненормативной лексики в молдавском селе классик молдавской литературы Ион Друцэ. Приглядимся к изображению соответствующей ситуации в его знаменитом романе «Бремя нашей доброты», описывающем события в послевоенном молдавском селе Чутуря, что когда-то возникло в бескрайней Сорокской степи.

Литературный герой Иона Друцэ Костаке Михай, старый возница, когда «проезжал мимо двух домиков братьев Морару, увидел посреди дороги чумазого мальчика, сгребающего пыль в кучки. Мальчик был юркий

и носил такую короткую рубашку, что немыслимо было ошибиться относительно его пола. Его двоюродный родственник сидел на заборе и ждал, когда братика переедет телега. Костаке Михай не знал, какие у них счеты, а кроме того опасался за свою старую и дряхлую телегу. Потому-то он и остановил лошадку, крикнул чумазому, чтобы убрался побыстрее с дороги, но тот сказал сердито, не оборачиваясь: не хоцу.

Костаке Михаю ничего не оставалось, как спрыгнуть с телеги, взять его подмышки и поставить у ворот с таким расчетом, чтобы стоял он там долго и смирно. Но когда Костаке Михай возвращался к телеге, услышал за своей спиной популярное молдавское ругательство, в котором речь шла об определенных отношениях между этим карапузом и давно усопшей матерью Костаке Михая»[25].

Нельзя без смеха и некой доли горечи и грусти читать эти строки, и далее, без сожаления, их продолжение. … «Костаке Михай знал, да и сама Чатура знала, что ругаются решительно все. Наиболее трусливые ругаются про себя, другие – чуть слышно, под нос, и только сильные натуры, люди, знающие себе цену, ругаются во весь голос, если что не так»[26].

В жизни любого человека всегда есть место выбору. Хотя периоды жизненного цикла нередко определяются помимо воли человека. Итак, на склоне лет, накануне инфаркта, пожалуй, я впервые четко осознал, что мне мало меня. Эта мысль возникла из понимания трех моих едва ли не основополагающих качеств: эгоизма, романтизма и необузданного трудоголизма, которые в то же время сочетаются или неразрывно связаны с неистребимой ленью, постоянно преследующей инфантильностью, как недостатком, и последовательным служением своему духовному росту. Инфаркт, как я понимаю, стал итогом гордыни: Успеть! Успеть! Успеть! Это не смешно, это обидно и требует осмысления.

Имеет смысл пояснить, что недостаток, проявляющий себя в веренице событий и хронике повседневной жизни, представляет собой, как считают философы, «социально-бытовой термин», определяющий утилитарное отношение человека к окружающей среде или общественного мнения к самому человеку.

В отличие от порока, как этической категории, греха, как религиозного термина, и свободы, как психофизической интенции, недостаток представляется гораздо более заземленным понятием. Бабушка

любит внука безусловной любовью за сам факт его существования. Дедушка тоже любит внука, но скорее за его достоинства, ниспосланные судьбой и генами, и за текущие достижения. Эгоизм и гордыня с особой наглядностью проявляются в том, что значительное большинство людей хотят быть любимыми безусловной любовью, но сами предпочитают любить рационально. Однако безусловная любовь не сводится только к бабушкиной любви к внуку.

Нередко она настигает взрослеющего человека помимо его воли. Примеров тому … несть числа. Особенно в русской литературе. В качестве выхода предлагается воспринимать безусловную любовь как выбор. Кому-то нравится запах спелой айвы, а кому-то цвет или вкус спелой вишни.

Первой такой моей безусловной любовью стала охватившая меня страсть к чтению, страсть, которая родилась из иррациональной тяги к чтению и превратилась в дар судьбы, во многом определившей течение последующего жизненного цикла. Эта страсть, доводившая меня до исступления, стала причиной второго социального переворота (если первым считать депортационное путешествие), случившегося в моей душе, когда из Тамакульского «болота» с его ненормативной лексикой, и блатной песней, я перешел в Каргапольскую «крутизну», открывшую путь в великую художественную культуру России.

Я затрудняюсь сказать, что именно во мне пробудило страсть к чтению. Но эта жажда охватила меня уже во втором классе. Я полюбил книги какой-то ненасытной любовью. Я читал без какой-либо системы, запоем детские книжки из Чадыр-Лунгской районной библиотеки накануне депортации.

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверье Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер – до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

Александр Блок[27]

Своей привязанностью к книгам я обязан Чадыр-Лунгской районной библиотеке, в которой в пору зарождения моей книгомании царила, или лучше сказать парила одна из легендарных гагаузских женщин Елена Семеновна Генова. Прежде чем стать директором районной библиотеки, она прожила удивительную для гагаузской женщины жизнь. Окончив в Москве Институт востоковедения, она проработала несколько лет в Советском полпредстве Саудовской Аравии, позднее – переводчиком в пограничных войсках СССР, заведовала кафедрой турецкого языка в Высшей школе НКВД[28].

Трудно сказать, сколько гагаузских детей, подобно мне, обязаны ей любовью к книге и к чтению. Флюиды обаятельной вальяжности и необычной для Чадыр-Лунги ауры интеллигентности притягивали к ней, и малолетние читатели толпами устремлялись в библиотеку, желая во чтобы то ни стало понравиться ей и заслужить ее похвалу.

После окончания уроков в маленькой двухэтажной школе из красного кирпича, что находилась через дорогу напротив нашего дома, в котором я родился, я шел не домой, а устремлялся к Елене Семеновне, из бывшего села Трашполи в нынешний город Чадыр-Лунгу. Сначала пробегал мимо нескольких богатых домов на центральной улице, затем мимо цыганского анклава, пересекал мост через речку Лунгу, через железнодорожное полотно и попадал на площадь, где еще не было здания, ставшего впоследствии райкомом партии. На этой площади в 1950–1980-е годы проходили первомайские и иные праздничные парады и митинги. Этот мой «книжный» маршрут был прерван после окончания 2-го класса в пору летних каникул накатившейся на Чадыр-Лунгу, подобно цунами, депортационной волной.

Конечно, в моей дальнейшей судьбе определенную роль сыграла не та белая мышь, что «нагадала» из моей «зодии» (предначертанной судьбы) три «пробоины» на моей голове, а страсть к чтению, вспыхнувшая во мне сначала при посещении Чадыр-Лунгской библиотеки в конце 1940-х годов, а затем и Каргапольской в начале 1950-х годов. Лишь частично она поубавилась после развала Советского Союза, но отнюдь не исчезла, подобно исчезновению «советского народа, как самого читающего народа в мире». Пристрастие к чтению не может окончательно угаснуть, пока сохраняются усилия по охвату жизненных явлений или струится желание не забывать прошлое, а время от времени встречаться с ним.

В юном Иване Бунине любовь к книгам пробудил его старший брат Юлий, хорошо эрудированный, активный участник общественной и политической жизни.

Сергею Тимофеевичу Аксакову пристрастие к чтению пришло от принятых в дворянской семье совместных чтений по вечерам. В автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука», служащие продолжением семейной хроники, Аксаков подробно рассказал о генезисе своей страсти к чтению.

Немалую роль в возгорании этой страсти у малолетнего Аксакова сыграл сосед С.И. Аничков, просвещенный русский интеллигент, в свое время делегированный депутатом от Оренбургского края в известную комиссию, собранную Екатериной Второй для анализа существующих законов. Именно он подарил мальчику связку книг, в том числе «Детское чтение для сердца и разума» в двенадцати частях. «Боясь, чтоб кто-нибудь не отнял моего сокровища, – вспоминал позднее, на склоне лет, С.Т. Аксаков, – я пробежал прямо через сени в детскую, лег в свою кроватку, закрылся пологом, развернул первую часть – и позабыл все окружающее. Когда отец воротился и со смехом рассказал матери все происходившее у Аничкова, она очень встревожилась… Меня отыскали лежащего с книжкой. Мать рассказывала мне потом, что я был точно помешанный; ничего не говорил, не понимал, что мне говорят, и не хотел идти обедать… После обеда я опять схватил книжку и читал до вечера… Я читал эти книжки с восторгом и, несмотря на разумную бережливость матери, прочел все с небольшим в месяц. В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир»[29].

Страсть к чтению сохраняется у некоторых ученых на протяжении всей жизни. Каждый раз, когда выдающийся российский ученый Юрий Иванович Семенов, автор ряда фундаментальных исследований, вошедших в золотой фонд отечественной этнологии, входил в мой служебный кабинет в Институте этнологии и антропологии РАН, он мгновенно рассматривал книги, оказавшиеся на моем столе, и тут же принимался рассказывать о новейших изданиях. У меня всегда воз-

никало ощущение, что некоторые тексты он читает не словами, не абзацами, а мгновенно схватывает суть всей страницы.

После окончания начальной школы в с. Тамакулье, где, наряду с адаптацией к местной разгульной речевой практике, я, похоже, начал различать две разные речевые стихии – местную-бытовую и каргапольскую литературную… Чтение книг в 5–6 классах обернулось иступленной страстью. Легко заучивались стихи, рассказы, содержания коротких повестей и длинных романов.

Будучи уже накануне подросткового возраста, я влезал на табуретку и декламировал: «Летней ночью на рассвете, когда мирно спали дети, Гитлер дал войскам приказ, это значит против нас» и от слезливых слушателей получал аплодисменты, пряник, печенье или конфету.

Каждое лето, будучи переведенным в другой класс, я с нетерпением ждал, когда в книжный магазин привезут новые учебники. Я млел от типографской краски, от запаха новых учебников и еще до начала занятий успевал перелистать даже такие учебники, как «Алгебра» Ларичева, «Физика» Перышкина и все остальные учебники – от «Ботаники» до «Истории СССР», подготовленной под руководством академика М. Панкратовой. Взрослым я уже хорошо понимал И.А. Бунина, воспевшего свою любовь к книгам, «один вид которых давал ему физическое наслаждение».

Читая запоем все, что подвернется под руку, доставая те или иные книги повсюду, я, понятно, получал удовлетворение от самого процесса чтения и от уподобления себя тому или иному литературному герою. Например, вырабатывал походку, подобно Григорию Александровичу Печорину, ходить, не размахивая руками. Не подозревая, что мне самому когда-либо придется писать об увиденном или прочитанном, я сызмальства любил покупать книги. В этой связи вспоминается страсть к чтению и книгообретению, о которой вспоминал Н.А. Добролюбов. Так, например, однажды, вернувшись домой от нижегородского книгопродавца, библиотека которого восхищала мальчика, он записал на клочке бумаги:

О, как бы я желал такую способность иметь,
Чтоб всю эту библиотеку мог в день прочитать.

О, как бы желал я огромную память иметь,
Чтобы все, что прочту я, всю жизнь не забыть.
О, как бы желал я такое богатство иметь,
Чтобы все эти книги себе мог купить.
О, как бы желал я иметь такой разум большой,
Чтобы все, что написано в них, могу другим передать.
О, как бы желал я, чтоб сам был настолько умен,
Чтоб столько же я сочинений мог сам написать[30].

В этих корявых стихах, написанных экспромтом, когда Добролюбову было 14 лет, говорится не только о неутомимой страсти к чтению, но и о том, что чтение дало импульс несостоявшемуся священнику (на что надеялся его отец) для выбора своей судьбы – судьбы выдающегося литературного критика, своими трудами во многом повлиявшего на развитие русской реалистической литературы.

В школьные времена, в те дивные сказочные годы среди учеников и выпускников Каргапольской средней школы было заведено иметь альбомы подобно салонным традициям русской художественной элиты начала XIX века. Такая вот была мода среди деревенских детей в селениях, прилепившихся к берегам сибирских рек – Миасса, Исети, Течи, Тобола, а, может быть, и других рек и речушек Западной Сибири.

В эти «Альбомы» мы, подростки, заносили полюбившиеся стихи из классической поэзии, местные, порой сильно наперченные народные частушки, самодеятельные рифмы, тексты отправленных и неотправленных посланий друзьям и подругам. В них мы рисовали танки, пушки, самолеты, розы, ромашки, полевые колокольчики, березовые колки, маслят в молодом сосняке, доты на крутых обрывах Тамакульских оврагов, и особенно часто – знаменитый Каргапольский деревянный ажурный мост, построенный, по преданию, белогвардейцами.

В послании к своему самому близкому другу И.И. Пущину преданный ему А.С. Пушкин писал:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил.
Когда мой двор уединенный,

Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.[31]

Речь идет о смелом и мужественном поступке И.И. Пущина, когда он, вопреки официальному запрету, приехал к опальному поэту в Михайловское в январе 1825 г. до восстания декабристов. В ответ Пушкин отправил приведенное выше стихотворение с женой декабриста Н.М. Муравьева, поехавшей к нему на каторгу в Сибирь.

Подражая великой дружбе гениального поэта с мужественным декабристом И.И. Пущиным, ученики Каргапольской средней школы переписывали из своего альбома в альбом ближайшего друга четверостишие, написанное А.С. Пушкиным на больничной дощечке над кроватью, когда И.И. Пущин лежал в лицейском лазарете.

В альбом Пущину

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья.[32]

В этих же альбомах коллекционировали свои и полученные от друзей и подруг красочные открытки на лакированной бумаге с изображением популярных в те времена артистов и артисток кино – Марины Ладыниной, Любови Орловой, Валентины Серовой и многих других. На некоторых открытках красовались цветы, классические натюрморты, сердечки, разного рода птички, голубки, окаймленные дурашливыми записями типа: «Лети с приветом, вернись с ответом» и т.п. Иногда уголки отдельных страниц Альбома загибали и на отогнутой стороне делали такую надпись: «Секрет: Входа нет!».

Тем не менее, накануне таких великих в 1950-е годы праздников, как 1-е и 9-е мая как дни «всенародных выборов», когда все голосовали за блок «партийных и беспартийных», а также в связи с наступающим своим днем рождения владельцы альбомов доверяли «по секрету» их своим самым близким друзьям, надеясь получить письменный подарок в виде дружеского сочинения, классического стихотворения или цитаты из изречения мудрецов. Получилось почти так, как в пушкинские времена, например, как слова, вписанные щедрым на надписи поэтом в альбом Елизавете Ушаковой, младшей сестры Екатерины Ушаковой.

И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком –
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.[33]

Совершенно очевидно, что взаимные послания ко дню рождения, которыми обменивались в альбомах сельские дети в середине XX в., очень сильно напоминали традиции первой половины XIX в..

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моем
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад, –
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.[34]

В день именин Екатерины Бакуниной А.С.Пушкин записал ей в альбом:

Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.

В альбоме драматической актрисы Е.Я. Сосницкой навеки остался пушкинский экспромт:

Вы соединить могли с холодностью сердечной
Чудесный дар пленительных очей.
Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;
Но кто не любит Вас, тот во сто раз глупей.[35]

С детских лет помнятся экспромты М.Ю. Лермонтова, оставленные в альбомах – Э.К. Мусиной-Пушкиной:

Графиня Эмилия –
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится,
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмили
Подобно Бастилии.[36]

В альбом сестрам Дарье и Наталье Ивановой:

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет –
Ты не забудь на этот лист взглянуть,
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.[37]

В альбом сестрам Н.Ф. Ивановой:

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести?
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: Прости.
И страх безумный, страх прощальный
В альбом твой бросил для тебя.
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.[38]

3. КИНОМАНИЯ: МАГИЯ МИФОВ И МИФЫ МАГИИ

О едва ли не тотальной киномании и связанным с ней коллекционированием открыток с актерами советского кино, охватившей сельскую молодежь средней школы, в том числе и многих сверстников в Каргаполье, следует сказать особо. Можно думать, что в генезисе альбомов в начале 1950-х годов у части сельской молодежи импульсивную роль сыграли три взаимосвязанных фактора – школа, книгомания и киномания. Не случайно, высоко оценивая роль кино в жизни советского общества времени своей молодости, Е. Евтушенко в одной из телепередач назвал кино – «поэзией, запечатленной на пленке». Центральное место в коллекциях альбомов школьников занимали изображения популярных кинозвезд довоенного и послевоенного кино.

Наряду с симпатией, зреющей в те годы в сердцах и обращенной к кинозвездам Любови Орловой в фильмах «Цирк», «Волга-Волга», к красавице Марине Ладыниной в фильмах «Трактористы», «Свинарка и пастух», в альбомах мальчиков обязательно поселялись лакированные открытки с изображением – Валентины Серовой, исполнительницы роли Кати Ивановой в фильме «Девушка с характером». «Песня о Москве» из кинофильма «Свинарка и пастух», спетая Мариной Ладыниной, сразу же стала всенародным достоянием и вошла в классический репертуар официальных концертных программ и многих

неофициальных тусовок по той причине, что это была песня о дружбе советских людей.

Хорошо на московском просторе,
Светят звезды Кремля в синеве.
И, как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве…

… И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним повстречался в Москве.

Девчонки и девушки всегда кем-то увлекались. Иногда надолго. Они страстно влюблялись в молодого в те годы, неотразимого Олега Стриженова в фильме «Сорок первый», в статного и мужественного Павла Кадочникова с его ярко выраженной маскулинностью в фильмах «Укротительница тигров», где он играл Ермолаева, или героического Алексея Маресьева в фильме «Повесть о настоящем человеке», или майора Федотова в фильме «Подвиг разведчика».

Сотни девушек, если не больше, сразу же влюбились в молодого, обаятельного Николая Рыбникова, как только он сыграл роль сталевара Саши Савченко в фильме «Весна на Заречной улице». А исполненную им песню «Когда весна придет» подхватили не только девушки, но и молодые люди. Песня стала популярным гимном Малой Родине, символом любви к родному очагу и дому, своему краю, своей профессии.

Я не хочу судьбу иную.
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня.
На свете много улиц славных,
Но не сменяю адрес я.
В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя.

Не всегда вкусы и предпочтения девушек совпадали с пристрастиями юношей. Так, например, несмотря на невероятное обаяние французского актера Жерара Филипа, блистательно сыгравшего роль Фанфана в фильме «Фанфан – тюльпан» и роль Жульена в фильме «Красное и черное», он и его «подвиги» нравились советским девушкам меньше, чем юношам. Сочетание в исполняемых им ролях героического пафоса с романтической меланхолией и буйным темпераментом, мужественности и отваги с чувством юмора и иронии мальчики тех лет ценили выше, чем девочки. Я помню, как некоторые из моих сверстников шагали, не размахивая руками, подражая походке Григория Александровича Печорина, или же копировали характерные жесты героев Жерара Филипа.

Напротив, роли несчастной проститутки, сыгранные женой выдающегося итальянского кинорежиссера Ф. Феллини, Джульеттой Мазини в фильмах «Ночи Кабирии», «Они бродили по дорогам», вызывали более глубокие переживания и сочувствие в сердцах девушек, чем у взрослеющих юношей.

Патриотические чувства, любовь к истории своей страны, к своей Малой Родине, вселял в души юношей и девушек Николай Черкасов, блистательно играя роли великих русских полководцев – Александра Невского, Александра Суворова, российского царя Ивана Грозного с его глубоко противоречивым характером и кровавой жестокостью, но раздвинувшего границы русских земель на восток, на север и на юг.

Никому в те послевоенные годы не приходила в голову социально грешная мысль о том, что через одно-два десятилетия легендарный герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев, его боевые товарищи Петька и Анка-пулеметчица станут во времена Брежневского застоя хроническими персонажами бесчисленных анекдотов. Популярнейший артист Борис Бабочкин, блистательно и вдохновенно сыгравший роль Чапаева, как человека необычной судьбы и широкой души, сочетающего в себе эпическую легендарность с живой достоверностью, социально-политическую мобильность с внутренней психологической, стержневой стабильностью, был в начале 1950-х годов поистине всенародным кумиром. Особой симпатией у кинозрителей пользовался неподражаемый Борис Чирков, наделенный природным

даром обаяния и юмора в роли Максима в трилогии «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», в роли профессора Чижова в фильме «Верные друзья», академика Верейского в фильме «Суд чести».

Мы, подростки начала 1950-х годов, об истории Российской империи первой половины XVIII в. узнавали порой из школьных учебников меньше, чем из кинофильма «Петр Первый», в котором Николай Симонов и Михаил Жаров играли роли соответственно Петра Великого и его сподвижника Александра Меньшикова.

Нам, молодым, ничего не стоило выучить наизусть на всю оставшуюся жизнь довоенные и послевоенные песни в исполнении Леонида Утесова, Рашида Бейбутова, Клавдии Шульженко, Марка Бернеса. Навсегда поселилась в наших сердцах песня «Темная ночь» в проникновенном исполнении Марка Бернеса в роли Аркадия Дзюбы в кинофильме «Два бойца». В условиях острейшего дефицита доверительности в нынешних постсоветских условиях гимном доверительности звучат чудные слова этой песни:

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила…
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою:
Знаю, встретишь с любовью меня,
что б со мной не случилось.

Можно лишь сожалеть, что сегодня, на заре XXI в. в России нет исполнителей, равных по обаянию Марку Бернесу.

Слащавые песни Раджа Капура из кинофильма «Бродяга» распевали, каждый раз переиначивая некоторые слова на свой лад. В зависимости от деревни проживания, пели про «яркие ботинки»: то с «Каргапольской», то с «Тамакульской», то с «Чадыр-Лунгской» душой.

Распевая на вечеринках классические романсы и полублатные песни, одни оправдывали в душе Степана Разина за то, что он утопил в Волге персидскую княжну, другие ее жалели, третьи разочаровались в нем, как в человеке, совершившем поступок, не

приличествующий сильному, настоящему мужчине. Красавицу-княжну, считали эти, надо любить, а не за борт бросать в набежавшую волну.

Однако, когда застолье набирало полную силу, и те, и другие, и третьи с воодушевлением пели:

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На красавицу, возьми!

Мощным взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт ее бросает
в набежавшую волну.

Что ж вы, братцы, приуныли,
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем песню удалую
На помин ее души!

Вопреки цензуре и остракизму, в сельские избы-читальни каким-то попутным ветром заносило красивые и нервные песни Вертинского. Вместе с местными частушками и песнями, вырвавшимися из гулаговских обледенелых застенков, песни Вертинского считались запретными и их распевали в дружеских кампаниях с доверительным составом участников.

Собравшись в крохотной избе-читальне, окруженной вековыми тополями на краю села Тамакулье, под негромко звучащую гармошку пели песни из репертуара осужденных:

Я помню тот Ванинский порт,
Гудок парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные, мрачные трюмы.

От качки страдали зэка,
Обнявшись как родные братья.
И только порой с языка
Слетали глухие проклятья.

В слове «родные» ударение делалось на первую фонему «о», что придавало самой песне дополнительную ауру запретности и флер (пелену) доверительности.

В мрачные послевоенные годы, когда до смерти «вождя народов» оставалось совсем немного времени, вышел на экраны фильм «Кубанские казаки», в котором одну из главных ролей (Даши Шелест) сыграла молодая Клара Лучко.

Песня из этого кинофильма, воспевающая открытость советского общества и безграничное доверие людей друг другу, звучала резким диссонансом с затаившейся в городских кухнях и дворах подозрительностью и мнительностью.

Твоя печаль, твоя обида,
Твоя тревога ни к чему:
Смотри, смотри, душа моя открыта,
Тебе открыта одному.

К слову сказать, всенародной стала еще одна песня из этого кинофильма – «Ой, цветет калина».

Школьные годы были временем подростковой и юношеской влюбленности. Нашими кумирами чаще всего становились артисты советского кино и герои отечественной истории исполняемых ими ролей. Еще не наступила эпоха всепроникающего телевидения. В селах Зауралья, Сибири, Дальнего Востока не было театров, концертных залов, филармоний. Были избы-читальни, с комнатой для шахмат и шашек и маленьким кинозалом. Не удивительно, что мотивации к знанию, к любви, к любознательности удовлетворялись книгами и кинофильмами. *Книгомания* и *киномания* были важной социокультурной потребностью тех, кому в 1950–1960-е годы довелось быть в подростковом и юношеском возрасте. В отличие от городской молодежи, выбор культурных благ в сельской местности был крайне ограниченным. Но жажда приобщения к культуре, мудро внедряемая не столько учебными программами, сколько стратегией воспитательной работы, была чрезвычайно велика, порой ненасытна. Один и тот же фильм в Каргапольском кинотеатре шел целую неделю. И надо было ухитряться, всеми силами выпрашивать у родителей лишний рублик, чтобы просмотреть один и тот же фильм по нескольку раз. Велико было искушение каждый раз, особенно при повторных демонстрациях фильма, попасть на сеанс зайцем, незаметно прошмыгнуть мимо порой не очень строгого контролера.

Некоторые кадры из зарубежных фильмов врезались в память на всю жизнь. До сих пор перед глазами поток, уносящий тела погибших влюбленных, из аргентинского фильма «Текут мутные воды». Изначально эти кадры там, в Сибири, ассоциировались с моими воспоминаниями, впечатлениями из додепортационного детства, когда с пригорка нашего Хармана я наблюдал за взбесившейся после сильной грозы речкой Лунгой, заливающей мутной водой место хору на цветущем лугу и подрывающей на изгибе полотно железнодорожной линии Кишинев–Рени.

В Каргапольской средней школе под руководством ее директора моих школьных лет – мудрой и талантливой Ульяны Илларионовны Постоваловой – был создан дружный коллектив учителей, преданных своему делу и своей профессии. Вплоть до конца 1950-х годов школа настраивала своих питомцев не только на сельскохозяйственное производство, но и завораживающе влекла в сферу культуры, науки, общественной деятельности. В этой необычной для сельской местности стратегии воспитательной работы коллективу школьных учителей и их методическим приемам помогали, в частности, фигуры выдающихся деятелей отечественной культуры и науки, воплощенные на экране неподражаемым Николаем Черкасовым, в том числе в роли М. Горького в фильме «Ленин в 1918 году», академика Ивана Павлова в одноименном фильме, Александра Попова в фильме «Александр Попов», Стасова в фильме «Мусоргский».

Людям моего поколения, особенно тем, у кого появилась страсть к чтению, к познанию, к науке, особенно притягателен был профессор Полежаев, роль которого обворожительно сыграл Николай Черкасов в

довоенном фильме «Депутат Балтики». Этот фильм беспрерывно шел в прокате на рубеже 1940–1950-х годов.

В некоторых фильмах знаменитого режиссера И.А. Пырьева снималось одновременно целое созвездие кинозвезд 1930–1940-х годов. Так, например, ни один дружеский обед или ужин в Институте этнологии и антропологии РАН долгие годы не обходился без песни «Три танкиста» из кинофильма «Трактористы», в котором снимались Борис Андреев в роли Назара Думы, Николай Крючков в роли Клима Ярко, а супруга режиссера – Марина Ладынина в роли Марьяны Бажан.

Там живут – и песня в том порука,
Нерушимой крепкою семьей
Три танкиста, три веселых друга –
Экипаж машины боевой.

Замечательные фильмы И.А. Пырьева «Трактористы», «Свинарка и пастух» с Мариной Ладыниной в главной роли, снятые накануне Великой Отечественной войны, никакого отношения к селу, к сельскохозяйственному производству и повседневной жизни сельчан не имели. Но они задавали пусть призрачные, но заманчивые ориентиры будущей жизни. Молодые бойцы на фронтах Отечественной войны поднимались в атаку «За Родину!», «За Сталина!», жертвуя собой во имя тех чарующих женщин, образы которых были воплощены на экране Ладыниной, Орловой, Серовой и другими кинозвездами довоенных кинолент.

Неизменное восхищение вызывали И. Кузнецов, П. Алейников, О. Жаков в фильме «Семеро смелых». Трудно найти хотя бы одного сельского зрителя тех послевоенных лет, кто бы не смотрел этот фильм многократно, иногда до 7 и более раз.

Когда я жил в Сибири, вероятно, больше всего у меня вырабатывался адреналин перед спуском с самой крутой Тамакульской горы и перед прыжком с самого высокого трамплина. В эти моменты, как говорится, дух захватывало. Но и радость была ни с чем не сравнима после удачного спуска или от приземления с неплохим результатом по дальности полета.

В редкие дни, когда трескучие морозы достигали тридцатипятиградусной отметки, школьные занятия отменялись. Можно было целыми днями кататься на лыжах. Но… увы, только в тихую, безветренную погоду. Лыжное «мародерство» заканчивалось, как только с севера, с просторов Западно-Сибирской низменности, налетал, как злой стервятник, обжигающий стужей ветер. Никакие снежные компрессы и растирания не помогали. Носы, уши и щеки трудно было уберечь от побеления, что неизменно грозило кровавыми подтеками и пятнами после вхождения с обмороженным лицом в домашнее тепло.

Тем не менее никакая леденящая стужа, никакие обжигающие ветра не могли помешать посещению кино, если в избу-читальню приезжала кинопередвижка с очередной кинолентой, с отечественными или зарубежными кинодивами и кинокумирами. После каждого очередного фильма возникала новая гонка за открыткой с изображением полюбившегося исполнителя роли для коллекции в своем альбоме. Просмотр «Тарзана» заканчивался тем, что школьные коридоры превращались в джунгли и оглашались окриками и звуками, при помощи которых исполнитель роли Тарзана общался со своими лесными друзьями.

Словом, притягательная магия кинолент оказывалась сильнее любых морозов и родительских сетований и запретов.

4. ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ ЖАЖДА КРАСОТЫ

В начале 1950-х годов жизнь на просторах Сибири, в колхозной деревне, мало помалу налаживалась. Хотя школьники продолжали вслед за комбайном собирать колоски на колхозных полях, а родители еще пекли в весеннюю пору черные как антрацит лепешки из мороженой картошки, никто в деревне уже не голодал. Гарантированное наличие пищи, утоляя голод, одновременно служило основой для возникновения новых потребностей, в том числе в сферах общественной жизни и культуры. На голодный желудок, пожалуй, трудно было бы посещать занятия всевозможных кружков, ходить на вечера танцев, петь в школьном хоре, писать стихи и коллекционировать в альбомах открытки с популярными киноартистами.

Стремление к красочной, цветистой пасторальности выступало контрастом с изумительной, хотя и не яркой, как в тропиках, матовой красотой окружающей природы. Серая гамма красок в палисадниках обнищавшей до крайности деревни компенсировалась, как заманчивым лакомством, яркими рисунками в альбомах той части сельской молодежи, которая сознательно сделала свой выбор в отношении культурных ценностей, что черпала из книг и кинолент. Открытки, рисунки, тексты, фотографии в альбомах свидетельствовали о пробуждении эстетических потребностей, о стремлении к красотам жизни, будили в юных сердцах жажду познания, открытий, закрепление в памяти событий из реки повседневной жизни.

Своим соседкам, ученицам 4-го класса Тамакульской начальной школы Шуре Уфимцевой и Тамаре Киприяновой я записывал в альбомы невесть откуда засевшую в голове частушку:

Дуб зеленый, не качайся,
Алой лентой подвяжу,
Ты, уж Шура, не печалься,
Стих на память напишу.

Альбомы, как технологии социокультурного самообразования, становились показателем зреющих эстетических потребностей и одновременно строительным материалом для формирования характера. Источниками вдохновений юных летописцев выступали, наряду с природой, литературой и кинопродукцией, школа и внутреннее социальное созревание. Укреплялась потребность в знании, осмыслении и конструировании собственной жизненной позиции. В итоге расширялись связи с внешним миром, раздвигая границы родной деревни и сельской среды. Аскетизм материальных благ в известной мере восполнялся гедонизмом культурных потребностей.

Разумеется, большинство авторов экзотических рисунков в Каргапольских альбомах понятия не имели ни о методичности немецкой живописи, ни об итальянской виртуозности, ни о русском натурализме, хотя с картинами многих отечественных и зарубежных художников можно было знакомиться в читальном зале Каргапольской районной

библиотеки. Многие официально изданные сборники произведений художников поступали не только в городские библиотеки Европейской части Советского Союза, но порой переваливали по ту сторону Уральских гор. Впрочем, на дом их не выдавали. Цветные, богато и роскошно иллюстрированные издания можно было перелистывать только в читальном зале.

Многие рисунки в наших альбомах напоминали скорее схематические наскальные изображения зверей, птиц, сцены охоты, подобно петроглифам и писаницам, обнаруженным археологами и историками первобытности на отдельных камнях, в пещерах, на открытых скальных поверхностях в регионах Советского Союза и в странах Европы и Африки. Вряд ли кому-либо из нас, и прежде всего мне самому, могло в школьные годы прийти в голову, что настанет время и эти примитивные альбомные рисунки я буду вспоминать и сравнивать с наскальными изображениями, чтобы сдать нелегкий экзамен по археологии выдающемуся советскому археологу Артемию Владимировичу Арциховскому по его знаменитому учебнику: «Основы археологии», выдержавшему несколько изданий, но не очень популярному среди студентов исторического факультета МГУ из-за чрезмерной перегруженности фактическим материалом.

Много позднее, когда уже в постсоветский период я приобрел великолепно изданное 3-х томное сочинение выдающегося русского художника, театрального деятеля А.Н. Бенуа «История живописи всех времен и народов», впервые вышедшее в свет в 1912–1917 годах и переизданное в 2002 г. с адаптированным алфавитом и орфографией, я с удивлением и с какой-то скрытой радостью прочитал его вступительное слово к первому тому. «Первые страницы книги истории мирового искусства, – подобно откровению звучали для меня слова А.Н. Бенуа, – вырваны и навеки затеряны. Правда, если мы обратимся к изумительным изображениям животных, – оптимистично продолжал создатель гигантской «Истории живописи», – бизонов, мамонтов, оленей и диких лошадей, которые встречаются в виде живописи на стенах пещер и в виде выцарапанных рисунков – на всяких предметах каменного века, то мы скажем, что именно с «нечеловеческого»,

с «посторонней» человеку природы, с «пейзажа в широком смысле» начинается история живописи»[39].

И думалось при этом, что те далекие рисунки в альбомах учеников 5–6-х классов Каргапольской средней школы отражали заключительные моменты длительного периода доисторической (первобытной) культуры, сметенной и уничтоженной временем, но возродившейся в генетической памяти детей и подростков середины XX в.

В наших взрослеющих сердцах стремление отображать боевых слонов, хищных крокодилов и древних мамонтов вместе с экзотическими павлинами и пальмами, вечнозелеными папоротниками, безусловно, проявляли себя всполохи «затаенного огня» нарождающейся чувственности, признаки и призраки пламенения и одухотворенности. В каждом из нас, владельце альбома, зарождалась расширяющаяся идентичность, выводящая личность за пределы замкнутого сельского мирка.

Где-то на рубеже 1940–1950-х годов ученики 3–4 классов с большим энтузиазмом рисовали танки, самолеты, пушки, корабли, подводные лодки и подписывали эти «военные рисунки» псевдонимами или самоприсвоенными прозвищами, заимствовав фамилии прославленных полководцев Великой Отечественной войны. Чаще всего это были фамилии маршалов Советского Союза, командующих 1 и 2 Украинскими фронтами – И.С. Конева и Р.Я. Малиновского, командующих 1 и 2 Белорусским фронтами – Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского.

И хотя Зауралье географически было очень далеко от берегов океана и ближайшего моря, а также и от ближайшего военного аэродрома, некоторые рисунки в альбомах подписывались фамилиями адмиралов, например, фамилией главкома ВМФ, адмирала флота Н.Г. Кузнецова, командующего ВВС маршала авиации А.А. Новикова.

И когда сельские детишки «штурмовали» очередной Измаил на крутых склонах Тамакульских оврагов, невдомек им было, что ни адмирал флота Кузнецов, ни маршал авиации Новиков не могли побеждать армию Османской империи, так как это сделал в свое время А.В. Суворов.

Играя в «партизаны» и в «войну» в глубоких Тамакульских оврагах и в прилегающих к ним колках и перелесках, каждому хотелось быть прославленным партизаном подобно К.С. Заслонову, С.А. Ковпаку, Н.И. Кузнецову, С.В. Рудневу или легендарным трижды героям Советского Союза И.Н. Кожедубу или А.И. Покрышкину.

Про подвиг Рихарда Зорге, похоже, тогда, в те времена еще никто из школьников не слышал и ничего не знал. Не помню, чтобы кто-то из моих сверстников присваивал себе фамилию и повторял подвиги Александра Матросова, Николая Гастелло или генерала Карбышева.

Неотъемлемой частью содержания альбомов середины XX в. были высказывания выдающихся деятелей истории и культуры по самым разнообразным вопросам повседневной жизни и художественного творчества. Видимо, эта отрасль и спрос потребительский к цитатам привели позднее – в нынешнее время на рубеже веков – к появлению многочисленных «антологий афоризмов» и «мудрых мыслей», в каждой из которых перечень источников доходит до 200–300 наименований[40].

Легко вписывались на страницы своего альбома и в альбомы ровесниц красочные цветы, напоминающие перевернутый с ног на голову пионерский значок, например, фиолетовые или темно-голубые колокольчики, бордовые тюльпаны, темно-синие воронковидные васильки, желтые многолепестковые кувшинки.

Каждому такому цветку соответствовал текст песни или прекрасные слова из какого-либо великого русского романса:

Колокольчики мои,
    Цветики степные!
Что глядите на меня,
    Темно-голубые?
… Конь несет меня стрелой
    На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
    Бьет своим копытом
…. Я бы рад вас не топтать,
    Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать,
    Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
    Только пыль взметаю;

Конь несет меня лихой,
А куда? Не знаю!

Пройдет более полувека с тех пор, как мы, ученики начальной и восьмилетней школы, заполняли альбомы друг другу рисунками и «объяснительными» стихами и песнями, и на заре нового тысячелетия я заинтригованно прочитаю в Интернете содержательную статью Л.И. Петиной, в которой раскрывается тонко подмеченная диалогическая связь между рисунком и сопровождающим его текстом, как будто, если бы она анализировала не структурные особенности альбома пушкинской эпохи, а изучала альбомную культуру сельских школьников Каргапольского района Курганской области. «Кроме словесных (поэтических и прозаических) записей в альбоме, – ведет свой рассказ Л.И. Петина, – содержатся рисунки. Характер рисунков в литературных альбомах во многом соответствует характеру словесных текстов: в одном случае подчеркнута автографичность, в другом смысловая сторона записи. Темами многочисленных альбомных рисунков являются факты домашней жизни, бытовая обстановка, реальное окружение владельца. Рисунки в альбомах нередко бывают объединены с текстом. Целый ряд подобных объединений имеет явно диалогическую природу. Сначала одним лицом вписаны, например, стихи, затем другим пририсована к ним картинка, и наоборот. Второй текст в данном случае рождается как результат «прочтения» первого, которое может полностью или частично совпадать с первоначальным текстом, либо не совпадать с ним вообще. Рисунок и альбомная запись, сделанные одновременно и вдобавок одним и тем же лицом, соотносятся иначе, поскольку в основе своей призваны разными способами сказать то же самое. В этом случае изображение как бы повторено словами и, наоборот, словесный текст – изображением».[41]

Особой популярностью среди моих сибирских сверстников пользовались мои яркие и сочные розы алого или темно-красного цвета на густом черном фоне, обрамленном зелеными листьями. Этот необычный для Западной Сибири красно-черно-зеленый триколор, хорошо знакомый мне по коврам, что остались висеть в родном доме в одной из комнат моих родителей, а также в комнате, в которой гостили

родственники или постояльцы по четвергам в дни Чадыр-Лунгской ярмарки, завораживал сверстников и сверстниц необычным сочетанием цветов так же, как сегодня привлекают внимание гагаузские ковры в музеях и на международных ярмарках.

Моему деду, страстному любителю и знатоку лошадей, в моем альбоме нравились рисунки различных пород лошадей, которые я срисовывал или просто копировал из учебников, из различных иллюстрированных изданий. Особенно его восхищал вороной конь, на котором в величественной позе восседал мощный Илья Муромец. Нравилась лохматая белая лошадь Добрыни Никитича, вместе с седоком устремленная за горизонт, и несколько менее выразительный конь с золотой гривой самого младшего из богатырей – Алеши Поповича.

В первые годы депортации, до смерти И. Сталина, дед вынужден был стать колхозником. И его, как знатока лошадей, назначили «бригадиром» (проще говоря – сторожем) колхозной *конюховки*. В его распоряжении было несколько колхозных лошадей, запасы кормов, с десяток телег и саней, а также вся полагающаяся упряжь. Пользуясь своим «служебным» положением, он обучал меня езде верхом на лошадях, объясняя правила езды на разных скоростях.

И когда я мчался, нетерпеливо набирая скорость, вдоль картофельных и клеверных полей, дед сильно сердился и ругал меня за то, что я сгорбленно сидел верхом на скакуне, или очень быстро переводил его бег с «каменистой» рыси на мягкий и плавный галоп. Он не скрывал досады, когда я не понимал того, что вальяжно-торжественная рысь куда более благородна, чем тривиальные взмахи аллюра. А мне-то, бедному, без седла, на вечно голодной, поэтому с острым горбом лошади, каково было, когда бег рысцой, казалось, вот-вот раздробит мне то, что должно было быть в седле, а не на спине костлявой лошади…

Если я сегодня правильно понимаю свои представления тех школьных лет, то мне кажется, что на стыке между исходом сталинского периода нашей истории и грядущей Хрущевской оттепелью картина Васнецова «Богатыри» была величественным символом и знамением советского патриотизма в 1940–1950-е годы. Широко раскинутая степь, плывущие облака по небу, зеленая трава под копытами

лошадей, невообразимая мощь, исходящая от легендарных (русских) богатырей и их доспехов, не только радовали глаз яркими красками, но и вселяли в душу какую-то уверенность и гордость за свою страну. Можно предположить, что в военные и послевоенные годы копии этой картины тиражировались в миллионах экземпляров. Репродукции этой картины висели в школьных коридорах и кабинетах чиновников, в библиотеках и избах-читальнях, порой едва ли не успешно конкурируя с портретами «вождя народов». Невольно думается: где она теперь, эта символика, воспитывающая любовь к отечеству и солидарность сограждан российский нации?

В пушкинские времена «альбомная культура» в известной мере подпитывалась перенесением в сферу любительских занятий определенных профессиональных навыков. Для многих дворянских юношей и девушек умение владеть кистью, копировать образцы живописи, подбирать рифмы считалось естественным навыком. В этом им помогали репетиторы, профессора и преподаватели из Академии художеств. Однако во второй половине XIX в. масштабы массового дилетантизма начали сокращаться и совсем исчезли в XX в. Уроки рисования в начальной и средней школе советского времени находились далеко на периферии учебного и, пожалуй, воспитательного процесса. Советская семья и сельская школа, в отличие от аристократических семей в начале XIX в., не ставили себе цель научить навыкам владения техникой карандашного рисунка, или владению пером и тушью. Копировали кто как мог.

Нынешней молодежи, имеющей в своем распоряжении сканеры, цветные принтеры и цифровые фотокамеры, гораздо легче, чем полвека тому назад, иллюстрировать свои альбомы красочными географическими изображениями флоры и фауны, историческими изображениями событий и портретов, фантастическими изображениями космоса и хаоса, но, увы, очарование сотворчества наверняка исчезает или сокращается до минимума. Каждому поколению – своё.

Наши школьные (сельские) альбомы не были дневниками, но в них зеркально отражалась духовная жизнь той части сельской молодежи, которую каргапольская школа увлекла высокой духовностью отечественной культуры. И в этом была немалая заслуга директора КСШ – У.И. Постоваловой.

Понятно, в этих альбомах, очень отдаленно напоминающих салонные традиции более чем полуторавековой давности, трудно было найти шедевры, подобные тем, что на одном дыхании создавались гением А.С. Пушкина («Черноокая Россетти, в самовластной красоте, Все сердца пленила эти, те, те, те и те, те, те») или экспромт М.Ю. Лермонтова «Любил и я в былые годы», попавший в альбом Софьи Карамзиной.

В самом начале XIX в. Пушкин четко разграничивал альбомы столичных и провинциальных сограждан. Обращаясь к издателю и книгопродавцу И.В. Слёнину, он признавался:

«Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
____ наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной простотой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело
Являться, впрочем, не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.[42]

В Государственном мемориальном историко-литературном и природно-ланд-шафтном музее-заповеднике А.С. Пушкина в Тригорском, в одной из комнат усадьбы друзей А.С. Пушкина Вульфов хранится «уездной барышни альбом», о котором в «Евгении Онегине» хрестоматийно сказано:

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом…
Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;

Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пиит армейский
Тут подмахнул стишок злодейский,
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я.[43]

Великий Пушкин десятки раз возвращался к проблеме судьбы, отмечал ее власть над человеком в экспромте, записанном в альбоме лицейскому товарищу А.Д. Илличевскому.

Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи в твоих руках
На скромных дружества листках
Уйдет от общего забвенья… [44]

В четверостишии «Надпись на стене больницы»:
Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима.[45]

Альбомы заводили не только в высших кругах Санкт-Петербурга, но и в провинциальных культурных центрах. Так, например, в альбом Софье Васильевне Скалон, в пору ее проживания в отцовском имении Обуховке в Полтавской губернии, известном в культурном мире Императорской России как одно из «дворянских гнезд», Г.Р. Державин вписал в 1816 г. следующий экспромт:

В книжке сей зеленой
Дядя, старичок седой,
Софьюшке бесценной
Поклон свидетельствует свой.[46]

Тем не менее, смею думать, что альбомы сельских детей были в определенной мере далекими отголосками той части великой русской культуры, которую, по словам А.А. Блока, можно было бы определить как русско-дворянское *education sentimentele* (чувствительное воспитание)[47].

Но думается мне, что каждый такой альбом сельских мальчиков и девочек представлял собой диалог со своим внутренним миром и с внешней средой. Пробуждающееся самосознание искало ответы на вызовы времени. Никто не знал и не должен был знать, что ветвистые черные рога на золотистой голове оленя, поселившегося в моем альбоме, напоминали мой дом родной в Чадыр-Лунге, в той комнате, которая «принадлежала» нам с дедом, и которой нас лишили при депортации. Мощное раскидистое дерево с гирляндами белых цветов, которое никто не видел воочию в селах Западной Сибири, изображало родное намоленное село в Буджакской степи, в моем альбоме – мою родину, мою малую Родину, которая всегда во мне, а не только я в ней. В желтых цветках кустарниковой акации, посаженной вдоль забора вокруг Каргапольской восьмилетней школы, не было той упоительной сладкой капельки меда, которую я в детстве добывал из гроздьев белой акации. Дерево росло на задворках нашей усадьбы, рядом с тутовым деревом, между *шопроном* (постройкой для содержания сельскохозяйственного инвентаря и транспортных средств) и *читеном* (плетеный амбар для хранения кукурузных початков, запасов зерна, половы). И сегодня, когда я с наслаждением и умилением слушаю чудный романс «Белой акации гроздья душистые» в исполнении «серебряного голоса» России Олега Погудина, я вспоминаю вкус цветов той акции, и тот свой рисунок в своем альбоме, как символ моей Малой Родины.

Белой акации гроздья душистые
Вновь аромата полны,
Вновь разливается песнь соловьиная
В тихом сиянии чудной луны.

* * *

Годы давно прошли, страсти остыли,
Молодость жизни прошла,
Белой акации запаха нежного,
Верь, не забыть мне уже никогда…

При этом я отнюдь не чувствую себя ни архивом, ни хранилищем древностей, ни манкуртом, забывшим символы и ценности своей молодости и своего детства.

Сложившийся в моей детской памяти образ большой акации, как мощного дерева с раскидистой кроной и красивейшими листьями, никак не корреспондирует с тем, что писал литературный критик В.Дементьев о гагаузах и акации: «Словно низкорослая, с перекрученным стволом акация, выдержавшая напор степных ураганов и бурь, устоял этот народ против испытаний и бед, выпавших на его долю»[48].

«Низкорослые акации с перекрученными стволами» действительно росли в изобилии в лесопарках Южной Молдавии и Одесской области Украинской ССР. Они были посажены в начале 1950-х годов вперемешку в дикими абрикосами (*зердели*) и вишневым кустарником в ходе реализации в Буждакских степях «Великого Сталинского плана преобразования природы». Часть этих лесополос с чахлыми на вид деревьями акации сохранилась до сих пор, другая часть была выкорчевана в 1970–1980-е годы и вместо акации были посажены ряды грецкого ореха.

Единственное дерево белой акации, растущее в Москве, на Воробьевых горах, каким-то чудом разместилось между бывшим зданием Дворца пионеров и корпусами Академической поликлиники на ул. Ляпунова. Каждой весной, когда я подхожу к этому дереву, я вспоминаю стихи моего земляка, выдающегося гагаузского поэта Дмитрия Карачобана, творчество которого мне чем-то отдаленно напоминает философскую тональность зрелого А. Блока:

Расти, акация,
Стройна и высока.
Достань, акация,
Вершиной облака.

Во второй половине XIX в. в Альбом редактора «Русской старины» М.И. Семевского вписали сведения о себе, воспоминания и анекдоты, эпиграммы и шутки 850 человек. В 1888 г., как бы завершая век альбомов повседневной художественной культуры, М.И. Семевский, по свидетельству Ираклия Андроникова, издал альбом в виде книги и назвал эту книгу: «Знакомые»[49].

Коллекция Александра Сергеевича Вознесенского, по сценариям которого в 1911–1918 гг. было поставлено более 20 фильмов, состоит из 24 альбомов. Будучи страстным коллекционером, он на протяжении всей жизни собрал большое количество автографов, фотографий, большие подборки вырезок из газет со статьями и портретами известных писателей, режиссеров, художников и других деятелей науки и культуры. Так, например, в одном из альбомов, хранящихся в архиве и до сих пор не опубликованном, автограф широко известного стихотворения А.А. Блока «Унижение».

В черных сучьях дерев обнаженных
Желтый зимний закат за окном
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

По словам Т.Л. Степановой, листавшей страницы неизданных альбомов А.С. Вознесенского, в рукописном тексте имеются отклонения от канонического текста стихотворения. Так, например, в 3-й строке эпитет «осужденные» заменен другим, и мы читаем:

К эшафоту на казнь обреченных
Поведут на закате таком[50]

В альбом вклеено много фотографий и писем известных писателей, поэтов друг другу, в том числе адресованных самому А.С. Вознесенскому, например, письмо Л.Н. Андреева, И.Е. Репина, Вл.И. Немировича-Данченко, И.П. Павлова. Содержащиеся в альбомах материалы дают хорошее представление о художественной жизни России в первой четверти XX в.

В 1919 г. у знаменитого советского клоуна В.Е. Лазаренко, имя которого занимает одно из первых мест в истории советского цирка, возникла мысль собирать автографы деятелей литературы и искусства и просто интересных и талантливых людей разных профессий, с которыми сталкивала его судьба. В созданном альбоме сохранились записи А.В. Луначарского, А.И. Куприна, В.В. Каменского, В.Э. Мейерхольда, А.Я. Таирова, А.И. Южина, А.Б. Мариенгофа, популярных клоунов Бима и Бома, С.С. Альперова, борцов И. Лебедева и П.Ф. Крылова и многих других известных деятелей культуры, спорта и науки[51].

Блестящим завершением этой салонно-повседневной художественной традиции XIX века, более чем через столетие, стала знаменитая «Чукоккала» Корнея Ивановича Чуковского. Дело было так. Оказавшись по соседству с дачей И.Е. Репина под Петербургом, в Куоккала, Корней Иванович завел тетрадь для автографов (будущий альбом, как потомок альбомов предыдущего века) и дал ей шаловливое название «Чукоккола». И началось чудо XX в. Уникальность вереницы последовавших за многие годы автографов состояла в том, что таланты адресовали свои искрометные шедевры не прелестным дамам, а Корнею Ивановичу. Таланты обращались к таланту.

Шутливая тетрадь наполнялась нешуточными рисунками И.Е. Репина, шаржами В.В. Маяковкого, стихами А.А. Блока, Андрея Белого, Осипа Мандельштама, экспромтами и записями А.М. Горького, Леонида Андреева, И.А. Бунина, Алексея Толстого и многих других выдающихся деятелей художественной культуры начала XX в. Что ни стих, рисунок, надпись или заставка – то шедевр. И чтобы вдохнуть жизнь в эту полувековую летопись художественной жизни страны, Корней Иванович решает издать этот «Альбом» с собственными комментариями. В итоге читатели получают «Чукокколу», которая, по словам Ираклия Андроникова, стала неоценимой «биографией времени», «историей литературной жизни», «автобиографией самого Корнея Ивановича», «Альбомом соревнования талантов», и одновременно, добавим от себя, достойной продолжательницей изображения салонно-художественной жизни русской культуры.[52]

Сегодня мне остается лишь тяжко вздыхать и горько сожалеть, что через год после моего «исхода» (об этом ниже) из Каргаполья мой альбом не вернулся в Чадыр-Лунгу вместе с моими вернувшимися родителями.

В этой далекой детской альбомомании сельских детей и подростков, которые хотели «поймать миг за хвост», был глубокий социокультурный смысл. Всем хотелось объять необъятное. Из одной человеческой жизни сделать две. Я не был в той страсти ни одинок, ни оригинален. Альбомомания была знаком изменившегося времени: то ли встречей светлой Хрущевской оттепели, то ли проводами прежнего зимнего мрака.

Охватившую меня, как и некоторых моих сверстников, альбомоманию, вместе с книгоманией и киноманией в первой половине 1950-х годов можно сравнить с весенним половодьем, с радостно несущимися потоками воды навстречу новым впечатлениям и ощущениям. В самом деле, едва ли не самым величественным природным впечатлением моего зауральского детства было весеннее половодье. Великим, с самых разных точек зрения: с Моста, как с капитанского мостика ледокола, встречающего наплывающие льдины, с Высокой Тамакульской горы, когда вода накрывала ближайшие луга вплоть до горизонта, превращая два села – Каргаполье и Тамакулье – в подобие полуостровных земель, с трех сторон окруженных торжественно повествующей о себе водой; с насыпи дороги, как «дороги жизни», соединяющей село Зырянку с селом Каргапольем и иногда, в пору особого буйства половодья, уходящей вместе с дорогой вод воду. Уютная, миловидная река Миасс с редкими омутами и с умиротворяющим течением в летнее время, с едва шевелящимися водорослями возле некоторых берегов, в половодье раздувалась, наполнялась сокрушающей силой, выходила из берегов и уносила с юго-запада на северо-восток весь накопившийся за длинную зиму культурный хлам: оборванные куски натоптанных тропинок, куски санных дорог с ошметками соломы и коричневой прослойкой, оставленной лошадьми.

Однако, глядя на это буйство природы, сердце трепетало от мощи, энергии и невиданного раздолья. Вода несла и крутые льдины, которые каждой весной на подходах к мосту взрывали, поднимая огром-

ные столбы, смешанные из воды и крошек льда. Некоторые хозяева отлавливали плывущие по реке куски поленниц с дровами, сорванные тыны, заборы, прясла.

После того, как вода сходила, заполнив все низменности на ближайших лугах, от старицы и до странных, неизвестного происхождения абсолютно круглых озерец, в мутной воде ловили щурят, не унесенных общим потоком.

Когда половодье истощалось, Миасс входил в свои обычные берега, и по нему плыли последние льдины, мы спускались с быков Каргапольского моста и плыли на такой льдине от моста до спиртзавода, где река делала крутой изгиб, в сторону деревни Вороново, льдину прибивало к берегу, и мы возвращались в школу как раз к концу занятий.

Но однажды одна такая льдина не зацепилась за берег и понеслась дальше, мимо следующих по берегу деревень. И нас троих пришлось догонять взрослым верхом на колхозных рысаках. Подвиг не остался незамеченным, в том числе и следами вожжей на спине каждого из отчаянных мореплавателей. Зато в школе долго об этом плавании говорили, кто с тихой завистью, кто с открытым осуждением. Сами же «челюскинцы» видели себя героями.

Как бы там ни было, альбомомания, подобно весеннему половодию, была пробуждением таких свежих и новых чувств и устремлений в душах юношества, о которых страстно тосковал преждевременно стареющий душой С. Есенин:

Дух бродяжий! Ты все реже, реже,
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

5. ВМЕСТО ЭПИЛОГА: От уездных барышень альбомов к альбомам в интернете

Мои воспоминания и размышления о широком распространении альбомов в среде сельской молодежи в середине XX в. могли бы показаться сегодняшнему читателю малоактуальными или даже праздными. Однако вряд ли читатель оказался бы прав.

Стоило мне по «Яндексу» «кликнуть» три слова знаменитой фразы в романе «Евгений Онегин»: «Уездной барышни альбом», как на меня навалилось более 11 тыс. страниц с интригующей информацией о прошлом и настоящем альбомной культуры, ее инкорпорированности в ткань нынешней повседневной жизни, о мире и о чувствах современной молодежи.

Феномен альбомной традиции, как это видно даже из пестрой и неравноценной по качеству интернетовской информации, состоит в том, что она (традиция) представляет собой целый пласт русской культуры XVIII–XX вв., носителями которой в различные периоды истории были разные социальные слои населения.

Сначала в конце XVIII в. в Екатерининские времена сама императрица и ее фрейлины, позднее – великосветские дамы и барышни далеких деревень и провинциальных городов заводили альбомы в роскошных кожаных переплетах с золотым тиснением.

По мере распространения грамотности среди населения, альбомная культура перемещалась на более нижние этажи социальной лестницы из княжеских и графских дворцов в купеческие хоромы и мещанские избы. На это «вертикальное передвижение» ушло почти столетие. В середине XX в. альбомная культура стала достоянием сельской молодежи, активно изучающей русскую литературу и культуру по школьной программе.

Излюбленными темами альбомов в дворянских кругах в начале XIX в., наряду с талантливыми экспромтами классиков русской поэзии, как, например, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, были самодельные стихи друзей и подруг владельцев альбомов. Это были родительские наставления и дружеские пожелания счастья и счастья, клятвы верности и преданности, восхищение красотой и умом владельца альбома, воспоминания о детстве – как лучшей поре человеческой жизни.

Вряд ли мать поэта Мария Михайловна Лермонтова, даже будь она Жюль Верном или Алексеем Толстым, могла бы в своих фантазиях предположить, что ее душевные стихи в собственном альбоме будут помещены на нескольких сайтах интернета и на заре XXI в. с

ними сможет познакомиться любой подросток, побуждаемый вызовами взрослеющего самосознания и формирования идентичности человека нового тысячелетия.

Между тем сообщение Тамары Мельниковой, исполненное в духе пленительных рассказов Ираклия Андронникова о том, как случайно был найден и передан в Пензенский музей альбом, условной названный «Уездной барышни альбом», представляет значительный интерес не только для взрослых любителей старины и специалистов в области русской культуры[53].

Особый интерес представляет, в частности, опыт учителя русского языка и литературы из Омска Инны Николаевны Макаровой по созданию и реализации проекта «Летучие листки альбома уездных барышень и кавалеров», в одном из вариантов которого приняли участие более 40 учащихся[54].

Цель издания электронного эквивалента альбома, из которого были извлечены вышеприведенные примеры, состояла в том, чтобы повторить образцы альбомов, популярных во времена А.С. Пушкина, с тем, чтобы не только «оживить» те времена, но и «стать на время человеком другого века, почувствовать себя частью истории».

Тематика альбомных текстов молодежи школьного возраста послевоенного периода, накануне и в первые годы хрущевской оттепели сильно изменилась по сравнению с содержанием альбомов дворянской и купеческой поры. Наряду с традиционными сюжетами о любви и дружбе, о преданности и верности, в альбомах появились тексты, наполненные гордостью за свою страну, за великую победу, с панегириками в честь прославленных героев истории и героев Великой Отечественной войны.

Анализ тематики стихов более сорока омских учащихся – создателей электронной версии «Летучие листки альбома уездных барышень и кавалеров» показывает, что чаще всего стихи, пожелания и послания адресуются или посвящаются другу или подруге, восхвалению родной земли, своей Малой Родины, в частности, городу Омску, России и ее славной, но противоречивой истории, родной природе, своим увлечениям, душе и душевным порывам. Немало признаний в любви к родной школе и любимым учителям.

Подростковые альбомы – это звуки того романтического времени, которое состоялось и больше не вернется. В узком смысле – это увлекательные затеси мыслей, настроений и чувств, прописанных в ту или иную, сельскую или городскую среду. В широком смысле – эти «затеси» – своеобразные отклики взрослеющей души на вызовы времени.

Школьница Юлия Елисеева как вполне взрослый человек помещает в электронной версии альбома серьезные стихи:

Как в дни минувшие бывало
Писали барышни в альбом
Про кавалеров, про гусаров
И мало ли еще о чем.

Альбом, конечно, символичный
Его уж так не назовешь,
Однако стал бы нам привычным
Коль ты в XX век живешь.

Все изменилось, я не скрою,
Коль вспомнить сто последних лет.
Плывут по морю пароходы,
Сверхзвуковые самолеты,
Разрезав небо пополам,
Снуют то здесь, то там, то там.

Еще одна юная омчанка в этом же омском альбоме озабочена отсутствием гражданского патриотизма. Она, в частности, пишет:

А были ж времена
Другие, были нравы!
Все люди – патриоты
Стояли за державу.

И призывает, как клятву:

И не дадим забыть
Стране своих героев.
Спасем от нищеты
От грабежей, разбоев.

Традиции письменного душеизливания, видимо, не прекращались на протяжении двух веков. Не случайно у нынешних исследователей творчества А.С. Пушкина, в том числе в сфере «альбомной культуры» возникают в памяти описание альбома Евгения Онегина.

Опрятно по краям окован
Озолоченным серебром,
Он был исписан, разрисован
Рукой Онегина кругом.
Меж непонятного маранья
Мелькали мысли замечанья,
Портреты, числа, имена,
Да буквы, тайны письмена,
Отрывки, письма черновые,
И, словом, искренний журнал,
В которой душу изливал
Онегин в дни свои младые…[55]

Как сообщала И.В. Андреева, изучающая феномен «девичьих альбомов», она их обнаружила в трех библиотеках г. Челябинска. Так, например, в одном из факсимильно опубликованных в Интернете альбомов Веры Смолиной, звучало обращение хозяйки альбома:

Пишите, милые подруги,
Пишите, милые друзья
Пишите все, что вы хотите,
Все мило будет для меня.[56]

На рубеже веков альбомная культура стала не только выражением душевных волнений молодежи, отражением и выражением внутреннего мира девушек, но и свидетельством гражданского взросления молодежи, ее способности трезво судить о добре и зле, о смысле жизни, о славных победах и горечи поражений, о позитивных и негативных последствиях происходивших изменений.

Трудно лучше сказать о современной альбомной традиции, чем это получилось у ученицы 11 класса омской школы 76 Лагутиной Натальи:

Это лишь вступление к моей поэме,
Где хочу о жизни рассказать,
Где хочу поведать тайны все я,
Прошлое и настоящее понять.[57]

Анализируя содержание, смыслы, комплиментарный и развлекательный характер «уездных барышень альбомов», исследователи альбомной культуры еще в первой половине XIX в. давали им следующую характеристику: «Все альбомы написаны лестно»[58].

В известных мне альбомах сельских школьников Каргапольского района в середине XX в. исключена была какая-либо критика в адрес своего или прошлого времени, в адрес государства, руководителей партии и правительства.

Между тем в альбом, помещенном во всемирной паутине, читаем стихотворение Юлии Питч:

И не дадим забыть
Стране своих героев
Спасем от нищеты,
От грабежей, разбоев.

Обличительное стихотворением Ольги Торбиной:

Россию-мать всю олигархи распродали
– отдав алмазы, нефть и газ.
А нам оставили болезни,

Голод и печали…
Россия, узнаю тебя едва ли?
Ну что сказать?
Про Россию мать.
Хоть много сказано, обещано нам всем,
Да мало сделано до сих времен
Живут лишь хорошо все те,
Кто власть в руках имеет,
А кто работает, не покладая рук,
Те, в чьих руках трясется плуг,
Уж ничего они тут не имеют.

Вступление в новое тысячелетие эта девушка, рано задумавшаяся о судьбе и смысле жизни, встречает с энтузиазмом и оптимизмом:

Приходит Новый век к нам
А вместе с ним о новое тысячелетие.
Мы все надеемся, что худшее уж позади,
Что впереди лишь будущее светлое,
Что новый век нам принесет
Одни отрадные события.

Итак, воспоминания о рубеже 1940–1950-х годов, т.е. о «времени славы и восторга», позволяют более критично характеризовать этот период нашей истории. Общий вывод напрашивается в связи с тем, что, восстанавливая свои духовные силы, советский народ опирался на мощную корневую систему, подпитывающую развитие послевоенного искусства. Страна была «обречена» вступить в оттепель, независимо от того, как она называлась фамилией генерального секретаря компартии, или руководителя Советского правительства.

Два вектора отечественной культуры – соционормативная и профессиональная – способствовали просветлению умов, что с особой наглядностью проявлялось на примере послевоенной молодежи, в том числе в ее увлечениях чтением, посещением кино, жаждой красоты, стремлением к эстетическому самообразованию,

в том числе с помощью «альбомной культуры», имеющей не менее двухсотлетний стаж.

Эта культура развивалась в Советском Союзе едва ли не автономно от идеологического воздействия, которое уже подавало первые признаки сбоя, что отразилось на равнодушии населения к радиопередачам.

Разумеется, периоды и понятия «Александровской весны», «Хрущевской оттепели», равно как и предтечи каждой из них, нуждаются в дополнительных исследованиях, особенно в связи с актуальной на заре нового тысячелетия проблематикой этнической и гражданской идентичности и динамическими трансформациями в повседневной жизни и в ментальности граждан постсоветского пространства.

Оба периода, характеризуемые переходом от тоталитаризма и монолитного единства с загнанными глубоко внутрь социальными противоречиями, сыграли важную роль в движении Российского государства и ее народов первом случае – к отмене крепостного права в середине XIX в., во втором случае – к построению институтов гражданского общества на рубеже XX–XXI вв., к оптимальному этническому и демократическому многоцветию.

---

1 Шкуратов В.А. Историческая психология. 2-е, переработанное издание. М., 1997.
2 Перспективы социальной психологии. Второе международное издание. М., 2001. С. 117.
3 Говорит элита республик Российской Федерации. Сто десять интервью Леокадии Дробижевой с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений. М., 1996; Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. М., 2008.
4 Курсом изменяющейся Молдовы. Т. 1: Матер. I-го Российско-молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящ. 40-летию этносоциологических исследований. М., 2006.
5 Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. Сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна. М., 2004.
6 Перспективы социальной психологии.
7 Ключевский В.О. Русская история. М., 2006. С. 100.

8 Оттепель. 1953-1956. Страницы русской советской литературы / Сост., авт. вступ. статьи и хроники С.И. Чупринин. М., 1989; Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953-1964). М.,1991; Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2004.
9 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Том 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 624.
10 Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825. Составление, вступительная статья и примечания И.И. Подольской. М., 1989; Аксютин Ю.В. Указ. раб. С. 12-13.
11 Блок М.Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 128.
12 Эренбург И.Г. Оттепель // Знамя. 1954. №5. Цит по: Аксютин Ю.В. Указ. раб. С. 85.
13 Тургенев Н.И. Россия и русские // Русские мемуары. С. 273.
14 Пушкин А.А. Собр. соч. М., 1954. Том 3. С.163.
15 Михайлова Н. Альбом есть памятник души // http:hghltd.yandex.net/yandbtm?url
16 Чагин А.И. Русская литература на переломе эпох: основные векторы развития // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Под редакцией академиков А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, член-корр. В.А. Тишкова, 2007. С. 41.
17 Петина Л.И. Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Проблемы типологии русской литературы. Тарту, 1985. С. 21-36. (Ученые записки Тартусского гос. ун-та, вып. 645. Труды по русской и славянской филологии). http:hghltd.yandex.net/yandbtm?url
18 Чеканова А. Альбомы милые преданья старины // Родина. 2001. №12.
19 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. С. 37-39.
20 Корниенко Н.В. Михаил Исаковский и «женская лирика» // Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию академика Г.Г. Гамзатова. М., 2008. С.166-167.
21 Большая книга афоризмов. М., 2000. С.81
22 ЭО. М., 1901. № 2.С. 22-23.
23 Там же. С. 24.
24 Большая книга афоризмов. С. 81.
25 Друцэ И. Поле души человеческой. Рассказы. Повести. Романы. М., 1977. С. 455-456.
26 Там же. С. 456.
27 Блок А. Собр.соч. Том 1. М.-Л., 1960. С. 21.
28 История и культура гагаузов. Очерки. Книгу к изданию подготовил С.С. Булгар. Комрат-Кишинев, 2006. С. 314.
29 Аксаков С.Т. Избранные сочинения. М., 1984. С. 231-232.
30 Цит. по: В.Жданов. Добролюбов. М., 1961. С. 23.
31 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т. 2. С.15.
32 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т.1. С. 257.

33 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т.2. С. 71.
34 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т. 2. С. 138.
35 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т.1. С. 278.
36 Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х томах. Т.1. Стихотворения 1828-1841. М.-Л., 1961. С. 465.
37 Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х томах. Т.1. С. 451.
38 Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х томах. Т.1. С. 450.
39 Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. Т.1. История пейзажной живописи. СПб., 2002. С. 9-10.
40 Большая книга афоризмов; Энциклопедия афоризмов, М., 2001.
41 Петина Л.И. Указ. раб.
42 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т. 2. С. 491.
43 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т. 3. С. 68.
44 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т. 1. С. 256.
45 Пушкин А.С. Собр. соч., 1954. Т. 1. С. 257.
46 Русские мемуары. 1800-1825. С. 329.
47 Блок А. Указ. раб. С. 298.
48 История и культура гагаузов. С. 514.
49 Семевский М.И. Очерки, рассказы из русской истории XVIII в. 2-е изд. Т.1-3. СПб., 1883-1884; Андронников И. А теперь об этом. М., 1981. С. 401.
50 Степанова Т.Л. Листая страницы альбома… (Блок, Чехов, Репин в альбоме А.С. Вознесенского) // Встреча с прошлым. Изд. втрое, исправленное. М., 1971. С. 143.
51 Встречи с прошлым. М., 1971. С. 192.
52 Андроников И. Указ. раб. С. 85-86.
53 Мельникова Т. Альбом уездной барышни // http:www.mk-penza.ru/catalogul/print. php?id=96
54 http:www.sibadi.omsk.ru/scool/; Макарова И.Н. // http:www. omsknet.ru/acad/conf2/ makarova.html
55 Дневник мечтаний и проказ… (Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 3. С. 437. Цит. по: http:hghltd.yandex.net/yandbtm?url).
56 http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url
57 Летучие листки альбома уездных барышень и кавалеров // http://mon149.omsk.edu.ru/arhiv/list15.htm.
58 Яковлев П.Л., 1828; Цит. по: Черкова В.А., 2000. С. 2.

В.Н. Калуцков

ТОПОНИМИЯ СЕВЕРНОРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА (НА ПРИМЕРЕ ПИНЕЖЬЯ И КЕНОЗЕРЬЯ)

На Русском Севере топонимия выступает в качестве важной информационной характеристики природных, эстетических, хозяйственных, пространственно-ориентационных и статусных особенностей ландшафта. На формирование региональной топонимии большое влияние оказали мощный финно-угорский топонимический субстрат, а также особенности исторического развития огромного края, выражающиеся в отсутствии крепостного права и соответственно – владетельно-именной топонимии. Кроме того, *ландшафтность* севернорусской топонимии определяется экстенсивно-промысловым характером традиционного природопользования. Традиционное природопользование (охота, рыбная ловля, собирательство, дальние поля и сенокосы), фрагменты которого сохранились и в наши дни, требовало перемещений на значительные расстояния и, тем самым, способствовало формированию пространственного мышления у местных сообществ.

1. Теоретические вопросы топонимии культурного ландшафта

В 1960–1970-е годы при проведении топонимических исследований географы уделяли внимание вопросам ориентации, отражению природных свойств местности в топонимии и топонимическому об-

разу местности[1]. При этом информационная база географо-топонимических исследований выстраивалась на основе использования мелкомасштабных общегеографических карт стран или крупных регионов. Словесной формулой этого этапа развития географической топонимики можно считать выражение «Топоним – слово на географической карте».

Ситуация качественно изменилась в результате массовых полевых исследований локальных культурных традиций, осуществленных в 1970–1980-е годы топонимистами, диалектологами, лингвистами, фольклористами. Одним из важнейших научных итогов, полученных в этот период, стало представление о пространственных взаимоотношениях в топонимии. В результате были выявлены и исследованы такие характерные для традиционной культуры пространственные оппозиционные пары, как ближний/дальний, правый/левый, передний/задний, верх/низ, начало/конец и др.[2] Тем самым топоним получил дополнительные пространственно-географические характеристики. Применение концепции культурного ландшафта к ономастическим и топонимическим исследованиям привнесло другие географические характеристики – территориальную и средовую[3].

Представление о *ландшафтном топониме* возникает в результате развития идей В.П. Семенова-Тян-Шанского, Э.М. Мурзаева, А.К. Матвеева, Е.Л. Березович и других исследователей. Ландшафтными называются такие топонимы, которые несут в себе представление о ландшафте определенной местности – своеобразии ее традиционной культуры, природных, хозяйственных, этноязыковых и селенческих особенностях. Фундаментальное свойство ландшафтного топонима – отражать природно-исторические состояния ландшафта – и лежит в основе ландшафтно-топонимических исследований.

Топоним имеет сложную географическую природу.

С одной стороны, неотъемлемым свойством топонима является его территориальность. За топонимом всегда стоит определенный географический объект. При использовании топонима в житейских ситуациях или в научных исследованиях последний часто не озвучивается, т. е. присутствует в латентной форме: к примеру, говорится *Москва*, а подразумевается *город Москва*, говорится *Волга* вместо *река Волга*,

Байкал – вместо *озеро Байкал*. В ряде случаев географический объект входит в состав топонима, например, *Кенозеро*. Для того чтобы подчеркнуть эту географическую грань природы топонима, которая нередко забывается исследователями, было введено понятие топоса[4]. Под *топосом* понимается именное место, т. е. территория, получившая свое название.

С другой стороны, топоним является частью ландшафтно-топонимической среды, определенного культурного ландшафта. Это особенно ярко проявляется при исследованиях локальных культурных традиций. Любой город и даже самая маленькая деревня формируют свою топонимическую систему, становясь центрами топонимической номинации окружающего их пространства[5]. В таком контексте топоним рассматривается как часть целого – определенного культурного ландшафта. Последнее предполагает выявление места топонима (или этникона) в культурном ландшафте, его значимость, связь с другими местами-топонимами и т.д. Поэтому культурный ландшафт своими этнокультурными, хозяйственными, природными, организационными особенностями выступает по отношению к топониму и как среда, и как упорядочивающая система.

Сущность *принципа метонимии* заключается в принципиальной возможности переноса названия с одного ландшафтного объекта (топоса) на другой.

При проведении ландшафтно-топонимических исследований в ряде случаев эффективно использование сформированного в ономастике представления о *топоформанте*.

Под топоформантом понимается часть топонима, которая представляет собой народный географический термин. Например, в топониме Красная горка топоформантом выступает термин горка.

Ландшафтно-топонимическое картографирование позволило выявлять природно и культурно обусловленные ареалы топоформантов. Анализ пространственного распределения массовых топоформантов позволил подойти к представлению о *топонимической формуле природного ландшафта*, которая в компактной форме отражает своеобразие освоения окружающих природных комплексов местным сообществом.

2. Ландшафтная топонимия Пинежья

2.1. Ландшафтные топонимы Пинежья как индикаторы особенностей ландшафта

В качестве индикаторов природных особенностей пинежского ландшафта выступают речные, орографические, лесные и болотные топонимы. Они составляют значительную часть топонимической системы Пинежья.

Среди речных укажем такие, как *Щéлья* (щелья – крутой обрывистый берег реки), *Подóл* (подол – пологий и нередко заливаемый склон к реке), *Прилýк* (прилук – примыкающий к излучине реки), *Полóй, Плесо* и другие; значителен пласт «чудских» топонимов типа *Лóхта* (лохта, лахта – залив).

Широкое распространение на Пинежье орографических ландшафтных топонимов определяется преобладанием нагорного местоположения селений. Укажем на наиболее типичные базовые лексемы: холм, горá и гóра (горы), éдома (гора, залесенная гора), слýда (песчаная гора) и др.

Среди лесных топонимов назовем *Бор, Боровýю, Берéзник, Щипúсник*, отражающие характер окружающей лесной растительности.

Другая особенность ландшафта Пинежья – обилие и разнообразие болот – также проявляется в местной географической лексике и, соответственно, топонимии. Например, лыúва означает низинное пойменное и, как правило, топкое болото, рáда – верховое болото, залесенное, проходимое, представляющее собой хорошее ягодное угодье, сурáдок – небольшое болото, толстомошник – сырое приболотье, чисть – верховое безлесое болото, наиболее опасное с зыбунáми (топкими местами). Все названные местные географические термины активно используются в болотной топонимии.

Ландшафтные топонимы, выступающие в роли индикаторов хозяйственных особенностей ландшафта, представлены в топонимической системе Пинежья более скупо. В качестве примера назовем поле *Рéпище* (ранее засевавшееся репой), *Наволóк* – пойменный сенокосный луг.

Пространственно-ориентационные топонимы сориентированы либо относительно реки и сторон света, либо близости/удаленности жилого пространства. В нормальной ландшафтно-топонимической ситуации к первым должны быть отнесены такие топонимы, как *Усть-Нéмнюга, Усть-Выйская, Верхний Конец, Нижний Конец,* которые обозначают разные околки деревень, расположенные в устьях рек или относительно направления их течения, *Лéтние поля* (сориентированы на лето, т. е. на юг), а ко вторым – нумерация рóстаней (перекрестков дорог) по их отношению к деревне (*Первая ростань, Вторая ростань, Третья ростань* и т.д.). Другой пример: местный географический термин сузем указывает не только на глухой еловый лес, но и на удаленное от жилья место (край местной ойкумены); ближние же к деревне земли часто называются местными жителями домашними (*Домашние поля*, *Домашний наволок, Ближняя речка*).

В качестве индикаторов административно-управленческого статуса места на Пинежье, как и на всем Русском Севере, выступают топонимы типа *Городок*, *Городище*. Наиболее яркий пример – *Кевроль-город*, древняя столица Пинежья, который оставил целую гроздь ярких микротопонимов: *Воеводский косúк* (спуск к реке), луг *Боярщина*, поле *Казнúха*, ручей *Трупáниха*, в совокупности позволяющие реконструировать жизнь ушедшего города. На Русском Севере широко распространен и другой статусный топоним – *Волость*, ясный индикатор периода земского самоуправления.

2.2. Некоторые ландшафтно-топонимические закономерности Пинежья

Мощный пласт топонимов финно-угорского происхождения придает своеобразные черты традиционному культурному ландшафту Русского Севера. Анализ топооснов показывает, что подавляющая часть финно-угорских топонимов связана с пойменным ландшафтом (табл. 1). Об этом свидетельствует этимология приведенных в таблице основ: *уга, ега* – река, *оя, уя* – ручей, *лохта, лахта* – залив, *курья* – пойменная протока, *немь, нема, мень, мена* – наволок, *кула* – рыба, *ламба* – озеро.

Таблица 1

«Чудские» топонимические основы в названиях селений Пинежья

Индикаторы	пойменных местоположений	склоновых местоположений	нагорных местоположений
Прямые	-уга, -ега (Вáймуга)		éдома (Едома)
	-оя, -уя (Лáмбуя)		
	-немь, -нема, -мень, -мена (Чỳхченемь, Шáрдомень)		
	курья (Курья)		
	курга (Кỳрга)		
	лохта, лахта (Лóхта)		
Косвенные	ламба (Лáмбас)		
	кула (Кỳлаозеро)		

В скобках приведены примеры ландшафтных топонимов пинежских селений.

Данный вывод подтверждается и фольклорным материалом, в частности историческими преданиями о чуди:

Чудь была на волоках, в лугах. До сих пор борозды видны. Это быват на веках было. Уж Бог знат, где это было. Чудь земледелием занималась, дак борозды от этого (Записано в д. Шотогорке от Широкой Настасьи Романовны, 1898 г.р.);

Таким образом, «чудской» топонимический материал имеет узкую ландшафтную амплитуду и, будучи тесно связан с рекой, жестко «вписывается» в пойменный ландшафт Пинеги.

В отличие от него русская топонимическая система охватывает не только пойменно-речные, но склоновые и особенно – нагорные местоположения (табл. 2). Освоение Пинежского края русскими сопровождалось ассимиляционными процессами, в ходе которых происходило заимствование от финно-угорского населения хозяйственно-промысловых навыков и элементов традиционной культуры, в том числе языковых.

Рис. 1. Распределение топоформанта гора (горка) по территории Кенозерского национального парка (карта составлена Ю.Н. Бондарем)

Таблица 2

Русские топонимические основы в названиях селений Пинежья

Индикаторы	пойменных местоположений	склоновых местоположений	нагорных местоположений
Прямые	устье (Усть-Пышенец)	ще́лья (Щи́лья)	гора (Гору́шка, Гора́, Го́ра, Карпогоры)
	наволок (Наволо́цкая)	слуда (Слу́да)	холм (Холм)
	мыс (Мысовскбя)	подгорье (Подго́рье)	
	лыва (Залывье)	подол (Подольская)	
	прилук (Прилу́к)		
	нос (Но́совка)		
Косвенные	остров (Заостровская)		березник (Бере́зник)
	озеро (Заозе́рье)		бор (Боровая, За́бор)
			залесье (Зале́сье)
			городок (Городок)

В скобках приведены примеры ландшафтных топонимов пинежских селений.

3. Ландшафтная топонимия Кенозерья

Исследование ландшафтно-топонимических закономерностей другого интересного северного региона – Кенозерья, расположенного в юго-западной части Архангельской обл., проходило по другим методическим основаниям.

Богатейший топонимический материал[6] был положен на карту природных ландшафтов Кенозерского национального парка[7]. Методическое новшество данного исследования – использование

в качестве основной единицы анализа не топонима, а топоформанта.

Основные требования, предъявляемые к топоформантам – массовость и индикационность. Требование индикационности заключается в высокой корреляции между пространственным распределением топоформанта и тех природных (или культурных) условий, которые он индицирует.

Требование массовости предполагает, что индикатор относительно широко распространен по территории. Применительно к Кенозерскому национальному парку к массовым ландшафтным индикаторам-топоформантам отнесены те, которые встречаются на его территории более 10 раз, к широко распространенным – от 6 до 10 раз, к распространенным – 4-5 раз, к редким относятся те, которые встречены 2-3 раза, остальные топоформанты являются единичными.

Среди массовых и широко распространенных топоформантов Кенозерья выделяются: гора (горка), бор, лухта, кряж (креж), шалга (сельга), плоско, лахта и другие.

Топоформант *гора (горка)* относится к самым распространенным: он встречается в топонимии Кенозерья 42 раза. Его распределение по территории парка довольно равномерное (рис. 1). Места его большей плотности связаны в основном с наличием центров номинации – деревень.

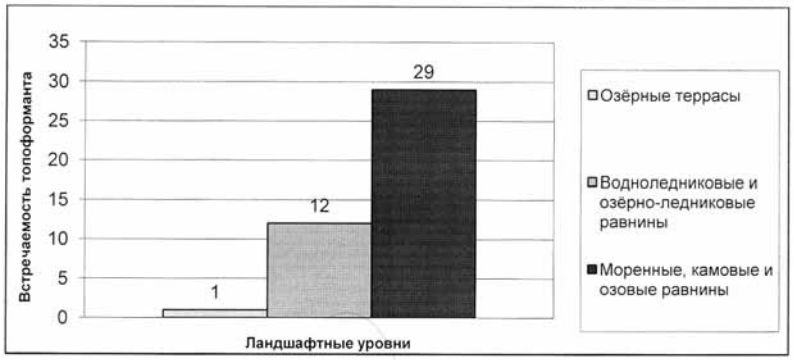

Рис. 2. Приуроченность топоформанта гора к основным ландшафтным уровням Кенозерья

Индикационная роль топоформанта *гора* хорошо проявляется при анализе его распределения в природных ландшафтах территории (рис. 2). Хорошо видно, что *гора* может быть использована в качестве индикатора прежде всего моренных, а также водно- и озерно-ледниковых равнин.

Хорошим индикатором ландшафтного уровня озерных террас выступает топоформант *лу̀хта* (рис. 3). Лухтой в Кенозерье называют приозерную низину, заливаемую весной. В традиционном природопользовании лухта использовалась как не очень удобный, но близкий к деревне сенокос.

Однако не только единичные топоформанты, но и комплексы топоформантов могут выступать индикаторами природных ландшафтов. К примеру, в условиях Кенозерья топоформанты гора и бор обнаруживают высокую корреляционную связь. Это связано с тем, что оба топоформанта соотносятся высокими холмистыми моренными равнинами, покрытыми еловыми и сосновыми лесами, выделяя разные свойства данного природного ландшафта (гора – высокое местоположение, бор – лесное местоположение).

Поэтому не только массовость, но и сочетания топоформантов друг с другом важны для ландшафтно-топонимического исследования. Схематизированный ландшафтно-топонимический профиль, построенный для Кенозерского культурного ландшафта, позволяет более точно определить такие ландшафтно-топонимические комплексы, образованные, с одной стороны, природными комплексами, а с другой

Рис. 3. Приуроченность топоформанта лухта к основным ландшафтным уровням Кенозерья

– соответствующими им местными географическими терминами, входящими в состав кенозерских топонимов (рис. 4).

В нижней части профиля указаны научные (физико-географические) термины, обозначающие природные комплексы; в его верхней части те же природные комплексы охарактеризованы с помощью местных географических терминов (топоформантов).

К примеру, для озерных террас характерными местными топонимическими индикаторами являются топоформанты *наволок, плоско, песок, лухта*, в совокупности наглядно отражающие плоский характер рельефа, песчаный механический состав отложений и ежегодно заливаемые низины. Хотя *песок* относится к редким топоформантам, его индикационное значение (в сочетании с другими индикаторами природного комплекса озерных террас, сложенных песками) весьма велико.

Такие ландшафтно-топонимические соответствия привносят в исследование дополнительные возможности. В результате составляется *топонимическая формула природного ландшафта*, которая состоит из характерных для определенного природного комплекса топоформантов. При этом в формуле они выстраиваются от массовых к единичным, что подчеркивается уменьшением размеров шрифта (табл. 3).

К примеру, топонимическая формула ландшафта Кенозера «Лахта + Прость» хорошо отражает звездчато-лопастной причудливо извилистый характер самого Кенозера с многочисленными заливами и часто встречающимися проливами и протоками.

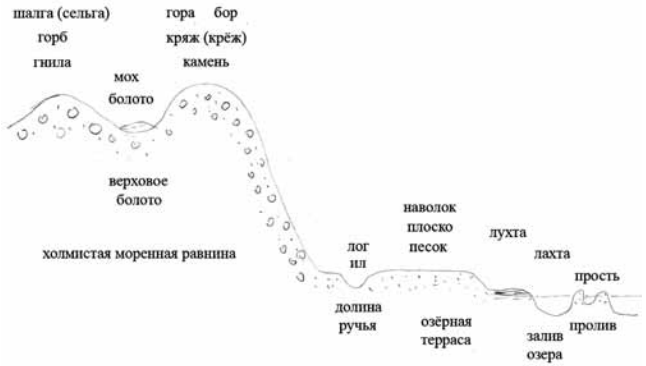

Рис. 4. Схематизированный ландшафтно-топонимический профиль Кенозерья

Более сложна топонимическая формула второго, самого освоенного, ландшафтного уровня, уровня озерных террас – «Лухта + Наволок + Плоско + Песок». Формула характеризует ровный, плоский характер рельефа, песчаный субстрат почв и заливаемые приозерные низины.

Топонимическая формула ландшафтов водно- и озерно-ледниковых равнин «Гора + Бор + Ключ + Орга + Пенус» (более высокий гипсометрический уровень относительно озера) отражает своеобразие этих сильно заболоченных территорий прежде всего за счет трех последних компонентов (*ключ, орга, пенус*), представляющих лесные и травяные болотные местности, ранее использовавшиеся под сенокосы.

Таблица 3

Топонимические формулы природных ландшафтов Кенозерья

Природные ландшафты Встречаемость топоформантов в Кенозерском национальном парке	Ландшафт Кенозера	Ландшафты озерных террас	Ландшафты водно- и озерно-ледниковых равнин	Ландшафты моренных равнин
Массовые (более 10 раз)	Лахта		Гора	Гора Бор Кряж (Креж)
Широко распространенные (6-10 раз)	Прость	Лухта	Бор	Шалга (сельга) Горб
Распространенные (4-5 раз)		Наволок Плоско	Ключ	Гнила Камень
Редкие (2-3 раза)		Песок	Орга Пенус	Мох Болото Шайма

Топонимическая формула третьего, самого высокого и наименее освоенного, уровня моренной равнины существенно отличается от предыдущей: «Гора + Бор + Кряж (креж) + Шалга (сельга) + Горб + Гнила + Камень + Мох + Болото + Шайма».

Особенно разнообразно в топонимии моренных равнин Кенозерья представлен рельеф – холмистый (*гора, кряж*) и холмисто-грядовый (*сельга, горб*). Кроме того, формула отражает высокий уровень залесенности и суглинистый (*ил*) и каменистый (*камень*) механический состав моренных отложений.

Таким образом, топонимическая формула в компактной форме отражает своеобразие освоения окружающих природных комплексов местным сообществом. Ее дополнительная информативная ценность заключается в том, что составляющие ее местные географические термины передают диалектные особенности территории.

В целом севернорусская топонимия может быть охарактеризована как ландшафтная, чутко отражающая природные и культурные особенности и разнообразие территории.

---

1 Мурзаев Э.М. Слово на карте. М.: Армада-пресс, 2001. 448 с.
2 Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 532 с.
3 Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М.: Изд-во ФБМК, 1998. 136 с.
4 Калуцков В.Н. Топологическая организация традиционного культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 б. С. 116–132.
5 Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 96 с.
6 Дерягин В.Я., Дерягина З.С., Манихин Г.И. Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме «Топонимика Кенозерья». Ч. 2. Архангельск: АГПИ, 1987. 35 с.
7 Бондарь Ю.Н., Калуцков В.Н. Природные ландшафты в топонимии Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения. Архангельск: ФГУ НП «Кенозерский»; Правда Севера, 2003. С. 130–140.

Ю.И. Дробышев

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Древние тюрки были хозяевами Центральной Азии в VI–VIII вв. Их происхождение, или, точнее, происхождение древнетюркского правящего рода Ашина, обычно прослеживают начиная с III в. н.э. и связывают с хуннским этническим субстратом. Известный отечественный тюрколог С.Г. Кляшторный обосновывает выделение в ранней истории тюрков ганьсуйско-гаочанского (265–460 гг.) и алтайского (460–553 гг.) этапов. В 439 г. около 500 семей клана Ашина бежали из разбитого тобасцами государства Северное Ляо (397–439 гг.) в Гаочан и в 460 г. вошли в подчинение жуаньжуаням, которые переселили их на Алтай[1]. Монгольский этнолог Л. Билэгт очерчивает место первоначального проживания предков Ашина южными окраинами пустыни Алашань в средней части современной провинции Ганьсу (КНР). По мнению Л. Билэгта, эти 500 семей включали, ориентировочно, 1500–2500 человек, для прокормления которых было необходимо от 40 до 120 тыс. голов скота, следовательно, площадь их пастбищных земель должна была составлять величину порядка 3–10 тыс. квадратных километров[2].

Разбив в 551–555 гг. прежних властителей монгольских степей – жуаньжуаней, древние тюрки очень быстро сумели создать гигантскую империю, простиравшуюся от Желтого до Азовского моря. Впрочем, империя оказалась непрочной и к 603 г. окончательно распалась на враждующие между собой восточную и западную части. В данной статье мы заостряем внимание на Восточно-тюркском каганате, границы которого лежали в пределах центрально-азиатской истори-

ко-культурной области и который послужил связующим звеном в цепи кочевой культурной традиции. Восточно-тюркский каганат отличался от Западно-тюркского тем, что в нем меньший процент населения вел оседлый образ жизни, занимаясь земледелием, торговлей, ремеслами. Его социальная структура была значительно проще, а каганская власть сильнее[3]. Вместе с тем некоторые примеры заимствованы нами из истории западных тюрков.

Можно полагать, что представления древних тюрков о мире и о месте в нем человека были характерны для номадов Центральной Азии, и их картина мира не отличалась принципиально от картины мира других кочевых этносов. Однако ее реконструкция на сегодняшний день остается несколько односторонней. Достаточно хорошо изучены идеология и религия древних тюрков, но не вполне ясна субординация человека и природы в их универсуме. Ни руника, ни китайские или другие сочинения не дают на этот вопрос удовлетворительного ответа. Мировоззрение древних тюрков, подобно мировоззрению других кочевников центрально-азиатских степей, обычно считается экофильным, т.е. способствующим сохранению среды обитания, но фактов, которые подтверждали бы это мнение, история донесла до нас немного, и они, насколько нам известно, еще не сведены воедино. Поэтому правила и запреты природопользования известны фрагментарно.

Отчасти проблема освещена в капитальной монографии знаменитого французского ориенталиста Ж.-П. Ру «Сакральная фауна и флора у тюркских народов»[4]. Некоторые интересные соображения о роли природного фактора в политической культуре древних тюрков высказал А.О. Дононбаев[5]. П.Б. Коновалов рассмотрел процесс формирования культа родной земли у тюркских и монгольских народов Центральной Азии в экологическом преломлении. В частности, он обсудил культы гор, Йер-Суб («Земли-воды»), древнетюркское понятие Отюкена как священной родины и т.д.[6] Особенности земледелия и оседлости у древних тюрков затронуты в статьях японского ученого Тошио Хаяши[7]. Различные вопросы взаимодействия общества и окружающей среды обсуждались в августе 2007 г. в Берлине на международном симпозиуме «Природа и человек и тюркском мире». Наконец,

те или иные ценные замечания можно найти в трудах многих тюркологов, археологов, кочевниковедов.

Материальная культура древних тюрков, как и остальных насельников центрально-азиатских степей, зиждилась на кочевом скотоводстве. Существенную роль играла также охота и такой специфический для номадов источник благосостояния, как систематические набеги на Китай. По-видимому, можно согласиться с Л. Базеном в том, что «по их представлениям, единственная достойная человека форма бытия была связана с миром тюркского пастуха и воина»[8]. Свою славную историю древние тюрки начинали на Алтае как рудокопы и кузнецы для жуаньжуаней[9], что может говорить в пользу их, по крайней мере, частичной оседлости до выхода на степные просторы. Возможно, оседлыми были тюрки, жившие в Ордосе[10]. Полагают также, что Бильге-каган (716–734) намеревался увеличить оседлость своих соплеменников, но безуспешно[11].

Современники-китайцы описывали древних тюрков в тех же выражениях, что и прочих кочевников степей: «Распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлею; питаются мясом, пьют кумыс; имеют меховое и шерстяное одеяние. Мало честности и стыда; не знают ни приличия, ни справедливости, подобно древним хунну»[12].

Багдадский ученый IX в. Абу Усман Амр б. Бахр ал-Джахиз посвятил тюркам существенно более точные и беспристрастные строки: «тюркам в тягость оседлая и размеренная жизнь, долговременное пребывание на одном месте, малоподвижный и безынициативный образ жизни. Они устроены так, чтобы быть в движении, а не находиться в покое, – таково их предназначение»[13]. И далее: «Отказываясь от занятия ремеслами, торговлей, медициной, земледелием, инженерным делом, выращиванием деревьев, строительством зданий, орошением земель и сбором урожая, направляя свои усилия лишь только на завоевания, набеги, искусство верховой езды, единоборство богатырей, добычу трофеев и покорение земель, растрачивая свой пыл только на это, посвящая себя лишь этому, ограничиваясь и будучи органически связанными лишь с этим – они прониклись этим делом полностью и

совершенствуясь, шли до конца, и именно это стало их ремеслом, их торговлей, их усладой, их гордостью, предметом их разговоров и ночных бесед»[14].

На основании «посетительских» рунических надписей, оставленных на скалах, можно предполагать, что они подтверждали право пользования угодьями и могут считаться камнеписными памятниками обычного права[15]. Согласно «Чжоу-шу», у тюрков «Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли»[16]. Подобный раздел земель отмечен еще у хунну. Он привел некоторых современных исследователей к далеко идущим предположениям о массовом земледелии этого народа. Между тем это необходимое условие кочевого скотоводства, несоблюдение которого ведет не только к конфликтам среди пастухов, но и влечет за собой деградацию пастбищ и оскудение источников воды.

Лучшие пастбища и звероловные участки отчуждались в пользу кагана. Такие земли носили название *курук*, т.е. «запретное», и были известны, по-видимому, у всех тюркских и монгольских народов[17]. Византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта оставил краткое описание некоей «Золотой горы» в землях тюрков, несомненно, представлявшей собой *курук*: «Эта гора по своему положению обращена на восток, а “золотой” она именуется местными жителями потому, что на ней в изобилии растут плоды; кроме того, она богата дикими зверями и вьючным скотом. У тюрок был закон предоставлять Золотую гору в распоряжение главного кагана»[18].

Известно, что у кагана западных тюрков ставка находилась в Чуйской долине восточнее современного киргизского г. Токмак. Каган владел запретными лугом и горой, к которым никто не смел приближаться. Пасущиеся на этом лугу стада и обитающая на горе дичь служили стратегическим запасом питания на случай военных походов[19]. Эти заповедные земли, вероятно, и имел в виду Симокатта. Их описал также великий арабский историограф Мухаммад ибн Джарир ат-Табари (IX в.): «Хакан приказал своим готовиться к войне. А у хакана были во владении луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, ибо они были оставлены для (подготовки) к войне. Пространство, которое занимал этот луг, было в три дня (пути) и

заповедника в горах – три дня. И люди стали готовиться (к походу). Они выпустили пастись свои стада (на заповедный луг), стали дубить шкуры убитых на охоте животных и делать из них сосуды, стали изготавливать луки и стрелы»[20]. Сопоставляя данные ат-Тараби, надписи на стеле Тоньюкука и наскальные надписи Адыка, С.Г. Кляшторный идентифицировал местонахождение этого *курука* с Ярышской равниной, которая сегодня называется Кочкор (Нарынская обл., Кыргызстан). Ее отделяли от ставки кагана два конных перехода по долине реки Чу[21].

В VII в. один из каганов Западно-тюркского каганата, будучи неравнодушен к оленям, под страхом смерти запретил охотиться на них в урочище Минг-булак («Тысяча ключей») в Джетысу, где сам он спасался от летней жары. Знаменитый китайский путешественник-буддист Сюань-цзан отметил, что в 630-х годах их тут было множество. Олени привыкли к людям. На них надевали маленькие колокольчики и кольца[22].

Археолог В.Е. Войтов связывает появление термина *курук* с религиозными воззрениями тюрков и уйгуров и полагает, что так обозначались запретные места, где устраивались погребально-поминальные памятники, отражавшие в своей планировке универсальную космограмму[23]. Это мнение не нашло пока широкой поддержки.

Являясь органической частью степных экосистем, номады со своими стадами очень слабо изменяли ландшафты. Однако эта «экологичность» номадизма имеет и негативную сторону – сильную зависимость от капризов погоды. Скот круглый год содержался на подножном корму. У кочевников не было принято заготавливать корм на зиму (разве что в ничтожных количествах) и сооружать капитальные зимние убежища для животных. Монголы даже в наши дни на зимних стойбищах обычно устраивают небольшие загоны, защищенные от холодных северных ветров в укромных уголках у подножия гор и огороженные валом из камней или сухого навоза – *аргала*. Загоны упоминаются в надписи из Чойрэна (Монголия), автором которой считается знаменитый советник эпохи Второго каганата (682–744) Тоньюкук[24]. Есть подобное сообщение и в более поздней Суджинской надписи, также обнаруженной в Монголии: «Я был богат. Моих загонов для скота было десять. Скота у меня было без числа»[25].

Впрочем, главную опасность для скота зимой представляет не холод, а бескормица. Тяжелые снегопады или образование наледи обрекали стада на голодную смерть, а бесснежье губило их жаждой. В Монголии массовый зимний падеж скота называется *дзут*. Дзут 581–583 гг. называют в числе причин кризиса Первого Тюркского каганата (551–630)[26]. Видимо, стихия ударила и по примитивному хлебоборобству тюрков. В те годы они «вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости»[27]. Сильные дзуты случались также в 627–629 и 723–724 гг. О них сообщают китайские источники: «В сем году [627 г. – *Ю.Д.*] выпали глубокие снега. От стужи много погибло лошадей и овец; люди терпели голод»[28]. Аналогичная информация имеется и в рунических надписях. Так, в мемориальной надписи Бильге-кагана говорится: «Во время моей зимовки в Магы Кургане (в крепости Магы Амгы), на сороковом году моей жизни, случился падеж скота»[29].

Кочевание подразумевает наличие достаточных пространств, пригодных для выпаса скота. Их сужение по тем или иным причинам влечет за собой ухудшение условий существования номадов. После разгрома в 630 г. Первого каганата китайцы расселили тюрков на севере Ордоса и Шэньси, и те попали в очень стесненные условия, не дававшие им возможности развивать скотоводческое хозяйство на небольшой территории в окружении китайских военных поселений. Это, вкупе с необходимостью постоянно воевать на стороне империи Тан, делало «положение тюркских племен трагическим»[30]. Поэтому их восстание в 679 г. можно считать совершенно закономерным. Оно имело успех, хотя и не скорый. Тюрки вернули себе власть в степях до 744 г., когда их каганат окончательно прекратил существование под ударами альянса уйгуров, басмылов и карлуков.

В написанных от имени усопших тюркских героев эпитафиях, открытых в бассейне Енисея, повторяются слова сожаления о том, чем они «не насладились» при жизни и от чего были вынуждены «отделиться». Эти надписи слагаются из практически стереотипных элементов. Как отмечает Д.В. Рухлядев, тексты различаются в основном количественно: меньшие по объему содержат меньше обязательных элементов, бульшие – соответственно, больше[31]. Весьма нередко в них звучит сожаление о том, что покойный расстался со своим скотом

и прочим имуществом[32]. «Каким неподдельным горем проникнуты строки эпитафии: “… Отделился от десяти тысяч коней…”. Можно подумать, что главная беда смерти – это не трагический переход человека в инобытие или в потусторонний мир, а невозможность забрать с собой туда все свое добро!», – пишет в этой связи башкирский философ Р.Г. Шарипов[33], и с ним можно согласиться. Здесь удачно оттенена главнейшая ценность и предмет гордости номада – его табуны. Вместе с тем иногда на енисейских памятниках запечатлено горе мемориантa также и по поводу его «отделения» от родной, священной земли, от его рек и озер[34]. В его пирамиде ценностей далеко не последнее место занимает хан и, конечно, жена (жены) и родственники. Видимо, ничто человеческое не было чуждо древнему тюрку!

Какой скот разводили древние тюрки? Идеал центрально-азиатского кочевника – иметь пять видов скота: лошадей, овец, коз, верблюдов, крупный рогатый скот. Скорее всего, этими животными обладало и среднее по зажиточности древнетюркское хозяйство, с преобладанием первых двух, как максимально пригодных для кочевого образа жизни. В надписи с реки Берге, правого притока Бий-Хема, мемориант оплакивает «весь свой скот трех видов», который, по предположению И.В. Кормушина, был представлен лошадьми, коровами и овцами[35]. В зависимости не только от благосостояния конкретной семьи, но и от природных условий, в которых она жила, а также от стихийных бедствий и прочих превратностей кочевой судьбы, состав стада и его общее поголовье могли изменяться. Если непогода могла быстро превратить зажиточного скотовладельца в нищего, то удачная военная кампания наполняла степь стадами, пригнанными из земель враждебных племен. Богатые скотоводы владели сотнями и тысячами голов скота, но расчеты специалистов показывают, что в целом его количество на территории современной Монголии оставалось достаточно стабильным с эпохи хунну и вплоть до XX в.

Самым ценным животным кочевника в мирной жизни и на войне была лошадь. Без нее немыслим свободный родович, а тем более вождь. Об этом красноречиво говорит древнетюркское право, предписывающее смертную казнь за кражу стреноженной лошади (за вольно пасущуюся наказание было менее суровым)[36]. Особое, можно сказать

культовое, отношение кочевников к лошадям подтверждается следующим наблюдением. Древние тюрки, как позже и монголы, при описании битв не забывали называть имена боевых коней героя и указывать их масть. Если воину приходилось в ходе схватки менять убитого коня на нового, его приметы тоже запечатлевались.

Вот как, например, описывается бой Кюль-тегина с Чача-Сенгуном: «В самом начале (сражения) он (Кюль-Тегин) бросился в атаку, сев на белого коня, (принадлежащего) Тадыкын-Чуре; этот конь там пал. Во второй раз (т.е. при второй схватке) он сел верхом на белого коня, (принадлежавшего) Ышбара-Ямтару; этот конь там пал; в третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг-бега и произвел атаку; этот конь там пал»[37]. Неудивительно поэтому, что одним из компонентов археологической «тюркской триады», характеризующей культуру этого народа, являются погребения с конем (два другие – специфические ритуальные сооружения и наскальные изображения)[38]. Иногда археологи открывают древнетюркские захоронения, где вместо лошади находятся кости барана. Для объяснения этого феномена выдвинуты различные гипотезы: бедность погребенного, родственники которого не могли обеспечить его ездовым животным в ином мире; его ранняя молодость (надо думать, мальчику иметь коня не полагалось, что вряд ли соответствует истине – у номадов дети нередко учатся ездить верхом раньше, чем ходить); роль барана как «передатчика» конской упряжи коню героя на том свете[39].

Некоторых животных из стада посвящали божеству. Их называли *изук*. Не позволялось не только убивать их, но и стричь, доить, ездить на них[40]. Такие посвященные божествам животные, обычно лошади, известны и в позднейшей культуре тюркских народов. Исследователи считают их символическим средством закрепления права социума на землю. Это «живая метка родовых владений». Их никогда не использовали для работ, позволяя им вольно пастись. Женщины из чужих родов не имели права даже прикасаться к таким животным. Считалось, что их присутствие в стаде гарантировало приплод и благополучие скота[41]. У монголов средневековья на тех лошадях, которых посвящали умершему хану, до самой их смерти никто не ездил[42].

На древнетюркских стелах, воздвигнутых в память выходцев из правившего клана, часто бывает высечено изображение горного козла. Почему именно этот образ стал тамгой каганов династии Ашина, до сих пор неясно[43]. Может быть, сыграло свою роль то обстоятельство, что козел у кочевников Центральной Азии являлся солярным символом, связанным с культом огня и идеей плодородия[44]. Именно поэтому монгольские военачальники XIII в. держали его в своих ставках[45].

Подобно другим номадам, древние тюрки обрабатывали землю, что подтверждается находками ручных мельниц и характерными терминами в надписях. Но хлеборобство не получило у них широкого развития по причине континентальности климата и наличия мощного конкурента в лице традиционного скотоводства, гораздо лучше приспособленного к местным условиям и обеспечивавшего мобильным провиантом войска в далеких походах[46]. Более или менее успешное земледелие было возможным лишь в благоприятных условиях. На памятнике Ийме 1 с правобережья реки Хемчик в Туве, датированном серединой VIII в., упомянут могущественный правитель, владевший тысячью *ekin*, что можно понимать как засеянные поля[47].

Исследовавший земледелие древних тюрков Т. Хаяши утверждает, что источники, которые удостоверяли бы его наличие в Первом каганате, до сих пор не найдены, хотя среди тюрков могло проживать до нескольких сотен тысяч китайцев и некоторое количество согдийцев[48]. Эпизод с требованиями каганом Капаганом (692–716 гг.) земледельческих инструментов и посевного зерна у китайской императрицы У-хоу (684–705 гг.) японский историк считает уникальным[49], с чем вполне можно согласиться.

Весной 698 г. Капаган отправил в Лоян посольство с согласием признать сюзеренитет Китая, а взамен он просил разрешения выдать своих дочерей за принцев императорского дома, а также просил 100 000 ху проса на посев (1 ху = 52 л), 3000 орудий для обработки земли и несколько десятков тысяч цзиней железа (1 цзинь = 597 г). Кроме того, он требовал передать под его контроль «шесть округов» в Ордосе и Шэньси, после 630 г. населенных «подчинившимися родами» тюрков. После некоторой проволочки зерно и орудия он получил, но в остальном ему было отказано. Хуже того, недальновидная У-хоу

выслала «подчинившиеся роды» Капагану, и тот вместо большого земледельческого района получил изгнанников. Для Капагана это был достаточный повод прервать переговоры с Китаем и начать подготовку к войне[50]. Что он сделал с полученным зерном, остается неизвестным. Вероятнее всего, каган планировал засеять им плодородные земли «шести округов», над которыми надеялся обрести власть. Потерпев неудачу в осуществлении своих амбициозных планов, Капаган мог отправить зерно на север своего государства, где более влажный климат позволял рассчитывать на урожай, либо просто пустить его на прокорм своих сородичей.

Известна у древних тюрков и охота. Наиболее ценными трофеями были соболь и черно-бурая лиса. Меха как использовались на месте, так и вывозились за рубеж. Дичь били и ради мяса. Когда Кутлуг (682–692 гг.) возглавил антикитайское восстание и с 700 соратниками скрывался в «Черных песках», пропитание приходилось добывать охотой. Восставшие промышляли оленей и зайцев[51]. Известно также, что знатным покойникам древние тюрки приносили в жертву верховых лошадей, а из промысловых зверей – белок и соболей[52].

По-видимому, традиция запрещала убивать зверей больше, чем реально требовалось. За жадность охотник мог поплатиться жизнью – считалось, что его наказывали духи-хранители природы. Расплата была неизбежной даже в том случае, если нарушителем промысловых традиций был сам кочевой предводитель. Каган Шаболио, правивший в 582–587 гг., однажды послал своего сына с дарами к императору династии Суй (581–618) и попросил дозволения поохотиться в его владениях, на территории нынешней провинции Шэньси. Просьба была удовлетворена, и каган, убив собственноручно 18 оленей за один день, отрезал у них языки и крестцы в подарок императору. При возвращении с охоты у него сгорела походная юрта, в чем Шаболио усмотрел дурное предзнаменование. Он немедленно направился в свою ставку, но было уже поздно – он сильно заболел и через месяц скончался[53]. Династийная хроника «Суй-шу» приписывает эту расправу над преступившим неписаные законы степей каганом самому Небу. Этому не приходится удивляться: по китайским представлениям, духи не выполняют функции «хозяев» объектов природы (в центрально-азиатском смысле), и если и причиняют людям неприятности, то зачастую безо всякой мотивации, в противоположность духам-«хозяевам» Центральной Азии. Таким образом, остается один блюдущий традиции беспристрастный и неподкупный судья – Небо. Впрочем, анализировавший эпизод с несчастной охотой Шаболио Л.П. Потапов не сомневается, что кагана наказал не кто иной, как дух-«хозяин» местности, где тот охотился[54].

Охота служила более широким целям, чем просто добыча мяса и шкур. Как и вообще в кочевом мире, облавные охоты древних тюрков играли роль военных маневров. Такая охота легко могла перерасти в военный набег. Например, в 627 г. тюрки вторглись на китайские земли под предлогом облавы на зверя[55]. Кроме того, этот промысел мог быть сопряжен с инициациями мальчиков и юношей, что можно предположить на основе надписи из Ихе Хушоту (около 200 км к юго-западу от Улан-Батора): «В семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет – дикого кабана»[56]. Запечатлевать эти события, на первый взгляд малозначительные, вряд ли имело бы смысл, если бы за ними не стояло что-то бульшее, чем просто факт поражения мальчиком дикого зверя. В подобных случаях средневековые монголы мазали юному охотнику большой палец руки: «Когда он [Чингис-хан. – *Ю.Д.*] дошел до пределов своих орд, к нему вышли навстречу Кубилай-каан, которому было одиннадцать лет, и Хулагу-хан, которому было девять лет. Случайно в это время Кубилай-каан подбил зайца, а Хулагу-хан дикую козу в местности Айман-хой, на границе страны найманов, близ Имил-Кучина, по ту сторону реки Хилэ, поблизости от области уйгуров. Обычай же монголов таков, что в первый раз, когда мальчики охотятся, их большому пальцу [на руке] делают смазку, т.е. его натирают мясом и жиром. Чингиз-хан самолично смазал их пальцы»[57]. Аналогично поступили, когда своего первого зверя убил восьмилетний Газан-хан[58].

Скорее всего, охота была для древних тюрков еще и любимым развлечением. Не случайно танский Тай-цзун (627–649 гг.) хотел облегчить участь плененного кагана Хэли (620–630 гг., умер в 634 г.), предоставив ему возможность утешиться охотой. Увидев, что Хэли чахнет в неволе, император назначил его префектом Гочжоу, думая, что там пленник сможет бить оленей и косуль, но Хэли отказался от

этой милости[59]. Охотничьи забавы приводили порой к печальным последствиям. В 112 г.х. (730 г.) арабские разведчики захватили сына кагана западных тюрков, когда он охотился пьяным[60].

Разновидность монаршей охоты описана знаменитым филологом XI в. Махмудом Кашгарским под названием *сагир*: «Сагир – один из видов царской охоты, с участием его подданных: царь рассылает людей по лесам и равнинам с тем, чтобы они собрали дичь и пригнали ее к нему. Тогда он стоит и стреляет прямо перед собой, не утомляя себя ее поисками»[61]. Можем ли мы допустить, что это описание подходило и для кочевых тюрков Восточного каганата? По-видимому, да. Аналогичные приемы «царской» охоты существовали у истинных кочевников – монголов в период становления их империи. Персидский историк на монгольской службе Ата-Малик Джувайни (1225–1283 гг.) приводит рассказ об охоте на диких ослов в местечке Утуга, находящемся на пути из Чимкента в Аулие-Ата (современный Джамбул), устроенной Чингис-ханом и его сыновьями в 1224 г. перед возвращением из Западного похода. Стада ослов гнал перед собой старший сын Чингис-хана Джучи, назначенный ответственным за организацию облавных охот. От долгой и тяжелой дороги их копыта стерлись, и поэтому они, как говорили, были подкованы конскими подковами, чтобы охота все-таки могла состояться. Уставших животных можно было «схватить рукой». Бойню прекратили, только когда остались в живых лишь худые ослы, очевидно, не годившиеся в качестве трофея. Их клеймили и выпустили на волю[62]. В другом случае, когда облава шла по заведенному порядку, хаган[63] Угэдэй (1229–1241 гг.) расположился на вершине холма, наблюдая финальную сцену. И вдруг все животные, повернувшись в сторону хагана, подняли жалобный вопль, как просители справедливости. Не чуждый сентиментальности Угэдэй приказал отпустить их всех и не причинять им никакого вреда[64].

Широко известен монгольский обычай отпускать часть животных из облавного кольца на свободу. По мнению многих ученых, он красноречиво свидетельствует в пользу особой экофильности традиционной монгольской культуры, что, впрочем, не бесспорно: избавление даровалось израненным и изможденным животным, пребывавшим в состоянии стресса и едва ли способным произвести впоследствии

здоровое потомство. К сожалению, нам неизвестно, поступали ли так древние тюрки, и если да, то чем они это мотивировали.

Жившие по берегам рек промышляли рыболовством. Археологи нередко находят грузила от сетей, датируемые древнетюркским временем. На одном из древнетюркских изваяний обнаружены реалистичные изображения рыб, предположительно тайменя и хариуса[65]. По-видимому, природопользование древних тюрков включало также собирательство. В их погребениях найдены кедровые орешки[66].

Наконец, некоторое – и порой немалое – количество необходимой продукции поступало в каганат из Китая в обмен на лошадей или в качестве «подарков» (по сути, платы за спокойствие на границах). Краткий перечень китайских товаров имеется в Малой надписи Кюльтегина: это золото, серебро, шелк, а также либо зерно, либо продукт его переработки в алкоголь[67]. Китай нуждался в лошадях для своей кавалерии и получал их, в частности, от северных кочевников. Так продолжалось в течение многих веков, но в зависимости от внешне- и внутриполитических обстоятельств количество потребных лошадей варьировалось, и соответственно менялась цена на них, колеблясь в пределах от 40 до всего лишь одного куска шелка за голову. В любом случае, номады вряд ли были заинтересованы в снабжении своих извечных противников хорошими лошадьми. Они нередко пригоняли на приграничные рынки больше лошадей, чем полагалось согласно уговору, но качество этого живого товара, как правило, оставляло желать лучшего, поэтому китайцы могли отправлять часть лошадей обратно. В годы правления Тэнгри-кагана (734–741 гг.) была достигнута договоренность о ежегодной присылке 3–4 тыс. голов, но в 734 г. тюрки пригнали сразу 14 тыс. лошадей и получили за них 500 тыс. кусков шелка[68]. Император Тай-цзун пенял в письме Тэнгри-кагану на то, что тюрки пригнали негодных лошадей, в результате чего были возвращены «как обычно» по 1-2 животному из каждого десятка[69].

Торговля Китая со Степью исследовалась многими специалистами. Механизм обмена животных на шелк вскрыт в работе венгерского тюрколога Х. Эседи. Чтобы иметь саму возможность обмена, кочевник должен был задобрить китайского императора, которому посылаются подарки (прежде всего меха и скот). Подарки квалифи-

цировались императорским двором как дань. Император также щедро одаривал послов шелком и другими вещами. Вскоре тюрки шлют больше скота, рассчитывая получить за них больше шелка, но императору столько скота не нужно, и он посылает, напротив, меньше шелка. Разочарованные тюрки атакуют границу. Если степняки сильны, император вынужден откупаться от них этой валютой средневековья. Каган снова шлет императору скот, и история продолжается по новому кругу[70]. Хотя рассуждения автора разделяются не всеми кочевниковедами, нельзя не увидеть в них реминисценцию традиционного степного принципа «дал подарок – получил отдарок», свято соблюдаемого народами Центральной Азии до настоящего времени. Если император не желал следовать этому принципу, тюрки могли чувствовать себя оскорбленными – это помимо чисто экономического интереса.

Широкую известность приобрела металлургия древних тюрков. Многие исследователи постулируют прямую связь между их усилением к середине VI в. и наличием у них развитой традиции производства изделий из железа. Будучи сначала данниками жуаньжуаней и плавя для них на Алтае руду, тюрки окрепли настолько, что в течение очень короткого времени смогли разгромить своих сюзеренов и подчинить своей власти не только Центральную Азию, но и Восточный Туркестан, часть Средней Азии, степи нынешнего Казахстана. Поэтому не столь уж невероятно предположение, что известные по китайским источникам «пещеры предков» на реке Тамир (левый приток Орхона), где тюркские каганы совершали поклонение своим пращурам, были шахтами[71].

Древние тюрки – один из немногих народов Центральной Азии, чье градостроительство достоверно неизвестно. До сих пор нет археологических материалов, которые подтверждали бы наличие оседлости на исконных землях тюрков Первого и Второго каганатов[72]. В тюркских языках большинство слов, обозначающих оседлые поселения, заимствованные[73]. В то время как западным тюркам история предоставила возможность унаследовать и продолжить урбанистические традиции Согда и Кашгарии, Восточно-тюркский каганат просто не мог себе позволить такую роскошь, как города. Периоды его расцвета были слишком коротки, а приток китайских «подарков» нерегулярен,

чтобы успеть заложить основы городской цивилизации, как это имело место, например, в случае уйгуров. Хотя источники упоминают иногда постоянные поселения тюрков, такие как «старый город Дин-сян-чен близ Хух-Хото» или «городок Хэ-ша-чен»[74], маловероятно, чтобы эти «городки» являлись чем-то бульшим, чем маленькими стойбищами, где жили хлеборобы и ремесленники, скорее всего, китайские пленные или перебежчики и, возможно, согдийские колонисты.

Отсутствие городов делало древних тюрков почти неуязвимыми для китайских карательных экспедиций. Именно на это указывал советник Тоньюкук Бильге-кагану, вознамерившемуся окружить свою ставку стеной и построить храмы Будде и Лао-цзы: «Тукюеский народ по численности не может сравниться и с сотой долею народонаселения в Китае, и что он может противостать сему государству, этому причиною то, что тукюесцы, следуя за травою и водою, занимаются звероловством, не имеют постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах. Когда сильны, идут вперед для приобретения; когда слабы, то уклоняются и скрываются. Войска Дома Тхан многочисленны, но негде употреблять их. Они живут в городах. Как скоро разбиты на сражении, то плен неизбежен»[75]. К сказанному Тоньюкук добавил предостережение о «расслабляющем» воздействии на степных воинов буддизма и даосизма. Каган прислушался к его словам. Иначе распорядилась судьба в отношении уйгуров, ставших гегемонами степей после уничтожения Второго Тюркского каганата и расправы со своими бывшими союзниками – басмылами и карлуками. На беду уйгурских каганов, для них не нашлось «мудрого Тоньюкука», который отговорил бы их от увлечения градостроительством; вместо этого, согдийские советники активно прививали в распухавшем от китайского шелка каганате урбанистическую культуру, и, в итоге, падения столицы – города Орду-Балыка (Карабалгасуна) под натиском кыргызов в 840 г. оказалось достаточно, чтобы рухнуло все государство: слишком много сил и богатств было в нем сконцентрировано[76].

Таковы, в общих чертах, образ жизни и природопользование древних тюрков. Едва ли природа была для них храмом. Если мы можем предполагать бережное с ней обращение на своих землях, то земли чужие, скорее всего, стояли «вне закона», и там можно было

в полной мере эксплуатировать природные ресурсы, не заботясь о завтрашнем дне. Это не древнетюркский поведенческий стереотип и даже не стереотип поведения воинственных кочевников Центральной Азии – таково отношение к чужой земле практически любого народа в любую эпоху, не исключая и нынешнюю. То, что невозможно было забрать из набега на соседей, безжалостно уничтожалось. Например, возвращаясь из похода на Китай осенью 698 г., тюрки истребляли «всех и все, что нельзя было увезти с собой»[77]. Интересно отметить, что практически в тех же выражениях средневековый арабский историк Ибн ал-Асир описал монгольское разорение Средней Азии и Ирана: «Они [Татары] остаются в городе лишь до тех пор, пока не разрушат всего, мимо чего пройдут, да не спалят и ограбят его; что им негодно, то они сожигают. Собрав [напр.] шелку [целую] гору, они поджигают его; так [они уничтожали] и другие вещи»[78]. Пленному Хели Тай-цзун поставил в вину уничтожение хлеба на полях китайских крестьян[79]. Можно не сомневаться, что жег и вытаптывал китайские посевы не один только Хели. Преднамеренное уничтожение материальных ценностей на враждебной территории методично осуществлялось древними тюрками и другими степными народами, и делалось это не от избытка ненависти к китайцам и не от врожденного «варварства». Такой была обычная практика всех кочевников по отношению к Китаю, направленная, в конечном счете, на то, чтобы сделать сговорчивым императора и добиться открытия приграничных рынков и получения «подарков», т.е., по сути, дани. Сегодня мы могли бы с полным правом квалифицировать эти действия как экоцид. Надо сказать, китайцы не гнушались тем же. Однажды во время карательного похода в земли тюрков они бросили в реку яд выше по течению, и многие тюркские воины, пившие из реки, отравились. Кампания была тюрками проиграна[80].

Сакральным центром каганата была Отюкенская чернь (тайга)[81] – местность в Хангае (Монголия). Пребывание там, как считалось, гарантировало тюркскому народу благоденствие. В Малой надписи Кюль-тегина сказано: «(Итак), о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну[82], ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отукэнской стране (лишь) посылаешь караваны (за подарками, т.е.

за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт…»[83].

Хотя Хангай имел сакральное значение еще у хунну и жуаньжуаней[84], тема Отюкенской черни звучит как никогда ярко именно в эпоху древнетюркских каганатов, точнее, Второго каганата и сменившего его Уйгурского каганата (744–840 гг.). По П.Б. Коновалову, культ Отюкена суть «сакрализированная экологическая по своей сущности этнополитическая концепция Родины»[85]. Что же в этой концепции экологического? К сожалению, у нас практически отсутствует информация, чтобы судить, чем могло отличаться поведение людей по отношению к природе в Отюкене от их поведения за его пределами. Можно лишь предположить более предупредительное обращение с природными богатствами и запрет на некоторые виды природопользования ввиду сакральности этой территории. Но прямых подтверждений этому нет.

Локализация Отюкена служит предметом длительных дискуссий. В словаре Махмуда Кашгарского указывается, что так называется местность «в татарских степях вблизи от Уйгур»[86]. По мнению Л.П. Потапова, это «обширная горно-таежная область в Хангае и отчасти в Саянском нагорье, простирающаяся от бассейна верхнего течения Селенги до верховьев Енисея и включающая один из северо-восточных районов современной Тувы. Здесь, на реке Орхоне, находился политический центр этого государства и резиденция каганов. Цтякдн, упоминаемый обычно в сочетании со словом йыш («лес, тайга»), а один раз – с йер («земля»), восхваляется в древнетюркских надписях как священная родина, как божественный покровитель данного государства. Ötÿkän, который считался женским божеством, давал кут – «священную благодать» кагану, власть которого рассматривалась как божественная милость. Это был кут[87] Ötÿkäna (il ötÿkän quti), как следует из одного религиозного текста и на что уже обратили внимание некоторые исследователи. Но и здесь, как мне кажется, идея получения каганом кут от божества местности Ötÿkän отражает реальные черты земных отношений: каган являлся верховным собственником и распорядителем земель тюркского государства»[88]. В другой, более ранней работе Л.П. Потапов помещает Отюкен в северо-западной час-

ти современной Тувы, где в верховьях Бий-Хема находится одноименный горный хребет Утӱген, одна из вершин которого представляет собой почти лишенное растительности труднодоступное плато площадью примерно 15х30 км. Вокруг расстилается тайга. Этот Утӱген, согласно Л.П. Потапову, мог быть родовой горой древнетюркского клана Ашина, описание которой в китайских анналах во многом совпадает с обликом тувинского Утӱгена. Продвинувшись в монгольские степи, каганы не забывали о своей сакральной вершине[89]. Впрочем, это любопытное предположение плохо согласуется с этногенетической историей Ашина.

Почему именно эта местность приобрела у древних тюрков сакральный статус? Общим правилом является одухотворение, сакрализация родовых земель, но Отюкен не мог быть для тюрков таковым. Более логично полагать, что для них сакральным должен был быть Алтай, где они жили до того, как стали гегемонами степей, и где отправляли культ предков в пещере. Нельзя также исключать вероятность того, что на Алтае находилась гора с названием Отюкен[90]. По крайней мере, как считают некоторые исследователи, при массовых переселениях кочевые племена переносили прежние названия сакральных областей на новые[91]. Поэтому Отюкеном могла быть названа местность в новом политическом центре древних тюрков на Хангае как напоминание о прежней святыне. Однако если глубже проникнуть в историю тюркского народа, возможно, Отюкен придется искать на территории бывших округов Пиньлян и Хэси в провинции Шэньси. Опираясь на китайские источники, П.Б. Коновалов выстраивает гипотезу, согласно которой эта местность находилась в горах Иньшань[92]. Так или иначе, кажется вероятным, что древние тюрки воспользовались «готовым» Отюкеном на севере Монголии, т.е. сакральной территорией бывших ее хозяев – хунну и жуаньжуаней, которая, впрочем, могла и не иметь ранее такого названия, и перенесли туда имя своего прежнего святилища, расположенного на их прародине. Наконец, учитывая, что Б.Я. Владимирцов еще 80 лет назад доказал на филологическом материале тождество тюркского Ötüken и монгольского etügen ~ ötügen («Земля», «Земля-владычица, божество земли»)[93], можно предположить, что посредством этого слова в древнетюркских камнеписных памятниках

проводится мысль о возвращении тюрков из китайской неволи на священную родину.

Попытаемся теперь ответить на вопрос, почему древние тюрки избрали Отюкенскую чернь в качестве центра каганата. По-видимому, Л.Н. Гумилев был недалек от истины, когда предположил, что «Обладание священными местами в степи приобщило основателя новой федерации к благодати, придававшей его власти силу законности»[94]. В пользу этого предположения говорят результаты исследований П. Голдена, согласно которому претензии древних тюрков на управление кочевой ойкуменой основывались на происхождении из харизматического клана Ашина или связи с ним, а также на владении общепризнанными сакральными местами (лесами, горами, реками)[95]; все перечисленное как раз и характеризует таежный Отюкен. А.В. Тиваненко склоняется к мысли, что Отюкен имел «поистине универсальное значение» в качестве «величайшей священной земли монгольского кочевого мира». Религиозно-мифологическое обоснование владения священным Отюкеном выдвинули именно древние тюрки – это культ «земли-воды» (Йер-Суб). Его окончательное закрепление как политического и сакрального центра было завершено созданием там каганских ставок и усыпальниц[96]. Учитывая, что свое значение в качестве сакрального государственного центра Отюкен приобрел лишь в период Второго каганата, вполне можно допустить, что эта местность стала для тюрков символом свободы после полувекового подчинения Китаю. Несмотря на то, что Отюкен привлекал внимание многих исследователей, в сложившихся о нем представлениях остается еще много неясного и недосказанного.

В неожиданном ракурсе Отюкен подается в надписи Тоньюкука: «Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы»[97]. Не заимствована ли эта идея из Китая, где Тоньюкук под именем Юаньчжэня провел свою молодость и получил классическое конфуцианское образование? К воссевшему в Отюкене каганскому советнику добровольно стекаются народы так, как, согласно традиционным ки-

тайским политическим учениям, являются «варвары» всех сторон света к «Сыну Неба», чья благая сила *дэ* достигла своего апогея. Однако Тоньюкук, несомненно, лукавит. Не он должен был быть фокусом притяжения разных племен, а верховный правитель – каган, которым в годы переселения мятежных тюрков на Хангай являлся Кутлуг, принявшим имя Эльтериш, т.е. «Собравший народ». Подобно китайскому императору, олицетворявшему собой «мировой столп», соединяющий Небо и Землю, учреждение в священном Отюкене каганской ставки должно было символически знаменовать собой установление «мировой оси», вследствие чего все мироздание перешло в упорядоченное, гармоничное состояние. Ясно, что к средоточию этой гармонии охотно устремляются все племена и народы.

Здесь будет уместно коснуться следующей особенности политической доктрины номадов Центральной Азии. Верховный правитель кочевого государства осмысливался как личность, поставленная самим Небом. Небо дарует ему силу, посредством которой он подчиняет народы. Каган играл роль медиатора между Небом и Землей и был сакральной фигурой. Он обеспечивал народу процветание, а природе – гармонию. Неслучайно в Бугутской надписи (предположительно датируется последними годами правления Таспар-кагана, 572–581 гг.) в качестве основной функции кагана названо посредничество между народом и божествами, причем общение кагана с последними «занимает в религиозной концепции надписи гораздо более значительное место, чем в позднейших орхонских надписях»[98].

На основании этногенетического мифа, излагающегося в китайских летописях, тотемом рода Ашина практически единодушно считается волк, точнее, волчица, соединившаяся с мальчиком, который единственный уцелел из разгромленного врагами племени. Потомство этой нетривиальной четы положило начало десяти родам, один из которых впоследствии возглавил каганат[99]. В пользу бытования этого мифа может свидетельствовать навершие Бугутской стелы с изображением волка или волчицы, под брюхом которого изображены человеческие фигуры[100]. Кроме того, известно, что золотая волчья голова красовалась на боевых знаменах древних тюрков, а телохранители кагана именовались *фули*, что переводят как «волки»[101].

Рунические тексты, между тем, не содержат тотемистической информации. По мнению Дж. Клосона, гипотеза о волке как древнетюркском тотеме зиждется на весьма непрочном основании[102]. С Клосоном солидарен Л.П. Потапов, считающий, что волк мог быть божественным покровителем тюрков, но не их тотемом[103]. Кроме того, как подметил Л.Н. Гумилев, «источники не говорят об их [древних тюрков. – *Ю.Д.*] специфическом отношении к волкам»[104]. Гораздо вероятнее, что эти «волки», т.е. древнетюркская гвардия, были членами воинского мужского союза. Существование таких союзов, где происходила инициация юношей и их превращение в бесстрашных, выносливых воинов, предполагается у монгольских народов[105]. Вполне можно допустить их наличие и у народов тюркских. Известно также, что волками и псами называли воинов в Древнем Иране[106]. В принципе, даже если тотемизм древних тюрков будет доказан, его экологическое значение не столь невелико, как нередко думают. Народы, считающие себя потомками какого-либо животного, могут заботиться о благополучии своего «первопредка» и в то же время безжалостно преследовать остальных представителей животного мира.

Древние тюрки пытались использовать в своих интересах природные стихии. Подобно другим кочевым народам, они верили в очистительную способность огня. Согласно сообщению византийского историка VI в. Менандра Протектора, византийское посольство во главе с Зимархом ко двору западно-тюркского кагана Истеми (ум. 576 г.) в 568 г. было вынуждено пройти через эту своеобразную процедуру, с которой несколько веков спустя придется столкнуться европейским и другим послам у монголов.

Очищение огнем вещей и людей представляло собой настоящее шаманское действо: «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имеют способность отгонять несчастья, пришед к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, склали их вместе; потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали

силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали»[107].

Очень распространена была в тюркской культуре магия, нацеленная на изменение в желаемом направлении погоды. Воздействовать на погоду можно было с помощью особого «камня дождя» (*яда таш*)[108]. Судя по многочисленным описаниям, он представлял собой желчный камень, извлекаемый из внутренностей скота (гораздо реже – горный хрусталь или другой минерал). Считалось, что обладание им возвышает авторитет династии. У огузов он стал символом сакральной верховной власти[109]. Имеется довольно много информации об использовании «камня дождя» в военных целях. Тюрки верили, что посредством определенных, достаточно простых манипуляций знаток-*ядачи* мог вызвать жестокое ненастье над войском противника.

Первые четкие указания на магические операции с погодой относятся к эпохе Жуаньжуаньского каганата (402–555 гг.): «В их владении умеют, используя колдовство, приносить жертвы Небу и вызывать ветер со снегом. [В результате] впереди ясное солнце, а сзади грязевые потоки воды. В связи с этим, когда они терпят поражение, их невозможно догнать. Если они прибегают к этому способу в Срединном государстве[110], то делается пасмурно, но снег не идет. На вопрос о причине этого они говорят, что в [Срединном государстве] тепло»[111]. В этом описании не уточняется, применяли ли жуаньжуани камень, но производившийся эффект абсолютно точно соответствует тому, что известно из других источников, где говорится о *яда таш*.

В последние годы в науке сформировалось представление о тесной взаимосвязи господствующей в том или ином обществе религии и отношения членов этого общества к окружающей среде. На этом основании различные вероучения можно условно разделить на экофильные и экофобные. К первым, как правило, относят древние локальные культы и политеистические религии Востока; ко вторым – монотеистические религии Запада. Центрально-азиатские кочевники обожествляли природные стихии, небесные тела, поклонялись Вечному Небу. Их религиозные представления и культы обычно расценивают как благоприятствовавшие сохранению природы.

Религиозно-мифологическим воззрениям древних тюрков посвящены труды Ж.-П. Ру[112], С.Г. Кляшторного[113], И.В. Стеблевой[114], Л.Ю. Тугушевой[115] и других специалистов. Феофилакт Симокатта следующим образом охарактеризовал религию тюрков – своих современников: «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом. Ему в жертву они приносят лошадей, быков и мелкий скот и своими жрецами ставят тех, которые, по их мнению, могут дать им предсказание о будущем»[116]. Очевидно, в культовой системе древних тюрков заметную роль играл шаманизм[117], но, в целом, считать их мировоззрение однозначно шаманистическим, по-видимому, нельзя. Мы разделяем точку зрения С.И. Вайнштейна, согласно которому «Есть основания считать, что у тюрков-тугю до их проникновения в Южную Сибирь шаманство было менее развито, чем у южносибирских народов»[118].

Высшие культы древних тюрков отправлял сам каган, по всей видимости, являвшийся первосвященником государства, что известно и у других кочевников Великой Степи: «Хан всегда живет у гор Дугинь. Вход в его ставку с востока, из благоговения к стране солнечного восхождения. Ежегодно он со своими вельможами приносит жертву в пещере предков, а в средней декаде пятой луны собирает прочих, и при реке приносит жертву духу неба. В 500 ли [около 250 км. – *Ю.Д.*] от Дугинь на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни дерев, ни растений; называется она Бодын-инли, что в переводе на китайском языке значит: дух покровитель страны»[119].

В древнетюркской религиозной системе главенствующее положение занимал культ Неба – Тэнгри. Древнетюркский Тэнгри показан в рунических памятниках как высшая сущность, дарующая достойным мужам мудрость и силу, а, следовательно, власть, причем в нем явно проскальзывают национальные черты: Небо покровительствует именно тюркам, оно, вкупе с Землей-Водой, их пожалело, вывело из-под китайской власти и дало им кагана[120]. В Большой надписи Кюль-тегина сказано: «Вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков (т.е. Родина) так сказали: “да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет”, – так говорили. Небо, руководя со своих (небес-

ных) высот отцом моим Ильтеришем-каганом и матерью моей, Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом)»[121].

Отречение народа от своего кагана расценивается в рунических текстах как тяжелый проступок, влекущий за собой кару Неба. Собственно, трудно ожидать чего-то иного от заказчиков этих надписей. На основании рунических текстов нельзя утверждать определенно, что древние тюрки наделяли Небо свойствами бога-творца; черты демиурга оно приобрело у алтайских народов лишь в монгольскую эпоху[122]. Ю.А. Зуев «конкретизирует» древнетюркский образ Тэнгри. По его мнению, это «Утреннее голубое Небо в лучах восходящего Солнца»[123]. Некоторые исследователи принимают эту поправку[124].

В статьях Т.С. Жумаганбетова обосновывается идея о тэнгрианстве как стержне государственной идеологии древних тюрков. По мнению этого ученого, религиозная идеология тюркских каганатов до сих пор во многом не исследована, а определения о язычестве, шаманизме, мире первобытных богов не выдерживают критики. Одной из ранних идеологических систем, приспособленных к государственной идеологии, стал именно культ Тэнгри. Впервые систематизацию культа Тэнгри осуществили еще хунну. Придя к власти, тюркский род Ашина при формировании государственной идеологии избрал тэнгрианство. При Таспар-кагане оно выдержало конкуренцию с буддизмом. Это достаточно пластичная идеологическая система: сталкиваясь с другими религиозными системами и культами, она не отторгала их, а встраивала в себя. Если какой-либо новый бог не противоречил в принципе традиционно сложившемуся мировоззрению, он мог в определенной ситуации оказаться сильнее старых богов. Наконец, Т.С. Жумаганбетов разделяет мнение ряда специалистов, что централизация власти в степях требовала усиления монотеистических идей[125].

Л.Ю. Тугушева справедливо отмечает адаптивный характер этой религии: «тенгриизм, как форма религии, был естественным порождением соответствующего образа жизни, превосходно адаптированным к нему»[126]. В этой связи необходимо напомнить, что адаптивность, приспособительность культуры или, по крайней мере, некоторых кардинальных ее характеристик к окружающей среде, может расцениваться как признак экофильности. Относительно древнетюркской религии к такому выводу приходит, в частности, Р.Г. Шарипов: «Экософия[127], таким образом, была естественной для тенгрианского мировоззрения, тюрки не стремились полностью подчинить себе среду обитания, использовать ее с максимальной отдачей, а старались всячески сохранять баланс между био- и ноосферой»[128]. С чем здесь вполне можно согласиться, так это с тем, что тюрки не были мотивированы на покорение природы. Впрочем, они и не имели технических возможностей заниматься ее покорением, как были лишены этого и все остальные обитатели Центральной Азии. Конечно, едва ли корректно говорить о сознательном поддержании средневековыми кочевниками баланса между природной средой и тем, что в ту далекую эпоху можно было бы сопоставить со «сферой разума». Их экофильность носила ярко выраженный приспособительный, а не этический характер: природа сберегалась ради себя и своих потомков, а не ради нее самой.

Кроме верховного небесного божества, у древних тюрков известны Умай и Йер-Суб; последняя отождествляется с родной землей, как, например, в мемориальной надписи Тоньюкука («Небо, (богиня) Умай, священная Родина (земля-вода) – вот они, надо думать, даровали (нам) победу»[129]) и в ряде других, цитированных выше. Образ тюркской «земли-воды», напоминающий русскую «Мать сыру землю», невольно вызывает экологические ассоциации. По мнению одних ученых, Йер-Суб олицетворяет всю совокупность ландшафтных духов; другие склонны видеть в этом образе персонифицированное божество: «В этнополитической схеме пространство наделено эмоционально активными свойствами: оно может быть враждебным или спасительным в зависимости от того, “свое” оно или “чужое”, оно является единственно пригодным или совершенно непригодным для того или иного племени; оно не только сакрализуется, но и определяется как племенное божество (“священная Земля-Вода тюрков”, КТб, 10–11) – и тем самым вводится в мифологию»[130]. Во всяком случае, мы едва ли продвинемся дальше догадок и предположений, если не будем располагать достаточным объемом документальных свидетельств о природопользовании древних тюрков в этой деифицированной природной среде.

Женское божество Умай составляло пару Тэнгри. Содержательный обзор представлений о нем у разных народов приводит В.Р. Янборисов. Согласно этому автору, крушение древнетюркской государственности вызвало смешение функций Умай и Йер-Суб; стадиально более ранним было понятие *умай* как женской утробы[131]. Если земным воплощением Тэнгри можно было считать кагана, то образ Умай находил свое отражение в катун (императрице).

Наконец, еще один персонаж древнетюркской мифологии, которого иногда наделяют экологическими функциями – парное божество Йол-Тэнгри. С.Г. Кляшторный полагает, что два *йол тэнгри* могли быть посланцами Неба, его младшими родичами, постоянно находившимися в пути между Верхним и Средним мирами[132]. Казахский исследователь Г.Е. Агелеулов нашел в образе «обладающего двумя путями» Йол-Тэнгри воплощение представлений о божестве умирающей и воскресающей природы и связал его с годичным кочевым циклом[133].

Анимистическое мировоззрение древних тюрков населяло окружающую природу сонмами духов. Следующая цитата из Махмуда Кашгарского позволяет идентифицировать их с ландшафтными локальными духами, вера в которых не пресекалась в Центральной Азии в течение тысячелетий: «Тюрки считают, что во времена битв между двумя войсками духи, обитающие в землях этих войск, борются друг с другом, защищая людей, правящих в их местности. Тот, кто побеждает, наутро приносит победу жителям своей местности. А [дух], потерпевший поражение, приносит ночью поражение правителю местности, в которой обитает. Войска тюрок укрываются в ночь исхода [поединка] в шатрах, остерегаясь стрел духов. Это у них известно»[134]. На примере монгольской и тибетской культуры установлен вариативный характер происхождения представлений о духах местностей. Духи могли быть персонификациями сил природы или иметь непосредственное отношение к культу предков; в них «превращались» души погибших в данной местности людей и т.д.

Духи не только вели военные действия. Являясь, как считалось, владельцами гор, лесов, озер, рек, степей и всего, что в них обитает, они выполняли функцию хранителей природы от человеческого посягательства. На примере кагана Шаболио мы уже видели проявление их ярости из-за нарушения каганом традиционных норм охоты. Типичен ли этот пример и, вообще, верно ли он истолкован? Остается сожалеть, что источники не донесли до нас других этнографических наблюдений такого рода, но, учитывая специфику кочевого менталитета и принимая во внимание огромное количество информации о вере в духов-хозяев у современных тюркских и монгольских народов, мы вряд ли сильно ошибемся, если предположим бытование соответствующих представлений у древних тюрков.

Уже в первые годы существования каганата в религиозной жизни тюрков некоторую роль начал играть буддизм. Правители каганата увидели в нем универсальную форму религии, которая могла помочь созданию идеологической общности в разнородной державе. Для нас важно, что это вероучение несло в степи призыв о сострадании ко всем живым существам и нравственный императив непричинения вреда (*ахимса*). То, что доктрина буддизма экофильна, не вызывает сомнений, но как буддизм повлиял на моральный климат каганата и изменил ли он отношение тюрков к природе, нам неизвестно. Есть серьезный повод думать, что его влияние было не столь значительным, чтобы кочевники перестали охотиться или массово перешли от мясоедения на растительную пищу, хотя про четвертого кагана Таспара передают, будто он придерживался вегетарианства[135]. В арабских источниках IX–XI вв. подчеркивается, что ничто не может заменить тюркам мясо и что кроме них «нет на свете человека, чей организм не отвергал бы питание исключительно мясом»[136].

Своих идеалов буддизм не смог достичь даже в глубоко религиозном монгольском обществе XIX – начала XX в. по вполне объективной причине: в холодном климате Центральной Азии отказ от мясной пищи был едва ли не равнозначен медленному самоубийству. Кроме того, очень часто упускается из виду, что буддизм, который проникал в древнетюркскую среду из Восточного Туркестана и Согда, качественно отличался не только от насыщенного шаманистическими чертами позднейшего ламаизма[137], но и от того, чем он был на своей исторической родине – в Древней Индии. Проникая в различные культурные среды и сталкиваясь с экологически детерминированными обычаями,

буддизм был вынужден приспосабливаться к ним и идти на определенные уступки, иначе он не стал бы мировой религией.

Древнетюркское общество не было замкнутым, оно активно обменивалось культурными и религиозными ценностями[138]. Полагают, что религиозная толерантность была характерной чертой древних тюрков[139]. В принципе, Степь всегда отличалась веротерпимостью. Преследования на религиозной почве, если и возникали когда-либо, при более внимательном рассмотрении чаще всего оказывались гонениями по политическим мотивам. Для нас же важно то, что религиозность древних тюрков можно расценивать в качестве существенного фактора, помогавшего поддерживать экофильность общества на сравнительно высоком уровне. Рациональные знания о природе родных степей и лесов и о способах сохранить их для потомков дополнялись анимистическими представлениями, населявшими пространство неисчислимыми духами-хранителями, а также верой в Небо – гарант мирового порядка и беспристрастного судью.

---

1 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 79.
2 Билэгт Л. Тюрки и монголы // Археологийн судлал. Т. XVIII. Fasc. 14. Улаанбаатар, 1998. С. 167.
3 Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 441.
4 Roux J.-P. Faune et flore sacrées dans les sociétés altaiques. P., 1966.
5 Дононбаев А.О. О роли природных факторов в формировании политической культуры древних китайцев и тюрков // Тюркология-88: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюркологической конф. Фрунзе, 1988. С. 499–500.
6 Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ, 1999. С. 158–181; Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии / Под ред. Н.В. Абаева. Новосибирск, 1992. С. 26–40.
7 Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire: The Case of Ancient Turks (Tuque) // Bulletin of the Ancient Orient Museum. 1990. Vol. XI. P. 135–184; Hayashi T. The Role of Sedentary People in the Nomadic States: From the Xiongnu Empire to the Uigur Qaghanate // Urban and Nomadic Societies in Central Asia: History and Challenges. Almaty, 2004. P. 123–126.

8 Базен Л. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII в. // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 353.
9 Возможно, следует прислушаться к мнению Г.Е. Грумм-Гржимайло, писавшего: «Не они, однако, при их взглядах на назначение мужчины быть только воином занимались тяжким трудом рудокопа и выплавкой металла, а, вероятно, те из их кыштымов – мелких племен динлинской расы, которые населяли бассейны среднего Енисея и Оби…» (Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926. С. 215).
10 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 98.
11 Kwanten L. Imperial Nomads: A History of Central Asia, 500–1500. Philadelphia, 1979. P. 38.
12 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 229.
13 Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. С. 90.
14 Там же. С. 93.
15 Кляшторный С.Г. История Центральной Азии… С. 276.
16 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 230.
17 Drobyshev Y.I. Nature Reserves, Kuruk as a Phenomenon of the Traditional Culture of the Peoples of Central Asia // IASCCA Information Bulletin. Issue 24. Moscow, 2004. P. 7–31; Дробышев Ю.И. К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии // Тюркологический сборник – 2003–2004. М., 2005. С. 30–47.
18 Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С. 190.
19 Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Бартольд В.В. Соч. Т. 2 . Ч. 1. М., 1963. С. 34.
20 История ат-Табари. Ташкент, 1987. С. 242.
21 Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Изв. НАН Кыргызской Республики. 2001. № 1–2. С. 75.
22 Массон М.Е. О былых охотничьих парках в Средней Азии // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Сталинабад, 1953. С. 147; Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 95, 269.
23 Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания. М., 1996. С. 78.
24 Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. Вып. XXII. Кн. 2. М., 1980. С. 90.
25 Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 85.
26 Кляшторный С.Г. История Центральной Азии… С. 94.
27 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 236.

28 Там же. С. 254.
29 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 21.
30 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники… С. 24. Совсем иначе, исключительно в мажорных тонах, обрисовано существование тюркских переселенцев в указе танского императора Тай-цзуна (июль 639 г.): «[Когда тюрки сами сдались, мы] выбрали для вас плодородную землю, заселили вами новые округа и избавили вас от голода, открыв хранилища. … [В результате], сохранился небывалый урожай, урожаи запасались с избытком, население возрастало, умножился скот, вы не испытываете недостатка в шелковых изделиях и шелке-сырце, носите меховые платья, а бобы и злаки столь изобильны, что вы кормите ими лисиц и зайцев» (цит. по: Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire… P. 145).
31 Рухлядев Д.В. О жанре енисейских рунических памятников // Тюркологический сборник – 2006. М., 2007. С. 279.
32 Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997. С. 148, 219, 225, 228, 237, 274. Ср.: Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. С. 27, 30, 49, 74, 75, 77, 82, 83, 85.
33 Шарипов Р.Г. Менталитет древних тюрков: философско-мировоззренческий очерк. Уфа, 2001. С. 70.
34 Кормушин И.В. Указ. соч. С. 150, 168, 183, 219, 263, 274.
35 Там же. С. 274–275.
36 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 230.
37 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 40.
38 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Указ. соч. С. 184.
39 Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 83–84.
40 Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 99.
41 Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. С. 25–26.
42 Плано Карпини. История могалов // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 35.
43 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Указ. соч. С. 245.
44 Галданова Г.Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 65.
45 Плано Карпини. Указ. соч. С. 35.
46 Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.). Автореф. дис. … д.и.н. Новосибирск, 1971. С. 18.
47 Васильев Д.Д. Addenda et corrigenda к фонду Енисейской руники. Памятник Ийме 1 (Е 73) // Altaica I. М., 1997. С. 36–37.
48 Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire… P. 137–141.

49 Ibid. P. 143.
50 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники… С. 84.
51 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 65.
52 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 23.
53 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 238–239.
54 Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 98; Он же. Охотничий промысел алтайцев. СПб., 2001. С. 14–15.
55 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 254.
56 Кляшторный С.Г. История Центральной Азии… С. 473.
57 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой. М.; Л., 1952. С. 229–230.
58 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3 / Пер. А.К. Арендса. М.; Л., 1946. С. 141.
59 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 256.
60 Ал-Белазури. Китаб футух ал-булдан / Пер. С. Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939. С. 77.
61 Махмуд ал-Кашгари. Указ. соч. С. 346.
62 Juvaini, Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Trans. by J.A. Boyle. Manchester Univ. Press, 1997. P. 140.
63 Различия в написании титула хаган/каган обусловливаются особенностями монгольского и тюркского языков.
64 Juvaini, Ata-Malik . Op. cit. P. 29.
65 Сэр-Оджав Н. Указ. соч. С. 18.
66 Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков. М., 2007. С. 15.
67 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 34.
68 Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire… P. 152.
69 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichen zur Gesschichte der Ost-Türken (T'ukue). Wiesbaden, 1958. S. 380–381.
70 Ecsedy H. Trade-and-War Relations Between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century // Acta Orientalia Hungarica. 1968. T. XXI. Fasc. 2. P. 141.
71 The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. D. Sinor. Cambridge etc., 1990. P. 296.
72 Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004. С. 146–150.
73 Sinor D. The Origin of Turkic Balïq "Town" // Central Asiatic Journal. 1981. Vol. 25. P. 95.
74 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 262, 266.
75 Там же. С. 274.
76 Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge, Mass., Basil Blackwell, 1989. P. 159.
77 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники… С. 87.

78 Тизенгаузен В.Г. Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С. 17.
79 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 256.
80 Liu Mau-tsai. Op. cit. S. 107.
81 Написание этого географического названия варьируется в трудах различных авторов. Мы придерживаемся написания «Отюкен», сохраняя авторские варианты в цитируемых работах. О различных китайских вариациях этого термина см.: Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 116–117.
82 Имеется в виду Китай.
83 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 35.
84 Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 101.
85 Коновалов П.Б. Указ. соч. С. 181.
86 Махмуд ал-Кашгари. Указ. соч. С. 166.
87 Особая жизненная сила.
88 Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник – 1972. М., 1973. С. 283–284.
89 Потапов Л.П. Новые данные о древнетюркском Ötüкän // Сов. востоковедение. 1957. № 1. С. 111–117.
90 Kwanten L. Op. cit. P. 43.
91 Зуев Ю.А. Указ. соч. С. 32.
92 Коновалов П.Б. Указ. соч. С. 179.
93 Владимирцов Б.Я. По поводу древне-тюркского Ötüken yïš // Доклады Академии наук СССР / Сер. «В». Л., 1929. № 7. С. 134.
94 Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 100.
95 Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. 2. Wiesbaden, 1982. P. 56.
96 Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1994. С. 89–90.
97 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 66.
98 Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971. С. 132.
99 Разбор представлений древних тюрков, нашедших отражение в их этногенетических мифах, см. в работе: Потапов Л.П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Сов. этнография. 1991. № 5. С. 79–86.
100 Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Указ. соч. С. 126.
101 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 229.
102 Clauson G. Turks and Wolves // Studia Orientalia. Helsinki, 1964. Vol. XXVIII. № 2. P. 3–22.

103 Потапов Л.П. Элементы религиозных верований… С. 81. См. также: Липец Р.С. «Лицо волка благословенно…» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // Сов. этнография. 1981. № 1. С. 120–133; Ермоленко Л.Н. Представления древних тюрков о войне // Altaica II. М., 1998. С. 46–66.
104 Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 80.
105 Цыбикдоржиев Д.В. Происхождение древнемонгольских воинских культов. Улан-Удэ, 2003.
106 Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 48.
107 Византийские историки / Пер. С. Дестуниса. СПб., 1861. С. 376.
108 Аникеева Т.А. Волшебный камень «яда» и обряд вызывания дождя у тюрков Центральной Азии // Мир Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2002. С. 80–85.
109 Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 509.
110 Т.е. в Китае.
111 Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Пер. В.С. Таскина. М., 1984. С. 290.
112 Roux J.-P. Tängri. Essai sur le Ciel-Dieu des peuples altaiques // Revue de I'Histoire des Religions. 1956. Vol. 149. № 1. P. 49–82; № 2. P. 197–230; 1957. Vol. 150. № 1. P. 27–54; № 2. 173–212 ; Roux J.-P. Notes additionnélles à Tängri, le Ciel-Dieu des peuples altaïques // Revue de I'Histoire des Religions. 1958. Vol. 154. № 1. P. 32–66 ; Roux J.-P. L'origine celeste de la souverainetй dans les inscriptions paléo-turques de Mongolie et de Sibérie // Studies in the History of Religions. Supplement to Numen. Leiden, 1959. P. 231–241; Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon des VIIe et VIIIe siècles // Revue de I'Histoire des Religions. 1962. Vol. 161. № 1. P 1–24; № 2. P. 199–231.
113 Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник – 1977. М., 1981. С. 117–138.
114 Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник – 1971. М., 1972. С. 213–226.
115 Тугушева Л.Ю. Каким богам поклонялись древние тюрки? // Altaica IV. М., 2000. С. 144–156.
116 Феофилакт Симокатта. Указ. соч. С. 190–191.
117 Есть мнение, что шаманским даром обладал Чуло-каган (619–620) (Зуев Ю.А. Указ. соч. С. 180–181).
118 Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С. 275.
119 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 230–231.
120 Mori Masao. The T'u-chüeh Concept of Sovereign // Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Tokyo, 1981. Vol. 41. P. 54.
121 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 37.
122 Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты… С. 120.
123 Зуев Ю.А. Указ. соч. С. 226.

124 Торланбаева К.У. Лидеры Второго Тюркского каганата и Большие памятники Монголии // Изв. НАН Республики Казахстан / Сер. Общественных наук. 2005. № 4. С. 22.
125 Жумаганбетов Т.С. Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // Восток. 2006. № 2. С. 119–126; Он же. Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // Этнограф. обозрение. 2006. № 4. С. 154–162.
126 Тугушева Л.Ю. Указ. соч. С. 155.
127 Термин «экософия» («экологическая мудрость») был предложен в конце XX в. норвежским философом Арне Нейсом и быстро завоевал популярность в околонаучных кругах, но официальная наука пока не торопится его принять. По одному из определений, «Экософия – философия экологической гармонии или экологического равновесия. Открывает основные понятия, содержит в себе нормы, правила, постулаты, систему ценностей и приоритеты значений, гипотезы о состоянии дел в природоохране» (Борейко В.Е., Морохин Н.В. Словарь по гуманитарной экологии. Киев, 2001. С. 85).
127 Шарипов Р.Г. Указ. соч. С. 66.
129 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 68.
130 Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты… С. 123.
131 Янборисов В.Р. Умай в верованиях народов Сибири, Средней Азии и Казахстана // Древний и средневековый Восток. М., 1987. С. 156–157. См. также: Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник – 1972. М., 1973. С. 265–286.
132 Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты… С. 134–136.
133 Агелеулов Г.Е. Йол-Тенгри – божество древнетюркского пантеона (реконструкция) // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997. С. 30–34.
134 Махмуд ал-Кашгари. Указ. соч. С. 911.
135 Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 233–234.
136 Асадов Ф.М. Указ. соч. С. 80, 111.
137 Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев: центральноазиатские влияния. Новосибирск, 1984. С. 34.
138 Стеблева И.В. Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // Народы Азии и Африки. 1989. № 4. С. 56.
139 The Cambridge History… P. 315.

Ф.А. Чернышева, Н.М. Исламова, Н.И. Киамова

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

Введение

В настоящее время города стали средоточием экономических, социальных и особенно экологических проблем. В них сконцентрировались мощные антропогенные нагрузки, а сами города представляют собой искусственно поддерживаемую среду обитания, в которой нарушены механизмы самовосстановления и самоочищения, присущие природной среде. Высокий уровень загрязнения, скученность, теснота, шум, интенсивное уличное движение, малоподвижный, но вместе с тем напряженный образ жизни порождают и обостряют различные виды заболеваний человека.[1]

Набережные Челны – одно из самых старых русских поселений Республики Татарстан (основано в 1650 г.). Статус города имеет с 1930 г., однако бурный рост его связан со строительством Камского автомобильного завода (70-е гг. XX столетия) и Нижнекамской ГЭС. По данным экологических служб Республики Татарстан в г. Набережные Челны уровень промышленного загрязнения среды оценивается как повышенный.[2] Одним из отягчающих факторов стал масштабный пожар, произошедший в 1993 г. на заводе по производству большегрузных автомобилей КамАЗ. Во многом экологическую ситуацию Набережных Челнов определяют расположенные в радиусе 60 км от него города Нижнекамск и Менделеевск, которые являются крупнейшими центрами нефтехимической и химической промышленности (согласно

Государственного доклада по охране окружающей среды РФ, г. Нижнекамск включен в список 60 экологически неблагополучных городов России).[3]

Последние десятилетия в истории нашей страны характеризуются достаточно выраженными сдвигами социально-экономических условий жизни, что наряду с экологическими факторами оказывает существенное влияние на физическое состояние населения, причем особенно чувствительным является детский организм.[4] Изучению влияния различных факторов среды (экологических, социальных, гигиенических и др.) на физическое развитие человека посвящено достаточно большое число работ отечественных и зарубежных исследователей. Однако вопрос, освещающий особенности развития новорожденных детей, и на сегодняшний день остается недостаточно изученным.

Формирование нарушений здоровья детей в перинатальном периоде, по мнению таких исследователей, как В.А. Александров с соавторами и И.Р. Веккер с соавторами, преимущественно связано с состояниями, возникающими у матери во время беременности, и обусловлено влиянием материнского организма на плод и загрязнением окружающей среды. В ряде промышленных городов установлено статистически значимое и последовательное, по мере увеличения уровня загрязнения среды, снижение массы и длины тела новорожденных, выявлено увеличение числа недоношенных детей, суммарной доли маловесных и крупных детей.[5]

Целью нашего исследования было изучение особенностей антропометрического профиля новорожденных г. Набережные Челны 1987 и 2007 годов рождения, частоты основных видов патологии беременности и патологии детей в указанные периоды времени.

Материалы и методы исследования

В настоящей работе использованы архивные материалы Перинатального центра г. Набережные Челны. Были изучены медицинские карты новорожденных детей за 1987 и 2007 гг. Из истории родов выписаны данные о массе тела (МТ), длине тела (ДТ), окружности головы (ОГл) и окружности грудной клетки (ОГр) детей, родившихся в срочных одноплодных родах; оценка состояния детей при рождении по шкале Апгар, группа здоровья ребенка, а также информация о матерях (возраст, порядковый номер родов, образование, место жительства, гинекологический анамнез и сопутствующие заболевания). Новорожденные дети были измерены медицинскими работниками роддомов непосредственно в день рождения. Длина тела, окружности головы и груди измерялись в сантиметрах, масса тела – в граммах. Анализ полученных данных проводился отдельно для мальчиков и для девочек. Половой диморфизм оценивался как достоверная разница в размерах тела у представителей разных полов.

Полученные данные математически обработаны с помощью методов вариационной статистики. Достоверность различий средних значений показателей оценивали на основании t-критерия Стьюдента. Для оценки влияния социально-экономических факторов были выделены следующие категории матерей:

- по образовательному уровню матерей нами выделены три группы (среднее школьное или неполное среднее, среднее специальное, высшее образование);
- по профессиональному уровню матерей (работники неквалифицированного и квалифицированного труда);
- по возрасту рожениц (до 25 лет включительно и старше 26 лет);
- по порядковому номеру родов (первые, вторые, третьи и более роды);
- по наличию патологий в анамнезе рожениц;
- по наличию патологии новорожденных детей.

В дальнейшем полученные данные были подвергнуты процедуре дисперсионного анализа (one-way ANOVA) с оценкой достоверности полученных результатов с использованием критерия Шеффе.

Для сравнительного анализа полученных данных в работе использованы материалы сотрудников лаборатории ауксологии НИИ антропологии МГУ Е.З. Годиной, Л.В. Задорожной, И.А. Хомяковой и А.В. Третьяк по новорожденным детям городов Москва, Саратов и Хвалынск. Показатели новорожденных детей г. Казани взяты из стандартов физического развития детей для данного города.[6]

Результаты исследования и их обсуждение

1. Анализ социально-демографического статуса рожениц

Согласно анкетным данным за исследуемый период, отмечено повышение среднего возраста матерей с 25,4 лет в 1987 г. до 26,8 лет в 2007 г. Вероятнее всего, это произошло за счет уменьшения доли женщин в группах 16–19 лет и 30–49 лет и соответственного увеличения их доли в интервале от 20 до 29 лет. По образовательному уровню среди матерей обследованных детей (1987 г.р.) женщин с высшим образованием было 20%. В 2007 г. отмечено снижение количества рожениц со средним школьным образованием на 15% и увеличение на 17% доли женщин с высшим образованием. В 1987 г. среди новорожденных преобладали дети от первых и вторых родов (87%); в 2007 г. значительное число новорожденных представляют первенцы (63%). Вдвое снижается процент детей от третьих и более родов (с 13% в 1987 г. до 6% в 2007 г.).

Общая заболеваемость беременных в целом выросла к 2007 г. на 12%. При анализе данных по типам патологии беременности обращает на себя внимание увеличение частоты анемий у беременных с 24% в 1987 г. до 32 % в 2007 г. и фетоплацентарной недостаточности с 4% до 13% соответственно.

Оценка состояния здоровья новорожденных по шкале Апгар позволяет говорить об увеличении в 2007 г. числа детей, рожденных с оценкой 5–6 баллов (легкая асфиксия) и уменьшении количества новорожденных с оценкой 7–9 баллов (практически здоровые) по сравнению с такими же показателями 1987 г. Общий уровень заболеваемости новорожденных за период с 1987 по 2007 гг. вырос на 38%. Существенный прирост отмечен по следующим типам патологий: асфиксии на 15%; задержки внутриутробного развития на 15%; кривошеи на 9%; хронической внутриутробной гипоксии на 2%. Кроме того, за исследуемые 1987 и 2007 гг. выявлена большая доля новорожденных девочек с наличием патологии по сравнению с мальчиками. Выявленный феномен отличается от литературных

данных, поскольку в эмбриологии и педиатрии известен факт большей чувствительности мужского организма к негативным факторам среды,[7] и для его объяснения необходимы дальнейшие исследования.

2. Антропометрический профиль новорожденных детей г. Набережные Челны

Основные морфологические характеристики новорожденных мальчиков и девочек г. Набережные Челны 1987 и 2007 гг. рождения отражены в табл. 1 и рис. 1 и 2.

Таблица 1

Средние значения размеров тела новорожденных детей г. Набережные Челны

Статистические показатели	Пол	Длина тела, см		Масса тела, г		Окружность головы, см		Окружность грудной клетки, см	
		1987	2007	1987	2007	1987	2007	1987	2007
$\bar{X}$	мальчики	53,36	52,00	3466,0	3299,5	35,30	34,55	34,46	33,16
s	мальчики	2,69	3,62	470,0	1605,5	1,52	2,01	1,84	2,69
V, %	мальчики	5,05	6,96	13,6	45,4	4,29	5,77	5,35	8,11
$S_{\bar{x}}$	мальчики	0,38	0,51	66,5	227,1	0,21	0,28	0,26	0,38
$\bar{X}$	девочки	53,24	51,80	3352,9	3202,7	34,52	34,04	33,78	32,68
s	девочки	2,69	3,10	489,0	529,3	1,68	1,56	1,74	2,20
V, %	девочки	5,06	5,98	14,6	16,5	4,87	4,60	5,15	6,73
$S_{\bar{x}}$	девочки	0,38	0,44	69,2	74,9	0,24	0,22	0,25	0,31

Изучая данные новорожденных детей г. Набережные Челны, можно отметить, что, несмотря на незначительные отличия, в исследованные годы новорожденные девочки практически по всем признакам меньше новорожденных мальчиков. Это наблюдение согласуется

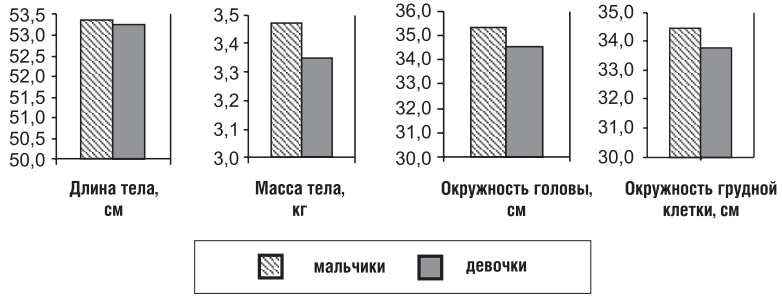

Рис. 1. Морфологические показатели новорожденных детей г. Набережные Челны (1987 г.)

с литературными данными о больших размерах тела новорожденных мальчиков.[8] Статистически достоверное различие установлено для средних значений окружности головы между мальчиками и девочками, обследованными в 1987 г.

3. Сравнительная характеристика новорожденных детей из разных городов России по данным антропометрии

Значения антропометрических показателей новорожденных детей г. Набережные Челны за 1987 и 2007 гг. были сопоставлены с аналогичными данными для детей из других городов России (Москва, Саратов, Хвалынск, Казань), обследованных практически в те же временные периоды (1987/1988 и 2002 гг.).

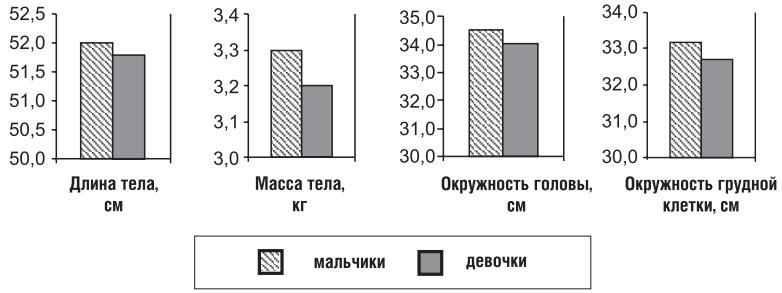

Рис. 2. Морфологические показатели новорожденных детей г. Набережные Челны (2007 г.)

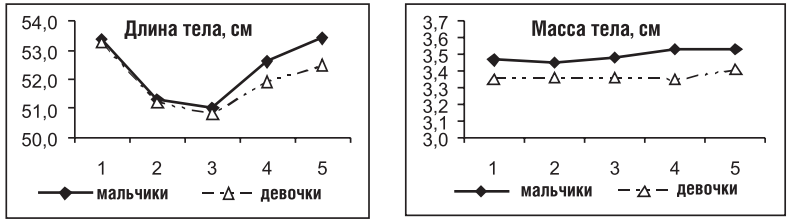

Рис. 3. Длина и масса тела новорожденных детей из различных городов РФ (1987,1988 года измерения):
1 – Набережные Челны, 1987; 2 – Москва, 1987; 3 – Саратов, 1987; 4 – Хвалынск, 1987; 5 – Казань, 1988

Средние значения показателей длины тела новорожденных мальчиков и девочек (1987 г.р.) г. Набережные Челны и мальчиков г. Казани несколько выше, чем показатели детей из других сравниваемых городов (рис. 3). Наименьшая длина тела отмечена у детей из Саратова и Москвы. В то же время средние значения массы тела у детей всех сравниваемых городов очень близки. У современных детей (2002 и 2007 г.р.) показатели длины тела и у мальчиков, и у девочек мало отличаются (рис. 4). По показателю массы тела девочки и мальчики из Набережных Челнов, мальчики из г. Казани отстают от своих сверстников, наибольшая масса тела отмечается у детей Саратова и Москвы.

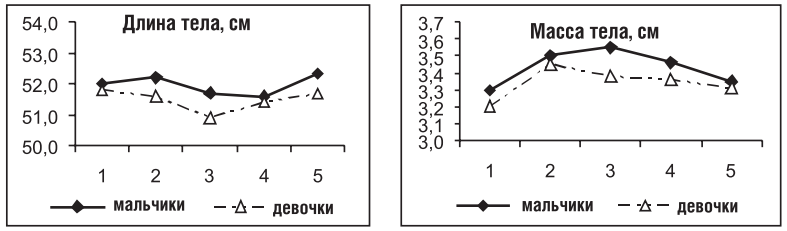

Рис. 4. Длина и масса тела новорожденных детей из различных городов РФ (2002, 2007 года измерения):
1 – Набережные Челны, 2007; 2 – Москва, 2002; 3 – Саратов, 2002; 4 – Хвалынск, 2002; 5 – Казань, 2002

4. Секулярные изменения морфологических показателей новорожденных детей

Сопоставляя показатели новорожденных детей г. Набережные Челны в пределах половых групп за 1987 г. и 2007 г. (рис. 5), можно отметить снижение абсолютных значений морфологических показателей и мальчиков, и девочек в 2007 г. Показатель длины тела у мальчиков уменьшился на 1,36 см, у девочек – на 1,44 см в сравнении с 1987 г.; средняя масса тела снизилась соответственно на 166,5 и 150,2 грамма. Отрицательная динамика характерна и для обхватных размеров головы и грудной клетки. Окружность головы новорожденных 2007 г. уменьшилась на 0,55 см у мальчиков и на 0,48 см у девочек. Среднее значение окружности грудной клетки мальчиков (2007 г.р.) на 1,3 см меньше аналогичного показателя мальчиков 1987 г.р. У девочек разница составила 1,1 см. Статистический анализ различий антропометрических параметров новорожденных г. Набережные Челны, исследованных в 1987 и 2007 гг., показал, что различия достоверны для средних значений показателей длины тела и окружности грудной клетки как у мальчиков, так и у девочек.

Нами также было проведено сравнение основных антропометрических параметров тела новорожденных детей по гг. Москва, Саратов, Казань, Хвалынск с целью выявления тенденций в изменении рассмотренных показателей

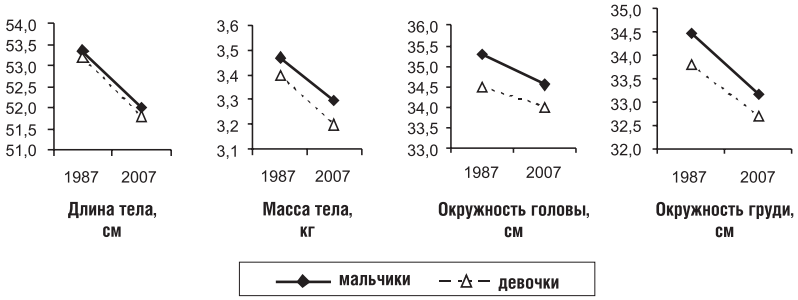

Рис. 5. Изменение морфологических показателей новорожденных детей г. Набережные Челны за период с 1987 по 2007 гг.

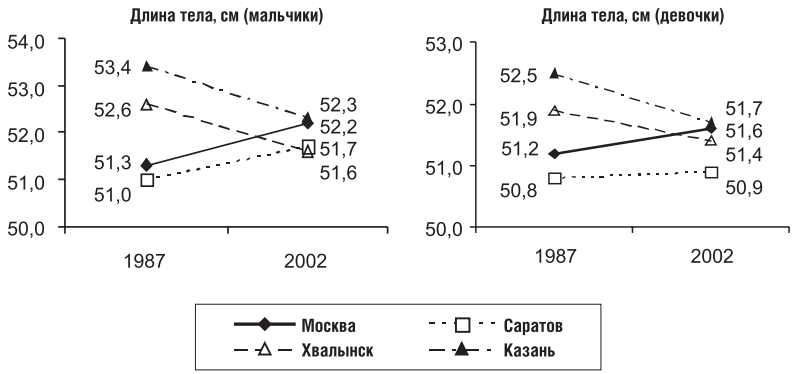

Рис. 6. Средние значения длины тела новорожденных мальчиков и девочек 1987 и 2002 годов рождения

Из рисунка 6 видно, что среднее значение длины тела новорожденных детей (2002 г.р.) в Москве и у мальчиков в Саратове увеличивается. Прирост по сравнению с 1987 г. составляет у московских детей 0,9 см у мальчиков, 0,4 см у девочек; у саратовских мальчиков – 0,7 см. У девочек Саратова за указанный период времени показатель не изменился. В Казани и Хвалынске тенденция противоположна – наблюдается уменьшение длины тела детей: у мальчиков соответственно на 1,1 и 1,0 см, у девочек – на 0,8 и 0,5 см.

Среднее значение массы тела (рис. 7) новорожденных московских мальчиков 2002 г.р. по сравнению с 1987 г. увеличилось на 50 граммов, у саратовских мальчиков - на 70 граммов. В то же время за тот же временной период у новорожденных мальчиков в Хвалынске наблюдается уменьшение массы тела на 70 граммов, у казанских мальчиков – на 180 граммов. У девочек в Москве также наблюдается увеличение значения массы тела на 90 граммов, у девочек в Саратове и в Хвалынске показатель не изменяется. У казанских девочек, как и у мальчиков, отмечается снижение массы тела девочек на 100 граммов.

Таким образом, в Москве и Саратове отмечается увеличение средних значений длины и массы тела новорожденных мальчиков и девочек, а в Казани и Хвалынске, так же как и в Набережных Челнах, наблюдается уменьшение значений данных показателей.

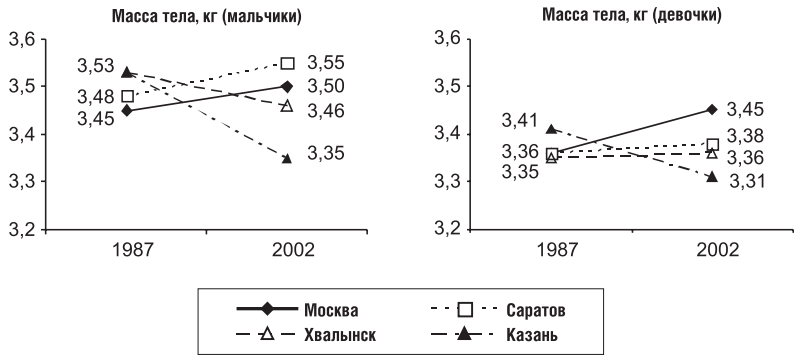

Рис. 7. Средние значения массы тела новорожденных мальчиков и девочек 1987 и 2002 годов рождения

Сравнивая значения показателя обхвата головы новорожденных детей (рис. 8), можно отметить, что в Саратове и Москве изменений за период с 1987 по 2002 гг. не наблюдается, а у детей Хвалынска и Набережных Челнов отмечается уменьшение показателя в пределах 1,0 см у мальчиков и 0,5 см – у девочек. В использованных работах[9] значение обхватных размеров тела новорожденных Казани 1988 и 2002 г.р. не приведены.

По показателям средней окружности грудной клетки новорожденных (рис. 9) за исследуемый период во всех рассмотренных горо-

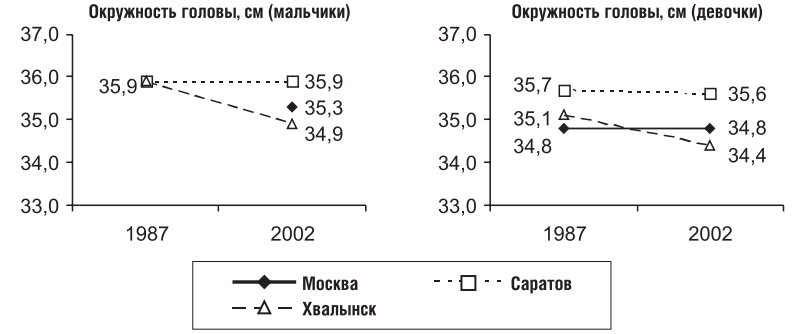

Рис. 8. Средние значения окружности головы новорожденных мальчиков и девочек 1987 и 2002 годов рождения

Рис. 9. Средние значения окружности грудной клетки новорожденных мальчиков и девочек 1987 и 2002 годов рождения

дах отмечается отрицательная динамика: у девочек от 0,5 до 1,0 см, у мальчиков – от 0,9 до 1,3 см.

Таким образом, сравнение результатов исследования антропометрических показателей новорожденных г. Набережные Челны с аналогичными исследованиями в других городах России показало, что физическое развитие новорожденных детей проявляет разную вариабельность. Секулярные изменения антропометрических признаков новорожденных в одних городах характеризуются положительным сдвигом параметров, а в других городах – отрицательным, причем в г. Набережные Челны такие изменения более выражены. По-видимому, сформировавшиеся за последние годы в г. Набережные Челны неблагоприятные экологические, социально-экономические, демографические условия негативно отразились на здоровье и физическом развитии новорожденных детей.

5. Анализ влияния социально-экономических факторов на антропометрические показатели новорожденных детей г. Набережные Челны

Проведенный нами дисперсионный анализ с использованием критерия Шеффе выявил достоверные различия средних значений всех рассматриваемых морфологических показателей у новорожденных мальчиков (1987 г.р.) в группах детей, сформированных по нали-

чию – отсутствию патологии при рождении. У девочек этого же года рождения достоверные различия отмечены только по показателям окружности грудной клетки и головы. В обоих случаях значения указанных показателей были большими по величине у детей, не имеющих какой-либо патологии. У новорожденных мальчиков 2007 г.р. описанные выше тенденции сохраняются по всем изучаемым размерам тела, у девочек – различия выявлены по показателям массы тела и окружности грудной клетки.

В литературе имеются данные о меньших размерах тела первенцев по сравнению с детьми от последующих родов.[10] На материалах нашего исследования данная тенденция проявляется в отношении большинства изученных признаков. Морфологические показатели детей от первых родов несколько ниже, чем у детей от последующих родов, однако статистически достоверные различия выявлены только в случае длины тела мальчиков 1987 г.р. В материалах 2007 г. достоверно различаются показатели окружности головы и грудной клетки девочек, массы тела и окружности грудной клетки мальчиков.

В 1987 г. антропометрические данные детей в группах, сформированных по профессиональному уровню матерей, очень близки между собой. В 2007 г. у мальчиков, чьи матери заняты квалифицированным трудом, выявлены достоверно большие значения показателей массы тела и обхватных размеров тела в сравнении с детьми второй группы. У матерей старшей возрастной группы длина тела их новорожденных детей больше, однако статистически достоверные различия характерны лишь для мальчиков.

Также установлено, что в группе девочек 2007 г.р. достоверно меньшие значения имеют такие показатели, как длина и масса тела, а также окружность головы при отсутствии патологии беременности матери.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование еще раз подтверждает существование связи между социально-экономическими, демографическими, экологическими факторами, с одной стороны, и соматическим развитием и здоровьем детей, с другой.

В последние десятилетия нестабильность факторов социально-экономической и экологической природы обусловили секулярные изменения антропометрического профиля новорожденных детей г. Набережные Челны за исследованный интервал времени, причем согласно результатам дисперсионного анализа большая вариативность признаков отмечается в обследованных группах детей 2007 г.р. По результатам исследования антропометрического профиля новорожденных выявлены тенденции отрицательных сдвигов всех морфо-функциональных показателей новорожденных детей г. Набережные Челны за последние 20 лет (1987–2007 гг.), что отражает изменчивость детей по основным антропометрическим признакам. Отмечается тенденция к снижению основных антропометрических показателей физического развития новорожденных детей г. Набережные Челны и увеличение числа детей с наличием патологий. Статистически достоверные различия за 20-летний период выявлены для длины тела и окружности грудной клетки мальчиков и девочек. Масса тела и обхват головы имеют те же тенденции, но их изменения не достоверны.

Обследованный контингент рожениц за период с 1987 по 2007 гг. в целом изменил свой социальный и медицинский статус: наблюдается повышение среднего возраста матерей, уровня их образованности, уменьшение числа детей от вторых и более родов, рост заболеваемости беременных, увеличение числа новорожденных детей с наличием патологии.

---

1 Лисичкин В.А., Шеленин Л.А., Боев Б.В. Закат цивилизации или движение к ноосфере. М.: НЦ – Гарант, 1997.

2 Саутин Е.А. Организация и проведение экологического мониторинга в Республике Татарстан. Казань: ЕГПУ, 2004.

3 Мустафин М.Р., Хузеев Р.Г. Все о Татарстане: экономо-географический справочник. Казань: Татарское книжное издательство, 1994. С. 20–22, 90-91; Щеповских А. Проблемы экологии и пути их решения в Республике Татарстан // Панорама – форум. 1997. № 14. С. 11–18.

4 Година, Е.З. Показатели роста и развития детей и подростков как отражение происходящих в обществе процессов. // Науки о человеке в современном мире: философский век. Альманах. СПб: Центр истории идей, 2002.

Вып. 21. Ч.1. С. 184–193
5 Александров В.А., Рябчук Ф.Н., Красновская М.А. Клинические лекции по педиатрии. СПб.: Диля, 2004; Веккер И.Р., Сетко Н.П., Антоненко Б.Н. Роль факторов окружающей среды в перинатальной патологии // Гигиена и санитария. 2001. № 3. С. 29-30; Михайлова Е.В. Гигиеническая оценка влияния антропогенных факторов окружающей среды на здоровье детей и подростков промышленного города. Автореф. дис…. канд. мед. наук. Чебоксары, 2005.
6 Яруллин А.Х., Бардина Г.А., Хасанова Р.М., Мингазова Э.Н. Стандарты физического развития детей в возрасте 0–7 лет и учащихся 8–17 лет г. Казани. Методическое пособие для врачей. Казань, 1993; Мингазова Э.Н., Амиров Н.Х., Яруллин А.Х., Никольская Л.А., Муртазин И.Г. Стандарты физического развития детей г. Казани в возрасте от 0 до 17 лет. Методическое пособие. Казань: Школа, 2002. С. 81–84, 120–123.
7 Александров В.А., Рябчук Ф.Н., Красновская М.А. Указ. раб.; Веккер И.Р., Сетко Н.П., Антоненко Б.Н. Указ. раб.
8 Никитюк, Б.А. Изменения размеров тела новорожденных за последние 100 лет // Вопросы антропологии. 1972. Вып. 42. С. 78-94.
9 Яруллин А.Х. и др. Указ. раб; Мингазова Э.Н. и др. Указ. раб.
10 Стрижаков А.Н., Храмова Л.С. Перинатальная охрана здоровья будущего ребенка // Педиатрия. 1994. № 4. С. 4–10.

! ПРОСЬБА УКАЗАТЬ ЗАЯВЛ.
ТИРАЖ И ПОДП. В ПЕЧАТЬ

Объем 23,6 п.л. Тираж ???? экз. Заказ ????????.
Подписано в печать ???. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная №1.

Издательство «Оргсервис-2000»
Типография Одинцовского гуманитарного университета
143000, Московская обл., г. Одинцово,
ул. Ново-Спортивная, д. 3